

СОЦИАЛЬНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ НА РУБЕЖЕ II и III ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Сведения об авторе

Бессонов Борис Николаевич — доктор философских наук, профессор, директор Института социально-гуманитарных наук Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ).

Научные интересы: история марксизма, социальная философия, мировая и русская философия.

Начал публиковаться с 1971 г. Основные работы: «Идеология духовного подавления» (переведена на польский язык); «Антимарксизм под флагом неомарксизма» (переведена на китайский и испанский языки); «Фашизм — идеология, политика»; «Человек. Пути формирования новой личности»; «Дьердь Лукач как философ и социальный мыслитель» (в соавторстве с И. С. Нарским); «Гражданское общество: сущность, проблемы, пути формирования»; «Русская идея: мифы и реальность»; «Судьбы России: взгляды русских мыслителей».

УДК 130.1«1/2»(075.8) ББК 60.523:60.028я73 Б53

Бессонов Б. Н. Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий: Учебное пособие. — М.: Норма, 2006. — 320 с.

ISBN 5-468-00028-8

Современное человечество переживает кризис. Происходящие в мире перемены ведут к углублению неравенства и между людьми, и между странами. Не угасают конфликты между этническими, религиозными и другими группами. Растет угроза международного терроризма. В состоянии ли люди XXI века преодолеть этот кризис? Какими способами, ориентируясь на какие идеи, предпринимая какие конкретные действия следует решать эти глобальные проблемы? Ответы на эти вопросы поможет дать философия, опирающаяся на гуманизм, науку и мораль.

Для студентов, аспирантов, преподавателей вузов и всех, кто интересуется проблемами социальной философии.

ISBN 5-468-00028-8

© Б. Н. Бессонов, 2006

© ООО «Издательство НОРМА», 2006

Содержание

Введение	6
Глава 1. XX век. Мировой общецивилизационный кризис. Предостережения выдающихся мыслителей.....	14
Глава 2. Духовность как ответ на «вызов» времени, как основа цивилизации XXI века и III тысячелетия.....	36
Глава 3. Социально-этические и эстетические ориентиры развития общества в III тысячелетии.....	70
Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества....	103
Глава 5. Наука и техника. Их роль в становлении новой цивилизации.....	125
Глава 6. Социокультурные доминанты экономики будущего...	151
Глава 7. Философско-нравственные основы политики в цивилизации III тысячелетия.....	167
Глава 8. Интеллигенция как духовный центр развития общества.....	187
Глава 9. Гражданское общество, правовое государство как социально-политическая перспектива III тысячелетия.....	203
Глава 10. Новое мироустройство: «вечный мир»,	

взаимодействие культур, солидарность народов.....	229
Глава 11. Образование как «образование» человека, как важнейший фактор развития цивилизации III тысячелетия.....	259
Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры.....	296
Заключение	315
Литература	319

Введение

Современное человечество переживает кризис. Так утверждают выдающиеся мыслители, так утверждает всякий человек, склонный к размышлению. Но истинно ли это суждение? Ведь, обратившись к прошлому, мы увидим, что вся история человечества — сплошные кризисы. Каждое поколение о прошлом, во всяком случае о ближайшем прошлом, говорит как о кризисном. Чтобы оправдать собственные ошибки и неудачи, свои страхи и опасения, оно вольно или невольно склоняется к мысли, что во всем виноваты предшественники.

Античность, Средневековье, Возрождение, Новое время. Войны, кровавые конфликты, грабежи. Мыслители Средневековья весьма скептически говорили о предшествующих эпохах, о человеке, его физических и духовных способностях и потребностях. Так, по мнению Августина Блаженного, человек «более жалок, чем ничтожнейший червь». Жизнь его ненадежна, удел неизбежен, смерть грозит ему постоянно в тысяче разнообразных форм.

Люди Средних веков терялись перед величием природы, жили в слепом страхе перед церковью и Богом. К XIV в. роль и значение церкви стали падать. Познание природы, развитие индивидуальности, стремление личности к свободе послужили фундаментом новой эпохи — эпохи Возрождения. Просвещение рождает чувство гуманности¹, утверждает веру во врожден-

¹ Само слово «гуманность» (humanitas) в эпоху Возрождения, как доказывает Н. И. Конрад, впервые употребили последователи Франческо Петрарки Комоччо Салютти (1331 — 1406) и Леонардо Бруни (Арстино) (1369—1444). Правда, они заимствовали его у Цицерона, сочтя, что «это слово лучше всего определяет... человеческое достоинство и влечет к знанию». Такое же слово есть и в китайском языке и звучит оно как «жень». У Конфуция жень означает любовь к человеку. Позднее Хань Юй (768—824), введя это слово в широкое употребление, придал ему такой смысл — любовь ко всем. Н. И. Конрад писал, что для гуманистов эпохи Возрождения было характерно стремление

Введение

7

ную доброту и мощь человеческого разума. Со времени Ренессанса гуманность выступает как выражение духа европейского самосознания.

В то же время некоторые выдающиеся мыслители по-прежнему отзываются о человеке весьма скептически. Б. Паскаль, в частности, считает, что человек — воплощенное противоречие. Он — химера, он — чудо, сокровищница истины и кладезь заблуждений, он не знает, что такое настоящая мораль; справедливость и насилие в его жизни идут рука об руку. Это противоречие человек способен преодолеть лишь с помощью христианской религии. Не разум, но христианская вера, вера в истины сердца — вот спасение человека.

В XVIII в. разум, просвещение, рационализм берут верх. Конечно, человек по-прежнему противоречив, по-прежнему может попасть в плен самых худших качеств своей природы, однако благодаря просвещению он способен к непрерывному самосовершенствованию.

Безусловно, человеческий мир — не самый лучший из миров, но, как считает И. Кант, возрастающая свобода «подготавливает гражданина к тому, чтобы прийти к заключению, что с человеком... следует обращаться согласно его достоинству».

Идея свободы человека в свою очередь привела к требованию отмены социальных привилегий, к провозглашению равных прав, что и нашло свое разрешение в буржуазно-демократических революциях, превративших подданных в свободных граждан, а религию в частное дело, в предмет личного выбора человека.

к практической деятельности, к распространению своих идей. Средствами распространения этих идей были публичные выступления, занятия с учениками, беседы с друзьями, дискуссии с противниками; послания, памфлеты, статьи, трактаты, образовавшие научную, публицистическую литературу; исследования, комментарии к классикам, составлявшие возрожденческую филологию. Вся эта многообразная деятельность показала существование особого общественного слоя — интеллигенции, по своему положению, характеру деятельности, по самому своему типу резко отличного от деятелей культуры прежних времен, выступавших в облике пророков, мудрецов, учителей, мастеров. Гуманисты Возрождения: писатели, ученые, художники — положили начало новому типу интеллигенции Нового времени, а круг их деятельности во многом очертил круг деятельности интеллигенции последующих эпох.

8

XIX век — век торжества разума и воли людей. Теперь, после буржуазно-демократических революций, все пришло в движение. Невиданными прежде темпами растут города, население, бурно развиваются наука и техника, промышленность, утверждается капитализм, обеспечивший мировое господство Запада.

Вместе с тем XIX век показал и первые симптомы общеевропейского кризиса. После поражения Наполеона окончилась героическая эпоха европейской истории. Стилем жизни победивших буржуа стали накопление богатств, роскошь, праздность, лицемерие. А. Мюссе, Стендаль, О. Бальзак и В. Гюго это показали очень убедительно. В то же время капитализм превратил миллионы людей в пролетариат, в угнетаемую и эксплуатируемую рабочую силу.

Стремление рабочих освободиться от капиталистического рабства в свою очередь породило мечту о социализме, идеологами которого были К. Сен-Симон, О. Конт, С. Сисмонди, П. Прудон. И конечно же более всего — К. Маркс и Ф. Энгельс.

К. Маркс и Ф. Энгельс осуществили глубокий научный анализ капитализма, вскрыли эгоистический характер буржуазного общества. «Буржуазия повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Безжалостно разорвала она пестрые феодальные путы, привязывающие человека к его «естественным повелителям», и не оставила между людьми никакой другой связи, кроме голого интереса, бессердечного чистогана. В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности. Она превратила личное достоинство человека в меновую стоимость и поставила на место бесчисленных пожалованных и благоприобретенных свобод одну бессовестную свободу торговли. Словом, эксплуатацию, прикрытую религиозными и политическими иллюзиями, она заменила эксплуатацией открытой, бесстыдной, прямой, черствой».

Бесспорно, капитализм — огромный скачок вперед, признавали К. Маркс и Ф. Энгельс. «Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и неподвижности. Она впервые показала, чего может дос-

9

тигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы». И далее: «беспрестанные перевороты в производстве, непрерывное потрясение всех общественных отношений, вечная неуверенность в движении отмечают буржуазную эпоху от всех других. Все застывшие, покрывшиеся ржавчиной отношения, вместе с сопутствующими

им, веками освещенными представлениями и воззрениями, разрушаются, все возникающие вновь оказываются устаревшими, прежде чем успевают окостенеть. Все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения».

К. Маркс и Ф. Энгельс, апеллируя к развитию производительных сил, пришли к выводу, что капитализм неизбежно эволюционирует к социализму. Они органично связали движение к социализму с борьбой пролетариата, ибо пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, приобрести же пролетарии смогут весь мир. В любом случае в XIX в. социальный вопрос стал ключевым вопросом.

XIX век — век милитаризма. Капитализм, прогресс техники, торговли формируют в среде господствующего класса экспансионистские устремления. В результате соединения капитализма с милитаризмом рождается империализм. Земля становится сферой все возрастающих военных конфликтов. Историк Я. Буркхардт писал в 1870 г.: «Военная машина непременно станет моделью существования... Скопления людей на огромных фабриках будут жить в условиях очевидной и управляемой бедности, где каждый будет обречен носить униформу и начинать и заканчивать день под барабанный бой; именно это и должно произойти».

Вместе с тем в общественном сознании укрепилась идея личной свободы человека, его индивидуальности и субъективности. Человек перестал переживать историю как рок или провидение. Возвысился до понимания субъекта истории. Он стремится постичь смысл истории, и поиск этого смысла устремлен в будущее. основополагающими идеями общественного сознания-

10 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетия становятся идеи прогресса, эволюции, революции, эмансипации и т. п.

XX век — век мировых войн, век социальных и национально-освободительных революций, век бурного прогресса науки и техники; причем все это отождествлялось с естественным ходом истории.

Вместе с тем XX век принес людям страшные несчастья: миллионы погибших в мировых и локальных войнах, угрозу термоядерной катастрофы, экологические и другие опасности.

Прежнее поклонение разуму было заменено поклонением богатству. Человек Просвещения, воплощавший устремленность к свободе и добру, уступил место посредственности, обывателю, поклоняющемуся богатству и власти.

Первая мировая война — первый мировой кризис буржуазного мира. Крупнейшие державы Европы истребляли народы, в том числе взаимоистребляли себя. Октябрьская революция 1917 г. в России была для буржуазного мира в сущности равнозначна тому, чем была для феодализма Французская революция 1789—1794 гг. Она возвестила буржуазии: ее господство не вечно!

Вторая мировая война, развязанная фашизмом, принесла народам неисчислимые страдания. Миллионы убитых, калек, несчастных. Разрушенные города. Вторая мировая война положила конец мировому господству Западной Европы. Из руин войны восстали две сверхдержавы — СССР и США. Наряду с этим Октябрьская революция и разгром фашизма привели к освобождению народов Азии, Африки и Латинской Америки.

В то же время чудовищные жертвы, ужасы мировых войн разрушили безоглядную веру в прогресс. В пламени Освенцима и Хиросимы гибла вера и в Бога, и человека. «Бог умер» — эти слова выражали суть секуляризма и атеизма XIX в., «человек умер» — это уже симптом упадка века XX.

И наконец, XXI век. Он будет характеризоваться еще более крупными и грозными переменами, чем прежний. Эти перемены будут глобальными, касаться всей планеты, всех областей жизни и деятельности человека, которые к тому же будут постоянными и стремительными. Тенденции этих глобальных перемен, по сути, видны уже сегодня. Уже

сегодня меняется всё: характер труда, экономическая деятельность, ее техническая база и организационные формы. Растет социальная и профессиональная мобильность населения, меняется структура обще-

11

ства, формируется новый образ жизни людей, изменяются их нравы, поведение, привычки, потребности. Причем эти перемены противоречивы. С одной стороны, происходит глобализация мировых отношений. Создаются мультинациональные корпорации и финансовые холдинги, все менее подверженные какому-либо общественному контролю. Вследствие этого весьма маленькая группа людей, располагающая громадными финансовыми средствами, может многое: в течение короткого времени вызвать валютный кризис, подорвать экономическое развитие, вызвать социальные конфликты в целом ряде стран. С другой стороны, наряду с этим резко увеличилось число малых и средних предприятий, возник целый сектор «неофициальной» экономики, который в своем развитии порой даже опережает сектор экономики, управляемый, контролируемый государством. Нарастает процесс интернационализации культур и в то же время укрепляется стремление защитить культурную и языковую самобытность, зачастую принимающее конфликтные формы.

Происходящие перемены ведут к углублению неравенства между людьми как внутри отдельных стран, так и между странами. Обостряются проблемы бедности, безработицы. Растет отчуждение между людьми. Неожиданно возрождаются старые и появляются новые болезни. То в одном, то в другом районе мира вспыхивают кровавые конфликты между этническими, религиозными и другими группами; имеют место и другие формы насилия.

И важно учитывать, что благодаря развитию новых индустриальных технологий, средств транспорта и СМИ наша планета стала «меньше»: события, конфликты, проблемы, возникающие в одной стране, немедленно сказываются на другой, быстро приобретают международную значимость.

И разумеется, в XXI в. по-прежнему остается страшная угроза возможного уничтожения жизни, возможного самоуничтожения человечества.

Сегодня уместно вспомнить одну античную легенду. Дамокл, придворный сиракузского тирана Дионисия, превознося своего повелителя, называл его счастливейшим из смертных. Прослышав об этом, Дионисий подарил Дамоклу свой роскошный дворец. Тот в восхищении принял подарок. Но, взглянув вверх, обнаружил, что прямо над его головой покачивается меч,

12

подвешенный на одном лишь конском волоске. Ужаснувшись, он понял урок, который преподал ему Дионисий, показавший, сколь непрочно земное счастье. Дамокл тотчас же поспешил отпустить его с миром — сладкая жизнь более не прельщала его.

Эта античная легенда вполне подходит и для нашего времени. Действительно, казалось, торжествует разум, торжествует прогресс. Однако наряду с прогрессивными изменениями в жизни человечества существует много негативного, тревожного. Разрушается природа, ведутся бесчисленные жестокие войны, растет отчуждение людей, нравственные отношения также вызывают тревогу. Погоня за материальными благами, эгоизм, наркомания, преступность, «одномерность» сознания и поведения, отношение к другим людям как средству и манипулирование ими стали сегодня во многих странах по сути нормой общественной жизни.

В мире никогда не было столько бедных. Сейчас около 3 млрд человек (почти половина населения планеты) живет из расчета менее 2 долл. в день, более 1 млрд из них тратят в день всего 1 долл. и даже меньше.

Тяжелейшее положение складывается в России. Более трети ее граждан имеют доходы ниже прожиточного минимума, а еще 50% едва сводят концы с концами. Около 10% населения в сущности маргиналы. На самые богатые 10% населения приходится

свыше 30% совокупных доходов.

Смертность превышает рождаемость. Катастрофическое состояние детства. В России около 2 млн детей сироты. Детская смертность в России выше, чем во всех других развитых странах: 26 человек на 1 тыс. родившихся; в США — 7,2.

Беспрецедентны темпы роста преступности, бродяжничества, наркомании, проституции детей. Каждый десятый из детей-сирот после выхода из детского дома кончает жизнь самоубийством, каждый третий становится бомжем, каждый пятый — преступником.

Страна в «неоплатном» долгу у развитых стран. Почти половина доходов бюджета будет идти в предстоящие годы на погашение и обслуживание государственных долгов.

В то же время из страны ежегодно вывозится 20—25 млрд долл., что эквивалентно 6—8% потенциального прироста производства в среднем за год.

13

Существенное снижение уровня жизни, разрушение традиционных ценностей и стереотипов поведения, социальная незащищенность (от криминала, произвола чиновников-бюрократов, бедности, одиночества и т. п.) ведут к резкому ухудшению социального самочувствия россиян, порождают недоверие к власти.

Как разрешить все эти парадоксы, противоречия, проблемы социального развития?

Разумеется, прежде всего нужно осознать эти парадоксы, противоречия, вскрыть их причины.

Глава 1

XX век. Мировой общецивилизационный кризис.

Предостережения выдающихся мыслителей

Одним из первых надвигающийся в XX в. социальный и духовный кризис осознал выдающийся немецкий философ Ф. Ницше. На рубеже XIX и XX вв. он нарисовал устрашающую картину будущего европейского мира. В нем господствует техника, машина и механизация труда; на переднем плане социальной арены — средний человек, человек массы, человек толпы. Культура рушится — образование подменяется пустым знанием; душевная субстанциальность — лицедейством жизни «понарошку»; скука заглушается всякого рода наркотиками, возбуждающими острые ощущения; кругом шум и грохот, все разлагается в потоке пустых слов; все пробалтывается и предается. «Вся наша европейская культура давно уже движется с мучительным напряжением, с дрожью и скрежетом, нарастающим от десятилетия к десятилетию, навстречу катастрофе; движется не спокойно, а судорожно, стремительными рывками, словно через силу: "скорей бы уже конец, лишь бы не опомниться, ведь очнуться и опомниться так страшно"», — писал Ницше.

В работе «Об истине и лжи во "вненравственном смысле"» он весьма пессимистически отзывается о человечестве и его интеллекте: «В некоем отдаленном уголке вселенной, разлитой в блестящих бесчисленных солнечных системах, была когда-то звезда, на которой умные животные изобрели познание. Это было самое высокомерное и лживое мгновение «мировой истории» — но все же лишь одно мгновение. Природа сделала несколько вздохов, звезда застыла, и умные животные должны были вымереть. Такую притчу можно было придумать и все-таки она недостаточно иллюстрировала бы нам, каким жалким, призрачным и мимолетным, каким бесцельным и произвольным исключением из всей природы является нам интеллект. Были целые вечности, в течение которых его не было; и когда он снова окончит свое существование, итог будет равен нулю.

15

Ибо у этого интеллекта нет никакого назначения, выходящего за пределы человеческой жизни».

Быть может, продолжает Ф. Ницше, «все человечество есть лишь одна

ограниченная во времени фаза в развитии определенного животного вида — так что человек возник из обезьяны и снова станет обезьяной, причем нет никого, кто бы был заинтересован в странном исходе этой комедии. Как с падением римской империи и под влиянием его важнейшей причины — распространения христианства — наступило всеобщее обезображение человека в пределах римской культуры, так с каким-либо позднейшим упадком всей земной культуры может наступить еще большее обезображение и, наконец, озверение человека, вплоть до уровня обезьяны».

В сущности, считает Ф. Ницше, современные люди уж слишком мелки. Что они хотят? Только удовольствий. «Добродетель для них то, что делает скромным и ручным». Они превращают человека «в лучшее домашнее животное — человека». Они уже «не способны родить звезду». Вот почему их надо «преодолеть», ибо настоящий человек, сверхчеловек — это воля, мужество, полет ввысь.

Однако именно потому, что мы можем представить себе перспективу упадка человека, «мы, — надеется философ, — быть может, в состоянии предупредить такой конец истории» (см.: *Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 371).

Как очевидно, во многом Ф. Ницше оказался прав. Действительно, не критическая вера в разум, рационализм в XX в. выродились в апологетические по своей сути «прогрессистские» концепции с характерным для них представлением о науке (а затем и технике) как единственном и всеильном средстве разрешения любых человеческих проблем и достижения социальной гармонии на путях рационально спроектированного миропорядка.

Но что мыслитель противопоставляет разуму, рации? Жизнь — вот подлинная основа бытия; бытие есть нечто всегда себе равное, оно есть «вечное возвращение». Отсюда вытекает неисторизм его философских воззрений. Он утверждает, что прошлое и настоящее — это одно и то же; типически одинаковое повторение непреходящих типов.

16

В реальном мире, во всякой вещи нет никакой причинной связи, никакой необходимости, никакого закона. Это только люди придумали причины, последовательность, относительность, закон, свободу, основание, цель. На самом деле они только условные знаки, но ни в коем случае не суть вещей, не сущность предметов, утверждает Ф. Ницше в своей работе «По ту сторону добра и зла».

В действительной жизни бывает только воля, только сильная и слабая воля.

Философ переосмысливает традиционное для рационализма отношение к идеям Сократа и последовавшей за Сократом философии Платона и Аристотеля, заявляя, что сократизм своим рационализмом разрушил античное мифологическое восприятие и своей иронией убил его, не предложив ничего взамен. Рациональное знание могло, по убеждению Ф. Ницше, раскрыть только ту убийственную истину, что жизнь бессмысленна. Именно открытие этой истины привело греческую культуру к гибели, как оно приведет к гибели и всякую другую, если она решится вслед за Сократом провозгласить, что жизнь может быть построена на рациональных предпосылках. Рационализм, рождающий скептицизм, с точки зрения Ф. Ницше, убивает миф, лишает человека способности воспринимать вещи в их целостности, во всем их собственном трагизме.

Ф. Ницше отвергает точку зрения Сократа, других античных философов, считавших сознание высоким, наивысшим состоянием, предпосылкой совершенствования человека. Все гораздо сложнее, история развивалась так: грек знал и ощущал страхи и ужасы существования; чтобы хоть в какой-то мере заслониться от них, он апеллировал к богам: олимпийцам, к аполлоновскому началу, к сознанию, гармонии и мере. И все же он не мог жить без Диониса, без буйно цветущей природы, без радости и страдания. «Индивид со всеми его границами и мерами тонул в самозабвении дионисических состояний и забывал аполлонические законоположения...» («Рождение трагедии, или

Эллинизм и пессимизм»).

Все наши надежды, продолжает мыслитель, страстно жаждут удостовериться в том, что под этой беспокойно мечущейся культурной жизнью, под этими суррогатами образования покоится чудная, внутренне здоровая первобытная сила, которая дает о себе знать мощным подъемом, правда, только в исключи-

17

тельные моменты, и затем снова впадает в сон, грезя о будущем пробуждении. Из этой бездны выросла немецкая Реформация, в хорале которой впервые прозвучал напев будущей немецкой музыки. Этот хорал М. Лютера был так глубок, так смел, так полон чувства, он звучал такой безмерной добротой и нежностью, точно первый дионисиевский зов, вырывающийся из густой поросли с наступлением весны. В ответ ему зазвучали отклики дерзновенно-смелых приверженцев Диониса, которым мы обязаны немецкой музыкой и которым мы будем обязаны возрождением немецкого мифа, пишет Ф. Ницше.

Рационализм, подчеркивает он, парализует жизнь. История, если она становится предметом чистого, не связанного с жизнью познания, если она не уравнивается творческой непосредственностью, гибельна, это — смерть. Познать историческое явление — значит убить его.

Именно так, считает Ф. Ницше, в свое время научное познание покончило с религией, ибо анализ религии с позиций рационализма, с позиций истории приводит к обнаружению фактов, неизбежно разрушающих благочестивые иллюзии, без которых не может жить ничто, стремящееся к жизни.

Рационалистический, исторический подход не оставляет места для искусства. Вскормленный, точнее перекормленный, историей человек уже не отваживается действовать естественно, «отпустить удила», довериться «благородному животному» — своему инстинкту. История всегда недооценивает нарождающееся новое и парализует волю к действию, ибо всякое действие неизбежно ущемляет и подрывает установленные авторитеты. Единственное, чему учит история и что она создает, — это справедливость. Но жизни не нужна справедливость, наоборот, ей нужна несправедливость, ибо жизнь — несправедлива по самому своему существу, Она есть воля к власти.

В среде так называемых моральных ценностей, считает Ф. Ницше, невозможно найти большей противоположности, чем противоположность между моралью господ и моралью рабов. Мораль рабов основана на христианских моральных представлениях; она выросла на насквозь разъеденной болезнью почве (Евангелия, выводя перед нами те физиологические типы, которые изображены в романах Ф. М. Достоевского). Мораль же господ, напротив, это язык, выражающий здоровье, жизненное восхождение, волю к власти как принцип жизни.

18

Мораль господ утверждает жизнь столь же инстинктивно, сколь отрицает христианская («бог», «потустороннее», «отречение от себя» — все это одни отрицания). Первая одаряет, вещи своим избытком — она просветляет, украшает их, делает мир более разумным, вторая обедняет, извращает ценность вещей, отрицает мир («Казус Вагнера»).

Христианство, раннее христианство, продолжает Ф. Ницше, «типичное учение социалистов». Его распространение было «симптомом того, что к низшим слоям начали относиться слишком дружелюбно, вследствие чего они почувствовали во рту вкус прежде запретного для них счастья».

«С той минуты, когда Сократ и Платон начали проповедовать истину и справедливость, они перестали быть греками и сделались евреями или чем-то в этом роде». Между тем никто не имеет права ни на существование, ни на труд, ни на счастье. Настоящий человек не хочет счастья. Истинное наслаждение дает ему ощущение власти. Трагический человек — герой и аристократ — попирает ногами сладенькое мещанское благо.

Наряду с христианством Ф. Ницше отвергает также демократию, Французскую

революцию и другие ненавистные ему «современные идеи», которые он уничижительно именуется моралью стадных животных. Он едко высмеивает представителей «современных идей»: лавочники, христиане, коровы, женщины, англичане и прочие демократы.

Ф. Ницше выдвигает концепцию так называемого героического пессимизма, пессимизма силы духа, противостоящего нигилистическому пессимизму, посредством которого выражает себя в понятиях и ценностных суждениях слабость, утомление, декаданс расы и т. п. К подобному типу пессимизма он относит литературный пессимизм Франции (Г. Флобер, Э. Золя, Ш. Бодлер, братья Гонкур), пессимизм Б. Паскаля, Дж. Леопарди, Ф. М. Достоевского, пессимизм всех великих нигилистических религий (христианство, буддизм, брахманизм), ибо все они прославляют в качестве цели высшего блага — Бога, т. е. противоположность жизни, ничто.

В своей концепции пессимизма Ф. Ницше отводит большую роль искусству. Подлинное искусство, считает он, дано нам не для пробуждения сострадания к людям, а для того, чтобы «спасти нас от губительной истины». Задача искусства — бороться с узостью морали, пробуждать безжалостную твердость.

19

Примечательно, что в героях Ф. М. Достоевского, которого он высоко ценил, философ увидел совсем не то, что хотел показать писатель. «Тип преступника, тип сильного человека при неблагоприятных обстоятельствах, сильного человека, которого общество сделало больным. Ему недостает дикости, такой более свободной и более опасной натуры и формы существования, при которой все, что, согласно инстинкту сильного человека, может служить ему оружием и защитой, делается его правом... Есть случаи, когда такой человек становится сильнее, чем общество: корсиканец Наполеон — знаменитейший из них. Для скрытой здесь проблемы важно свидетельство Достоевского, кстати сказать, единственного психолога, у которого мне было чему научиться: знакомство с ним принадлежит к самым счастливым случайностям моей жизни, более счастливым даже, чем открытие Стендаля. Этот глубокий человек... почувствовал в сибирских острожниках, среди которых он долго прожил, — все они были тяжелыми преступниками и для них уже не существовало возвратного пути в общество, — совсем не то, что он сам ожидал в них найти, — он почувствовал, что они были как бы вырезаны из самого лучшего, самого крепкого и дорогого дерева, которое вообще растет на русской земле».

Преступники, с которыми Ф. М. Достоевский жил в остроге, были — все вместе и каждый в отдельности — несломленными натурами: «Разве они не ценнее во сто раз, чем «сломленные» христиане?» — вопрошал Ф. Ницше.

Еще раз подчеркнем, Ф. Ницше, критикуя идеологию Просвещения, от античности до Французской революции, с ее чрезмерным рационализмом, требованиями преобразовать реальность, исходя исключительно из принципов разума, которому якобы все доступно, в известной мере был прав.

Но Ф. Ницше пошел в своей критике слишком далеко: справедливо не признав за человеческим разумом божественных прерогатив, он противопоставил ему иррациональную волю к жизни, которая в конечном счете оказалась волей к власти. Очевидно, философ абсолютизировал также релятивизм. В известной степени релятивизм необходим, ибо позволяет глубже осознать подвижность, текучесть, изменчивость мира. Однако его опасность в том, что он служил и может служить основанием для пересмотра и отрицания абсолютных, бесспор-

20

ных моральных и духовных ценностей, питая тотальный нигилизм.

Сам Ф. Ницше посредством релятивизма протестовал против лживой морали буржуазного общества, против декадентского искусства. Но его философия также была по сути своей декадентской. Она объявляла добро, истину, справедливость всего лишь утешительными иллюзиями человечества. Она усматривала оправдание жизни

(безжалостной жизни, не признающей морали) в том, что жизнь представляет собой явление эстетическое.

В свое время романтик Новалис, резко отвергая противопоставление морали и жизни, морали и красоты, писал: «У нравственного идеала нет соперника более опасного, нежели идеал наивысшей силы или жизненной мощи, который называют еще (очень верно по существу и неверно по выражению мысли) идеалом эстетического величия. Этот идеал был создан варварством, и можно лишь пожалеть, что в наш век одичания культуры он находит немало приверженцев в первую очередь из числа людей ничтожных и слабых. Идеал этот рисует нам человека в виде некоего полубога-полуживотного, и люди слабые не в силах противостоять неодолимому обаянию, какое имеет для них кощунственная дерзость подобного сопоставления». Эти оценки вполне можно переадресовать и ницшеанскому «сверхчеловеку».

Ф. Ницше, поставивший на рубеже XIX и XX вв. под сомнение веру в знание, разум, прогресс, в моральные ценности, которые исповедовали европейцы, начиная с Возрождения и Нового времени, положил начало традиции, которая в XX в. стала в Европе, пожалуй, самой влиятельной, самой сильной.

Такие выдающиеся западные мыслители XX в., как Т. Адорно, М. Хоркхаймер, К. Ясперс, И. Рацингер, Х. Ортега-и-Гас-сет, М. Хайдеггер и др., утверждают, что радикальный перелом, приведший к упадку духовности, был осуществлен в наибольшей мере философией Нового времени. Р. Декарт единственной и подлинной достоверностью считал чисто формальную достоверность разума, очищенную от всего фактического, которое философ рассматривал как нечто сомнительное. Более того, достоверность разума Р. Декарт выводит из модели математической достоверности. Математика была возведена им в основную форму всякого разумного мышления.

21

Сто лет спустя Д. Вико внешне (лишь внешне) выдвинул прямо противоположный тезис: познаваем лишь «факт», то, что мы сами сконструировали. Иными словами, совершенное знание, начиная с эпохи Нового времени, было отнесено в конечном счете к тому, что было обусловлено деятельностью человека. Бытие, жизнь — все стало предметом истории, все стало пониматься как исторический процесс. Мир перестал быть прочным домом бытия. Человек перестал быть центром мира, поскольку и сам был продукт становления. В этих условиях размышления о бытии как таковом все более утрачивали свой смысл. Наступило господство факта; человек стремился познать лишь собственное дело.

Но если во времена античности и Средневековья человек был обращен к вечному, в эпоху Нового времени, в период господства историзма — к настоящему и прошлому, то ныне он ориентируется преимущественно на будущее, на то, что он сам может создать, утверждает, в частности, М. Хайдеггер. «Техне» (умение, искусство, ремесло — *греч.*) перестало быть подспорьем подлинной науки, ищущей смысл в самом бытии; оно стало для современного человека тем, что поистине определяет для него возможное и должное.

И если в эпоху античности человек был «слит» с окружающим его миром, с природой, с государством — полисом, если в Средневековье он, возвышаясь над природой, полностью зависел от Бога, то в Новое время он осознает себя господином над природой, стремится к господству над ней. В период господства историзма сознание, что он всего лишь случайный результат эволюции, несколько ослабило иллюзии человека относительно его возможностей. Однако в XX в., избавившись от старых иллюзий, он приобрел новые, связанные с надеждой, что он может сделать все, что захочет. Ясно, что для такого человека главное — не истина, не смысл бытия, а истина субъективистского изменения, преобразования мира.

Типичными чертами его мышления и поведения стали узкий солипсизм, прагматизм, агностицизм. Он признает реальным лишь то, что осязает, что может доказать, чем можно овладеть и т. д. Для такого стиля мышления характерно ограничение

феноменами (в кантовском смысле), тем, что является. Такой стиль мышления не способен постичь целое и смысл жизни, проникнуть в сущность бытия и увидеть перспективу.

22 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

В работе «Опыт философии жизни» М. Шелер уподобляет жизнь современного человека жизни «в темной тюремной камере». «Тюрьма — это ограниченная нашим разумом, ориентирующимся исключительно на чисто механические феномены, человеческая среда с ее цивилизацией». Европейский человек — это узник, который со вздохами и стонами влачит груз им же изобретенных механизмов и который из-за того, что взгляд его устремлен вниз, на землю... забыл своего Бога и свой подлинный мир».

М. Хайдеггер также отмечает, что в свое время Новалис ностальгию рассматривал как фундаментальное настроение для философствования. Но существует ли сегодня ностальгия? Не стала ли она невразумительным словом? «Разве нынешний городской человек, обезьяна цивилизации, не разделался уже с ностальгией?» — пишет М. Хайдеггер.

В 30-е гг. XX в. немецкий философ и социолог А. Вебер предостерегал человечество: надвигается опасная эпоха господства «четвертого человека», человека дезинтегрированного, утратившего целостность, способность воспринимать бытие, а потому легко поддающегося дрессировке, манипулированию. Его предшественник, «третий человек» — это потомок неандертальца, человек, начавший с примитивных пракультур, создавший высокие культуры древности и, наконец, капиталистическую промышленную культуру. «Третий человек» — человек, в котором интегрированы зачатки свободы и гуманности. Исторический процесс, носителем которого является «третий человек», составляет 6000 лет. Но сейчас он заканчивается. Земля уже полностью освоена, население достигло угрожающе больших размеров, человек превратился в функцию, ему отведена определенная социальная роль.

В середине XX в. на упадок человека, растущее господство бюрократии во всех сферах социальной жизни очень точно указал К. Манхейм, опубликовавший важную работу «Диагноз нашего времени». Нет сомнения, писал он, что человечество больно. Время свободного общества, общества «laissez-fair» прошло, теперь утверждается массовое, планируемое общество. Телефон, радио, телеграф, пресса, железная дорога и автомашины облегчают централизованное управление, влияние правительства на массы с целью держать их под контролем. Наука о человеке и его поведении также дает в распоряжение прави-

Глава 1. XX век. Мировой общецивилизационный кризис 23

тельства важные средства управления чувствами и сознанием людей. Неизбежным следствием этого, предостерегал К. Манхейм, является угроза установления тоталитарной диктатуры.

В современном массовом обществе изменяются все прежние ценности. Если в обществе мелких крестьян и ремесленников идея частной собственности была творческой и справедливой (она служила тому, чтобы поддержать социальную ценность труда), то в мире огромных индустриальных предприятий она полностью утратила свое первоначальное значение и стала фактически правом немногих эксплуатировать многих. Если в обществе ремесленников труд имел высокую социальную ценность и престиж, то в современном обществе человек стал лишь частью производственной и бюрократической машины. Она формирует его взгляды и привычки по своему подобию. Он — ее функция.

Пожалуй, особенно остро трагизм XX в., прежде всего его первой половины, выразил Э. Юнгер. Он охарактеризовал весь XX век как эпоху модерна, сущность идеологии которого заключается в мифе человека-рабочего, тотально мобилизованного на преобразование мира в процессе героического труда. Э. Юнгер отталкивался в данном случае от античного мифа о борьбе богов и титанов и утверждал, что люди XX века превратились в титанов и подняли восстание против богов.

Перед Первой мировой войной всем европейским странам была присуща мобилизационная готовность к делу. В ходе войны на первый план вместо война выдвинулся рабочий. Война утратила героический характер, превратилась в битву техники и материалов; молох войны бесстрастно, механически проглатывал армию за армией.

После Первой мировой войны потерпевшая поражение Германия ответила на попытку западных стран затормозить ее развитие тотальной мобилизацией, воплощением которой стал гитлеровский национал-социализм. Россия, растерзанная в революциях и Гражданской войне, также ответила на вызов истории — большевизмом как идеологией тотальной мобилизации.

Тотальная мобилизация требовала от индивидов, от «рабочих» безусловного самопожертвования, укрепления воли к власти, тотального труда, беспрекословной готовности исполнить приказ.

24 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Источник модерна, этой мобилизационной готовности кроется, по Э. Юнгеру, в гегелевской теории мирового духа, раскрытие которого посредством деятельности субъективного духа, т. е. человека, и есть процесс мировой истории. Гегелевское понимание мировой истории как тотального присвоения истории человеком достигло, как считает Э. Юнгер, именно в гитлеровском и сталинском модернизме своего высшего пункта (хотя зачастую и гитлеровские и сталинские идеологи от Г. Гегеля открещивались).

Модерн, тотальная мобилизация, прячущиеся под маской прогресса, разума и гуманности, на самом деле принесли людям только боль, жертвы и страдания. Вместо прогресса — движение по кругу, завершённый нигилизм. Тотальное устремление нацистов и большевиков преобразовать мир трудом привело к технически хорошо организованному уничтожению людей.

И это неизбежно, подчеркивает Э. Юнгер. Ибо для «рабочего» все окружающее пространство — только тотальное поле преобразования, тотальное поле битвы. В этой битве он тотально использует все средства: сталь, огонь, газ. Происходящее перестает иметь для него ценностный характер; все приобретает лишь функциональное значение; индивиды утрачивают персональный, личностный облик, становятся абстрактными номерами.

Но если Э. Юнгер в сущности предостерегает: модерн должен заставить людей понять, что им угрожает и чем они не должны быть, то О. Шпенглер и особенно К. Шмидт по суги выступают в качестве идеологов модерна.

В философских построениях О. Шпенглера прежде всего следует отметить следующие моменты.

Первый: он решительно отклонил европоцентризм. «Я называю эту привычную для нынешнего западноевропейца схему, в которой развитие культуры вращаются вокруг нас как мнимого центра всего мирового свершения, птоломеевской системой истории и рассматриваю как коперниканское открытие в области истории то, что в этой книге место старой схемы занимает система, в которой античность и Запад наряду с Индией, Вавилоном, Китаем, Египтом, арабской и мексиканской культурой — отдельные миры становления, имеющие одинаковое значение в общей картине истории и часто превосходящие античность грандиозностью душевной концепции, силой взлета, занимают

25

соответствующее и несколько не привилегированное положение», — пишет философ {Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993. С. 146-147}.

Второй: Выделив восемь исторических культур, подчиняющихся «законам морфологии», он констатировал, что западная культура уже показывает «симптом разложения». Каковы эти симптомы? Урбанизация, демократия, плутократия, техника и т. п.

Вместо мира — город, некая точка, в которой сосредоточивается вся жизнь далеких стран, в то время как все остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа, — новый кочевник, паразит, обитатель большого города, человек, абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокой антипатии к крестьянству (и его высшей форме — поместному дворянству); все это, подчеркивает мыслитель, «огромный шаг к неорганическому, к концу...», от культуры к цивилизации (Там же. С. 165).

С этого момента, утверждает философ, «ареной» больших духовных решений становится уже не «весь мир», как это было в эпоху орфического движения и Реформации, когда собственно каждая деревня играла свою роль, а три или четыре мировых города, которые «всосали в себя все содержание истории и по отношению к которым совокупный ландшафт культуры опускается до ранга провинции, только и занятой тем, чтобы питать мировые города остатками своей высшей человечности» (Там же. С. 164, 165).

Упадок!? Да, но этот упадок обнаруживает в то же время и подъем, свидетельствует о том, что грядет новый век, в котором появятся новые цезари, новая элита твердых, как сталь, героев, которые будут искать не личной выгоды, а будут служить обществу. Поэтому, считает О. Шпенглер, сегодня нужно «вдребезги» разбить все старые идеалы, и чем «громче будет звон, тем лучше». Твердость, римская твердость — вот что утверждается и должно утверждаться теперь в мире. Искусство? Да, но из бетона и стали. Поэзия? Но созданная людьми с железными нервами и взглядом, безжалостно устремленным вглубь. Политика? Но проводимая государственными мужами, а не преобразователями мира (Reden und Aufsätze. München, 1938. S. 78).

26

Юрист и государствовед К. Шмидт, анализируя ситуацию в Германии в 30-е гг. XX в., рассуждает в том же духе: порядок можно восстановить, только когда государственным нуждам будет, отдан приоритет перед пресловутыми личными свободами. Рейх не будет в безопасности, считает он, пока Веймарская республика не будет переkreоена в авторитарное государство.

Специфической реакцией, протестом против духовного умаления человека в западном обществе, против жестких рационалистических принципов, всеобщности науки, общезначимости и т. п., которые не оставляют места для самоопределения, для свободы человека был экзистенциализм, сформировавшийся в философии Запада после Первой мировой войны. «Мы очень хотели верить, что западный гуманизм сможет противостоять ожесточенному напору тех сил, которые толкали его к катастрофе. Кажется, никто из нас не подозревал хрупкости и непрочности окутавшего нас покрывала цивилизации, цивилизации, которой множество веков придало, по-видимому, такую прочность, что сомневаться в ней было бы безумием», — писал, в частности, Г. Марсель в связи с трагическими событиями Первой мировой войны.

Исходя из противопоставления человека и общества (в обществе человеку присуще неподлинное бытие, вызывающее скуку, заботу, страх), опровергая науку, все другие факторы объективности, экзистенциалисты апеллируют в первую очередь к жизни, характеризуя ее как первоначало, как принцип первичности субъективности, активности, свободы человека.

Подобные идеи выражали и персоналисты. Э. Мунье, например, в духе экзистенциалистских принципов подверг решительной критике современное ему капиталистическое общество. По его мнению, капитализм привел к ряду убийственных явлений: угнетению, нищете, разрыву и борьбе между классами, увековечению социальной несправедливости, утрате человеческих ценностей в погоне за прибылью и т. д.

Буржуа утратил смысл бытия. Чувственный мир уже не очаровывает его. Он прогуливается среди вещей. Частная собственность обеспечивает материальную

безопасность человека, но делает убогой, скудной его внутреннюю жизнь. Его понятие о счастье сводится к стремлению к наслаждению. Мелочны его цели; главное для него — иметь. Он — посредственность. «Послушайте только, что и как он говорит: моя жена, мой автомо-

27

биль, моя земля; во всем этом чувствуется, что в счет идет не жена, не автомобиль, не земля, а именно сочное притяжательное местоимение "мое"».

Буржуа попирает самые основы духовной жизни, продолжает Э. Мунье. Мы видим, как ее место занимают разного рода эрзацы: то самоуверенное умствование и болтовня, то расплывчатые мечтания... кое-где это застоявшаяся в миллионах душ пресная водица мнений, возвращенных зашоренной прессой, огромное публичное болото, куда выливаются зловонные сплетни, рождающиеся в салонах и кафе. К. Маркс, считает философ, лучше, чем кто бы то ни было, показал иллюзорность такой псевдосвободы в мире, где господствуют товарная необходимость и деньги, где искусственная свобода либерализма привела к тому, что весь социальный организм постепенно оказался во... власти оккультных сил.

Испанский философ Х. Ортега-и-Гассет в духе экзистенциализма также весьма критически оценивает нынешнюю социальную ситуацию. «Наша эпоха — растленная эпоха; в ней смешались обезумевшая техника, мертвые боги и истощенные идеологии; на авансцене — посредственные люди, которые могут все уничтожить; разум опустил до прислужничества перед ненавистью и угнетением». Современными людьми правят страсти и нетерпение, они игнорируют все непосредственное и близкое. На первом плане — политика, которая слишком большое значение придает «великому», «священным инстинктам»: обществу, науке, искусству, агрессивно вытесняя все личное значимое: дружбу, любовь, наслаждение малым.

Немецкий католический философ Р. Гвардини центральной проблемой современной эпохи считает власть. Она чрезмерна. Современный человек не подготовлен к чудовищному взлету своей власти, он не умеет ею пользоваться. К тому же в современном обществе нет и продуманной, соответствующей современной власти системы воспитания: ни для элиты, ни для всех.

Очень содержательные мысли, глубокие оценки человека и общества в современную эпоху высказал Э. Фромм. Перед человеком, считает Э. Фромм, всегда стояла дилемма: растущая пропасть между свободой и чувством личной безопасности, ощущением личной незначительности. В этих условиях многие люди «бегут» от свободы. Э. Фромм указывает на три формы бегства от свободы: авторитаризм (в нем две тенденции — ма-

28 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

зохизм и садизм), деструктивность (стремление покорить других) и конформизм (желание стать как все другие).

Э. Фромм проводит параллель между современной эпохой и Реформацией. Реформация — это один из источников идеи свободы и автономии человека в том виде, как эта идея представлена в современных западных государствах. Но у Реформации, отмечает Э. Фромм, был и другой аспект: «акцент на порочность человеческой природы, на ничтожность и беспомощность индивида, на необходимость его подчинения внешней силе». Именно идея ничтожности отдельной личности, ее неспособности полагаться на себя, ее потребности в подчинении и составляет, подчеркивает философ, главный тезис идеологии фашизма.

В современных условиях, считает Э. Фромм, «дилемма» человека стала еще более болезненной, более трагичной. Человек «развил свой ум до того, что справляется с загадками природы, и уже освободился от слепой власти природных сил. Но в момент его величайшего триумфа на пороге нового мира он подпал под власть созданных им же самим вещей и организаций. Он изобрел новый метод производства вещей и превратил

производство и распределение в нового идола. Он поклоняется делу рук своих, а себя низвел до положения прислужника вещей. Он поминает все такие слова, как Бог, свобода, человечность, социализм; он гордится своей мощью, воплощенной в бомбах и машинах, чтобы замаскировать свое человеческое банкротство; он хвастается своей разрушительной мощью, чтобы спрятать человеческую несостоятельность» (Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 372, 373).

Э. Фромм подчеркивает: быть свободным трудно. Это требует желания быть свободным, это требует мужества.

Бесчеловечным, асоциальным и поверхностным считает современный мир французский философ Ж. Бодрийар. Этот мир, по его мнению, находит свою эстетическую и экстатическую форму в образе пустыни. Пустыня представляет собой очищенную форму социального дезертирства. Дезаффектация здесь находит свое совершенное выражение в неподвижности. Холод и мертвенность, заключенные в дезертирстве или социальном отчуждении, здесь, в зное пустыни, обретают зримый образ. Пустыня в своей иссушенности является негативом наших цивилизационных установок. Это место, где царят искусственность и

29

тишина. Тишина создается протяженностью взгляда, который не находит для себя ничего, на чем бы он мог сосредоточиться. Пустыня — это окаменевшие сплетения человеческого разума, это предельное безразличие, здесь ниспровергаются, уничтожаются все человеческие желания.

Другой характерной чертой нашего времени, полагает Ж. Бодрийар, является скорость. Скорость создает чистые объекты, и сама по себе она также является чистым объектом, поскольку ускоряет и поверхность, и время... Скорость — это победа следствия над причиной, триумф мгновения над временем как глубиной, триумф поверхности и чистой объектности над глубиной желания.

Скорость — это стирание следов, торжество забвения над памятью, это истощение и исчезновение форм.

Жизнь сегодня, продолжает философ, стремительная смена картин. Безразличное свечение телевизора, череда дней и ночей, проносащихся сквозь пустое пространство, безаффектная последовательность знаков, образов, лиц, ритуалов. Вот во что превратилась сегодня ядерная и вылущенная вселенная. Самый яркий образец такой жизни Ж. Бодрийар находит в США.

В Америке (но не только, скорее, повсюду) люди улыбаются все больше и больше, но никогда друг другу, всегда самим себе... На всех лицах — маски. Маски, которые в архаичных культурах изображают старость или смерть, здесь, в Америке — у молодых...

В Америке много одиноких людей, но они и не пытаются объединиться. Напротив, они избегают друг друга. Они едят пищу в одиночестве на глазах у всех. Это, по мнению Ж. Бодрийара, самая печальная сцена в мире, она даже печальнее, чем нищета. Тот, кто ест в одиночестве, тот Мертв.

Современный человек — марафонец. Но если около 2,5 тыс. лет назад смерть греческого воина, пробежавшего свыше 40 км и принесшего в Афины весть о победе греков, имела смысл, то бег современных людей — марафонцев по сути не имеет никакого другого смысла, кроме того, что человек доказывает себе и другим: Я существую.

Возможно, продолжает Ж. Бодрийар, это немало. Но надо ли постоянно доказывать, что ты живешь? По сути, это знак

30 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий слабости. Знак представлений без лиц, демонстрирования без конца.

В современном мире все схватывается черед, симуляцию. Пейзажи — через фотографию, женщины — через сексуальный сценарий, мысль — через письма, терроризм — через моду и масс-медиа, события — через телевизор. Кажется, что вещи

существуют единственно ради этого странного предназначения. Можно даже задаться вопросом, не существует ли сам этот мир только как реклама, созданная в каком-то другом мире.

Все искусственно: красота тела рождается посредством пластической хирургии, урбанистическая красота создается эстетическим препарированием зеленых пространств.

Встреча лицом к лицу, поступки заменены тем, что называется интерфейс, или сообщение. Но как осуществляется это сообщение? Точно так же, как, например, основание кастрюли сообщает свою температуру воде, не соприкасаясь с ней; подобно этому человек передает свои «флюиды» другому человеку, не соприкасаясь с ним, не волнуясь и не волнуя его.

Что делать, когда все доступно: секс, цветы, стереотипы жизни и смерти?

...Все дома мертвенно, и ничто не нарушит этого искусственного спокойствия. ТВ, стерео, видео, которые устанавливают контакт с внешним миром, машина, машины, обеспечивающие связь с торговым центром, супермаркетом, наконец, жена и дети как наглядные признаки успеха — все это говорит о том, что смерть в конце концов нашла себе идеальное пристанище...

В современном мире, подчеркивает Ж. Бодрийар, реализуется антиутопия. Антиутопия беспамятства, безрассудства, конца культуры.

Французский философ Э. Чоран также приходит к пессимистическим выводам. Человек делает историю, история же разделяется с ним. После всех своих блестящих завоеваний и свершений человек начинает выходить из моды. Он агонизирует. До сих пор он еще как-то тянет только потому, что не хватает силы капитулировать. История задушила в нас вневременное содержание. Вместо того чтобы нестись сквозь столетия, лучше бы было человеку попытаться жить вглубь. Кульминационные точки, подлинные вершины прошлого — это эпохи метафизических исканий. Ближе всего к неуловимой сущности

31

подступают внутренние прозрения, пусть они длятся порой секунду, зато перевешивают всю жизнь и вообще стоят больше, чем время.

Беспощаден в оценке современной эпохи Д. Белл.

Современная эпоха, считает он, цинична, расчетлива, эгоистична. Современный человек страдает ослаблением личности! Сегодняшнее поколение — слабые люди, это поколение евнухов. Современные ученые — не люди, а только воплощенные учебники и, так сказать, конкретные абстракции. Современные философы тоже не решаются жить как настоящие философы. Все их философствование носит политический и полицейский характер и осуждено нравами и людской трусостью на роль только ученой внешности.

Современный век -* век лишь производительного труда. Нет никаких гармонически развитых личностей. Людей дрессируют для работы на фабрике общепольных вещей. Некоторых птиц ослепляют, чтобы они лучше пели. Современных людей также заблаговременно ослепляют. Средством, к которому прибегают, чтобы их ослепить, служит слишком яркий, слишком внезапный, слишком быстро меняющийся свет (реклама, потребительство, манипуляция общественным сознанием, если сказать современным языком).

Подобно китайским болванчикам, люди, чтобы добиться успеха, готовы гнуть спины и преклонять колени перед всякой властью, механически поддакивают власти и двигают своими членами строго в такт с движением нитки, за которую дергает власть.

Д. Беллу вторит А. Тоффлер: «У меня вызывают отвращение способы, с помощью которых индустриализм разрушал первую волну и подавлял первобытного человека. Я не могу забыть, как он придал войне массовый характер, породил Освенцим. Высвободил энергию атома, чтобы испепелить Хиросиму. Мне стыдно за высокомерие, проявляемое им в культуре, за его хищническое отношение к остальной части мира... Индустриальное общество — бездумный, искусственный, массовизированный во всех отношениях мир, в

котором просто нет места индивидуальности».

Мы видим сегодня, продолжает А. Тоффлер, как миллионы людей отчаянно пытаются поймать свою собственную тень, как жадно поглощают они фильмы, пьесы, романы, книги, посвя-

32

щенные самоусовершенствованию, которые... обещают им помочь в поисках ускользающего Я.

А. Турен также весьма пессимистично оценивает современное состояние человечества. Он полагает, что общество прогрессивно двигалось от традиции к современности, от верований к разуму, от воспроизводства к производству, от общности к обществу. Однако, считает А. Турен, Первая и особенно Вторая мировые войны, гитлеровский Освенцим «сожгли» идею прогресса. Подобно этому в ГУЛАГе умерла окончательная надежда на пролетарскую революцию.

В 60-е гг. XX в. произошли массовые выступления молодежи против «безжалостных механизмов всемогущего государственного господства». Участники этих выступлений, отбросив общепринятые правила общественной жизни, в поисках своей идентичности замыкались в маленьких группах, обладающих собственным сознанием и способом его выражения. Либо демонстративно бросали вызов обществу своим «контркультурным поведением».

В 80-е гг. XX в. всякого рода политические концепции, ориентирующиеся на коллективные, массовые действия с целью завоевания власти, потерпели окончательный крах. Обращения к людям как к субъектам истории, как к гражданам также «рассыпались».

В частности, отмечает А. Турен, потерпели крах как всякого рода коллективистские, тоталитарные идеологии, так и либерализм (см.: *Турен Л. Возвращение человека действующего. М., 1998*).

Ибо что такое, например, либерализм? Концепция, сводящая общество к рынку, к свободному рынку. Но где этот свободный рынок? Он ограничен олигополиями, государственным вмешательством, политико-лоббистским давлением.

Концепции, сделавшие акцент на функциональное совершенствование системы (Т. Парсонс), тоже оказались несостоятельными. Люди не желали интегрироваться в общество, правителям которого был присущ «иррациональный империализм».

Вместе с тем А. Турен не согласен с утверждением, что современное общество переживает кризис. (Разумеется, когда старые общества, старые агенты прогресса терпят крах, то их адепты «голосят» о кризисе, о декадансе.) По его мнению, сегодня речь должна идти о смене ценностей, о трансформации об-

33

щества. «Как говорить о закате, конце истории, постоянном кризисе, когда наука снова взрывает и модифицирует представления о живом существе, его наследственности и мозге?» Речь должна идти не об упадке, а о мутации общества и соответственно общественной мысли. Но в любом случае, признает А. Турен, «зов эгоистического интереса» разрушил прежние представления и формы борьбы за свободу, равенство и справедливость. Почему, как это произошло? В прежних традиционных обществах, в которых доминируют механизмы социального и культурного воспроизводства, социальные и культурные преобразования всегда носили воинственный характер, характер «прогрессистских» революций. В современном обществе, которое способно воздействовать на самого себя и подчинено власти аппаратов, решающее значение приобретает не борьба с системой, а дистанцирование от нее. Именно в этой связи формируется новый образ субъекта; он обретает себя в протесте против тоталитаризма, против казенного языка и псевдорациональности политики, в отказе от политических действий; в протестующем молчании. «Из революционера он стал анархистом».

Наконец, Ф. Фукуяма, возвещая, что современная эпоха означает «конец истории»,

также считает, что «конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, — вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии, удовлетворение изощренных запросов потребления. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории... Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее северо-атлантической и азиатской ветвями... Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?» (Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. №3).

И если Ф. Фукуяма провозгласил «конец истории»: после окончательного утверждения либеральной демократии на всей нашей планете в мире ничего существенного больше происходить не будет, то профессор Стэнфордского университета

34

С. Хантингтон в книге «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка», напротив, полагает, что с разрушением двухполюсного мира человечество спустя один-два десятилетия ожидает нарастание фундаменталистских настроений, соответственно, обострение противоречий и, вероятнее всего, столкновение между семью-восемью базовыми цивилизациями, внутренне консолидирующимися вокруг традиционных религий.

Так оценивали тенденции социального развития в XX и накануне XXI в. выдающиеся мыслители.

А какова была реакция людей на массовом уровне? В начале XX в. — революции. Прежде всего победоносная революция в России. В 30-е гг. XX в. массовое недовольство людей использовал фашизм.

В 1950-е гг. в Европе, особенно в Германии, на авансцене социальной жизни преобладало скептическое поколение (Г. Шельски). Это было трезвое поколение, оно было достаточно аполитичным, стремилось поскорее стать взрослым, получить профессию, завести семью. Цели и желания молодых людей (детей) мало чем отличались от целей и желаний родителей.

В 60—70-е гг. прошлого века ситуация изменилась: молодежь резко радикализировалась. Ее устремления теперь были нацелены на коренное изменение общественной жизни, на ее освобождение от социальной репрессии. В основе этих устремлений лежали теоретические и этические аргументы, вытекающие из социалистических учений. Молодое поколение вступило в полемику с отцами, содержанием которой было время национал-социализма. Молодые люди осуждали отцов за трусость и оппортунизм. Их представления о новом обществе характеризовались моральным ригоризмом, отказом от двойной морали в политических, социальных и сексуальных вопросах.

Конечно, молодежь переоценивала свои силы. Поскольку родители были коррумпированы, постольку, считали молодые люди, лишь они, молодые, могут изменить общество.

В 80-е гг. XX в. молодежь отказывается от глобальных размышлений о будущем, она ориентируется на разработку частных проектов, не претендующих на изменение общества в целом. Она уходит от дискуссий об экономических проблемах, о проблемах техники и науки, об образовании и воспитании

35

и т. п. Она ограничивается опытом совместной, автономной жизни, *противопоставляя* ее холодному, анонимному, ориентирующемуся на конкуренцию и рынок миру.

В современных условиях, в начале XXI в. многие молодые люди также пока не

задумываются о будущем, как, впрочем, и не особенно остро противопоставляют настоящее прошлому. Они идеализируют и эстетизируют юность и потому не нуждаются ни в каких утопических проектах будущего¹. Хотя инстинктивно молодежь ощущает опасность надвигающейся глобализации мира и начинает уже против нее протестовать.

¹ Здесь следует учитывать и такой социально-психологический момент: сегодня молодые люди весьма рано начинают вести себя по-взрослому, особенно это касается свободного времени, культуры, потребления, сексуальности и т. п. В этом смысле у молодых людей сужается период, когда они нуждаются в мечте, иллюзиях, утопиях.

Глава 2

Духовность как ответ на «вызов» времени, как основа цивилизации XXI века и III тысячелетия

Итак, кризис социальной жизни, духовных ценностей. Его объективная основа очевидна. Современная массовая цивилизация имеет своей базой высокоразвитую индустрию, город, средства массовой информации, массовую культуру. С одной стороны, она умножает социальные связи, с другой — ослабляет, даже разрушает традиционные связи (семейные, соседские, профессиональные). Если прежде традиция «охраняла» человека, он мог положиться на нее, то сегодня растущая нестабильность жизни, изменчивость бытия рождает в нем чувство неуверенности, беспокойства и зачастую страха.

Но самое главное — современная массовая цивилизация обезличивает формы социальной жизни, обезличивает самого человека. Он отрывается от почвы, становится жителем земли без Родины, легко заменяемым и пригодным для любой поставленной перед ним цели. Люди превращаются в функции техно-бюрократического аппарата, их пересыпают как песок. Они утрачивают субстанциальное содержание своей жизни (К. Ясперс).

Ясно, что такую социально-духовную ситуацию следует оценивать в понятиях кризиса. Люди ощущают, осознают ущербность, «неправильность», несправедливость своих социальных отношений.

И все это, конечно же, способствует усилению гуманистических устремлений мыслящих людей, побуждает и философов-профессионалов вновь вернуться к проблемам человеческого индивида: его социального и онтологического статуса, судьбы и места в обществе.

Что такое человеческий индивид? Наука и опыт доказывают, что человеческий индивид — продукт эволюции общества, подчиняющийся общим законам развития природы и общества. И самое главное, человеческий индивид — продукт самосозидания. Он — творец истории и самого себя. Преобразуя уело-

Глава 2. Духовность как ответ на «вызов» времени

37

вия своего существования, человек формирует, создает себя самого как личность.

В свое время Аристотель сформулировал идею гуманизма в двух положениях: человек — животное рациональное, человек — животное политическое (общественное). Другими словами, человек является человеком прежде всего благодаря разуму и благодаря своей жизни в обществе. Общество — условие физического существования человека и его интеллектуального и нравственного развития. Вместе с тем человек должен постоянно применять свой разум к себе и к обществу с тем, чтобы самому совершенствоваться и совершенствовать социальные условия своей жизни и жизни других людей.

Представители классической немецкой философии, подчеркивая значимость истории, социума в жизни человека, зачастую рассматривали человека лишь как орудие, а отнюдь не как творца истории. Так, И. Кант в работе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» писал: «Отдельные люди и даже целые народы мало

думают о том, что когда они, каждый по своему разумению и часто в ущерб другим, преследуют свои собственные цели, то они незаметно для самих себя идут к неведомой им цели природы как за путеводной нитью и содействуют достижению этой цели, которой, даже если бы она стала им известна, они мало бы интересовались» {*Кант И.* Соч. Т. 6. М., 1966. С. 7, 8).

Эта идея И. Канта получила у Г. Гегеля дальнейшее развитие в его «Философии истории»: «Но в самом всемирно-историческом процессе... всеобщее все же содержится в частных целях и осуществляется благодаря им». Поэтому «можно назвать хитростью разума то, что он заставляет действовать для себя страсти, причем то, что осуществляется при их посредстве, терпит ущерб и вред. Ибо речь идет о явлении, часть которого ничтожна, а часть положительна. Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и бренности не из себя, а из страстей индивидуумов» (*Гегель Г.* Соч. Т. VII. М.; Л., 1935. С. 25, 32).

Конечно, в этих словах можно обнаружить опасный момент: принесение в жертву всемирной истории отдельного человека, его индивидуальность, его личность. Но вместе с тем важно, что Г. Гегель решительно отвергает самозамыкающуюся «само-

38

стоятельность» личности: «Самостоятельность, доведенная до того последнего заострения, которое мы видим в для-себя-су-щем одном, есть абстрактная, формальная самостоятельность, сама себя разрушающая; это — величайшее, упорнейшее заблуждение, принимающее себя за высшую истину. В своих более конкретных формах она выступает как абстрактная свобода, как чистое «я», а затем, далее — как нравственное зло. Это — свобода, впавшая в такую ошибку, что полагает свою сущность в этой абстракции и ласкает себя мыслью, будто в этом замыкании в себе она обретает себя в чистом виде. Говоря определенно, эта самостоятельность есть заблуждение, заключающееся в том, что смотрит как на отрицательное на то и относится как к отрицательному к тому, что есть ее собственная сущность. Она есть, таким образом, отрицательное отношение к самой себе, которое, желая обрести собственное бытие, разрушает его, и это его деяние представляет собою лишь проявление ничтожества этого деяния».

К. Маркс и Ф. Энгельс в трактовке проблемы взаимодействия человека и общества, человека и истории сделали важный шаг вперед. Признавая, что законы истории действуют объективно, независимо от человеческой воли и сознания, они подчеркивали, что тем не менее люди сами делают свою историю. Конечно, они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого.

Но в любом случае не история, а именно человек действительный, живой человек творит историю; «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 102).

Опыт истории, сегодняшняя действительность подтверждают также вывод К. Маркса: человеческая эмансипация будет полной только тогда, когда реальный, индивидуальный человек впитает в себя абстрактного гражданина; когда в качестве индивидуального человека в своей повседневной жизни, в своей повседневной работе и в своих отношениях с другими людьми он станет родовым существом, когда он признает и организует свои собственные силы как общественную силу и больше не станет отделять эту общественную силу от себя самого как политическую силу.

39

Вышеупоминавшиеся философы, констатируя наступление кризиса, упадка человека и т. п., тем не менее считали, что спастись человечество может. А. Вебер полагал, что нужно только возродить в современности жизненные субстанции поздней античности, христианства, Ренессанса, XVIII в., их трагическое отношение к бытию, их

духовные ценности, в сущности являющиеся «вечными».

К. Манхейм также верил, что угрозе духовного упадка можно противостоять; все зависит от человеческой воли. Честные, прогрессивные люди могут и должны противостоять угрозе тоталитаризма. При этом они должны ориентироваться на реформы, а не на революции, ибо революции в последние годы имели тенденцию завершаться господством фашизма.

Но главное — создать, выбрать соответствующие ценности. К сожалению, отмечает К. Манхейм, формированию ценностей мешает быстрый и неконтролируемый рост общества. Если в так называемых первичных группах (семья, соседи и т. п.) господствовали личные контакты, то в современных больших группах (предприятие, поселки, города) устанавливаются безличные отношения. Близкие личные отношения, возможные в первичных группах, в больших группах, где господствуют безличные отношения, уже невозможны. Можно любить человека, которого лично знаешь, но невозможно любить человека, которого не видел и, может быть, никогда не увидишь. Тем не менее, считает философ, высокие добродетели в больших группах также возможны; правда, здесь вместо конкретных добродетелей любви и братства в качестве их эквивалентов выступает требование справедливости политической и социальной. При этом К. Манхейм остро критикует классовое или какое-либо другое групповое сознание. Это сознание односторонне формирует готовность бороться против других классов и групп, оно игнорирует все возможности, которые, несмотря на существующие в обществе конфликты, способствуют взаимопониманию и кооперации. «Классовому сознанию я противопоставляю тотальное сознание, сознание, ориентированное на познание целостной ситуации; оно есть синтез, который рождается на основе интеграции точек зрения, вытекающих из опыта отдельных групп».

Ученый решительно выступает против игнорирования отдельной личности, против апелляции к группе как целому. По-

40

добный подход — черта психологической стратегии А. Гитлера и других тоталитаристов. А. Гитлер всегда подходил к отдельному человеку как члену какой-либо группы, поскольку он легче подвергается воздействию, манипулятивной обработке.

Важный вывод К. Манхейма заключается в том, что современный кризис ценностей, по его мнению, обусловлен не «низостью» современного человека, но в большей мере неспособностью больших обществ сформировать механизмы, методы приспособления, ассимиляции ценностей, социальных норм в соответствующем масштабе, в то время как в маленьких обществах подобные процессы осуществлялись фактически спонтанно. Традиции, обычаи были неосознанной силой, координирующей и приспособляющей ценности к отдельным людям и группам. Если маленькие, простые общества не нуждались в разработке специальной политики воспитания людей, то в современном обществе моральное и культурное образование и воспитание имеют решающее значение. Цель прогресса сегодня — не в достижении утопического общества без классов, но в подъеме экономики и прежде всего в социальном, политическом и культурном развитии народа, в его моральном воспитании. Все это, разумеется, должно идти рука об руку с поиском рациональных методов выбора лучшего в различных областях общественной жизни, подчеркивает К. Манхейм.

Многие экзистенциалисты, несмотря на то, что их исходная методологическая посылка: общество подавляет человека, тем не менее считают, что спасение человека — в мире, обществе, а не в уходе из него.

Один из выдающихся экзистенциалистов К. Ясперс, анализируя проблему человека, разделил человеческое Я на четыре уровня, соответствующих способам, которыми человек познает мир и действует в мире.

Первый уровень — Я эмпирическое, наличное бытие. На этом уровне человек рассматривается как часть природы. На этом уровне человек руководствуется, как все

живое, инстинктом самосохранения, ищет удовольствий, стремится избежать страданий. На этом уровне люди объединяются только перед лицом опасности. Иными словами, их объединение утилитарно, оно средство, но не цель.

Второй уровень — человек как «сознание вообще». В этом случае он — надындивидуален. Единство людей, общность их

Глава 2. Духовность как ответ на «вызов» времени

41

действий достигаются посредством закона, который все они считают справедливым и перед которым все они равны как носители «сознания вообще».

Третий уровень — уровень разума, или духа. На этом уровне каждый индивид выступает как «момент» в жизни целого: народа, нации, государства. При этом, чем своеобразнее каждый из индивидов, тем органичнее они объединены в целостности.

И *четвертый, высший уровень* — человек как экзистенция т. е. как свобода. Но свобода не как произвол, слепой порыв; она соединена с разумом, разум освещает-изначально темное бытие экзистенции.

Полностью индивид постигает свое экзистенциальное бытие лишь в пограничной ситуации (тяжелая, опасная болезнь, вина, страдание и т. п.), т. е. тогда, когда он сознает собственную конечность, порывает с миром повседневности; лишь тогда он может ощутить связь своего бытия с трансцендентным миром. Лишь знаки трансцендентного помогают человеку осветить его бытие подлинным смыслом. Перед лицом трансцендентного выявляется также вся глубина и значимость экзистенциального общения данного человека с другими людьми.

Но прежде всего человек должен все-таки внутренне противопоставить себя миру, найти опору в самом себе. Именно так формируется способность обрести свободу, и эту способность человека стать подлинной личностью К. Ясперс связывает с осевым временем, т. е. со временем возникновения философии и затем христианства.

Общение индивидов на экзистенциальном уровне — высшая форма общения, высшая форма коммуникации. На этом уровне обеспечивается подлинно внутренняя связь двух личностей, двух неповторимых судеб. Экзистенциальная коммуникация особенно важна в современную эпоху глубокого одиночества людей, ослабления между ними всех традиционных связей: религиозных, национальных, семейных, научных, философских и т. п.

Для познания экзистенции, осуществления экзистенциальной коммуникации, с точки зрения К. Ясперса, принципиальное значение имеет философская вера. Философская вера выступает в союзе с разумом. Она отвергает иррационализм, все, что «ввергает во тьму безрассудства и беззакония». Это вера мыслящего человека; она хочет знать то, «что познаваемо и по-

42 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

нять самое себя». Она отличается от религиозного откровения (которое рождает у верующих претензию на исключительность), ибо базируется на опыте, доступном каждому Человеку.

Вместе с тем философская вера признает, допускает существование некоей реальности, трансценденции, формой знания которой является прежде всего скептицизм (осознанное незнание). Скептицизм — это не бессилие человеческого ума, это свидетельство того, что некое бытие не может быть доказано с помощью положительных аргументов разума, однако подтверждается отрицательными.

Мир, конечно же, не «розовая библиотека». Есть тюрьмы и казни на рассвете; невинность часто убиваема, а ложь торжествует. «Но это — не отчаяние! Это — ясность. Подлинное отчаяние означает слепоту. Оно примиряется с ненавистью, насилием и убийством. С отчаянием такого рода я никогда не соглашался», — писал, в частности, А. Камю. Пусть мир абсурден, пусть подавляет человека, тем не менее на пути к свободе человек в обществе всегда может сделать еще один шаг.

Ж.-П. Сартр также был убежден, что человек может превзойти любую ситуацию. Человек есть то, что *он сам* из себя делает.

В докладе «Экзистенциализм — это гуманизм», прочитанном в 1945 г., Ж.-П. Сартр утверждал: фашизм, Вторая мировая война показали, что никаких априорных гуманистических ценностей не существует. Каждый человек в любой ситуации должен их заново осмысливать и создавать, воплощать в реальность. Человек свободен, обречен быть свободным и в этой связи обязан быть ответственным. Он выбирает позицию, совершает поступок. Он сам определяет свою жизнь, придает ей смысл. Ж.-П. Сартр подчеркивает: экзистенциализм — это гуманизм именно потому, что напоминает человеку о том, что жизнь априори не имеет смысла, что кроме самого человека нет никакого иного законодателя, что он сам принимает решения о себе самом, что он постоянно заново создает самого себя своими собственными поступками. Причем поступками, обращенными не к самому себе, а во вне, предполагающими глубокую укорененность в мире. Не имея великих социальных страстей, существуя вне своего времени и своего класса, человек не имеет содержания, он отнюдь не свободен, он лишь «переваривает самого себя».

Глава 2. Духовность как ответ на «вызов» времени

43

Х. Ортега-и-Гассет также уверен, что современная социальная действительность имеет не только лик смерти, но и лик победы. Массовый человек — не неизбежность. Все зависит от самого человека, от его программы, от того, кем он хочет стать.

Человек должен иметь мужество, должен преодолеть свой страх. Он может и должен, не теряя своей интимности, жить в миру.

Х. Ортега-и-Гассет полагает, что уже в XX в. произошло одно из глубоких изменений, которые помогут человеку выстоять в жизненной борьбе, а именно: переориентация нашей чувствительности на обстоятельства.

В XIX в. людьми правили, по мнению Х. Ортеги-и-Гассета, страсти и нетерпение. Печальным результатом этого было пренебрежение всем *непосредственным и преходящим*. Пристрастие к отдаленному, взятое как обобщение, лучше всего олицетворяет сущностно-политический характер этого времени. Политическая деятельность, агрессивно навязывая себя в ущерб всему прочему, выходит на первый план. Все остальное изгоняется из поля зрения людей как *нечто* малозначачее и *заурядное*. Дружба, любовь, наслаждение вещами перестают быть жизненным измерением, стыдливо прячут свои лица в уголках души.

Мы *должны*, призывает Х. Ортега-и-Гассет, не застывать в экстазе перед священными ценностями, а завоевывать для нашей индивидуальной жизни достойное место среди них. *В постоянном поглощении обстоятельства состоит конкретная судьба человека*. Я есть Я и мое обстоятельство, и если Я не спасаю его, то не спасаю и самого себя. Вокруг нас нет вещи, в которой бы не трепетал божественный нерв. Другьям, увидевшим Гераклита на кухне, но не решавшимся войти, он крикнул: «Входите, входите! Ибо и здесь тоже есть боги».

Между тем современный человек все еще слишком много внимания уделяет «священным институтам»: науке, искусству, обществу. Он не понимает, что отнюдь не *великие вещи*, не великие удовольствия и великие амбиции удерживают нас на поверхности жизни, а минута благополучия возле пылающего камина, приятное ощущение от выпитой рюмки ликера, волнение, неосознанно толкающее нас навстречу проходящей мимо *красивой девушке, или, наконец, изысканность речи* друга; его

44 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

обычный, но такой приятный нашему слуху голос. Отдавая должное малому, мы и великое воспринимаем как великое.

Но в любом случае, чтобы понять другого, надо помять себя, подчеркивает Х. Ортега-и-Гассет. Ведь мой собственный язык, моя мысль, прежде всего, могут быть

инертными, непластичными, негибкими. Х. Ортега-и-Гассет решительно отвергает сухой рационализм. Понятия дают нам только схему, абрис вещи, но не саму вещь. По сравнению с непосредственным опытом, они слишком абстрактны, схематичны. И все же не будь понятий, мы не представляли бы себе с достаточной ясностью, где вещи кончаются и где они начинаются. Вещи как впечатления есть нечто ускользающее. Лишь с помощью понятий представления приобретают определенность и форму. Понятия раскрывают физическое и моральное значение вещей. Не все есть мысль, подчеркивает философ, однако без нее мы ничем не владеем в полной мере. Мысли, понятия нужны нам, чтобы снова вернуться к своей непосредственности. Но самое важное — понять другого; для этого также нужно включаться в ин-тенциональный контекст мышления другого, ибо в разговоре мы имеем уже только результат мышления.

Другой испанский философ М. де Унамуно также полагает, что положение современного человека не безнадежно. Прежде всего потому, что ему всегда присуща трагическая устремленность к бессмертию. Именно поэтому его никогда не удовлетворяет действительность; она «туманна», лишена целесообразности, в ней господствует случай, мещанский утилитаризм. М. де Унамуно особенно беспощаден к зависти, которая до сих пор выступала и выступает двигателем истории. Однако в истории всегда были люди благородные, бескорыстно служащие человечеству. Образец таких людей — Дон Кихот. Именно Дон Кихот — подлинный носитель духовных ценностей, «кихотизм» как внутреннее побуждение к благородству, как стимул к человеческому объединению спасут Европу, подчеркивал философ.

Жить полной жизнью, жить как личность — значит непрерывно переходить из той зоны, где духовное оказывается *объективированным*, натурализированным, т. е. переходить от внешнего к внутреннему: от механического, биологического к социальному, психологическому, моральному, к экзистенциальной реальности субъекта, считает Э. Мунье. «Только труд, цели которого выше затраченных усилий и выше производства, только наука,

Глава 2. Духовность как ответ на «вызов» времени

45

цели которой выше наслаждения, в конечном счете только личная жизнь каждого человека, верного духовной реальности, устремленного в высшие сферы, способны поколебать груз *мертвого прошлого* и привести к *новому порядку*», — подчеркивает Э. Мунье. Философ убежден: сегодня рождается и утверждается новый гуманизм. По его мнению, истории присущи три уровня становления целостной концепции гуманизма. *Первый уровень* — цивилизация в узком смысле этого слова. Это путь последовательного приспособления человека как биологического и *социального* существа к собственному телу и окружающей среде. *Второй уровень* — культура. Рост сознания человека, его умений, завоеванных напряжением духа, участием последнего в делах и размышлениях человека, свойственных той или иной эпохе или группе. *Третий уровень* — духовность. Тяготение человека к универсальности, открытие глубинной жизни личности. Сегодня в концепции гуманизма на первый план выдвигается именно духовность. Духовность обеспечивает метафизическую ориентацию цивилизации и культуры, способствует формированию универсального сообщества людей, поднимает человека к трансцендентному, «на крест» (ибо «только на кресте человек достигает подлинного величия»).

В любом случае, вновь и вновь подчеркивает Э. Мунье, старый, буржуазный порядок, основанный на жестком индивидуализме, сегодня рушится. Рождается новый порядок, хотя его черты еще и не вполне ясны, еще смешаны с распадающимися формами уходящей цивилизации.

Р. Гвардини, отмечая растущее «омассовление» современного общества, именно в «человеке массы» прежде всего видит человека, имеющего шанс быть личностью, даже если он не может стать индивидуальностью в духе идеалов И. Гёте. «Имеем ли мы право

рассматривать ограничение, налагаемое ростом массы на все культурно-субъективные ценности, как аргумент против роста-массы? Если культурный уровень тысячи должен быть ниже культурного уровня десяти, вправе ли мы говорить, что следовало родиться не тысяче, а только десяти? Разве предоставление шанса стать личностью не есть нечто безусловное, перед чем должны отступить все прочие соображения? У новоевропейского индивидуалиста есть серьезная причина спросить себя, до какой степени он возводит в абсолют свои же собственные индивидуально-экзистенциальные предпосылки... Вме-

46

сто того чтобы во имя культивирования индивидуальности протестовать против поднимающейся массы, было бы правильнее поставить вопрос: где лежат человеческие проблемы этой массы? Они заключены вот в чем: поведет ли единообразие, неотделимое от множественности, только к утрате индивидуальности — или также к утрате личности? С первым можно примириться, со вторым — никогда», — пишет Р. Гвардини (*Guardini R. Das Ende der Neuzeit. Wurtzburg, 1953. S. 70, 71*).

Р. Гвардини считает, что именно внутри массы возникает новая этика — этика солидарности, которая может стать основой гуманизма будущего. «Это товарищество по существованию — по грядущему делу человечества. Если это товарищество будет осмыслено исходя из личности, оно станет великим положительным началом массы. Идя от него, можно надеяться в изменившихся условиях, задаваемых существованием массы, сызнова отвоевать человеческие ценности доброты, понимания, справедливости», — подчеркивает он.

Э. Фромм считает: настоящая жизнь — это созидание. Но ее основа — свобода. Отмечая, что всякая зависимость, подчинение препятствуют развитию человека как личности и гражданина, Э. Фромм вместе с тем подчеркивает: свобода от угнетения, от подчинения — это еще не всё. Это только негативная свобода. Подлинная, позитивная свобода всегда связана с трудом, созиданием, творчеством. У жизни, утверждает философ, собственная динамика: человек должен развиваться, проявлять себя, содержательно прожить свою жизнь. Если же эта динамика подавляется, энергия, направленная к жизни, подвергается распаду и превращается в энергию, направленную к разрушению. «Иными словами, стремление к жизни и тяга к разрушению не являются взаимно независимыми факторами, а связаны обратной зависимостью. Чем больше проявляется стремление к жизни, чем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции; чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению. Разрушительность — это результат непрожитой жизни».

Австрийский психолог В. Франкл также апеллирует к созидательной жизни, к обретению смысла жизни. Он считает, что для современной духовной ситуации характерен «ноогенный кризис» — «нежелание жить», вызванный «экзистенциальным вакуумом смысла жизни». «Мы живем в век распространяюще-

Глава 2. Духовность как ответ на «вызов» времени

47

гося все шире чувства смыслоутраты. В такой век воспитание должно быть направлено на то, чтобы не только передавать знания, но и оттачивать совесть так, чтобы человеку хватало чуткости расслышать требования, содержащиеся в каждой конкретной ситуации. В век, когда десять заповедей, по-видимому, уже потеряли для многих свою силу, человек должен быть приготовлен к тому, чтобы воспринимать 10000 заповедей, заключенных в 10000 ситуаций, с которыми его сталкивает жизнь. Тогда не только сама жизнь будет казаться ему осмысленной, но и он приобретает иммунитет против конформизма и тоталитаризма — этих двух следствий экзистенциального вакуума. Ведь только бодрствующая совесть дает человеку способность сопротивляться, не поддаваться конформизму и не склоняться перед тоталитаризмом», — подчеркивает В. Франкл (*Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 39*).

Известный голландский историк культуры Й. Хёйзинга, в своей работе «Человек и

Культура» размышлявший о сущности культуры, ее влиянии на человека, о месте человека в культуре, считает, что спасение и возрождение человека коренятся в каждодневной напряженной духовной работе: «Многие из наших занятий не являются подлинно культурными ценностями. Культура имеет преобладающе эстетически-интеллектуальный облик и родственна понятию образованности... С культурой неразрывно связано, не только представление о мышлении и восприятии, но в большой мере представление о переживании и деятельности. Культура осуществляется не только в стиле духовной работы или духовного наслаждения, но в ежедневном деянии, таком, как образ поведения и состояние души. Реально существует культура только в духе, который ощущает себя поднятым над действительностью» (Западноевропейская эстетика XX века: Сб. Вып. 1. М., 1991. С. 8).

Остро отвергает сухой рационализм, жесткую, холодную расчетливость современной цивилизации и французский философ Ж. Батай. В книге «Внутренний опыт» он утверждает, что подлинное мироощущение человека — тоска. Увиливая от тоски, человек превращается в суетливого иезуита. Человек — это тоска, казнение, внутренняя война, безумие. В тоске человек получает ясный ответ, в тоске человек должен идти до конца.

Ж. Батай противопоставляет тоску отчаянию. Тоска — это надежда, отчаяние — отсутствие всякой надежды. Тоска — это

48

подлинное средство познания, это внутренний опыт, это во-прошание и испытание всего, что известно человеку о бытии. Тоска — это касание крайностей, это путешествие на-край возможности человека. В тоске, во внутреннем опыте главное — чувство, изумление, экстаз.

Ж. Батай отвергает тезис Р. Декарта: я мыслю, следовательно, я существую. Мысль приостанавливает тоску, приостанавливает бытие; благодаря мысли человек растворяет себя в объекте. Современный мир прогресса — декартовский мир.

Философ отвергает и гегелевские построения: Г. Гегель повернулся спиной к крайностям. Его система — это уничтожение крайностей.

Ф. М. Достоевский, по мнению Ж. Батай, коснулся крайностей, но не пошел дальше; его и его героев остановил стыд.

Крайность — это когда человек идет до конца. Некоторые же люди, коснувшись крайностей, впадают в состояние гордыни. Ответа они не получают, все тонет в вязком тщеславии. Середина, серьезность, взвешенность — свидетельство вырождения; в них проступает рабская природа. Я зову к крайностям детскости, смеху, экстазу, пишет Ж. Батай. Они возвышают нас к состоянию «священного опьянения».

Но конечно же, отмечает философ, нам нужен разум, без его поддержки нам не разрушить то, что он прежде воздвигал. Важно только сознавать, что существование мира не может перестать быть непостижимым; тайна остается. У Г. Гегеля, к сожалению, в системе только знание; у него нет тайны, последняя суть ничто.

В тоске, экстазе, страдании мы ближе к тайне. Когда мы вдыхаем аромат цветка, то ощущаем, что он вот-вот благодаря своей нежности откроет нам свою тайну. Разве с помощью категорий рассудка мы сможем узнать тайну цветка, почувствовать и понять его красоту?

И все же Ж. Батай эстетизирует несчастья, страдания жизни. Страдание!?! Вот фото китайской казни. У китайца с рассеченной грудью отрублены ноги по колено, руки — по локоть. Он корчится в последних судорогах. Со вставшими дыбом волосами, омерзительная, дикая, вся исполосованная кровью жертва — прекрасная, словно оса... Я любил его, этого юного, восхитительного китайца, любил его такой любовью, в которой не было даже тени садизма: он мне сообщал свое страдание или,

49

скорее, переизбыток своего страдания, которого мне так недоставало — не для

того, чтобы им насладиться, но чтобы разрушить в себе все, что разрушению противится.

Читать, слушать все это, конечно, ужасно. Разумеется, можно, продолжает Ж. Батай, залиться слезами. Но ведь эти слезы — всего лишь свидетельство того, что человек жаждет мирного сна, не принимает ничего, что не дает ему покоя. Нет, «когда я смотрю на преobraженное предсмертным экстазом лицо... свет смертной неизбежности становится тогда более пронзительным, чем солнечное сияние... свободный порыв смерти *выливается* во мне в могущество жизни и времени...» Переживая смерть, человек обретает суверенность, ибо в этом состоянии сознания он уже не имеет никаких объектов, кроме самого себя. Ж. Батай отвергает абстрактные моральные нормы: «Нас окружает неизвестность... В присутствии неизвестности нечестиво жить морально... Мораль — это узда... неизвестность разрывает узду».

Мораль — это план рассудка, план проекта, априорно конструирующего будущее. Проекту Ж. Батай противопоставляет жертвоприношение, которое имморально, в котором ничто не откладывается на потом. Пример жертвоприношения — поэзия. Поэзия разрушает все застывшее. Поэт вырывает слова из сферы рабского служения профанному миру, приносит их в жертву миру сакральному и добивается тем самым такого состояния сознания, в котором оно отражает лишь самое себя.

Ж. Батай возвещает наступление атеологической философии, формирует сумму атеологии. Что же такое атеология? Если теология — движение ввысь, к Богу, к гармонии, то атеология — спуск вниз, к человеку, к дисгармонии его существования; гармония — смерть человека, конец истории, она господство мертвой Книги. Дисгармония, насилие, опасность, все злое и ужасное способствуют возвышению вида *человек*. И если теология — господство мертвой Книги, то атеология, апеллируя к отрывкам, прологам, предисловиям, комментариям, черновикам, письмам и т. п., способствует горячему биению живой мысли. В горячем биении живой мысли и дела — спасение, возрождение человека.

Схожие (в известном смысле) с Ж. Батаем суждения высказывает и другой французский философ Ж. Делез (см.: *Делез Ж. Различие и повторение*. СПб., 1998).

50

Всякое утверждение — консервативно. Оно говорит «да» всему, что может, что должно быть отрицаемо. Худшие сторонники утверждения, по Ф. Ницше, а также и по мнению Ж. Делеза, И. Кант и Г. Гегель. Дионис-Заратустра говорит «нет». «Да» говорит лишь осел Заратустры: но для него утверждение означает *нести*.

«Вечное возвращение» Ф. Ницше проводит подлинное различие, оно отрицает все, что можно и должно отрицать. «Вечное возвращение» — круг, в его центре находится различие, а одинаковое располагается только по окружности.

Задача современной философии — низвержение платонизма. Ибо платонизм означает подчинение различия силам Единого, Общего, Аналогичного, Подобного и т. д. В настоящей мысли первичны насилие, взломы, не философия, но мизосо-фия («философненавистничество» — неологизм Ж. Делеза). Ж. Делез ссылается на М. Хайдеггера, который считает, что пока мышление ограничивается допущением своей доброй природы и доброй воли в форме обыденного сознания, *ratio*, оно вообще не мыслит, будучи пленником общественного мнения, застывшего в абстрактной возможности. «Мышление мыслит лишь насильно, вынужденно встречая то, что «заставляет задуматься», то, что следует обдумать» {*Хайдеггер М. Что значит мыслить? Разговор на проселочной дороге*. М., 1981).

А. Турен, констатируя, что сегодня вчерашний революционер превратился в анархиста, не считает подобную позицию конструктивной. «Отказ от данного социального не должен запереть действующее лицо в несоциальном». Он должен включиться в общественное движение или в культурную инновацию. Если до сегодняшнего дня общество развивалось по траектории: от общины к обществу, от множественности к единому целому, если прежде человечество, освобождаясь от своих местных,

географических культурных и социальных особенностей, двигалось к обществу, управляемому универсальными ценностями и нормами Разума, то сегодня осуществляется переход к антропоцентрическому образу общественной жизни. Вместо того чтобы искать принципы легитимации человеческих действий вне человеческого мира — в божественной благодати, в требованиях Разума или в смысле Истории, современные люди должны оценивать свои действия и поступки исходя из воли к самоутверждению и признания других в качестве личностей во

51

всем их своеобразии. Сегодня действующее лицо не может больше говорить от имени Истории; оно говорит только от своего собственного имени.

Наша эпоха должна перестать быть сциентистской, она должна становиться моралистической. Люди требуют свободы, права быть самими собой. Они считают, что общественная жизнь направляется отнюдь не естественными или историческими законами, а скорее действиями тех, кто борется за реализацию значимых для них культурных ориентации. А. Турен выделяет три главных элемента общественной жизни: субъект, взятый в дистанции от организованной практики; историчность, т. е. совокупность культурных моделей (когнитивных, экономических, эстетических), являющуюся центральной ставкой общественного конфликта; общественные движения, борющиеся за придание социальной формы соответствующим культурным моделям.

Естественно, эти элементы могут комбинироваться, на первый план выдвигаться то или другое. Так, этическое видение общественной жизни, делающее акцент на историчность, преобладает в ситуации волюнтаристской модернизации (особенно после Октябрьской революции). Драматическое видение придает определяющее значение конфликту общественных движений; оно типично для истории западного мира. Романтическое видение особое значение придает субъекту. Сегодня осуществляется переход именно в эту фазу — фазу романтического утверждения свободы субъекта.

Во всяком случае, подчеркивает А. Турен, «в эпоху, когда продолжает расширяться пропасть между Севером и Югом, между ядерными державами и странами, страдающими от бедности и голода, в эпоху, когда углубляется противоречие между значимостью жизни отдельного человека и ростом мощи государственной и военной машины, организующей и направляющей жизнь сообществ, мы должны прежде всего попытаться найти объединяющую основу и отказаться раз и навсегда от самонадеянного рационализма философии Просвещения, которая отменяла все особенности в угоду некоей универсальности. То единство, которое мы ищем, следует определять только в терминах, примиряющих универсальность и особенности, традиции и современность, разум и чувство, и в этих поисках мы

52

не должны довольствоваться утопическими или риторическими решениями».

По мнению видного немецкого философа П. Козловского, сегодня люди все-таки поняли предостережение Э. Юнгера: модерн закончился революциями 1989—1990 гг. В эти годы, считает П. Козловский, завершилась в Европе мировая гражданская война, которая достигла своей кульминации в фашизме и большевизме. Теперь в Европе наступает эпоха постмодерна, постмифического, постутопического и постисторического века. Метатексты, метаматери, отражающие в себе все сферы жизни, в духе, например, теории прогресса, и ведущие к тоталитаризму, уступили место радикальному аморализму интерпретаций (Ж.-Ф. Лиотар).

Борьба против богов закончилась, титан-рабочий вернулся в лоно своей матери-земли. Однако в политическом плане постмодерн отнюдь не победа либерализма над социализмом, как толкуют это некоторые теоретики, подчеркивает П. Козловский. Утверждающаяся социальная рыночная экономика сама по себе есть уже компромисс, примиряющая формула согласования капиталистической и социалистической форм управления. Лежащая в ее основе философия представляет собой синтез

капиталистическо-либеральных, социалистических и персоналистско-христианских элементов. Именно эта философия, по мнению П. Козловского, должна быть обоснованием пути в будущее.

Установка на повышение уровня потребления, господствовавшая в XX в., в XXI в. стала реакционной, считает В. Хёсле, широко известный современный немецкий философ. В XXI в. приоритетной установкой должно стать выживание человечества. — Все остальное будет проистекать из нее, подчеркивает В. Хёсле. Именно поэтому в XXI в. основной противоположностью «станет уже не противоположность между отдельными партиями или между работодателями и профсоюзами, но противоположность между теми силами в среде работодателей, партий и профсоюзов, которые будут придерживаться прежней парадигмы, и теми силами, которые стремятся к экологическому преобразованию индустриального общества», — полагает немецкий философ.

По мнению В. Хёсле, с точки зрения культуры представляется неуместным обсуждение проблемы «тела» и «души»,

53

т. е. вопроса о том, принадлежит ли первенство материи или духу, базису или надстройке. Во всяком случае, считает он, достаточно сказать, что онтологически материальные и идеальные факторы культуры, по-видимому, оказывают друг на друга обоюдное влияние. Причем, утверждает он, «...с точки зрения методологии, кажется очевидным, что духовным факторам нельзя отказать в превосходстве, ибо только таким образом можно обнаружить смысл в истории» {Хёсле В. Философия и экология. М., 1993. С. 33, 43}.

Глубокие мысли относительно перспектив человечества высказывают и мыслители Востока.

В сущности, стремление к гармонии, к единству противоположных начал в духе инь—ян всегда было господствующей тенденцией в восточной традиции. Если в западноевропейской традиции мышления бытие и ничто, свет и мрак, истина и ложь, добродетель и порок непримиримы, несоединимы, то инь и ян как выражение женского и мужского начал тяготеют друг к другу. Именно в этом духе обосновывает идею синтеза наших умственных, эмоциональных и действенных усилий современный индийский ученый Д. Радьяр, опубликовавший в 1995 г. замечательную книгу «Планетаризация сознания». В этой книге он пишет: «Мы должны преодолеть эгоцентрический индивидуализм и научиться жить и чувствовать категориями солидарности и служения. Если этого не произойдет, победит синтез тоталитарного толка, который замедлит развитие человечества».

Сегодня мы живем, справедливо утверждает философ, в период крайнего индивидуализма и в то же время деперсонализации. Каждый считает, что он поступает в соответствии с собственным мнением, но оно, это мнение, навязано, формируется социально-экономическими условиями его жизни.

Разум современного человека, разум вообще становится технологизированным. Идеалом истеблишмента является технологический или даже компьютеризированный человек. Человек, который стремится прежде всего измерять феномены и события с точки зрения достижения количественных и статистически достижимых целей, употребления машин, стандартизированных текстов и психо-химического вмешательства в естественные процессы.

54

Сегодня самая существенная задача, стоящая перед людьми, оплодотворить коллективное бессознательное человечества новыми образами, созвучными ожидаемому глобальному характеру будущего общества, подчеркивает Д. Радьяр. Человечество должно развиваться как планетарный организм, или, точнее, как сложный «орган», действующий в рамках планетарного организма Земли.

Наша новая эволюционная цель — планетарное надродовое общество, общество

полностью сознательных, внутренне свободных и целостных индивидов, каждый из которых приносит глобальному целому его собственную «правду существования», т. е. способность эффективно выполнять то, чего требует его место в сообществе Земли. Если мы родоплеменного общества, с его доминирующей преданностью ритуалам и вождям, бессознательно, то в современных условиях Я должно слиться с разумом Целого. Иначе говоря, в будущем сознательные, самоопределяющиеся личности должны сознательно выбрать интеграцию в сверхличное целое (коммуны).

Вместе с тем, оценивая современную ситуацию, Д. Радьяр высказывает одну весьма парадоксальную мысль: кто знает, может быть, цивилизация нуждается в саморазрушении, чтобы новый квант потенциальности человеческого существования мог быть высвобожден. Новое общество может радикально приручить, например, радиоактивность. Во всяком случае, кто может поручиться, что появление нового типа человеческого организма не может определиться значительным количеством радиоактивных элементов в биосфере? Почему мы считаем наше знание окончательным; наши законы вечно действующими, а наши маленькие истины — истинами Абсолютными?

Русская философия, русские философы всегда больше всего были заняты проблемой человека, его духовности, его судьбы. Как в XIX в., так и в XX в.

К. Н. Леонтьев был одним из первых, кто увидел, что в буржуазную эпоху человечество теряет духовность. «Не ужасно ли и не обидно ли было бы думать, что Моисей всходил на Синай, что эллины строили свои изящные акрополи, римляне вели Пунические войны, что гениальный... Александр в пернатом каком-нибудь шлеме переходил Граник и бился под Арбелла-ми, что апостолы проповедовали, мученики страдали, поэты пели, живописцы писали и рыцари блистали на турнирах для

55

того только, чтобы французский, или немецкий, или русский буржуа в безобразной комической своей одежде благодушеествовали бы «индивидуально» и «коллективно» на развалинах всего этого прошлого величия?.. Стыдно было бы за человечество, если бы этот подлый идеал всеобщей пользы, мелочного труда и позорной прозы восторжествовал бы навеки».

Мир еще не знал прозрений О. Шпенглера, а К. Н. Леонтьев уже понимал роковой переход культуры в цивилизацию. Эгалитарно-либеральный прогресс и есть, с его точки зрения, процесс вторичного упрощительного смешения, т. е. начало конца культуры. К. Н. Леонтьев выражал надежду, что человек выступит «...против машины и вообще против всего этого физико-химического, умственного разврата, против этой страсти орудиями мира неорганического убить везде органическую 'жизнь, металлами, газами и основными силами природы разрушать растительное разнообразие, животный мир и само общество человеческое...» (*Леонтьев К. Н. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1912. С. 20*).

Правда, отвергая буржуазный прогресс, К. Н. Леонтьев в ницшеанском духе высмеивал общепринятые моральные нормы и доказывал, что деспотизм, принуждение, аристократизм, апелляция к эстетическому — черты подлинной жизни.

В XX в. после Первой мировой войны западную цивилизацию подверг острой критике П. Сорокин. По его мнению, «...все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают сейчас серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань...» Все разрушено, разрушены огромные материальные ценности, обесценена человеческая жизнь (см.: *Сорокин П. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 427*).

Многие русские мыслители связывали смысл человеческой жизни с трансцендентным началом. Всякая попытка определить смысл человеческого существования сугубо земными, прагматическими целями — бесполезна. «Поколения за поколениями неспешной чередой тянутся в могилу, оставляя все дела и заботы, — пишет

С. Н. Булгаков. — И нас хотят уверить, что служение этим делам и этим заботам само ради себя способно не только наполнить, но и осмыслить жизнь. Эта религия человечества есть какая-то кладбищенская философия»

56

(Булгаков С. Н, Интеллигенция и религия (о противоречивости современного безрелигиозного мировоззрения). М., 1908. С. 18).

Вл. С. Соловьев также полагал, что без допущения трансцендентной цели непостижим смысл человеческой жизни, человеческой истории. Чтобы в мире смысл преобладал над бессмыслицей, добро над злом, требуется сверхчеловеческое разумно-благое начало. Разумно-благое начало — это триединство добра, истины и красоты. Единство добра, истины и красоты обуславливает равновесие целого и всех его частей, взаимную солидарность людей, «всечеловеческое» единство. Философ отвергает «анархическую множественность». По его мнению, она также противна добру, истине и красоте, как и мертвое, подавляющее единство.

Вл. С. Соловьев решительно отверг ницшеанский взгляд, утверждающий, что смысл жизни коренится только в красоте, только в эстетическом, безотносительно к нравственному добру. По Вл. С. Соловьеву, красота, поэзия, искусство должны служить делу утверждения истины и добра на земле, разумеется, по-своему; но в любом случае все прекрасное всегда содержательно и полезно. Конечно, признает философ, в реальной жизни возможно красивое зло, изящная ложь, эстетический ужас. Но *все* это — фальсификация красоты.

Вл. С. Соловьев полемизирует также и с К. Н. Леонтьевым, который, подобно Ф. Ницше, презирая этику, утверждал культ силы и красоты. Наряду с этим он отверг отвлеченную (по *его* мнению) моралистику Л. Н. Толстого, его рассуждения о несовместимости добра и красоты. Вл. С. Соловьев выступил в защиту Ф. М. Достоевского, которого, в частности, К. Н. Леонтьев обвинял в вере во всеобщую гармонию на земле, т. е. в «отвлеченном гуманизме». Нет, доказывал Вл. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский никогда не отделял добро от истины и красоты. Это Л. Н. Толстой жертвовал красотой во имя добра — справедливости, это К. Н. Леонтьев и Ф. Ницше приносили добро и истину в жертву красоте, это, наконец, Д. И. Писарев жертвовал красотой во имя истины. Для Ф. М. Достоевского же, по Вл. С. Соловьеву, добро, отделенное от истины и красоты, есть только неопределенное чувство, бессильный порыв; истина отвлеченная есть пустое слово, а красота без добра и истины есть кумир. Истина есть добро, мыслимое человеческим

57

умом; красота *есть то же добро* и та же истина, телесно воплощенная в живой конкретной форме. И полное ее воплощение — совершенство во всем. Вот почему, подчеркивает Вл. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский говорил, что красота спасет мир.

Н. Ф. Федоров, П. А. Флоренский, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев и другие русские мыслители тоже *обосновывали* и утверждали триединство добра (блага), истины и прекрасного. П. А. Флоренский даже провозглашал тождество «метафизической триады»: истины, добра и красоты. Это не три разных начала, а одно.

Вместе с тем следует отметить, что уже в 70-х гг. XX в. предостережения *относительно опасных тенденций общественного* развития стали приобретать коллективные формы.

В 70-е гг. XX в. крупные ученые, объединившиеся в Римском клубе, сформулировали для человечества две альтернативы.

1. Если *нынешняя* тенденция роста мирового населения, индустриализации, загрязнения, производства продуктов питания и истощения естественных ресурсов сохранится, то пределы роста на планете будут достигнуты в течение 100 лет.

Наиболее вероятным результатом будет внезапный и неконтролируемый спад как населения, так и производственных мощностей.

2. Имеется возможность изменить эту тенденцию роста и создать условия экологической и экономической стабильности, которые сохранились бы и в будущем. Состояние глобального равновесия, *устойчивого и «предохраняющего»* развития может быть рассчитано так, чтобы потребности каждого человека удовлетворялись и чтобы для всех были равные возможности реализации своего человеческого потенциала. И чтобы при этом космос, природа не разрушались, не деградировали.

Ясно, что мы, люди, *должны* добиваться осуществления второй возможности. И ясно также: чем раньше мы начнем работать для достижения этой цели, тем больше надежды на успех. И надежда прежде всего коренится в нашей духовной культуре, подчеркивали представители Римского клуба.

Так, один из *его основателей* и руководителей А. Печчеи утверждал: «Остановить и повернуть вспять этот стремительный бег навстречу гибели может только Новый Гуманизм, основанный и направленный на культурное развитие человека, или, иначе говоря, существенное улучшение человеческих качеств

58

всех жителей планеты... Я настаиваю на необходимости скорее перейти от концепции, ориентированной на человеческие потребности и их удовлетворение, к другому понятию, в основе которого лежало бы человеческое развитие, а главной целью стало бы самовыражение и полное раскрытие возможностей и способностей человеческой личности, вместо того, чтобы концентрировать все интересы вокруг наших желаний и поисков средств получить желаемое, мы фокусируем внимание на том, что есть мы сами и чем мы можем стать» (Печчеи А. Человеческие качества. М., 1995. С. 192).

Нарастающая тревога по поводу кризисных явлений в окружающей среде (загрязнение воды и воздуха, эрозия почв и т. п.) привела к созыву в июле 1972 г. первой конференции ООН по охране окружающей среды в Стокгольме. На этой конференции был сформулирован вывод о необходимости изменения существующей практики хозяйствования, приводящей к деградации природы. Для развития принципов нового подхода к управлению охраной окружающей среды была создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП). С 1980 г. ЮНЕП постоянно призывала к необходимости перехода к развитию, обеспечивающему экологическую безопасность мира.

В 1980 г. впервые была выдвинута концепция сохранения и устойчивого развития живой природы. В 1987 г. Международная комиссия ООН по окружающей среде, возглавляемая премьер-министром Норвегии Г.-Х. Брундтланд, опубликовала доклад «Наше общее будущее». В этом докладе подчеркивалась необходимость устойчивого развития (*sustainable development* — более точный перевод: поддерживающее, неразрушающее развитие). Устойчивое развитие предполагает, что удовлетворение потребностей настоящего времени не должно ставить под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои потребности. Конференция ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (июнь 1992 г.) закрепила в своих документах приверженность мирового сообщества этой концепции.

Итак, опасные тенденции развития XX в., угрожающие и XXI в., определены.

Именно в XX в. произошли самые разрушительные войны, совершены самые бесчеловечные преступления против человечества.

59

И эти преступления продолжают совершаться. Даже после завершения холодной войны мир не стал более безопасным. Вторая мировая война унесла 50 млн жизней, но начиная с 1945 г. было около 150 войн, унесших 20 млн жизней. Сегодня не только многие соседние народы не могут жить в мире; многие страны раздирают гражданские войны, национальные и религиозные конфликты.

Материальные потребности, желания современного человека также постоянно растут и в сущности постоянно удовлетворяются, а духовно он все еще, что называется, не на «высоте»; духовно он зачастую становится беднее, черствее, отчужденнее, т. е.

бесчеловечнее, антигуманнее.

На рубеже XX и XXI вв. рухнула социально-экономическая система, которую ее приверженцы называли социализмом, реальным социализмом. Казалось бы, капитализм, антипод социализма, может торжествовать: история закончилась, капитализм непреходящ. Однако все большее число людей ощущает, осознает кризис, крах системы ценностей, созданной именно капитализмом. Именно капитализм создал цивилизацию, которая «может завоевать всю землю, но не способна изобрести ни своих храмов, ни своих гробниц» (А. Мальро), цивилизацию огромных богатств и роскоши, бедности и нищеты, цивилизацию, в которой немногие по своему произволу перекраивают мир и в которой подавляющее большинство людей несвободны, угнетены, поработаны.

И все же надежда на спасение, возрождение человечества все-таки есть, она коренится уже в самой современной действительности. Почему наши современники так остро, так болезненно говорят о кризисе духовных ценностей, так настойчиво апеллируют сегодня к гуманизму? Именно потому, что они уже осознают опасность. Апелляция к гуманизму — это реакция на угрозу человеку. Не только выдающиеся мыслители, все большее число людей осознает, что над человечеством висит угроза полного уничтожения, *точнее*, самоуничтожения. Человек чувствует себя под угрозой, несмотря на растущую способность удовлетворять свои материальные потребности, несмотря на свою «преобразовательскую» активность.

Сегодня приходит понимание, что концепция гуманизма, сформулированная классической европейской философией, требует корректировки. Конечно, гуманизм — это позиция,

60 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

которая стремится все теоретические и практические проблемы решать в перспективе человека. Но надо иметь в виду, что гуманизм, провозгласивший человека целью развития, постепенно пришел к обожествлению принципа *laissez faire, laissez passer* (свободный рынок, свободная игра сил), т. е. превратился в оправдание индивидуализма. Конечно, гуманизм — это совокупность принципов, утверждающих и защищающих достоинство человека. Вместе с тем в центре современной системы ценностных координат должен находиться человек мыслящий, человек ответственный. Человек свободный, разумно, творчески и нравственно относящийся к жизни, труду, культуре, природе, обществу. Человек, верящий в единство человеческого рода, в способность улучшить самого себя.

Собственное счастье человек должен видеть отнюдь не в том, чтобы обладать многим. Прекрасно сказал И. Кант, размышляя о жизни Сократа: «Есть различие между тем, кто мало в чем нуждается потому, что ему мало чего недостает, и тем, кто мало в чем нуждается потому, что может обойтись без многого»; «зрелый, обладающий опытом разум, ставший мудростью, устами Сократа среди ярмарки всевозможных товаров радостно восклицает: сколько здесь ненужных мне вещей!» (*Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 2. М., 1964. С. 216, 350*).

Быть многим — вот главное (Э. Фромм). Человек должен стремиться не к власти, не к превосходству над другими людьми, а к солидарности с ними. Человек должен ответственно осознавать, что все негативные последствия научно-технического прогресса и прежде всего экологическая катастрофа, перед которой оказалось человечество, — результат деятельности самих людей, их социального невежества, их бездумно-хищнического отношения к окружающей природе, среде своего обитания.

Примечательно, что наши далекие предки интуитивно чувствовали, что человек — часть природы. В сущности, на заре человечества людям был присущ космоцентрический взгляд на природный и социальный мир, который воспринимался как единое целое. Всеобщий закон — Логос выражал универсальную рациональность мира. Подчиняться всеобщей необходимости — высшее назначение человека.

Затем в ходе аграрной и промышленной революции человек своей деятельностью

так «преобразовал» окружающую среду,

61

что поставил под угрозу существование и природы, и свое собственное. Именно поэтому сегодня человек должен радикально изменить ценностные установки по отношению к природе, к окружающему миру. Человек, конечно же, мера всех вещей. Но человек «ничто без объекта», без окружающего его мира. Л. Фейербах справедливо писал: «По объекту мы можем узнать человека, его истинное объективное Я» {Фейербах Л. Избр. фи-лос. произв.: В 2 т. Т. 2. М., 1955. С. 33, 34}.

Человек должен осознать свою ответственность за окружающий его мир, гармонизировать свои отношения с природой, ему необходимо понять, что цивилизация выступает как органическое единство природы и общества. Один из теоретиков гуманизма Дж. Хаксли писал: «Имели место две критические точки в прошлой истории эволюции, переходе от одного состояния к новому с совершенно новыми характеристиками. Первый был отмечен переходом от неорганической фазы к биологической, второй — от биологической к психосоциальной. Ныне мы вступаем в третью. Как кипение в котле с критической температурой воды означает переход в газообразное состояние, так и кипение идей гуманизма в котле современного мышления означает переход от физико-социальной фазы к фазе, характеризующейся осознанностью целей эволюции».

Поворот к новому гуманизму вытекает не только из соображений гуманности, он обусловлен требованиями современной науки. Наука изменяет свои методологические принципы. Если прежде все новые идеи науки предвосхищались ее прошлым; новые идеи не только не исключали прежние, но включали их в себя. Г. Гегель, в частности, считал, что большая часть содержания наук «носит характер прочных истин» и сохраняется неизменной; возникшее новое «не представляет собой изменения приобретенного раньше, а прирост и умножение. Эти науки прогрессируют посредством нарастаний, добавлений. В развитии минералогии, ботаники и т. д. кое-что из приобретенного раньше, правда, подвергается исправлению, но наибольшая часть этих наук сохраняется и обогащается лишь путем прибавления нового, не подвергаясь изменению. В такой науке, как математика, ее история в отношении содержания имеет преимущественно своей задачей лишь сообщить о новых добавлениях; например, элементарную геометрию в том объеме, в котором ее изложил Евклид, можно рассматривать как ставшую с

62

тех пор наукой, не имеющей истории» (Гегель Г. Соч. Т. 9. М.; Л., 1932. С. 17).

И. Кант также считал ряд естественных наук, в частности логику, геометрию и арифметику, достигшими своего совершенства и из этого выводил априорность пространства и времени (ибо они лежат в основе математических интуиции, а тем самым и всего теоретического естествознания в целом) (см.: Кант И. Соч. Т. 3. С. 100). Он считал, «что в любом частном учении о природе можно найти науки в собственном смысле лишь столько, сколько имеется в ней математики» (Там же. Т. 6. С. 58).

Одним из первых подверг критике подобные методологические принципы науки Э. Гуссерль. Создатель трансцендентальной феноменологии считал, что западноевропейская наука, со времен Г. Галилея и Р. Декарта облачившись в одежды математических символов, ставшая доступной техническому расчету, привела науку к отрыву от человеческого жизненного мира. Именно чрезмерный объективизм и натурализм и обусловили кризис европейской науки. По его мнению, в основе подлинной науки должны лежать концепция жизненного мира, наука должна быть соразмерна человеку. Но что такое жизненный мир? Это мир повседневной жизни, мир дорефлексивного обыденного сознания. Науки вырастают из этого мира, а не создаются искусственно.

Основоположник синергетики — теории универсальных закономерностей эволюции и самоорганизации сложных систем любого типа, как природных, так и социальных, — И. Пригожин также считает, что в научную концепцию природы и

человеческого общества должны быть внесены принципиальные изменения. Прежде всего необходимо отказаться от традиционных воззрений на природу как на кладовую сырья, от рассмотрения людей лишь как биологических организмов, экономических существ или как потребителей; необходимо сформировать новые отношения между человеком и природой, между человеком и человеком. Акцент нужно сделать на качество отношений, на способности людей. Прежняя машинная цивилизация породила механистическое мировоззрение. Бог, играющий в кости, плохо совместим с машинным веком, который с энтузиазмом воспринимал научные теории, изображавшие вселенную как своего рода гигантский механизм. Б. Спиноза в

63

свое время это механистическое объяснение мира прокомментировал так: «Если бы брошенный человеком камень мог думать, то он, наверное, вообразил бы себе, что он летит потому, что хочет лететь».

Именно механистическое мировоззрение, по мнению И. Пригожина, лежит в основе суждения П. Лапласа о том, что существо, способное охватить всю совокупность данных о состоянии вселенной, в любой момент времени всегда могло бы точно предсказать будущее и в то же время до мельчайших подробностей восстановить прошлое. И. Пригожий ссылается на А. Тоффлера, который отмечал, что представление о простой и огромной механистической вселенной не только оказало решающее воздействие на ход развития науки, но и оставило заметный отпечаток на других областях человеческой деятельности. Оно явно довлело над умами творцов американской конституции, разработавших структуру государственной машины, все звенья которой должны были действовать с безотказностью и точностью часового механизма. К. Меттерних, настойчиво проводивший в жизнь свой план достижения политического равновесия в Европе, отправляясь в очередной дипломатический вояж, неизменно брал с собой в дорогу сочинения П. Лапласа. «Оглядываясь на прошлое, — продолжает И. Пригожий, — мы ясно видим, что понятие закона, доставшееся нам в наследство от науки XVII в., формировалось в результате изучения простых систем, точнее, систем с периодическим поведением, таким, как движение маятника или планет... В данном случае время выступало как своего рода придаток. Для создателей ньютоновской картины любой момент времени в настоящем, прошлом и будущем был неотличим от любого другого момента времени... Сегодня же происходит острейший конфликт между инновационным временем раскрепощения человека и периодически повторяющимся временем стабильного и материального, мира, в котором любое изменение, любое новшество с необходимостью оказывается не более чем видимостью...»

Ученый подчеркивает: «Механическое восприятие мира сегодня рушится. Ныне мы сознаем, что живем в плюралистическом мире. Существуют явления, которые представляются нам Детерминированными и обратимыми. Таковы, например, движение маятника без трения или Земли вокруг Солнца. Но су-

64

ществуют также и необратимые процессы, которые как бы несут в себе стрелу времени» {Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1994. С. 8, 9, 13, 34, 80}. Поэтому «представление, что все сферы общественной жизни жестко связаны, что человек — винтик, функция социальных структур, ныне неприемлемо. Неприемлемо более старое априорное различие между научными и этическими ценностями. Оно соответствовало тем временам, когда внешний мир и наш внутренний мир находились в конфликте, были почти «ортогональны» друг другу. Ныне, поскольку мы знаем, что время — это некоторая конструкция, постольку оно, следовательно, несет некую этическую ответственность» (Там же. С. 150, 386).

В свое время наш соотечественник В. И. Вернадский увидел путь к гармонизации отношений общества и природы в становлении ноосферы, под которой понимал этап разумного управления биосферой; человек, став крупнейшей геологической силой, своим

трудом и разумом перестраивает окружающую его биосферу. Сегодня уже не столько природу необходимо разумно приспособлять к потребностям общества и человека, а, напротив, культурная эволюция, развитие человека все в большей мере должны приспособляться, учитывать естественную эволюцию природы.

Причем, как отмечает К. Юнг, подобная традиция существует; она присуща восточному человеку, индийцу например. Во всяком случае в йоге «удивительно совершенным образом сливаются воедино физическое и духовное». К сожалению, на Западе, полагает философ, «мы не находим... и следа того единства, этой природной целостности, которые столь характерны для йоги. Индиец никогда не забывает ни о теле, ни об уме, тогда как европеец всегда забывает то одно, то другое». Индиец «помнит не только о собственной природе, но также о том, что он и сам принадлежит природе. Европеец, наоборот, располагает наукой о природе и удивительно мало знает о собственной сущности, о своей внутренней природе. Для индийца знание метода, позволяющее ему контролировать высшую силу природы внутри и вовне самого себя, представляется дарованным свыше благом. Для европейца же подавление собственной природы, и без того искаженной, добровольное превращение себя в некое подобие робота показалось бы чистейшим адом» {Юнг К. Архетип и символ. М., 1991. С. 225).

65

Разумеется, подлинное слияние с природой должно быть осознанным, сознательным. Человек должен быть слит с природой не в качестве робота, а как субъект, понимающий необходимость и гуманистическую направленность подобного слияния. Выдающийся французский ученый П. Тейяр де Шарден утверждает, что в ходе эволюции Вселенной, эволюции человечества происходит объединение ноосферы вокруг точки Омеги, которая, по его мнению, однозначна с Христом—Богом. Что касается непосредственно человечества, то отдельные единичные сознания объединяются в одно коллективное сознание; в результате образуется «планетизированное человечество», для которого характерна духовная связь со всеми прошлыми, настоящими и будущими поколениями.

Российский ученый Н. Н. Моисеев, разделяя методологические принципы синергетики, утверждает, что до сих пор человечество пережило две бифуркации. Следование табу «не убий», которое перевело человечество с биологического уровня на социальный, и качественное расширение экологической ниши при выделении земледелия и скотоводства. Сегодня человечество на пороге третьей перестройки, суть которой именно в разумном управлении процессом коэволюции человека и природы (см.: *Моисеев Н. Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы // Зеленый мир. 1994. № 4. С. 5, 6).*

Для этой перестройки прежде всего необходимо отказаться от механистическо-детерминистской картины мира, в которой все однозначно определено и предсказуемо: «Бог не играет в кости». (Даже А. Эйнштейн также пытался из арсенала физики исключить всякую неопределенность и вероятность.) Старому рационализму сегодня нужно противопоставить новый, в котором отсутствует внешний Абсолютный Наблюдатель, претендующий на Абсолютную Истину. Новый рационализм ориентируется на новую научную парадигму, акцентирующую внимание не на Бытие, а на Становление, на состояние неустойчивости, рождения нового и т. п.

В новом рационализме взаимодействует совокупность разумов, «коллективный интеллект», которому тем не менее присуща определенная целенаправленность, обусловленная, по мнению Н. Н. Моисеева, и общими знаниями и интуицией.

Как осуществляется процесс познания, понимания явления? То или иное развивающееся явление можно рассматривать в

66

разных ракурсах. Каждый из них дает определенную информацию, совокупность интерпретаций этих информации воспроизводит в сознании человека некую голограмму

которую мы и называем пониманием. Понимание, следовательно, всегда толерантно, связано с допущением альтернатив, т. е. всегда морально обосновано.

Н. Н. Моисеев считает, что сегодня в сущности идет процесс формирования некоего единого метаязыка науки, общего языка гуманитарных и естественных наук. Это означает вместе с тем, что идет процесс сближения культур. Сближения, которое приведет не только к примирению, но и к взаимообогащению и к соразвитию культур. Ибо ни одна культура не самодостаточна: ни та, которая ориентирована, например, на рациональное постижение мира, ни та, которая, напротив, постигает мир, апеллируя к интуиции, к образным ассоциациям. Согласно знаменитой теории К. Гёделя, эти культуры вырождаются в застывшие догмы, если не будут взаимодействовать, не будут привлекать методы друг друга.

Это очень важные суждения ученого. Они важны как с точки зрения глубины постижения сложных, противоречивых проблем развития природы и общества, так и с точки зрения взаимопонимания народов, принадлежащих к различным культурам.

Во всяком случае надо иметь в виду, что глобальные проблемы, в частности процессы деградации окружающей среды, не знают территориальных границ. Людям, народам, нациям, государствам следует осознать, что сегодня нужна общая, единая концепция выживания. Она должна базироваться на ясном представлении, что человечество едино, что оно живет на одной планете Земля, которая уязвима, как никогда прежде.

Для этого необходимы не только новый способ мышления, но и новый международный экономический, социальный, культурный и научный порядок. На смену зависимости и господству должны прийти независимость и взаимозависимость, утвердиться солидарность между людьми и народами.

Итак, чтобы прогресс завтра нас не раздавил, мы должны сегодня соединить гуманизм, науку и мораль, обязаны смотреть на прогресс с точки зрения человечности и универсализма.

Нам надо осознать, что сциентизм, технократизм, лишённые человечности, вырождаются в бескрылый прагматизм. Они

67

чреватые обесмысливанием прогресса. Вместе с тем важно учитывать, что и гуманизм, отвергающий научный поиск, лишённый практического содержания, преобразующего социального пафоса, также утрачивает свое реальное значение. Наука, несмотря на известную амбивалентность ее достижений, способствует нашему пониманию истины, усиливает нашу способность прогнозировать и контролировать ситуацию.

В свое время эту мысль весьма точно выразил Ф. Бэкон: знание и способности человека совпадают. Позднее, в XIX в., ее подтвердил О. Конт: видеть — значит знать, знать — значит предвидеть, предвидеть — значит мочь. Нельзя обеспечить благоденствие человека, развитие его способностей без достижений современной науки, без модернизации всей материально-технической базы, без обновления общественной жизни, без утверждения высоких нравственных норм.

Но возможно ли соединить науку, мораль и гуманизм? Возможны ли «зрячий» прогресс, нравственный разум? Возможны. Все больше людей, осознав, что закон современной цивилизации: все больше производить и все больше потреблять — несостоятелен, поворачиваются к вечным, абсолютным духовным ценностям.

Но что такое вечные, абсолютные духовные ценности? Возможны ли они в эпоху бурных социальных перемен? И. Гёте сказал однажды, что все эпохи, в которых царит вера в абсолютные ценности, абсолютный смысл, всегда блестящи и продуктивны. Сегодня же, как весьма точно выразился А. Эйнштейн, мы живем в мире «совершенных средств, но беспорядочных целей». Действительно, проблема сегодня заключается во многом в том, чтобы обрести, найти ценности и идеалы, придающие высокий смысл

жизни человека.

Конечно, речь идет не о том, чтобы сформировать неизменные, догматические идеологические установки, дело в «экзистенциальном . призыве» к человеку, сущностном стремлении человека к реализации ценностей, которые придали бы смысл его бытию.

По сути, к самому бытию нужно относиться как к сущему, как к истине. Для античности, для Средневековья само бытие было истиной. Разум, Логос пронизывал все бытие. Человеческий разум был частью космического разума, человек в мыслях следовал самому бытию. Что касается конкретных вещей, в том

68

числе и сделанных человеком, то они в чувствах и сознании людей прошлых эпох оказывались чем-то случайным, преходящим; их познание было только ремесленным, но не действительным познанием, не познанием самого бытия, *т.* Хайдеггер справедливо утверждал, что, когда «техне», конструирование празднуют триумф, человеку грозит утрата мысли.

Поэтому главное для современного человека — осмысление сущего, озабоченный поиск истины бытия.

Этот поиск не имеет границ, он никогда не может быть завершен. К. Ясперс был прав, выступая против принципиальной возможности достижения универсального знания и вытекающей из него возможности планирования вселенской истории. Мы можем знать нечто в целом, но никогда не знаем само целое. Всякая цельная картина эпохи есть всего лишь конструкция, которая никогда не может быть знанием о сущности исторической действительности. Действия людей остаются всегда действиями внутри объемлющего их целого, непрерывно идущего исторического процесса; направлять ход целого конечному действию не дано никогда. Суть не в мировой истории; суть в конкретной нынешней ситуации. Для человека важно, чем он действительно становится, кого встречает, кого любит, в какой конкретной задаче находит свое призвание, каким представляет себе сущность человека, что за человеческое общество его окружает, какому народу и отечеству он принадлежит и, наконец, как во всем этом он ощущает само бытие и каким становится в действительности его отношение к трансценденции, к вечности, и как является ему Ничто...

В любом случае сегодня люди должны осмысливать современную действительность с позиций вечных, абсолютных ценностей Истины, Добра и Красоты, их неразрывного единства. И здесь нет ничего невозможного. Ведь во все времена люди апеллировали к добродетели, мудрости, добру, уважали такие человеческие качества, как благородство, сочувствие, верность дружбе, служение общему делу. Ценили красоту, музыку, литературу, искусство.

Бесспорно, Т. Адорно и М. Хоркхаймер были правы: счет преступлений, совершенных людьми, также непомерно велик. Поэтому после Освенцима и Хиросимы стыдно безапелляционно твердить о прогрессе, оптимизме и гуманизме. Действительно, можно ли, например, сегодня со всей уверенностью утвер-

69

ждать, что термоядерной войны никогда не будет? Можно ли надеяться, что богатые люди и государства откажутся от своих эгоистических интересов и помогут слабым «встать на ноги»? Можно ли надеяться, что человечество спасет себя от угрозы экологической катастрофы? Пока надежда на осознание людьми угрозы, нависшей над всем человечеством, на их стремление к высоким ценностям бытия довольно слаба.

Конечно, в современных условиях быть слепым оптимистом глупо, но быть пессимистом еще более нелепо. В свое время английский философ, писатель и поэт Г. Честертон хорошо написал о различии между оптимистом и пессимистом. Оптимист преображает мир больше, чем пессимист; тот, кто считает, что жизнь хороша, может изменить ее к лучшему. Это кажется парадоксом, но причина проста. Пессимиста зло приводит в ярость, оптимиста — удивляет. Реформатору необходим дар удивления. Для

него мало признать необходимость мерзкой — ее надо признать нелепой, ненормальной, достойной смеха, а не слез. Пессимисты вряд ли могут ругать зло — они не видят его на неприглядном, темном фоне. Зла нет, потому что все зло. Вновь и вновь сталкиваемся мы с парадоксом самодовольного недовольства. Джонсон смотрит на людей сквозь черные очки, но остается консерватором. Ж.-Ж. Руссо глядит на людей сквозь розовые очки, но готовит революцию. Сердитый Дж. Свифт был тори, счастливый П. Шелли — мятежник. Оптимист Ч. Диккенс высмеивает тюрьму Флит, и она исчезает. Пессимист Д. Гиссинг высмеивает Субурбию, и она жива до сих пор.

Выдающийся гуманист А. Швейцер так различает оптимизм и пессимизм: «Мое знание пессимистично, но моя воля и моя надежда оптимистичны!»

Слепой вере в разум и прогресс он противопоставляет веру в новый рационализм. Рационализм мистический, согретый верой в святость жизни, благоговеющий перед жизнью.

А. Швейцер всю свою жизнь сделал своим аргументом. Всею жизнью он подтверждал то, во что верил.

Глава 3

Социально-этические и эстетические ориентиры развития общества в III тысячелетии

В любом случае человек, его жизнь, развитие — главное мерило общественного прогресса, решающий критерий справедливости общества, общественных отношений. Как пишет Д. Роулс в своей книге «Теория справедливости», «справедливость — первая добродетель социальных институтов, как истина — система мышления. Какой бы простой и экономичной ни была теория, она должна быть отвергнута или пересмотрена, если она не соответствует истине; аналогичным образом, законы и институты, какими бы эффективными и хорошо организованными ни были, должны быть реформированы или ликвидированы, если они несправедливы». «Ничто не возмущает нас больше, чем несправедливость: все другие виды зла, которые приходится нам терпеть, ничто по сравнению с ней», — так сказал в свое время И. Кант.

Но каковы конкретно составляющие социальной справедливости? В первую очередь — жизненный уровень народа.

Экономика, экономическое развитие, экономическая эффективность — не самоцель. Экономика должна служить тому, чтобы неуклонно, шаг за шагом повышать благосостояние народа, улучшать все стороны жизни людей и тем самым создавать благоприятные условия для гармоничного развития личности.

К сожалению, в России задача повышения жизненного уровня народа всегда решалась плохо. Это наш позор. Мы до сих пор все еще не можем обеспечить граждан высококачественными продуктами питания и предметами потребления. Мы плохо решаем, а из-за пренебрежения нынешних властей стали еще хуже решать проблемы образования, здравоохранения россиян. Нет никакого продвижения у нас и в решении жилищной проблемы.

Конечно, в условиях, когда не удовлетворяются самые необходимые материальные и духовные потребности людей, любые

71

рассуждения о разумных, здоровых потребностях, о том, что понимать под уровнем и качеством жизни, звучат, мягко сказать, раздражающе.

Тем не менее это важный вопрос теоретического и нравственного порядка. Естественно, нелепо проповедовать аскетизм, воспевать бедность, но вместе с тем общество должно решительно выступить и против вещизма, накопительства, безудержной погони за материальными благами как принципа жизни сограждан. Будущему обществу несомненно чужд тот тип человека, который стремится получать от общества без всякого контроля за его трудом все, что только его душе угодно: любое количество трюфелей,

автомобилей, пианино и т. п. Будущее общество предполагает новый образ жизни нового человека, который далек от обывателя, способного «зря» портить склады общественного богатства и требовать невозможного (В. И. Ленин).

К сожалению, у нас в стране за годы советской власти у многих сограждан вошло в привычку иждивенчество, удовлетворение тем, что гарантировало государство на основе принципа уравнительного распределения и т. д. Наряду с этим на современном этапе развития нашего общества, вследствие внедрения рыночных отношений и недостатка культуры, многие люди сформировали извращенное представление об истинных интересах и ценностях личности: непомерно возвеличивают свое Я, личные эгоистические потребности порой принимают столь гипертрофированные формы, что становятся опасными для общества.

Общество, разумеется, должно выступать за полное удовлетворение всех тех материальных благ, которые создают возможность человеку жить в достатке, удобно, достойно, которые обеспечивают необходимые предпосылки для его физического и духовного развития, для всестороннего расцвета его способностей и талантов.

Конечно, определить меру материальных благ, необходимых человеку для полноценной во всех отношениях жизни, нелегко. Это зависит от реальных возможностей общества, от его социальных и нравственных ценностей, от ценностных ориентации самой личности. Во всяком случае эта мера должна быть.

Причем, если в деле удовлетворения материальных благ все же необходимо известное самоограничение, то в сфере духов-

72

ных запросов никакие ограничения в принципе недопустимы. Вместе с тем подлинное духовное богатство базируется все-таки на некоторой «односторонности»: целеустремленности, увлеченности, преданности человека какой-либо одной идее, концентрации всех его духовных сил на одном главном деле. Устремленность ко всему может обернуться опасностью дилетантизма.

Получая от общества все необходимое для труда, образования, охраны здоровья и отдыха, гражданин обязан участвовать своим трудом в создании таких же благ для других, для общества в целом. Именно трудовой вклад в общее дело служит мерой получаемых человеком благ, его достоинства, определяет положение, которое он занимает и в коллективе, и в обществе в целом. В этом суть идеи, коренная основа социальной справедливости, представляющей важнейший фактор единства и стабильности в обществе.

Разумеется, воплощение в жизнь принципа оплаты по труду — дело будущего. Пока же люди, принадлежащие к власти имущим и к аппарату, их обслуживающему, а также владельцы крупных капиталов получают доходы, явно не соответствующие затратам их труда, в результате чего социальная дифференциация в современном обществе ничуть не уменьшается, а порой резко возрастает.

Вместе с тем возникает вопрос: как соединить принцип распределения благ по количеству и качеству труда человека с идеей о социальном равенстве людей, под знаком которой совершались все антифеодальные и антибуржуазные революции и без стремления к реализации которой действительно не может утвердиться гуманное, свободное, демократическое общество? Ведь принцип оплаты по труду в силу того, что различные люди имеют неодинаковые способности, а также неодинаковое семейное положение и т. п., предполагает известное неравенство в пользовании материальными и духовными благами.

И тем не менее, как это ни парадоксально звучит, именно принцип распределения по труду обеспечивает продвижение по пути достижения социального равенства. Уже тот факт, что используется единая мера — труд, ставит людей, во всяком случае большинство людей, в одинаковое положение, дает им равные шансы. Распределение по труду побуждает каждого полнее развивать свои способности, повышать квалификацию и

ние; и это очевидно способствует все большему уменьшению различий в культурно-техническом и профессиональном уровнях, а значит, и выравниванию уровня жизни.

Но, разумеется, важнейшую роль в деле обеспечения фактического равенства граждан должен иметь создаваемый обществом фонд социальной защиты. Он должен играть решающую роль в развитии общегосударственных систем народного образования, здравоохранения и социального обеспечения, в улучшении условий отдыха людей, т.е. смягчать объективно неизбежные различия в материальном положении отдельных граждан, семей, социальных групп, выравнивать социально-экономические и культурные условия для воспитания детей, способствовать ликвидации малообеспеченности отдельных групп населения.

Сегодня немало теоретиков и особенно публицистов проблему социального равенства, по сути, замалчивают или дискредитируют как утопическую, как псевдопроблему. Конечно, в обществе, где господствуют частная собственность, рынок и конкуренция, которые создают условия для недобросовестных людей жить вовсе не по труду, а, напротив, с помощью эксплуатации присваивая прибавочный продукт, произведенный трудом других людей, достижение социального равенства невозможно.

И тем не менее, если мы хотим создать свободное, демократическое общество, мы должны рассматривать социальное равенство в качестве важнейшей цели. При этом речь ни в малейшей степени не идет о каком-либо нивелировании, о какой-либо унификации физических и духовных сил, способностей людей.

Кстати, в этом нельзя обвинять и марксистское учение о социализме, что совершенно необоснованно делают недобросовестные или незнающие теории социализма люди. «...Претендовать на то; что мы сделаем всех людей равными друг другу, это пустейшая фраза и глупая выдумка...» — отмечал В. И. Ленин. Социализм, заявлял он, ставит всех своих граждан в равное отношение к средствам производства, провозглашает и гарантирует равно право на труд и его вознаграждение, открывает равные социальные возможности для получения образования, медицинского обслуживания, для приобщения к достижениям духовной культуры. Социализм отвергает уравнивательный «гру-

бый коммунизм», он ориентирован на полное осуществление личности при одновременной солидарной связи с другими людьми.

Что касается природно-генетических характеристик человека, то их, безусловно, невозможно нивелировать. Подобная цель абсурдна, считает видный английский психиатр Г. Айзенк. Правда, его аргументация вызывает некоторое возражение. «Эта цель абсурдна... поскольку биология основана на разнообразии, благодаря которому и обеспечивается выживание, когда в процессе эволюции меняются условия существования. Если бы все существа были равными, отсутствовала бы возможность изменения».

Но человек — существо, прежде всего, социальное. Его выживание обусловлено не биологической эволюцией, а социальными отношениями. Чтобы выжить в современных условиях, люди должны установить такие общественные отношения, которые обеспечили бы единство свободы личности и коллективного общественного интереса.

И пока не удастся создать общество, обеспечивающее это единство, мечта о том, чтобы все люди имели равные стартовые шансы, необходимые для достойной жизни материальные и культурные условия, были свободны и независимы, — эта мечта непобедима, она будет жить. А. Камю однажды сказал: «Социализм означает следующее: спать на голой земле до тех пор, пока брат не будет иметь кровати». Эти слова прекрасны, в них воплощено стремление к достойной жизни для всех. Вместе с тем возникает и вопрос: не уравнивательность ли это? В известной мере. Но без этого нет смысла говорить о социальной справедливости. П. Лафарг в своей книге «Экономический детерминизм К.

Маркса» описывает следующий эпизод. Белые путешественники посетили остров, где жило племя аборигенов, и подарили вождю одеяло. Вождь распорядился одеяло разрезать на куски и поделить между всеми членами общества. Абсурдно? Конечно, с экономической точки зрения. Ну, а с точки зрения моральной? Жест большой нравственной силы, свидетельствующий, по мнению соплеменников, о мудрости и справедливости вождя.

Сегодня безусловно нужно вознаграждать людей в соответствии с количеством и качеством их труда. Но в любом случае между верхами и низами по уровню жизни не должно быть рез-

75

кого разрыва. Особенно политические и государственные руководители не должны значительно отрываться от широких масс, должны разделять с народом трудности повседневной жизни. Без этого нет социального равенства, нет социальной справедливости. Нет доверия к власти.

Стремление к социальному равенству извечно, оно непреодолимо. Не социализм породил это стремление. Об этом свидетельствует вся история человечества. Например, древний Китай, Конфуций. Наряду с моральными факторами, с требованием послушания и почтительности ко всем старшим, Конфуций обращает внимание и на необходимость преодоления поляризации богатства и бедности среди населения. «Когда богатства распределяются равномерно, то не будет бедности, когда в стране царит гармония, то народ не будет малочислен; когда царит мир (между верхами и низами), не будет опасности свержения правителя». Знаменитый древнегреческий философ Пифагор полагал, что равенство — это справедливость, что за равное необходимо воздавать равное. Другой знаменитый грек — Демокрит также считал, что справедливость требует надлежащей меры в имущественных отношениях. Аристотель рассматривал справедливость как «одинаковую пропорцию взаимных отношений»; он подчеркивал, что этой пропорциональностью держится вся общественная жизнь. При этом философ различал два вида справедливости: уравнивающую и распределяющую. Сферой применения уравнивающей справедливости является область гражданско-правовых сделок, возмещения ущерба, наказания и т. п. Распределяющая справедливость предполагает деление общих благ по достоинству, пропорционально вкладу или взносу того или иного члена общества. Искажение принципа справедливости, нарушение относительного равенства, является, по Аристотелю, главной причиной всякого рода социальных возмущений. Выдающийся древнеримский оратор и государственный деятель Цицерон в том же духе заявлял, что высшая мудрость политика заключается в том, чтобы сделать жизнь *всех* людей государства более безопасной и более богатой.

По мере развития человечества стремление к социальному равенству нарастало. И, как очевидно, нарастает. И это не просто мечта, утопия и т. п. Социальное равенство вполне реализуемо, достижимо в практической жизни.

76

Без социального равенства нет и подлинной свободы. Суждения, будто равенство ограничивает свободу, неверны. Конечно, если не понимать равенство в том духе, как ее понимают «бесы» в одноименном романе Ф. М. Достоевского: «Не надо образования, науки. Необходимо послушание. Чуть-чуть семейство или любовь, вот уже и желание собственности. Мы умерим желание: мы пустим пьянство, разврат, сплетни, донос... Всех к одному знаменателю, полное равенство. Необходимо лишь необходимое. Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет нужна и судорога: все должны поедать друг друга, до известной черты, конечно, чтобы не было скучно. Желания и страдания для нас, правителей, у рабов их не должно быть».

Социальное равенство безусловно ограничивает произвол. Но настоящую свободу — свободу развития личности, напротив, обеспечивает. Истина, разумеется, конкретна и проверяется практикой. Но любое теоретическое и правовое узаконение подавления

свободы личности ради блага большинства должно быть отвергнуто.

Свобода имеет много граней. Не только внешних; т. е. она гарантируется не только нравственными нормами. Самое важное — быть внутренне свободным. Свобода, писал И. Кант, есть «основание достоинства человека и всякого разумного "естества"». Без свободы нет человеческого достоинства, нет личности.

Как отмечал И. Фихте, то, что я представляю собой по рождению и по воспитанию, сложившийся под влиянием известных общественных условий, всем этим я стал вследствие известных общественных условий, которые во многом не суть моя собственная сознательная деятельность. Самосознание же есть мое собственное дело. Это дело изменяет мое состояние, делает из меня другое существо, превращает *мою зависимость в свободу*: это и перемена внешних обстоятельств, это изменение в самой глубине моего существа. *Действия и есть уже дело воли*. Воля — это требование к самому себе. Это требование, считает И. Фихте, должно заключаться в следующем: познай самого себя, пожелай стать самостоятельным, сделай себя свободным и пусть все, что ты есть, что ты думаешь и делаешь, будет поистине твоим собственным делом. И. Фихте подчеркивает: быть

77

свободным — это еще ничто, становиться свободным — в этом блаженство. Действия есть начало и конец свободы.

Социальная справедливость предлагает органичное единство свободы и равенства. Другое дело, что их нельзя доводить до крайности, тогда они действительно становятся несовместимыми. Чрезмерная индивидуальная свобода порождает неравенство людей, равенство в духе тоталитарных утопий подавляет свободу. Найти их меру — важная политическая и нравственная задача общества и государства. Трудная задача, но разрешимая. Например, правящая Социал-демократическая партия Германии рассматривает достижение социального равенства и индивидуальной свободы граждан в качестве своей основополагающей цели. В «Программе принципов Социал-демократической партии Германии» говорится: «Основными ценностями демократического социализма являются свобода, справедливость и солидарность... Человек как отдельное существо предназначен и способен быть свободным. Но возможность для развертывания его свободы всегда определяется обществом. Свобода для немногих была бы привилегией.

Справедливость зиждется на равном уважении достоинства всех людей. Она требует одинаковой свободы, равенства перед законом, равных возможностей в политической и социальной жизни. Справедливость требует большего равенства в распределении доходов, собственности и власти, а также равной доступности образования, профессиональной подготовки и культуры. Справедливость, право на равные возможности нужно стремиться обеспечить с помощью средств государственной власти... Без солидарности не может быть человеческого общества... Только совместные действия, а не эгоистический индивидуализм создают и обеспечивают предпосылки для индивидуального самоопределения».

И конечно же важнейшим социальным ориентиром общественного развития в XXI в. будет демократия. Демократическое общество сегодня — это общество, которое безоговорочно признает основные права и свободы человека, свободу слова, собраний, вероисповеданий, равенство всех перед законом, имеет Конституцию, базируется на разделении законодательной, исполнительной и судебной властей. Граждане имеют возможность осуществлять контроль за деятельностью государственных органов, полномочия которых ограничены определенными

78

сроками, все граждане могут принимать участие в выборах представительных органов и т. д. и т. п.

Надо раз и навсегда усвоить: монополия на власть ведет к бесправию, угнетению,

террору. Разделение власти — основа для зависимости государства от права. Там, где нет разделения власти, где не провозглашены права человека, где не признаются гражданские инициативы, бессмысленно говорить о демократии.

Бесспорно, подлинная демократия может существовать только там, где равенство всех перед законом, всеобщее избирательное право дополнены, закреплены гражданским правом на труд, обеспечение работой, минимальный доход, позволяющий жить достойно, правом на образование и на другие социальные права.

Если обратиться к истории, то со всей очевидностью можно убедиться, что впервые идеи демократии как власти народа получили свое теоретическое обоснование в эпоху Просвещения. Они базировались на всякого рода теориях либерализма, суть которых заключается в признании естественных прав личности. Либерализм опирался также на следующие принципы:

1. Большинство людей разумны;
2. В политическом отношении индивид важнее группы;
3. Интересы народа могут быть лучше всего представлены правительством, формирующимся посредством прямых выборов.

Государство заботится о благосостоянии граждан и не должно ограничивать их свободы ни в каком другом случае, кроме необходимости обеспечения их собственной безопасности и защиты страны от внешнего врага. Так определил отношения классического либерализма к государству выдающийся немецкий просветитель В. Гумбольдт. Р. Дарендорф, современный теоретик либерализма, в сущности в том же духе подчеркивает, что в моральном отношении либерализм есть убеждение, что главное — это индивид, защита его неприкосновенности, развитие его возможностей, его жизненные шансы. Группы, организации, институты — не самоцель, а средство для индивидуального развития.

Практическое воплощение идеи демократии как власти народа получили в период Войны за независимость в Северной Америке 1775—1783 гг. и Французской революции. Можно ска-

79

зать, что по сути именно они породили демократию, поскольку впервые декларировали права человека и гражданина, объявили естественными и неотъемлемыми правами человека свободу, равенство, личную неприкосновенность, восстание против угнетения. Борясь против абсолютизма и феодализма, буржуазия выражала в этих революциях не только свои интересы, но и интересы самых широких слоев народа. Буржуазная революция отвергла божественное происхождение власти. Власть исходит от народа, от объединенных волеизъявлений всех людей, составляющих национальную общность.

Конечно, провозглашенные буржуазными революциями демократические права и свободы во многом оказались формальными, поскольку реальный вес, влияние человека в обществе определялись его собственностью. Но в любом случае провозглашение свободы, равенства как неотъемлемых прав личности было крупнейшим завоеванием цивилизации. Все освободительные социальные движения восприняли идеи неотчуждаемости личных прав и свобод граждан и боролись за их реальное воплощение.

Сегодня и исходный и решающий пункт демократизации общества — его открытость. Граждане должны иметь возможность получать полную информацию о событиях внутренней и внешней политики, о мотивах тех или иных принципиальных политических и экономических решений, о состоянии дела с реализацией ранее принятых решений. Широкая, своевременная и честная информация, во-первых, способствует повышению ответственности государственных учреждений, хозяйственных органов и их руководителей, во-вторых, позволяя вовремя разобраться в тех или иных событиях, активизирует граждан, позволяет им целеустремленно и энергично действовать.

К сожалению, об открытости в современном обществе говорить пока еще рано.

Конечно, есть органы информации, которые дают гражданам более полную информацию, говорят больше правды. Но в целом власть имущие по-прежнему просто-напросто манипулируют людьми. И это манипулирование по сути дела все более усиливается.

Одним из самых больших препятствий для утверждения открытости общества является бюрократизм. Его социальная сущность заключается в том, что работники аппарата государ-

80

ственной власти фактически присваивают законодательные и исполнительные полномочия, уходят из-под контроля, интересы дела подчиняют интересам своей карьеры и Привилегий. В любом случае главной, истинной целью бюрократов является самосохранение, отстаивание собственных эгоистических интересов, хотя бы и во вред обществу. Понятно, что антиобщественная деятельность бюрократии может осуществляться лишь скрыто, за завесой секретности. «Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство, — отмечал К. Маркс. — Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером. Открытый дух государства, а также и государственное мышление представляются поэтому бюрократии предательством по отношению к ее тайне» {Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 271, 272}.

Решающим фактором преодоления бюрократизма является развитие политической культуры широких слоев населения. Процесс управления общественными делами сложен, требует знаний, умения, времени. Не каждый гражданин готов взять на себя дополнительную нагрузку. И все-таки гражданин должен учиться управлять делами общества.

В этой связи нам нужно настороженно относиться к призывам власть имущих укреплять государство, государственность и т. п. Не скрывается ли за этими призывами стремление укрепить личную власть, власть бюрократически-чиновничьего аппарата?

В свое время В. И. Ленин на Втором Всероссийском съезде Советов справедливо говорил: «Сила (народа, государства и т. п. — Б. Б.), по буржуазному представлению, это тогда, когда массы идут слепо на бойню, повинясь указке империалистических правительств. Буржуазия только тогда признает государство сильным, когда оно может всей мощью правительственного аппарата бросить массы туда, куда хотят буржуазные правители. По нашему представлению государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» (курс. авт. — Б. Б.).

Государство сильно, когда народ считает его своим государством, когда он уважает и доверяет людям, стоящим у власти,

81

когда у власти стоят люди, заботящиеся о благе народа, а не о личных привилегиях.

Особое значение для открытости общества, для развития общественной жизни имеет формирование всякого рода объединений граждан. Французский социолог, историк и политический деятель А. Токвиль был убежден, что «отдельные граждане, объединившись, могут создать учреждение, обладающее благосостоянием, влиянием и силой... Объединение, провозглашающее политические, коммерческие, производственные или даже научные и литературные цели, является мощным фактором... который выполняет важную роль как противовес произволу правительства и как гарант общих свобод в стране» {Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992}.

В наше время идеи А. Токвиля получили развитие в концепции общественности немецкого философа Ю. Хабермаса. В чем суть общественности? Общественность, по Ю. Хабермасу, это открытая совместная жизнедеятельность людей, направленная на установление широких, многомерных связей коммуникации (по отношению к которым политические связи есть одна, хотя и важная, разновидность).

Общественность — это жизненный мир; его суть — повседневная

коммуникативная практика. Экономика, классовые структуры весьма сильно влияют на жизненный мир, колонизируют и овеществляют его. Власть имущие с помощью средств массовой информации ориентируют его на пассивные, развлекательные и приватизированные образцы поведения, мешая формированию когерентных, т. е. целостных, образцов. Колонизация и овеществление жизненного мира настолько сильны, что даже, например, ликвидация частнособственнических экономических отношений отнюдь не ведет автоматически к спонтанности жизненного мира, находившегося до сих пор под диктатом закона стоимости, отмечает Ю. Хабермас.

И все же, считает философ, жизненный мир — не пассивная среда. Он может восстать и опрокинуть и власть, и господствующие до сих пор экономические и политические отношения. И это тем скорее произойдет, если в обществе активно действует общественность, формирующая общественное мнение, преобразующая социокультурные ценности. В конечном счете краху французского абсолютизма способствовала, в пер-

82

вую очередь, именно общественность, в частных домах, салонах, театрах формировавшая антиабсолютистские настроения.

Однако общественность отнюдь не синоним оппозиции. Общественность — сеть свободных ассоциаций, расположенных как бы вне организационного круга партий. Политическая коммуникация, культура вообще формируются общественностью спонтанно; они берут свое начало в понимающих ресурсах жизненного мира. Формирующаяся политическая культура не обязательно направлена против власти; но в любом случае общественность должна стремиться ограничить власть, ибо власть по определению сама себя не может ограничить; напротив, власть всегда стремится к самовозрастанию, утверждает Ю. Хабермас.

К сожалению, в современном обществе, во всяком случае в России, общественность в точном смысле этого слова развита слабо. Ее формированию мешают политическая, гражданская пассивность, равнодушие многих интеллектуалов либо, напротив, их чрезмерная активность в поддержку власти, которая и приручает их.

Важной социально-духовной ценностью современного общества должна быть терпимость. История, наша собственная жизнь убеждают: когда насаждались униформизм, единообразие мнений, наступали застои в науке, упадок в политической жизни. Социальный и научный опыт давно уже доказали, что различие позиций, дискуссии стимулируют мысль, поиск наиболее эффективных решений научных и политических проблем.

Конечно, чтобы у нас многообразие (плюрализм) мнений стало эффективно работать на общество, необходимо в обществе утверждение терпимости. Ведь, бесспорно, идея построения демократического общества — великая, великодушная идея. Но ее реализация требует умной, честной политики, культуры терпимости, компромиссов.

В силу особенностей исторического развития политика нашей страны, как правило, была агрессивна, нетерпима. Ее лозунгом был принцип: «Кто не с нами, тот против нас». Анализируя проблему нашей политической ожесточенности, правовед И. Покровский в начале XX в. в статье «Над нами и сегодня Перуново заклетье» (Из глубины: Сб. М., 1990) воспроизводит

83

старинную новгородскую легенду, о которой в курсе русской истории рассказывал В. О. Ключевский. Суть легенды: когда новгородцы при Владимире Святом сбросили идол Перуна в Волхов, рассерженный бог, доплыв до моста, выкинул на него палку со словами: «Вот вам, новгородцы, от меня память». С тех пор новгородцы в урочное время сходятся с палками на волховском мосту и начинают драться...

В. О. Ключевский вспоминает об этой легенде в связи с даваемой им характеристикой древнерусского веча: «На вече, — говорит он, — по самому его составу

не могло быть ни правильного обсуждения вопроса, ни правильного голосования. Решения составлялись на глаз, лучше сказать, на слух, скорее по силе криков, чем по большинству голосов. Когда вече разделялось на партии, приговор вырабатывался насильственным образом, посредством драки; осилившая сторона и признавалась большинством...» (*Ключевский В. О.* Курс русской истории. М., 1958. С. 83-84).

Политическая жестокость вела к междоусобице, к пролитию крови.

Как преодолеть жестокость? Русский мыслитель, философ и писатель В. В. Розанов считал необходимым разрушить политику, создать аполитичность. Оставить управление, ход дела, но лишь в элементарном виде: факты, без переходов в теорию и общую страсть. Принципы, по мнению В. В. Розанова, вообще не дело политиков, их дело управлять конкретным ходом вещей. А принципы — дело мыслителей, поэтов, священников. Конечно, эти рассуждения В. В. Розанова наивны, утопичны. Но в них много и верного. Ведь политическая нетерпимость действительно разделяет, жесточаает людей. Политики в пылу борьбы своим проблемам придают характер всеобщности, признают только жесткие ответы: «да» или «нет». В действительности, как показывает история, большинство политических альтернатив отнюдь не непримиримы и зачастую логически дополняют друг друга.

Поэтому в демократическом государстве наличие альтернатив должно признаваться нормой; оппозицию следует признавать и уважать. Поэт М. А. Волошин отмечал: «Мир строится на равновесиях. Две дуги одного свода, падая одна на другую, образуют несокрушимый упор. Две правды, два принципа, две

84

партии, противопоставленные друг другу в устойчивом равновесии, дают точку опоры для всего здания. Полное поражение и гибель одной из партий грозит провалом и разрушением всему зданию».

Разумеется, многообразие мнений отнюдь не исключает единство мысли и действий. Для науки обязательно стремление к истине, а истина все-таки одна. Конечно, истинность тех или иных суждений, выводов, концепций доказывает практика, причем не сиюминутная, а социально-историческая. Поэтому на пути к истине, в стремлении к истине и философ, и политик должны иметь право на свободу мнений; они должны иметь право высказывать самые различные мнения. Только из такого многообразия мнений и может возникнуть единство. Желание же постулировать единство априори не только не имеет само по себе ценности, но и может, как мы уже знаем, привести к опасным последствиям, к духовному и физическому террору.

В конце концов все мы должны понять, что терпимость, толерантность — это подлинная гуманность. Все люди разные от природы, диктат и насилие поэтому не приведут к единству. Оно может быть достигнуто только через сотрудничество, гармонизацию интересов людей, т. е. через терпимость. И, разумеется, терпимость не безразличие к мнению и интересам других. «Различный образ мысли коренится в различии самих людей, именно поэтому абсолютное однообразие убеждений невозможно. Если мы знаем, на чьей мы стороне, то этого уже достаточно; мы спокойны по отношению к самим себе и справедливы по отношению к другим», — писал И. Гёте.

Конечно же, в огромной степени демократизация общества определяется нравственностью индивидуума, личным нравственным поведением каждого из нас. Демократическому обществу нужны личности. Личности нравственные, свободолюбивые, обладающие чувством собственного достоинства, совести и чести. И, разумеется, мужественные, способные идти до конца ради защиты своей чести, чувства собственного достоинства. А это ведь вовсе нелегко; терять, зачастую, приходится многое: положение в обществе, материальное благополучие, духовную уравновешенность.

Так что я акцент сделал бы на такие моральные качества личности, как мужество, честь, достоинство, свободолюбие. Без

85

этих качеств трудно представить человека, способного быть «мерой всех вещей».

И еще важнейшее моральное качество, без которого человек не может быть личностью, без которого не может утвердиться общество XXI в., — ответственность. Гражданской ответственности нам сейчас как раз и не хватает. Многие люди утратили требовательность к себе, забыли как звучит слово «стыд». Мы безответственно судим о прошлом, оцениваем настоящее, рассуждаем о будущем. Мы легко меняем взгляды: сегодня охаиваем то, чему вчера поклонялись. Мы люди крайностей: то мы революционеры, то реформисты, то догматики, то критики, то противники рынка, то его приверженцы и т. д. и т. п. Ответственность — вот что освободит нас от крайностей, приведет на путь истины, на путь реальной действительности.

Ответственность за конкретное дело. Но и этого уже мало. Нам сегодня нужна ответственность более широкая, выходящая за рамки наших конкретных дел. Человеку следует в конкретных делах подниматься на самую большую нравственную высоту, он должен понимать, что каждый его поступок касается не только его личности, но, может быть, судьбы всего человечества (И. Кант). Поэтому ему должна быть присуща ответственность за страну, ответственность за все, происходящее в мире. Чувство «онтологической вины», как говорили русские философы, чувство «метафизической вины», как сказал выдающийся немецкий философ К. Ясперс. Это чувство обусловлено тем, что в наши дни возникло реальное единение человечества, которое заключается в том, что нигде не может произойти ничего существенного без того, чтобы это не затронуло всех. Выживание — сегодня цель всего рода человеческого, спастись и продолжать жить достойно и счастливо — общая задача человечества.

Между тем — люди слишком еще разобщены. Разобщенность, равнодушие, неравенство губительно действуют на людей, порождая отчаяние, жестокость. Современная литература, искусство полны свидетельств этого. В романе Р. Юнга «Лучи из пепла» изображается Япония после атомной бомбардировки. Ужас, смерть, борьба за выживание, коррупция, равнодушие, беззащитность... Кадзуо, юноша, совершает преступление, убивает спекулянта. Ждет казни в тюрьме.

86

Ожесточен. Записывает в своем дневнике:

«День X, месяц X, 1950 г.

Идет небольшой дождь. Сотни глаз смотрят на меня с любопытством, ненавистью, сочувствием (кто просил вас мне сочувствовать?)...

Вспышки магния прожигают меня насквозь. Ну что ж, смотрите! Я не боюсь смертной казни. Будьте уверены! Показал им зубы. Они бросают на меня возмущенные взгляды. Чувствую себя превосходно. Слушайте, вы все!.. Я хотел разбить всё вдребезги... Да, всё... Даже свою собственную жизнь... И я это сделал... Сделал... Сделал, как хотел!

<...> День X, месяц X, 1950 г.

Отец, отец! Я тоскую по отцу. Они снова уставились на меня. Все здесь в зале считают меня закоренелым преступником. И я делаю вид, будто я такой и есть... Под конец я, наверное, все же потеряю мужество. В действительности я совсем не такой железобетонный. Я ведь хотел быть ближе к людям, мечтал любить и быть любимым, но все уходило от меня. Чем сильнее я стремился подойти к людям, тем дальше они уходили от меня. Я всегда был одинок. Я жил один наедине с самим собой. На самом деле я вовсе не хочу умереть! Я хотел бы жить и жить...». Сколько же в нем любви, тоски, слабости, потребности в сочувствии, жалости...

Это — послевоенное время. Но и годы спустя то же самое. Мерсо («Посторонний» А. Камю) одинок; в состоянии некоего душевного ослепления убивает араба. Презирает лживые нормы буржуазной морали, поэтому говорит только правду. Вызвал негодование судей своим отказом лицемерить. Ждет казни. И мечтает: хорошо, хотя бы в последний час, не быть одиноким: «Огромная волна злости как бы очистила меня, освободила от надежд, и, вглядываясь в черное небо, усыпанное знаками и звездами, я в первый раз...

открыл сердце доброму равнодушию космоса... Я все еще был счастлив. Чтобы все завершилось, чтобы мне чувствовать себя менее одиноким, нужно было только, чтобы в день казни собралась большая толпа зрителей и чтобы она встретила меня воем насмешек».

Конечно, нет такого жребия, такой ситуации, которые нельзя было бы преодолеть презрением (А. Камю). И все-таки равнодушие — страшная, губительная черта человеческой жизни. Мы слишком сосредоточены на своих бедах и несчастьях, не-

Глава 3. Социально-этические и эстетические ориентиры 87

редко придумываем и преувеличиваем их. Все, что далеко, что не угрожает нам непосредственно, что не ломится еще в нашу дверь, мы считаем вполне терпимым. Известный кинорежиссер И. Бергман, резко отвергая индивидуализм, рассказывает в этой связи следующую легенду: «В Шартрский собор попала молния и сожгла его до основания. Тогда на место пожарища стали стекаться тысячи людей со всех концов света... И все вместе они снова построили собор на старом месте. Они работали до тех пор, пока окончательно не восстановили весь собор; это были мастера-каменщики, художники, рабочие, клоуны, дворяне, священники, бюргеры. Но имена их остались неизвестными, и никто до сих пор не знает, кто же построил Шартрский собор... В наше время личность стала высочайшей формой и величайшим проклятием художественного творчества. Мельчайшая царапина, малейшая боль, причиненная личности, рассматривается под микроскопом, словно это категория извечной важности. Художник считает свою изолированность, свою субъективность, свой индивидуализм почти святым.

Так в конце концов все мы собираемся в одном большом загоне, где стоим и блеем о нашем одиночестве, не слушая друг друга и не понимая, что мы душим друг друга насмерть. Индивидуалисты смотрят пристально один другому в глаза и все же отрицают существование друг друга... Поэтому, если меня спросят, каким я представляю себе общий смысл моих фильмов, я ответил бы, что хотел бы быть одним из строителей храма, что вознесется над равниной» {Бергман И. Статьи. Рецензии. Сценарии. Интервью. М., 1969, С. 249, 250).

И сегодня, особенно у нас, в российском обществе, растут равнодушие, разобщенность, наблюдается спад жизнерадостности, безнадежность и т. п. Насилие, военные конфликты, обездоленность стариков и детей воспринимаются как что-то обычное, как не имеющее к нам отношения. «Есть что-то непонятное и чудовищное в чувствительности людей к ничтожнейшим делам и в совершенной бесчувственности к делам величайшим. Точно заколдованные какой-то всемогущей силой, погружены они в сверхъестественный сон» (Паскаль). Люди должны преодолеть эту «заколдованность», должны повернуться лицом к важным человеческим проблемам. Они должны понять, что мало быть порядочными людьми, нравственными лишь в личном плане: мало любить семью, испытывать чувство ответственно-

88 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

сти перед ближними. Хотя, разумеется, без любви к близким невозможна и любовь к дальним. Любовь к родной стране питается любовью к родным местам, к дому, где ты родился, к полям и лесам, среди которых ты вырос. И тем не менее в современных условиях позиция: я благороден, я честен, все остальное меня не касается, я не виноват в том, что многие люди бедны, больны, несчастны — такая позиция аморальна или, в лучшем случае, недостаточно моральна.

Мы должны чувствовать ответственность за все, что было, есть и будет с человечеством. Я лично не несу политическую вину за гонку вооружений, за нависшую над человечеством опасность ядерной и экологической катастрофы, за неокOLONиалистскую эксплуатацию многих стран, за нищету и бедность миллионов людей. Но я должен испытывать чувство моральной вины, моральной ответственности за все то, что было, есть и будет с моей страной, с миром. В немецком языке есть примечательная пословица: у каждого из нас спрятан «скелет в шкафу», что следует

понимать: «У каждого из нас что-то есть на совести, за что нам сегодня обидно и больно». Хорошая пословица. Без боли за дела человечества мы не выживем, без нее человечество не пойдет вперед. Одним словом, как отмечал известный советский ученый С. Л. Рубинштейн, «человек есть в максимальной мере личность, когда в нем минимум нейтральности, безразличия, равнодушия и максимум «партийности» по отношению ко всему общественно значимому. Поэтому для человека как личности такое фундаментальное значение имеет сознание не только как знание, но и как отношение» (Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание М., 1957. С. 312).

Великий знаток человека, его личности, души Л. Н. Толстой удивительно ярко и точно определил, что такое хороший или плохой человек. Самый лучший — тот, кто живет преимущественно своими мыслями и чужими чувствами и болями. Самый худший тип человека — тот, который живет чужими мыслями и своими эгоистическими чувствами. Из различных сочетаний этих качеств и складываются, по Л. Н. Толстому, все различия между людьми.

Бесспорно, кто игнорирует благо отдельного человека, его свободу, тот поступает аморально. Тем не менее наше время — кризисное время для развития человечества — требует человечности, сочувствия, солидарности. Я не могу быть счастливым,

89

если несчастны другие. Счастливыми люди должны быть вместе. В этом заключается сегодня нравственная диалектика, в этом должен корениться побудительный мотив деятельности человека и воплощаться сегодня социальный прогресс.

И несмотря ни на что, я полагаю, что сегодня и применительно к сфере нравственности нельзя говорить о человечестве только в пессимистическом тоне. Я верю: этические основы, выработанные человечеством, более прочны, чем политические концепции, базирующиеся на насилии, чем бездумная логика покорения природы, чем аморализм в межличностных отношениях современных людей. Сегодня реальная жизнь требует и способствует упрочению этических принципов как в сфере отношений человека и природы, так и в сфере межчеловеческих связей и взаимодействий.

И, конечно же, ни о какой духовности общества не может быть и речи без подлинного искусства, без литературы, пробуждающих в человеке самые глубокие чувства, заставляющие чаще и сильнее биться его сердце, помогающие человеку становиться благороднее, чище и лучше.

Очевидно, что искусство должно быть свободным. Все попытки цензуры, ограничения, диктат, запугивание должны быть отвергнуты. Музыканты должны иметь возможность свободно сочинять музыку, режиссеры театров — ставить пьесы, которые они хотят ставить, писатель может писать о том, что он переживает. Я думаю, что Е. И. Замятин по существу сказал верно, хотя и резко: «Настоящая литература может быть только там, где ее делают не исполнительные и благонадежные чиновники, а безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики. Я боюсь, что настоящей литературы у нас не будет, пока мы не излечимся от какого-то нового католицизма, который не менее старого опасается всякого еретического слова...»

Азбука демократии, писал известный советский философ М. А. Лифшиц, требует «отделить гражданский вопрос — точнее — вопрос о правах художника — от вопроса эстетического».

В гражданском отношении все течения в искусстве должны быть равноправны. Надо предоставить всем художникам, всем людям без исключения гражданское право думать так, как они хотят думать, и защищать в открытом честном споре свои идеи. «Препятствием могут быть только контрреволюция, порнография и прочие эксцессы, да и здесь нужно быть очень осторож-

90

Социальные и духовные ценности на рубеже II и 114 тысячелетий
ным в окончательных суждениях» (Лифшиц М. А. Искусство и современный мир. М., 1979. С. 79).

В 40-е гг. XX в. английский писатель Дж. Оруэлл, вскрывая страшную, бесчеловечную сущность тоталитаризма, подчеркивал, что тоталитарное государство не допускает никаких проявлений свободы духа, свободы мысли. «Тоталитаризм, — писал он, — посягнул на свободу мысли так, как никогда прежде не могли и вообразить. Важно отдавать себе отчет в том, что его контроль над мыслью преследует цели не только запретительные, но и конструктивные. Не просто возбраняется выражать — даже допускать — определенные мысли, но диктуется, что именно надлежит думать, создается идеология, которая должна быть принята личностью, норовят управлять ее эмоциями и навязывать ей образ поведения. Она изолируется, насколько возможно, от внешнего мира, чтобы замкнуть ее в искусственной среде, лишив возможности сопоставлений. Тоталитарное государство обязательно старается контролировать мысли и чувства своих подданных, по меньшей мере, столь же действенно, как контролирует их поступки» (Оруэлл Дж. 1984 и эссе разных лет. М., 1989. С. 245).

В 1989 г. Гао Синцзянь, китайский писатель и поэт (живущий во Франции), в речи «Обоснование литературы» по случаю присуждения ему Нобелевской премии также весьма остро противопоставил литературу и государство.

Литература может быть лишь голосом отдельной личности.

Но как только литература становится государственным гимном, знаменем нации, рупором партии и глашатаем какой-то партийной и политической группировки, такая литература тут же теряет свою исконную сущность.

Она превращается в продукт власти и средство извлечения выгоды.

Литература позволяет человеку сохранить свое сознание. Отправная точка литературы — разговор с самим собой; только затем следует общение посредством языка с другими.

На мой взгляд, Гао Синцзянь все-таки чрезмерно индивидуализирует литературу. Но, безусловно, он прав: власть имущие не должны насаждать конформизм, напротив, они должны поддерживать, стимулировать многоцветье духовно-культурных течений. Умная власть нуждается в оппоненте, в оппоненте честном, умном, принципиальном. Боятся оппонентов, не жела-

Глава 3. Социально-этические, и эстетические ориентиры 91

ют их лишь нечестные трусливые властители. Здесь, конечно, существует проблема. Власть имущие, как правило, ориентируются на порядок, на гармонию, а их оппоненты из сферы искусства и литературы указывают на беспорядок, на всякого рода изъяны и деформации. Конфликт объективно возможен. Но это нормальный процесс. И честные, умные руководители должны это ценить: художники-оппоненты помогают им идти вперед. К ним нужно относиться не как к «приводным ремням» (И. В. Сталин) власти, оценивать их нужно в таком случае не как «диссидентов», а уважать их как равноправных участников общественного диалога, в ходе которого только и возможно найти верный перспективный путь.

Таким образом, в сфере культуры не должно быть внешних, тем более властью определяемых критериев оценки произведений искусства. Критерием должно быть гуманистическое, нравственное и эстетическое чувство творцов духовных ценностей. Другое дело, что и другие люди, воспринимая духовные ценности, свободны в их оценке. Решающим для них также является их гуманистическое, нравственное и эстетическое чувство. Здесь важно, чтобы и деятели культуры, и народные массы стремились понять друг друга, возвысить свое эстетическое чувство, жить и творить по высоким меркам гуманизма, правды, добра и красоты. Ф. М. Достоевский сказал однажды, что красота спасет мир (понимая красоту в широком смысле как органическое единство эстетического чувства, нравственности и разума).

Это так и есть. Но это значит: нужно сделать все, чтобы люди имели доступ к красоте, имели возможность удовлетворять свои культурные запросы.

Без культуры в широком смысле: нравственной, эстетической и научной, нет

цивилизации. Мы сумеем сохранить цивилизацию, приумножить ее богатства, создать, базируясь на высших достижениях прошлого, новую мировую цивилизацию, если добьемся, чтобы культура вошла, по выражению В. И. Ленина, в плоть и кровь, в быт, в привычку каждого из нас.

Это трудный и длительный процесс. Можно сравнительно быстро построить дом, завод, город. Но культуру, подобно дереву, надо вырастить. Ухаживать за ней, беречь ее и только тогда она будет приносить плоды.

92 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Но чтобы культура приносила плоды, творцы духовных ценностей не должны запирается в башню из слоновой кости и чураться общественной жизни.

В 1848 г. великий русский критик В. Г. Белинский, определяя задачи искусства, писал: «Отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а уничтожать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, т. е. мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкой праздных ленивцев».

К сожалению, у нас в СССР, в России немало деятелей культуры дистанцировались и дистанцируются от общественных проблем, равнодушны к ним, перекадывают бремя политической ответственности на других, оправдывая себя сентенциями типа «искусство выше политики», «поэт на башне более высокой, чем вышка партии стоит» и т. д. Это, кстати, на руку худшим слоям бюрократии, которые и сами стремятся не допускать представителей других социальных, профессиональных слоев и групп к рулю управления государством, обществом.

Так что деятели культуры не только не должны отчуждаться от государственной и общественной жизни, но должны стремиться активно на нее воздействовать. Выдающийся немецкий писатель Т. Манн, сам отдавший известную дань аполитичности, затем решительно отверг эту ситуацию. «Дело в том, что отказ культуры от политики — заблуждение, самообман, уйти, таким образом, от политики нельзя, можно лишь оказаться не в том стане, питая сверх того страстную ненависть к противнику. Аполитичность есть не что иное, как попросту антидемократизм, а что именно это означает, каким самоубийственным образом дух, став на такую позицию, бросает вызов всему духовному, обнаруживается с необычайной ясностью на крутых поворотах истории», — весьма резко писал Т. Манн (*Манн Т. Собр. соч. Т. 10. М., 1961. С. 291*).

Сын Т. Манна К. Манн в замечательном романе «Мефистофель» создал образ Хендрика Хефгена, немецкого актера, для которого театральная карьера — главное, «что бы ни случилось с Германией». Его интересует только личный успех. Политика интересует его постольку, поскольку содействует его личному успеху. Политическая беспринципность разрушила в нем моральные устои. Фактически уничтожила его как личность. Хеф-

Глава 3. Социально-этические и эстетические ориентиры 93

ген стал прислужником нацистов, предал все и вся: любовь, дружбу. В конце концов потерпел крах и как артист, художник.

Вне политики, без участия в жизненной борьбе, без четких политических идеалов, ориентированных на гуманизм, совесть и добро, невозможно ни сохранить, ни развивать культуру. Г. Бенн, большой немецкий поэт, продемонстрировал это весьма трагически, в сущности поддержав нацистов.

Так, он заявил, что поддерживает новое государство, ибо это его народ пытается здесь идти собственным путем. Народ — это так много! Всеми своими мыслями и представлениями он обязан своему народу. Большой город, индустриальное общество, интеллектуализм, все тени, которые отбрасывает эпоха в его сознание, все это может исчезнуть, но останется Народ. Глубинные основы такой точки зрения те же, что вы можете прочесть у каждого, кто задумывался об истории. «Мировая история — не почва для счастья» (И. Фихте). «Народы призваны выявить великие жизненные закономерности

без оглядки на счастье отдельной личности или некоей общей суммы счастья» (Я. Буркхардт). «Нынешнее измельчание человека заставляет задуматься о силе, которая способна вызвать к жизни более крепкую расу. При этом господствующая раса может зародиться только после устрашающего и насильственного толчка. Проблема: где варвары XX столетия?» (Ф. Ницше). Обо всем этом эра либерализма и индивидуализма напрочь забыла, она духовно не в состоянии ответить на вызов времени и сделать соответствующие политические выводы. Пришла пора испытаний, каждый должен сделать выбор: личные пристрастия или равнение на государство.

Г. Бенн заявляет, что связал свою судьбу с государством. История — элементарный, катастрофический, безжалостный процесс. Она не знает ни демократии, ни вымученно вознесенного рационализма; у нее есть лишь один способ действия: в переломный-момент вызвать к жизни из недр расы новый человеческий тип, который должен пробиться и воплотить свои идеи в материале своего времени и своего поколения — упорно, безжалостно, трагично, как и повелевают законы жизни.

История — человеческое мужество, преобразующее старую мораль, отрицающее все законы. И разве не то же самое и в Германии? Историей движет насилие. Любой порядок — насилие.

94

Т. Манн ведь тоже разделял это опьянение судьбой, охватившее немецкий дух. Ведь в Первой мировой войне его отношение к войне было исключительно пронемецки. Политическая апатия обречена, а политическое действие — всегда насилие.

Сказано красиво, афористично, во многом верно. Но по сути в словах Г. Бенна таится опасный антигуманизм. К. Манн, обращаясь к Г. Бенну, совершенно обоснованно подчеркивал: слишком сильная склонность к иррациональному ведет в политике к реакционности. Вначале широкий жест против цивилизации — жест, притягательный для людей духовных; потом незаметно одобряется культ силы, а там недалеко и до А. Гитлера.

Нечто подобное произошло с так называемым д'аннунцианством. Итальянский писатель и поэт Г. Д'Аннунцио и его приверженцы использовали специфический эстетизм, культ красоты, красоты формы в ущерб содержанию, по сути его полностью игнорируя. В конце концов все это обернулось апологетикой красоты силы и войны, разрушения и смерти, прямой, открытой поддержкой итальянских фашистов.

В 1973 г. немецкий историк И. Фест, характеризуя общую атмосферу начала века, в которой формировался фашизм, отмечал: тогдашнюю молодежь «объединяло страстное противостояние буржуазному миру и буквально яростная приверженность искусству. Они презирали дело своих отцов, не испытывая к ценностям предшествующих поколений ничего, кроме презрения. Наоборот, аристократическое существование воспринималось как благородное именно потому, что оно было социально бесплодным. Все, кто выступал за порядок, долг, выдержку, клеймились как «буржуа». Буржуазная ментальность, по мнению этой молодежи, обеспечивает жизненный успех, но она нетерпима к любой форме экстраординарности. С другой стороны, рост и обогащение подлинной культуры, высокий духовный взлет могут быть достигнуты только в одиночестве, в экстремальных ситуациях человеческой и социальной отчужденности. Художнику, гению, сложной личности вообще нет места в буржуазном мире. Его настоящее место — на окраинах общества, там, где размещаются вместе и одновременно морг для самоубийц и пантеон бессмертных. И хотя Гитлер жил в убогих меблированных комнатах, хотя его представление о себе

95

как художнике было до смешного преувеличенным, хотя никто не признавал за ним таланта, хотя его реальная жизнь в молодежном общежитии была отмечена печатью паразитизма и антисоциальности, не брезгающих и мелким жульничеством для целей выживания, — все это исподволь подспудно работало на концепцию гения, каким он тогда понимался».

Эстетизм, игнорирующий реальные проблемы общественной жизни, как правило,

обращивается антигуманизмом.

Э. Юнгер, хотя и понимал, что мир тонет в бестиальности, хотя и призывал не забывать, что человек окружен страданиями, тем не менее порой впадал в эстетизм, воспринимал красоту, забывая о боли, страхе, отчаянии людей.

Бомбардировки ночью; убитые люди, разрушенные дома. Утром: «Я любовался целой колонией клематисов разных сортов, чьи голубые и серебристо-серые звезды стояли стеной. Розы уже в цветении. Особенно мне бросилась в глаза *meugon van rossem*. Еще закрытый бутон ее у основания был светло-желтый, как у чайной розы, от него шли пламенные прожилки к персиково-красному, покрытому росой кончику. Он так был похож на нежную округлость груди, с пульсирующим в жилах красным вином! Его аромат был нежен и силен».

Красиво. Но... холодно. Красота подлинна, когда очищает и согревает Душу, когда побуждает к состраданию.

Американский журналист С. Шиф однажды взял интервью у 90-летней Лени Рифеншталь, прославленной кинематографистки гитлеровской Германии. Он добивался от нее ответа на вопрос: что такое фашистская эстетика? Лени Рифеншталь не нравился ни вопрос, ни разговор. Она сказала, что никогда не думала об эстетике. «Я читала об этом, но так и не знаю, что это значит. Но вот если я вас сниму, одни фотографии будут лучше других, а та, на которой я увижу ваши неповторимые особенности, будет самой лучшей. И так со всем, что я вижу. Я предпочитаю показывать самое лучшее, прекраснейшее. Это Делает меня счастливой, помогает мне жить. Когда я под водой (Лени увлекалась подводными съемками), я вижу красных рыбок, синих, серых. Я предпочитаю красных и синих серым».

С. Шиф так оценил этот ответ: «общество, которое ценит красных и синих рыбок и уничтожает серых, — это фашистское общество. И когда человек, считающий себя художником, как Гитлер считал, пытался создать общество столь же совершен-

96 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

ное, как произведение искусства, — результат этой попытки неизмеримо ужасен. Я смотрю слайды, что показывает Лени Рифеншталь, и мне приходит в голову, что, мрже[^] быть, как и многие первоклассные художники, она не понимает по-настоящему то, что делает; она только знает, как делать это. Искусство, уничтожающее серых рыбок, — вроде болеутоляющего, но вредного наркотика, оно стремится избежать подлинного опыта бытия» {Пармонов Б. Конец стиля. М., 1999. С. 154, 155}.

М. Хоркхаймер был прав, написав после Второй мировой войны: разума недостаточно для защиты разума. Мы добавим: морали недостаточно для защиты морали. Красоты недостаточно для защиты красоты. Нужно активно участвовать в жизненной борьбе. Без этого не сохранить культуру. А без культуры в сущности нет общественной жизни, нет государства. Существует только одна альтернатива: культура или варварство; другой альтернативы нет. Именно поэтому художник должен нести ответственность за культуру, за общество, за человека. Его идеалы, идеи должны способствовать развитию человека, укреплению его нравственности, обогащению его духовного мира, взаимопониманию, солидарности людей. Искусство, красота действительны, когда они возвышают человека, побуждают людей жить в соответствии с высокими идеалами нравственности и красоты.

Замечательный французский писатель А. Жид, подчеркивая социально-созидательную роль искусства, литературы, писал: «Наша литература, в особенности романтическая, превозносила, культивировала, распространяла печаль; и вовсе не ту деятельную и решительную печаль, которая толкает человека на самые славные дела, но некое вялое состояние души, которое называется меланхолией, покрывавшее привлекательной бледностью чело поэта и наполнявшее его взгляд ностальгией. Ее создавали мода и самолюбование. Радость казалась вульгарной, знаком чересчур животного здоровья, а гримаса смеха безобразила лицо. Печаль сохраняла за собой

привилегию одухотворенности и тем самым глубины».

Во всем этом «больше предвзятости, чем верности природе, — считает А. Жид. — Я знаю, что человеку предстоит одолеть еще много драконов. И все же в отказе от радости есть нечто от банкротства, отречения, трусости. Истинная мудрость начинается там, где кончается страх. Страх, насилие, упадок

97

духа, непонимание, злословие, лицемерие, тщетная надежда нереального... — все это делает человека врагом самому себе и другому, все это мешает счастьем людей».

Но что такое счастье? Счастье имеет многие формы выражения. Нельзя порицать то, что разнится от тебя. Человеческое общество может быть совершенным лишь в том случае, если "благоприятствует расцвету многих форм счастья, утверждает писатель.

«Но всякое счастье кажется мне ненавистно, если оно достижимо за счет другого, за счет тех благ, которых его лишали. Я не хочу счастья, которое отталкивается от нищеты. Я не хочу богатства, которое лишает другого. Если моя одежда обнажает другого, я пойду нагим... Я питаю отвращение к чрезмерному обладанию, счастье мое — дарить другим, в увеличении счастья других. Чтобы быть счастливым, мне необходимо всеобщее счастье», — снова и снова подчеркивает А. Жид (*Жид А. Новая пища. М., 1936. С. 25-26*).

Однако в любом случае, чтобы восторжествовало счастье, замечает А. Жид, «надо изменить этот мир, в котором столько нищеты, горя, мук, ужаса. Счастливым человек не может подумать об этом, не устыдившись своего счастья».

Задача писателя, поэта, художника в том, чтобы помочь людям осознать красоту и счастье жизни, помочь им жить в любви, добре и красоте. Такова позиция, таков взгляд А. Жида на миссию искусства, духовной культуры в обществе.

Современный французский писатель и поэт М. Уэльбек также считает своим моральным долгом противостоять негативным общественным тенденциям. Общество, в котором вы живете, имеет целью вас уничтожить... В качестве оружия подразумевает безразличие. Вы не можете позволить себе того же. Следовательно, нападайте!

У любого общества есть свои уязвимые места, свои болевые точки. Найдите их.

Углубляйтесь в темы, о которых люди не хотят слышать. Показывайте изнанку жизни. Напирайте на болезнь. Настойчиво говорите о смерти, о забвении. О ревности, равнодушии, фрустрации, отсутствии любви. Зовите людей в место, где наши поступки вписываются в гармонию мира, где они волшебным образом последовательны и свободны от противоречий, где все наши «я»

7-6325

98 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий дружно шествуют рядом без раздоров и драм, где правит абсолют, где идеалы вечны...

Такое место, считает М. Уэльбек, не существует на земле, но мы туда идем («Погоня за счастьем»).

А вот взгляд на культуру, на то, что такое счастье человека, А. Нилла, выдающегося английского педагога.

По его мнению, в жизни человека главное — это игра. Это любовь, радость, смех, музыка, интересная работа, хобби, вера в человека, сочувствие к боли других. В современной цивилизации, считает он, жизнь человека определяется словом «жизнеотрицание». Жизнеотрицание — это послушание, долг, нажива и власть. Мы — рабы наживы, власти, тупо приспособляемся к авторитарному обществу, готовы умереть за идеалы наших хозяев. Все это означает — быть против жизни. И корни этого отрицания жизни, полагает А. Нилл, в том, что взрослые, будучи детьми, не играли или не наигрались вдоволь.

И все же сейчас, пусть едва, но уже прорастает новая цивилизация, главным принципом которой будет жизнеутверждение, суть которого — стихия любви; все

остальное второстепенно. Любовь все излечивает и все исправляет; любовь, как дуновение свежего воздуха, проветривает душу, чтобы очистить ее от ненависти к себе и другим, подчеркивает А. Нилл.

Конечно, искусство — это праздник, это игра, это красота, так считает и Х. Ортега-и-Гассет. В работе «Дегуманизация искусства» он пишет: «Для современного художника... нечто собственно художественное начинается тогда, когда он замечает, что в воздухе больше не пахнет серьезностью и что вещи, утратив всякую степенность, легкомысленно пускаются в пляс. Этот всеобщий пируэт — для него подлинный признак существования муз. Если и можно сказать, что искусство спасает человека, то только в том смысле, что оно спасает его от серьезной жизни и пробуждает в нем мальчишество. Символом искусства вновь становится волшебная флейта Пана, которая заставляет козлят плясать на опушке леса».

Все новое искусство будет понятным и приобретет определенную значительность, «если его использовать как опыт пробуждения мальчишеского духа в одряхлевшем мире, — продолжает философ. — Другие стили претендовали на связь с бурными социальными и политическими движениями или же с глубокими философскими и религиозными течениями. Новый

99

стиль, напротив, рассчитывает на то, чтобы его сближали с праздничностью спортивных игр и развлечений. Это родственные явления, близкие по существу.

За короткое время мы увидим, насколько поднялась на страницах газет волна спортивных игрищ, потопив почти все корабли серьезности. Передовицы вот-вот утонут в глубокомыслии заголовков, а на поверхности победоносно скользят яхты регаты.

Культ тела — это всегда признак юности, потому что тело прекрасно и гибко лишь в молодости, тогда как культ духа свидетельствует о воле к старению, ибо дух достигает вершины своего развития лишь тогда, когда тело вступает в период упадка. Торжество спорта означает победу юношеских ценностей над ценностями старости...

В мое время солидные манеры пожилых людей еще обладали большим престижем. Юноша жаждал как можно скорее перестать быть юношей и стремился подражать усталой походке дряхлого старца. Сегодня мальчики и девочки стараются продлить детство, а юноши — удержать и подчеркнуть свою юность. Несомненно одно: Европа вступает в эпоху ребячества».

Подобный процесс не должен удивлять, подчеркивает Х. Ортега-и-Гассет. История движется в согласии с великими жизненным ритмами. «Наиболее крупные перемены в ней не могут происходить по каким-то второстепенным и частным причинам, но — под влиянием стихийных факторов, изначальных сил космического порядка. Мало того, основные и как бы полярные различия, присущие живому существу, — пол и возраст — оказывают в свою очередь властное влияние на профиль времени. В самом деле, легко заметить, что история, подобно маятнику, ритмично раскачивается от одного полюса к другому, в одни периоды допуская преобладание мужских свойств, в Другие — женских, по временам возбуждая юношеский дух, а по временам — дух зрелости и старости.

Характер, который во всех сферах приняло европейское бытие, предвещает эпоху торжества мужского начала и юности. Женщина и старец на время должны уступить авансцену юноше, и не удивительно, что мир с течением времени как бы теряет свою степенность».

100

Й. Хёйзинга также утверждает, что культурное творчество проявляется в игре. Игра издревле заполняла жизнь человека и заставляла расти многообразные формы архаический культуры. Однако с XVIII в. сознанием людей все более завладевает прозаическое понятие пользы. «Дух рационализма и утилитаризма убили таинство и провозгласили человека свободным от вины и греха. Труд и производство становятся идеалом, а вскоре и идолом» {Хёйзинга Й. Homo ludens: в тени завтрашнего дня. М., 1992).

Культура, сожалеет Й. Хёйзинга, «играется» все меньше и меньше.

Можно, разумеется, оспаривать некоторые акценты, детали аргументации, своевременность суждений выдающихся мыслителей, тем не менее праздник, игра, юность — бесспорная сторона подлинного искусства. Фрида Кало, например, писала о великом художнике, борце против всяческих проявлений социальной несправедливости Диего Ривера: «Я представляю себе мир, где он хотел бы жить, как большой праздник, в котором участвовали бы все живые существа и все, что есть вокруг, от людей до камней, а также солнца и тени, и все это взаимодействовало бы с ним, с его пониманием красоты и с его творческим гением. Праздник формы, цвета, движения, звука, понимания, познания, чувства. Всеобъемлющий, мудрый и любящий праздник, который охватил бы всю поверхность земли. Он без устали борется за то, чтобы этот праздник мог осуществиться, отдает все, что может: свой гений, свое воображение, слова и дела. Каждую минуту он борется за то, чтобы из человека улетучилась глупость и страх». Фрида Кало подчеркивает: «Нет такого слова, каким можно было бы выразить безмерную нежность Диего ко всему, что наделено красотой».

И еще важный момент жизни культуры: культуру невозможно сохранить, развивать, отгораживаясь от мировых культурных достижений. Опыт истории подтверждает: любая самоизоляция, и особенно культурная, оборачивается застоєм, бесплодностью. И даже национализмом и шовинизмом.

Конечно, у каждой культуры есть свое «отечество», своя история, свой творческий потенциал. Однако каждая национальная культура развивается лишь во взаимодействии с культурами других наций. Во взаимодействии и взаимовлиянии культур

101

складывается мировая культура, богатство, ценность которой — в многообразии духовных традиций, взглядов, навыков и т. п.

А. А. Блок в свое время вряд ли был прав, когда многообразие духовных явлений европейской жизни XIX в. оценивал со знаком минус. Так, он писал, что это многообразие «не скроет от историка культуры, а, напротив, подчеркнет для него особую черту всей европейской цивилизации: ее нецелостность, ее раздробленность. Просвещенное человечество пошло сразу сотней путей — политических, правовых, научных, художественных, философских, этических, каждый из этих путей все более отдаляется от другого, некогда смежного с ним; каждый из них в свою очередь разбивался на сотни маленьких дорожек, уводящих в разные стороны, разлучающих людей, которые при встречах начинали уже чувствовать друг в друге врагов» {Блок Л. Крушение гуманизма. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1960. С. 103}.

Известное время такая «вражда» имело место. Но она была преходящей, она обеспечивала «состояние напряженного равновесия» (О. Шпенглер) и в конечном счете рождала новый импульс к духовному единению на почве взаимодействия и взаимовлияния многообразных духовных потоков.

И. Гердер, выдающийся немецкий просветитель, «рассматривал все человечество как великую арфу в руках великого мастера, каждый народ казался ему по-своему настроенной струной этой исполинской арфы, и он постигал универсальную гармонию ее различных звуков».

И. Гёте, читая однажды китайский роман, вдруг обнаружил в нем мотивы и сюжеты, которые и он использовал в своей поэме «Герман и Доротея».

Исходя из этого он сделал вывод, что культура, особенно искусство, литература, объединяет человечество, помогает ему преодолеть разобщенность, обособленность, формирует мировое целое. Все великие деятели культуры, создатели ее ценностей всегда выступали за единство человечества, главной идеей их произведений всегда был гуманизм. Л. Н. Толстой, описывая в «Войне и мире» полные трагизма события войны между Францией и Россией, с потрясающей силой изображает сцену встречи наполеоновского маршала Даву с пленным Пьером Безуховым. «Даву поднял глаза и

пристально посмотрел на Пьера. Несколько секунд они смотрели друг на друга, и этот взгляд спас Пьера. В этом взгляде, помимо всех условий войны и суда,

102

между этими людьми установились человеческие отношения. Оба они в эту минуту смутно почувствовали бесчисленное количество вещей и поняли, что они оба дети человечества, что они братья».

Первая мировая война, столкнувшая народы в кровавом конфликте, угроза фашизма побудили лучшие умы человечества вновь поднять свой голос в защиту гуманистической культуры. Р. Роллан, Т. и Г. Манн, С. Цвейг, А. Жид, А. Франс, другие деятели культуры решительно выступили против тех, кто готов был «принести в жертву и по-мошеннически отшвырнуть достижения и принципы, которые делают не только европейца европейцем, но и человека человеком».

Конечно, мода на иррациональное, снобистский нигилизм, злость на человека, на просвещение, на разум, на прогресс и сейчас «не устарели», им еще привержены определенные круги как в политических, так и в культурных сферах. И все-таки разум, гуманизм, красота все более становятся ведущей тенденцией национальных и мировых культур.

Тревожные призывы деятелей культуры побуждают нас задуматься о нашей нравственности, о милосердии, об экологии, о наших детях, матерях и отцах и, конечно же, о судьбах мира, о перспективах человечества в целом. Мир сегодня — высшая ценность, высшее достояние человечества. Все остальное отодвигается на второй план. Классовые противоречия, национальные, демографические проблемы, проблемы экологии, развития культуры — все это мы сможем разрешить, если сохраним мир, утвердим разумные, справедливые, нравственные, гуманные отношения между народами, между всеми людьми.

И искусство, литература, культура в целом, должны сыграть в этом процессе решающее значение. Только на таком пути, только на основе высоких духовно-культурных ценностей мы сможем обеспечить прогресс нашего общества, развитие и упрочение духовности, способствовать становлению общечеловеческой мировой цивилизации.

Глава 4

Религия в системе ценностей будущего общества

Религия, бесспорно, важнейший феномен общественной жизни и культуры. В современном российском обществе перестали квалифицировать религию как «опиум народа». Однако, как всегда, не смогли избежать крайностей и в данном случае. Многие наши политические и интеллектуальные лидеры теперь говорят о религии как по сути главным, решающим факторе возрождения духовности, нравственности нашего общества. Глава государства, премьер-министр, депутаты Госдумы, губернаторы внезапно стали религиозными людьми, участвуют в богослужениях; церковные иерархи, в свою очередь — в политических акциях, освещают светские учреждения, вплоть до милицеевских участков.

В истории Европы отношения церкви и государства были достаточно сложны и противоречивы. В эпоху Средних веков церковь подчинила себе светскую власть. Однако в XIII в. власть папы над светскими государями по существу закончилась. Когда Папа Бонифаций VIII попытался воскресить времена Каноссы (в Каноссе германский император Генрих IV вынужден был на коленях стоять перед Дворцом Папы Григория VII, вымаливая у него прощение), написав Филиппу IV Красивому, что Господь возвысил пап над королями и царствами и только безумец может не признавать этой власти, Филипп приказал палачу сжечь папскую буллу. Власть пап тем быстрее падала, чем больше они позорили церковь своими пороками и преступлениями. Реформация, протестантизм окончательно подорвали власть католической церкви над светской

властью.

Это, кстати, пошло только на пользу церкви и религии. Они посвятили себя душе человека, оставив практические дела, практические успехи и — еще больше — неуспехи государству.

В России, к сожалению, церковь по сути никогда не была независимой от государства, власти. Более того, она охотно служила государству, точнее, власти. Естественно, это только аносило ей ущерб.

104 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III-тысячелетий

Поскольку власть в России всегда была в сущности реакционной, постольку союз церкви с государством бросал тень на церковь как его прислужницу и вызывал в среде широких масс, и особенно интеллигенции, чувство возмущения и протеста. В XIX в. это, в частности, нашло наиболее яркое выражение в письме В. Г. Белинского Н. В. Гоголю.

«Вы оскорбили, — писал критик писателю, — чувство истины, чувство человеческого достоинства». И потому «нельзя молчать, когда под покровом религии и защитой кнута проповедуют ложь и безнравственность... Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиетизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое по возможности их исполнение <...>

Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов — что вы делаете! Взгляните себе под ноги — ведь вы стоите над бездной! Что вы подобное учение опираете на православную церковь, это я еще понимаю: она всегда была опорой кнута и угодницей деспотизма; но Христа-то* зачем вы примешали тут? Что вы нашли общего между ним и какою-нибудь, а тем более православной церковью? Он первый возвестил людям учение свободы, равенства и братства и мученичеством запечатлел, утвердил истину своего учения <...>

По-вашему, русский народ самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности есть пиетизм, благоговение, страх Божий. А русский человек произносит имя Божие, почесывая себе кое-где. Он говорит об образе: годится — молиться, а не годится — горшки покрывать».

Многие люди эти суждения сегодня отвергнут: В. Г. Белинский-де революционный демократ! Но вот суждения Г. П. Федотова, уважающего религию и осуждающего революционеров XX в. — большевиков.

Большевики, считал Г. П. Федотов, были правы, обвиняя духовенство в социальной реакционности. Действительно, «защита существующих форм жизни сделалась составной частью

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества 105

христианской проповеди... В странах монархических учат о божественном происхождении монархии, в республиканских — о библейских корнях народовластия. Почти всюду оправдывают социальное неравенство как порядок, установленный Богом, и проповедуют беднякам покорность судьбе».

Конечно, общественный строй отнюдь не безразличен для христианства, продолжал Г. П. Федотов. Но христиане стремятся к такому строю, где более жизни, где легче всего борьба со злом и где личность поставлена в наиболее благоприятные условия для своего духовного развития.

В современную эпоху гигантского прогресса науки и техники, глобальных социальных перемен вопрос о социальной роли религии стал предметом острых общественных дискуссий.

Ведь известно, что со времени Просвещения в обществе утвердился пафос разума,

знания и основанной на них идеологии прогресса. Прогресс осмысливался просветителями как результат распространения истинных, рациональных идей, которые постоянно устраняют загадки мира, пропитывая его светом разумности. В дальнейшем этот подход к оценке общественного развития выразился в апологетическую по своей сути прогресс-системную концепцию с характерным для нее представлением о науке (а затем и технике) как единственном и всеильном средстве разрешения любых человеческих проблем и достижения социальной гармонии.

Благодаря науке и технике человек действительно «расколдовал» мир, открыл многие тайны природы и преобразовал ее, подчиняя своим целям.

Вместе с тем прогресс науки и техники привел к созданию термоядерного оружия, в результате применения которого человечество как род *Homo sapiens* может быть уничтожено. Благодаря прогрессу науки и техники биосфера все более становится непригодной для обитания. Люди задыхаются от транспорта, мусора, загрязнения атмосферы и рек. Налицо признаки экологической катастрофы.

Современный человек, обладая поистине сверхчеловеческой силой, отнюдь не поднялся еще до уровня подлинно человеческих разума и нравственности. Духовно он зачастую становится беднее, черствее, отчужденнее, т. е. бесчеловечнее.

Каков выход? Отказ от прогресса науки и техники, апелляция, возвращение к религии?

106 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Некоторые мыслители, как в прошлом, так и в настоящем, связывали и связывают надежды на духовное развитие и возрождение человека и человечества прежде всего с религией. Вспомним, как резко разрешил дилемму: наука (разум) или религия М. Лютер. Полемизируя с Эразмом Роттердамским, который считал, что мир спасается разумным сомнением, М. Лютер яростно утверждал: «Мир спасается безумной верой. Злейший враг Божий — человеческий разум, он — главный источник всех зол. Разум — величайшая блудница Дьявола».

Б. Паскаль также утверждал, что вера несомненно выше разума, что человек сердцем, а не разумом постигает Абсолютное, ощущает Бога. «Сердцем. А не разумом узанный Бог — вот что такое вера».

Наряду с этим Г. Гегель весьма скептически относился к религии, точнее, к оцерковленной религии. Отнятая деспотами свобода вынуждает дух «все вечное и абсолютное скрывать в божестве», бедствия заставляют людей «искать блаженства на небесах и ждать его от неба». Бог перестает быть чем-то субъективным, целиком превращается в объект. Бог переносится в чуждый нам мир, в котором мы не можем принимать никакого участия, не можем ничего обрести нашими поступками, в котором мы, в лучшем случае, можем приобрести нечто силой волшебства и попрошайничеством.

Г. Гегель отвергает положение об изначальной испорченности человеческой природы, о первородном грехе: испорченный человек в данном случае снимает с себя вину, находит «причину для гордости в самом чувстве своего падения»; учение о первородном грехе «стало чтить то, что было позорно, освещало и увековечивало немощность, самое веру в возможность силы объявляло грехом».

И вспомним, как неприязненно говорил о христианстве Ф. Ницше: в отношении к христианству возможна лишь одна позиция: безусловное «нет».

Христианство разрушило трагическую истину жизни греков. Отравило их благородные инстинкты, заменило их гордую уверенность беспокойством и бесплодными угрызениями. На их место христианство поставило чистые фикции: Бога, моральный миропорядок, бессмертие, грех, милость, искупление. В конечном счете, весь воображаемый мир христианства коре-

утончения нравов, каким Европа обязана христианству. Наряду с этим борьба против тысячелетнего христианско-церковного гнета создала в Европе великолепнейшее духовное напряжение.

Бог?! «Бог стал человеком. Это значит, что человеку должно искать блаженства в бесконечном, но созидать себе небо на земле».

Глубокий мыслитель современности Б. Рассел также весьма отрицательно относится к религии. «Я считаю ее болезнью, порожденной страхом, и источником неисчислимых страданий для человечества, — пишет он в книге «Почему я не христианин». — Вся концепция бога является концепцией, перенятой от древних восточных деспотий. Это концепция, совершенно недостойная свободных людей. Когда вы слышите, как люди в церкви уничижают себя и заявляют, что они несчастные грешники и все прочее, то это представляется унижительным и недостойным уважающих себя человеческих существ. Хорошему миру не нужны скорбное сожаление о прошлом или рабская скованность свободного разума...»

К. Ясперс, касаясь дилеммы: наука или религия, считает скверной постановку вопроса теологией: либо Христос, либо нигилизм. В современных условиях, когда над человечеством возникла опасность уничтожения, именно философия (а не теология) в наибольшей степени содействует поиску истоков человеческого бытия, считает он.

Только философия может осмыслить бытие: бытие, объемлющее нас, т. е. трансценденция (или Бог); осознать нашу экзистенцию в соотношении с трансценденцией можно только посредством веры. Нечто объемлющее как источник нашего бытия и нашей жизни никогда не может стать предметом. Представ в виде знания, оно утрачивает свою достоверность.

Суть не в мировой истории, не в познании ее законов, которые никому не дано постичь, суть в нынешней — «здесь и теперь» — историчности; для меня важно, чем я действительно становлюсь, кого встречаю, кого люблю, как ощущаю само бытие и каким становится мое отношение к трансценденции, к вечности, и как является мне Ничто, подчеркивает К. Ясперс.

108 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III-тысячелетий

Многие русские мыслители связывали смысл человеческой жизни в первую очередь с трансцендентным началом, со служением Богу. Всякая попытка определить смысл человеческого существования земными целями — бесполезна, пишет С. Н. Булгаков.

Вл. С. Соловьев полагал, что без допущения трансцендентной цели непостижим смысл человеческой истории. Конечно, полагал он, в известной степени можно оправдать существование человека служением человечеству. Однако, если в мире нет неведомой человеку разумной цели, то в нем нет и смысла, он — «играло слепому случаю». Чтобы в мире смысл преобладал над бессмыслицей, добро над злом, требуется сверхчеловеческое разумно-благое начало. Разумно-благое начало — это триединство добра, истины и красоты. Оно, по мнению Вл. С. Соловьева, воплощается в христианстве в образе Софии как образе Вечной женственности и мировой премудрости.

Н. Ф. Федоров, П. А. Флоренский, другие русские философы также обосновывали в Боге триединство добра (блага), истины и прекрасного.

Н. А. Бердяев считал, что не только мир и люди нуждаются в Боге, но и Бог нуждается в мире и человеке. «Мир и человек, которые были бы не нужны Богу, были бы случайностью и тем самым лишились бы всякого смысла. Мы должны дерзновенно признать нужду Бога в человеке и эта нужда совсем не ограничивает Бога; ограничивала бы и унижала Его каменная неподвижность и самодовольство. В Боге есть тоска по любимому и это дает высший смысл любимому» {Бердяев Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. Париж, 1952. С. 64}.

Для Ф. М. Достоевского Бог есть высшая инстанция добра и нравственности. Если нет Бога, то нет и добра, тогда все позволено. Именно поэтому абсолютный идеал Ф. М.

Достоевского — личность Христа. Христос — предельное выражение справедливости, свободы и добра. Личность его — величайшая жертва во имя людей. Христос, Бог воплощает все высшее, все абсолютное. А без высшей, без великой нравственной мысли, подчеркивал Ф. М. Достоевский, невозможно нормальное развитие человека. Без Бога вся планета — одно сумасшествие.

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества 109

И конечно, если Бог — абсолютное благо, вечный свет истины, любви, вечная жизнь, к которой надо стремиться, тогда все более или менее ясно.

В свое время Л. Фейербах на вопрос: «Что есть бог?» — ответил именно в этом духе: «Это человек». Человек должен познать себя, сделать себя самого мерилom всех жизненных отношений, устроить мир истинно по-человечески, и тогда загадка нашего времени будет им разрешена. Бог, по Л. Фейербаху, это идеал человека, это проекция желаемых отношений между людьми.

Для русского писателя В. В. Розанова Бог также есть нечто интимно близкое: это моя бесконечная интимность, моя бесконечная индивидуальность. Моя жизнь.

Но если Бог — реально существующая субстанция, определяющая и оценивающая наше поведение, тогда неизбежно возникает вопрос: «Как же совместить с существованием Бога тот факт, что в мире много страдания, зла, слепоты?». Не случайно М. Шелер говорил: «Наличие в мире хотя бы одного червя, извивающегося от боли, уже есть противопоказание против умозаключения о существовании бога».

Вл. С. Соловьев, разрешая это противоречие, утверждает, что человеку Богом предоставлена свобода выбора между добром и злом. Того, кто выбирает зло, ждет возмездие. Но какое возмездие может уравновесить предсмертные муки разрываемого псами, по приказу зверя-помещика, ребенка?

Ф. М. Достоевский решительно выступает против детских страданий. Иван и Алеша Карамазовы, обсуждая предустановленную гармонию, считают, что высшая гармония не стоит и слезинки хотя бы одного только замученного ребенка. «Они должны быть искуплены, иначе не может быть и гармонии!» Но ад для мучителей ничего не может поправить. И потом, какая же гармония, если есть ад?

Несчастья дюдей не могут оправдать гармонию мира. И неслучаен поэтому бунт о. Василия Фивейского против Бога в рассказе Л. Н. Андреева «Жизнь Василия Фивейского». О. Василий был исповедником крестьянина Семена Мосягина. Семен — труженик, добрый человек. Зарабатывает мало, семья большая. Все голодают. В душе о. Василия растет сострадание. [До сих пор все, что вокруг него происходило, он считал проявлением святой воли Бога.

110 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Но вот Мосягин трагически погибает. Прощание в церкви. И вдруг о. Василий сходит с амвона и восклицает: «Семен, встань!» И затем, подняв голову, заговорил: «Зачем-где я верил? Зачем ты дал мне любовь и жалость к людям — чтобы посмеяться надо мной? Зачем ты держал меня в оковах? Ни мысли свободной. Ни чувства. Все для тебя. Ну, явись же — я жду». Ответа нет. И тогда о. Василий кричит: «Не хочешь? Ты должен! Отдай ему жизнь! Бери у других, а ему отдай! Ему не нужно рая. Тут его дети. Они будут звать его: отец! И он сам скажет: сними с головы мой венец небесный, ибо там — там сором и грязью покрывают головы моих детей. Он скажет!»

В. В. Розанов считает, что «всякий раз, когда мы испытываем какое-нибудь страдание, искупляется часть нашей виновности... Всякую горечь должен человек благословлять, потому что в ней посещает его Бог. Напротив, чья жизнь проходит легко, те должны тревожиться воздаянием, которое для них отложено».

Бесспорно, страдание очищает человека, его душу. Но не всегда: оно может человека и раздавить. Подлинная жизнь требует не страдания, не аскетизма, а полноты проявления всех высоких человеческих потребностей, потребностей в радости, любви, счастье.

Я думаю, Л. Фейербах и К. Маркс были правы, критикуя христианство за отрицание, за недооценку «природы» в человеке. «Пусть нашим идеалом будет не... лишенное телесности, отвлеченное существо, а цельный, действительный, всесторонний, совершенный, развитый человек», — писал Л. Фейербах в «Лекциях о сущности религий».

К. Маркс также подчеркивал, что человек нуждается «во всей полноте человеческих проявлений жизни», он должен гармонически сочетать в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство.

И я согласен с Г. П. Федотовым, который в Евангелиях особое значение придавал определению братских начал жизни: «Если Евангелие и не определяет конкретных черт братской жизни, то оно все же бросает два луча, предостерегая от чисто духовного, «спиритуалистического», понимания социальной этики. Во-первых, сострадающая любовь должна быть направлена не только к душе человека, моего «ближнего», но и к телу, даже, прежде всего, к его телу... Лишь по отношению к самому

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества 111

себе человек может и должен проявить аскетическое стремление или святую беззаботность... То же требование, обращенное к ближнему, например требование поста от голодного, отличает жестокость и лицемерие.

Противоречием это различие мер оценки кажется лишь с точки зрения аскезы. Но аскеза в христианстве подчинена любви как основе духовной жизни. В мире любви эта разница мер — для себя и другого — так естественна, что даже не останавливает внимание.

Во-вторых, с идеалом братства несовместимо сосуществование резких социальных противоречий богатства и бедности, так как оно свидетельствует о небратском, черством отношении к ближнему».

Действительно, надо не просто верить в Бога, надо соответствующим образом жить. Вера без дел ничего не стоит. Вспомним, что говорил святой Иаков: «Что пользы, братия мои, если кто говорит, что он имеет веру, а дел не имеет? Может ли эта вера спасти его? Если брат или сестра наги и не имеют дневного пропитания, а кто-нибудь из вас скажет им: «Идите с миром, грейтесь и питайтесь», но не даст им потребного для тела: что пользы? Так и вера, если не имеет дел, мертва сама по себе» (Иаков, 2, 14-17).

Для того чтобы «делать», надо воспитывать в людях и в себе любовь. Бог есть любовь. Иисус всегда отождествлял себя с теми, кто более всего нуждался в любви — с угнетенными. Современные церковные иерархи весьма далеки от подлинной солидарности с угнетенными.

Бесспорно, религия может помочь людям разрешить душевные противоречия, придать жизни человека смысл и целостность, компенсировать неполноту, дисгармоничность реальной жизни. Во многом, с моей точки зрения, это иллюзия. Религия может притуплять боль, уводя при этом человека все дальше от реальных проблем в мир грез.

Вместе с тем она может погасить личное ожесточение, нетерпимость, успокоить душу, вызвать сочувствие к страданиям и боли других людей. В этом, бесспорно, коренится нравственный, гуманистический потенциал религии.

Вспомним Соню Мармеладову. «Ненасытное сострадание» — вот, по Ф. М. Достоевскому, ее отличительная черта. Она приемлет каждую судьбу без суждения о ней, без осужде-

112 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

ния ее — приемлет полностью и искренне. Это самоотречение порождает в ней ту «гениальность сердца», при которой чужая судьба сопереживается как собственная — безкакец-либо примеси собственных интересов.

Соня — хрупкое, беззащитное существо, но когда необходимо, она проявляет огромную духовную силу. Несмотря на всю свою любовь к Раскольникову, она без колебаний повинуется голосу совести и противостоит Раскольникову при его попытках

оправдать себя философией сверхчеловека. Она требует от него внутренней правды и готовности к искуплению вины. Но потом она следует за ним в Сибирь и делит с ним все лишения. Принесенная ею жертва естественна для нее.

И именно потому, что есть Бог, который, по ее словам, «все делает для нее». Мерки разума здесь неприменимы. Она чувствует Бога, она солидарна с ним. Это по Его слову она находится там, где находятся грешные, бесправные и отверженные.

Современные представители так называемой диалектической теологии К. Барт, Э. Бруннер, Р. Бультман и другие, подобно Ф. М. Достоевскому и его героям, отвергают попытки рационалистического объяснения, что такое Бог. Вне конкретной ситуации, вне конкретной встречи человека с Богом о Боге бессмысленно говорить. Общение с Богом — это откровение, это личное самораскрытие, это самопонимание.

Религия, связь с Богом, вера в Бога — единственное, что может спасти человека в сегодняшнем мире неправды и зла. Устоит не тот, чья последняя инстанция — рассудок, принципы, свобода, порядочность, а тот, кто готов всем этим пожертвовать, когда он, сохраняя веру и опираясь только на связь с Богом, призывается к делу с послушанием и ответственностью; тот, кому присуща ответственность и чья жизнь — ответ на вопрос и зов Бога.

Бесспорно, как фактор самоутверждения, выражения собственной идентичности, как импульс к поиску смысла жизни, как устремленность к справедливости, солидарности, т. е. как «принцип надежды» (Э. Блох), религия будет «жить», будет еще долго играть и личностную, и социально объединяющую роль.

И все же религия амбивалентна, она может вести к смирению, аскетизму, пассивности, к признанию господствующих социальных условий, т. е. быть выражением действительного убожества. Но она может быть и протестом против этого дейст-

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества

113

вительного убожества. До нашего времени раннее христианство, Реформация определенно включали в себя борьбу за социальное освобождение.

Определенно протестантизм оказался демократичнее католичества. Он разрушил аристократическую иерархию духовенства, отменил целибат. Последней инстанцией в вопросах веры сделал личную совесть, он укрепил индивидуализм, личную свободу и личную ответственность. Тем самым подготовил и политическую демократию.

В 60-е гг. XX в. «теология освобождения» в Латинской Америке безоговорочно рассматривала социальную революцию в качестве задачи христиан. Священник Мартин Лютер Кинг из любви к ближнему также встал на путь борьбы против расизма, других проявлений социальной несправедливости. Так что, бесспорно, религия может способствовать нравственному и духовному возрождению человека, может усилить потенциал протеста против социальной несправедливости.

Бесспорно также, что в трудные, неустойчивые, переходные, «смутные» времена религиозный «момент» усиливается. И, как правило, известный рост религиозности сопровождается ростом псевдорелигиозности, лицемерия, ханжеского обращения к религии, расширением «пространства иррационального» (вера в мессию, спасителя, во всякого рода «окультурные науки», мифы и т. д. — убедительное тому свидетельство). Во всяком случае в нашей стране все это сегодня налицо.

Положение обычно усугубляется оттого, что политики используют религиозный «момент» в своих корыстных целях. Неспособные решать социальные проблемы, они с охотой переводят их в плоскость религиозных разногласий с тем, чтобы ответственность за те или иные нерешенные социальные проблемы возложить на иноверцев.

И дело, пожалуй, не только в корыстных намерениях политиков. Некоторые общественные движения из лучших побуждений стремятся «привязать» религию к собственным доктринам или, напротив, свои идеи неправомерно тесно привязать к религии. Это было, например, характерно для славянофилов. Это отмечал Вл. С.

Соловьев, за что весьма резко осуждал славянофилов: «Та доктрина, которая сама себя определила как русское направление и выступила во имя русских начал, тем самым признала, что для нее всего важнее, дороже и существеннее на-

[8 ~ 6325

114 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

циональный элемент, а все остальное, между прочим и религия, может иметь только подчиненный и условный интерес. Для славянофильства православие есть атрибут русской* народности; оно есть истинная религия, в конце концов, лишь потому, что его исповедует русский народ. Для одних из славянофилов требование быть православным или «жить в церкви» прямо входило как составная часть в более общее и основное требование: слиться с жизнью русской земли. В уме других эта зависимость религиозной истины от факта народной веры принимала более тонкий и сложный, но, в сущности, столь же нерелигиозный образ». И конечный вывод Вл. С. Соловьева гласит: «В системе славянофильских воззрений нет законного места для религии как таковой, а если она туда попала, то лишь по недоразумению и, так сказать, с чужим паспортом» (*Соловьев Вл. С. Собр. соч.: В 16 т. Т. 16. Брюссель, 1966. С. 167*).

К сожалению, и сегодня некоторые политически ангажированные публицисты пытаются соединить национальность и религию. Так, А. М. Мигранян утверждает: «Для миллионов русских... только через приобщение к традиционному религиозному обряду предков возможно в нынешней ситуации приобщения к русскости. Сейчас реставрация, хотя бы частично, прежнего влияния Православной Церкви на образ жизни дает шанс на формирование нового русского национального самосознания, на возрождение российской идентичности» (*Мигранян А. Россия. От хаоса к порядку? М., 2001*).

Я сомневаюсь в справедливости этой попытки. Она выхолащивает подлинное содержание религии — веру в Бога, обостряет межконфессиональные и межэтнические проблемы. Относительно веры в Бога вспомним разговор Шатова и Ставрогина в «Бесах» Ф. М. Достоевского. Ставрогин спрашивает Шатова, приверженца идеи «народа богоносца»:

— Веруете вы сами в Бога или нет?

— Я верую В Россию, я верую в ее православие...

Я верую, что новое пришествие совершится в России... Я верую... — залепетал в иступлении Шатов.

— А в Бога? В Бога?

— Я... Я буду веровать в Бога.

Как очевидно, вера Шатова в «народ богоносец» отнюдь не связана с настоящей верой в Бога.

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества

115

В сущности русская православная церковь сама немало сделала для того, чтобы подорвать у русских людей веру в Бога. Она слишком благословляла власть, служила власти, оправдывала власть. В том числе и атеистическую советскую власть. Церковь не сумела связать себя с народом, с его душой, его помыслами и делами. К моменту Февральской и Октябрьской революций подавляющее большинство русского населения России утратило сознательную и активную религиозную веру. Именно поэтому в советское время церковь фактически «была устранена без борьбы, словно она не дорога и не нужна была народу и это произошло в деревне даже легче, чем в городе... Русский народ вдруг оказался нехристианским...» — отмечал С. Н. Булгаков (*Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. М., 1993. Т. 2. С. 609*). Так что дело вовсе не в большевиках, не в советской власти. Сегодня нет советской власти, но искренне верующих в православные догматы отнюдь не прибавилось. «Даже механическое умножение количества храмов РПЦ в России (8500) на тысячу (хотя далеко не каждый храм способен вместить такое количество прихожан) дает... скромную цифру в 8,5 млн человек». То есть большинство стомиллионной «паствы», которую якобы объединяет православная церковь, в церковной жизни не

участвуют и, следовательно, «по-настоящему» не верит» (см.: *Солдатов А.* Священный «Капитал» и его олигархи // *Отечественные записки.* 2001. № 1. С. 18).

В нормальном демократическом обществе церкви, конфессии должны быть независимыми от государства и равноправными. Более того, и государство, и религиозные объединения должны предотвращать религиозные конфликты, не допускать религиозной и, конечно же, национальной вражды. Опыт истории учит, что религиозный национализм для православия очень опасен. Именно национализм, подчеркивает С. Н. Булгаков, привел православие «к национальному окостенению» (см.: *Булгаков С. Н.* Тихие думы. М, 1996. С. 370).

Очевидно, не надо спорить с теми, кто полагает, что религия дает им внутреннюю свободу, помогает обрести истину и жить в соответствии с высокими духовными ценностями. Важно только, чтобы никто не утверждал, что он знает Бога и волю Божию лучше, чем кто-либо, и навязывал свою истину другим.

«Истина светит сама собственным светом своим; ее не надо освещать огнем костра» (Вольтер). Между тем, по мнению

8"

116 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Д. С. Мережковского, нож гильотины французской революции был выкован на кострах инквизиции. И разве не во имя Бога испанцы и португальцы, открыв и завоевав Америку, истребили миллионы индейцев? Во имя Бога множество чернокожих рабов было ими привезено из Африки, чтобы работать на белых. И колониализм, и войны, и грабеж народов современными угнетателями — капиталистами — все это делалось и делается во имя Бога.

В конце XIX в. видный теоретик народничества В. В. Берви-Флеровский разработал «Азбуку социальных наук», в которой решительно выступил против религиозной (национальной и т. п.) нетерпимости, вражды: «Разве нужно достигать того, чтобы все люди были одной веры, говорили одним языком, принадлежали к одной национальности? Стремление к этому включает в себе верх безумия и верх безнравственности», — писал он и настойчиво провозглашал свободу вероисповедания, свободу совести, необходимость отделения церкви от государства.

Все религии вредны, все они служат источником помрачения ума и притупления нравственного чувства, но разве из этого следует, что человека надо преследовать за веру. Создавать единство веры в государстве, чтобы усилить этим государственную власть, — глубокая безнравственность, потому что такой образ действия вытекает из возмутительного желания усилить свою власть, разжигая ненависть подвластного народа к ино-верцам. Всякая религия именно потому и безнравственна, что в основании ее лежит ложь, и она стремится навязать людям нравственность путем авторитета, утверждает В. В. Берви-Флеровский. Но чтобы создать в человеке нормальный уровень нравственности, прежде всего необходимо возбудить в нем серьезное желание понять истину, понять, а не только воспринять извне.

Ведь уже для того, чтобы человек сделался нравственным, он должен получить правильное понятие о своем счастье, и разве можно такое понятие воспринять извне, его нужно выработать в себе самостоятельно и проникнуться им насквозь, иначе из этого ничего не выйдет, подчеркивал В. В. Берви-Флеровский.

Он последовательно защищал идею о неистребимости самостоятельности человека, о том, что великие результаты могут

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества

117

быть достигнуты только развитием такой самостоятельности, что всякая система опеки может привести лишь к злу.

Подавлять в людях религию силой или притеснением — гнусное преступление, все равно, будет ли она отвергаться во имя безверия или во имя другой религии; если человек верит, оплачивает свое духовенство и содержит церковь на свои деньги, то никто не имеет

права мешаться в это дело, его можно только убеждать.

Разрешение религиозного вопроса заключается в уничтожении религиозной вражды. Чем более люди будут проникаться идеями нравственности, тем в больших размерах будет исчезать в их сердце религиозная вражда, тем более будет прогрессировать мирное сожительство между государствами и внутри государства.

Но если религиозный вопрос разрешается путем умственного развития народа, то национальный вопрос разрешается путем политического его развития, полагает В. В. Берви-Флеров-ский. Если в государстве живут люди различной веры и национальности, то для того, чтобы пользоваться благосостоянием, им необходимо более чем кому бы то ни было федеративно-демократическое управление, потому что только при таком управлении они будут находиться в нормальном состоянии. (Весьма актуальная и для нашего сегодняшнего дня идея!)

Со времен великого немецкого просветителя Г. Лессинга все великие мыслители провозглашали и утверждали равенство, равноправие религий. И гуманистически ориентированные деятели церкви также признавали равноценность основных религий. Совсем недавно Далай-лама XIV заявил, что все главные религии проповедуют в общем-то одно и то же: покаяние в грехах, всепрощение, терпение, любовь к ближнему.

Мусульмане веруют в единого Аллаха, христиане — в Святую Троицу, буддизм же отрицает и Бога, и Творца. Буддисты верят в разум, Будда — не бог, а учитель, он учит людей самосовершенствоваться. Буддизм — религия самосозидания человека.

В буддизме нет Бога, нет рая, нет ада. Он скорее философия, а не религия.

Буддизм не против богатства, если оно нажито честно, но аскетизм для познания истины подходит лучше.

Ь_

118 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Счастье — это способность мыслить. Способность исключить из головы такие вещи, как ревность, гордость, гнев, и заменить их воскресением, терпением и самосозиданием.

Смерть. Христиане и мусульмане считают, что смерть приведет их в рай. Для буддиста смерть — обретение спасения. Смерть — переход в следующую инкарнацию: стать животным, насекомым, но все это зависит от кармы человека, а не от его личного выбора.

Х. Борхес считает, что буддизм — самое гуманное и самое веротерпимое учение. Свое подтверждение, по мнению Х. Борхеса, это находит в том, что одна из тем медитации, принятая буддистскими монахами, состоит в том, чтобы *сомневаться в существовании Будды*. Это одно из тех сомнений, подчеркивает Х. Борхес, которое нужно внушить себе, чтобы достичь понимания истины (см.: *Борхес Х. Л. Письмена Бога*. М., 1992. С. 512).

Во всяком случае сомнение — нормальный и неизбежный спутник подлинной веры. Подлинная вера и нетерпимость несовместимы.

В современных условиях настроение в пользу примирения религий и церковей усиливается.

Протестанты первыми выступили за экуменизм — сближение и сотрудничество всех конфессий.

Папа Иоанн Павел II и в 2000, и в 2001 г. произносил слова покаяния за все прегрешения, которые совершила за свою историю католическая церковь в отношении иноверцев и инакомыслящих.

В 40-е гг. XX в. немецкий пастор Д. Бонхёффер весьма остро поставил вопрос о растущей безрелигиозности людей. «Мы приближаемся к абсолютно безрелигиозному периоду: люди просто уже не могут оставаться религиозными. Наши общие христианские воззрения и теология, насчитывающие 1900 лет, опираются на «априорную» религиозность людей... Если же в один прекрасный день окажется, что этой

«априорности» вообще не существует, что это была временная, исторически обусловленная форма самовыражения человека, если люди и в самом деле станут радикально безрелигиозными, то что же все это будет означать для «христианства»?.. Нам остается довольствоваться в «религии» лишь несколькими «последними рыцарями» да еще кучкой интеллектуально нечестных людей». Как

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества 119

может Христос быть Господом и для нерелигиозных людей? Существуют ли безрелигиозные христиане? Что же это такое — безрелигиозное христианство? — продолжает ставить вопросы Д. Бонхёффер. И сам дает на них ответ. Главное для человека — отказаться от претензий сделаться «чем-то»; нужно обратиться к полной *посюсторонности* жизни: жить в гуще задач, вопросов, успехов, неудач, жить, копируя опыт и поминутно убеждаясь в своей беспомощности, — вот тогда-то и очутишься всецело в руке Божьей, тогда ощутишь по-настоящему не только свою боль, но боль и страдание Бога в мире.

«Едва ли есть чувство, дающее больше радости, чем ощущение, что можешь приносить какую-то пользу людям. При этом главное вовсе не в количестве, а в интенсивности. Ведь в конце концов именно человеческие отношения и есть самое главное в жизни... Сам Бог дает нам возможность служить ему в сфере человеческого. Все остальное приближается к «гордыне»... Это, конечно, не означает, что можно пренебречь миром вещей и материальных достижений. Но что для меня самая прекрасная книга, или картина, или дом, или поместье по сравнению с моей женой, моими родителями, моим другом?» — пишет Д. Бонхёффер.

Ответственность человека перед ближними «здесь и сейчас» и есть, по Бонхёфферу, его совершеннолетие. И как совершеннолетний человек не нуждается более в «гипотезе Бога», в удвоении мира и культивировании несчастья как аргумента для обоснования идеи индивидуального спасения. Человек, как и Христос, должен снова, до конца испить чашу земной жизни, прежде всего «жизни для других». Только тогда, подчеркивает Д. Бонхёффер, человек станет настоящим человеком, настоящим христианином.

Интересные мысли относительно религии, ее корней, места в человеческой жизни, ее будущего высказал упоминавшийся ранее английский педагог А. Нилл в книге «Саммерхилл — воспитание свободой», опубликованной в 2000 г.

Идея Бога, отмечает А. Нилл, меняется с изменением культуры. В мирное время Бог бывает добрый пастырь, в воинственное — олицетворение битвы. Когда процветала торговля, он был Богом справедливости, распределяющим блага. Сегодня, когда человек так утилитарно изобретателен, «Бог — это уэллсовский Великий Отсутствующий, поскольку созидаящий Бог-

^

120 Социальные и духовные ценности на рубеже II и IV тысячелетий

Творец не нужен веку, который сам способен создавать атомные бомбы».

Когда-нибудь новое поколение откажется от устаревшей религии, считает А. Нилл. *Новая* религия отринет представление о том, что человек рожден в грехе. Она откажется от противопоставления тела и духа. Она признает, что плоть не греховна. Новая религия найдет бога на земле, в полях, лугах, а не будет искать его только в небесах.

В сущности, сегодня религия уже мертва, утверждает английский мыслитель. Иначе почему в нашем обществе растет число бедных, почему мы вооружаемся и ведем войны?

Нельзя служить одновременно и Богу, и мамоне. Используя современный парафраз, нельзя ходить в церковь по воскресеньям, а по понедельникам начинать вновь жить нечестно, грубо, грязно.

Нет большего богохульства, чем исходящее из церквей во время войны, когда каждая из них утверждает, что всемогущий Бог на ее стороне, Бог не может считать

правым одновременно обе стороны, Бог не может быть Любовью и одновременно одобрять бомбардировки, подчеркивает А. Нилл.

Религия — это путь к простому решению личных проблем, продолжает он. Согрешив, католик признается своему священнику, и священник отпускает ему грех. Религиозный человек перекладывает свое бремя на Господа. Он верит, и, значит, пропуск в рай ему обеспечен. Так акцент смещается с личной добродетели и собственного поведения на веру.

Религия — бегство от жизни. Люди устремляются к религии от страха. Бог — проекция наших желаний, наших опасений, а сатана — воплощения нашего страха. Подлинная религия воплощается в любви ко всему сущему, великому и малому. Любящий человек — наиболее религиозный, таков вывод А. Нилла.

М. Вельмер в книге «Христианство и плюрализм» (М., 2001) также выражает тревогу по поводу прогрессирующего распада христианских церквей и христианской действительности. «Двухтысячная история христианства... приближается к своему завершению. Через два-три поколения люди вступят в «постхристианскую» эру». Наследие христианства «износилось» и растратилось.

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества 121

«Пошатнулись» пять «столпов» христианской культуры: теизм, холизм, морализм, диалогизм и экзистенциальный индивидуализм.

Сегодня *все* большее количество людей на Западе не могут примириться с верой в Бога как в надмировую Личность, которая создала все и которая все без исключения определяет и контролирует. Многие просто не могут больше верить в абстрактное всемогущество Бога и в его абстрактную вездесущность. Бесконечный поток несправедливости и страданий разрушил эту веру.

Религии как целостному мировоззрению угрожает сегодня распад, разрушение метафизики целого, утверждает М. Вельмер. Наряду с разобщенностью различных перспектив миропонимания, национальных, региональных и индивидуальных интересов, рушится и целостность религиозного мировоззрения.

Здравый человеческий рассудок пришел к твердому убеждению, что любое познание сегодня односторонне и фрагментно. Подобный тип сознания называют сознанием постмодерна.

Нигилизм и релятивизм стучатся в дверь. Одной истины не существует. Это заблуждение. Полезность, ценность для жизни — вот главное. Так считал Ф. Ницше и так считают сегодня многие. Метафизику, теологию, психологию, гносеологию Ф. Ницше называл фикциями и характеризовал их как «недо-науки», и так сегодня их называют многие.

Напротив, А. Уайтхед, американский философ и математик, считает, что современный постмодернистский мир нуждается в метафизике и он должен снова обрести Бога.

Метафизика, по А. Уайтхеду, нужна как теория контактов между различными специализированными формами познания. Ее задача — найти объединяющие их общие черты; к примеру, общие черты математических, естественнонаучных, гуманитарных, религиозных методов освоения мира. Причем, А. Уайтхед говорит не об одной, а о множестве метафизик, каждая из которых базируется на своей определенной «родине», например религии или математике. И очень важно понять и принять, что любая метафизика — это не догма, это проект, набросок, которые должны себя оправдывать. И именно поэтому современный мир должен обрести Бога.

По А. Уайтхеду, вся действительность состоит из событий. "Каждое событие индивидуально и уникально. Но вместе с тем

122 Социальные и духовные ценности на рубеже НиЩ тысячелетий

оно включено в другие события, дает им и принимает от них ответные импульсы. Без Бога, без религии, считает А. Уайтхед, происходящие в культуре процессы

универсализации и индивидуализации потеряют свое направление. «Бог — существенная экземплификация всех метафизических принципов». Бог объединяет, структурирует события. Бог помогает людям преодолеть сегодняшнее одиночество.

Взвешенные, весьма обоснованные суждения относительно религии и личного морального поведения высказал Ф. Миттеран, умный политик, бывший президент Франции. Задумываясь над вопросом, поставленным А. Камю: «Можно ли быть святым, не веря в Бога?», Ф. Миттеран отвечает: «Думаю, что можно». Бог — это ориентир, высшая мотивация для верующих. Но немало и неверующих людей достигали настоящей святости. И единственной их опорой была личная мораль, единственным вознаграждением — осознание выполненного долга.

Что касается будущего мировых религий, то, по мнению Ф. Миттерана прогресс науки и техники их все более будет вытеснять. Однако поскольку разум и наука отвечают лишь на вопрос как?, но не дают ответа на вопрос почему?, постольку люди будут стремиться постичь мир по иным законам, нежели законы разума, и на этой основе будут рождаться многочисленные мистические секты.

Одни из них будут фанатично верить и ждать чудотворца, другие будут постоянно задавать вопрос: «Почему Бог создал мир, зачем он существует?» И поскольку начало — это тайна, постольку люди будут постоянно ставить вопросы, постоянно сомневаться в правильности ответов. И это будет постоянно давать жизнь культуре и, конечно же, религии.

Очень интересные мысли о религии, ее месте в обществе высказал кубинский руководитель Ф. Кастро Рус. Библия — великая книга... Мы могли бы подписаться почти под всеми заповедями катехизиса: не убий, не укради... Существует в десять тысяч раз больше совпадений между христианством и коммунизмом, чем между христианством и капитализмом... Не надо создавать религиозных разграничений между людьми. Давайте уважать убеждения, верования, мнения. Пусть у каждого будет своя позиция, будет своя вера. Но нам следует работать именно

Глава 4. Религия в системе ценностей будущего общества J 23
в области человеческих проблем, которые являются долгом всех.

Существует много общего между целями, которые превозносит христианство, и целями, которые ставим мы, коммунисты; между христианской проповедью смирения, воздержанности, самопожертвования, любви к ближнему и всем тем, что можно назвать содержанием жизни, поведением революционера. Ибо что мы проповедуем людям? Чтобы они убивали? Чтобы они крали? Чтобы они были эгоистами? Чтобы они эксплуатировали остальных? Как раз совершенно противоположное. Хотя мотивы у нас разные, поведение и отношение к жизни, которые мы защищали, — очень схожи. Мы живем в эпоху, когда политика, занимаясь человеком и его поведением, вступила почти что в область религии. Думаю, что в то же время мы достигли эпохи, когда религия, занимаясь человеком и его материальными потребностями, может вступить в область политики. Ф. Кастро подчеркнул, что союз между христианами и марксистами — не просто вопрос тактики: «Мы хотели быть стратегическими союзниками, то есть окончательными союзниками».

Конечно, мы должны с уважением относиться к тем, кто на небе, в религии черпает силу и воображение для справедливого переустройства земли, для самосовершенствования.

Ф. М. Достоевский полагал, что без веры в Бога нет морали, без веры в Бога «все позволено». Что ж, если кто-то не может правильно, морально жить без «санкций» Бога, то Бог должен быть.

Но такой человек все-таки несвободен. Его поступки предопределены. С моей точки зрения, свободно, нравственно действует только тот, кто действует, руководствуясь своими внутренними побуждениями.

Важно, чтобы в каждом из нас был внутренний нравственный императив, «внутренний закон» (И. Кант), в соответствии с которым мы действуем добровольно,

свободно, нравственно. Таким императивом должны быть совесть, устремленность к Добру, ответственность за всё и за всех.

Во всяком случае И. Кант отвергает первичность веры по отношению к моральному решению. «...Нам все-таки кажется, Что... более соответствует человеческой природе и чистоте нравов основывать ожидание будущего мира на ощущениях добро-

124 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

детельной души, чем наоборот, доброе поведение на надеждах о другом мире» («Религия в пределах только разума»).

В «Критике практического разума» эта мысль*ртлита в еще более лаконичную формулу: «Религия основывается на морали, а не мораль на религии».

«...Моральное состояние человека, в котором он всякий раз может находиться, есть моральный образ мыслей в борьбе, а не святость в мнимом обладании полной чистотой намерений воли» (Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. С. 411).

Конечно, моральные чувства изначально не присущи человеку, они формируются в процессе воспитания и самовоспитания.

В любом случае, религиозность должна быть личным делом человека. Государство должно быть светским, уважать все религиозные верования, противостоять фанатизму, в то же время уважать и свободомыслие. Государство, общество должны уважать и ценить хорошего труженика, порядочного человека, гражданина, независимо от его религиозных либо атеистических убеждений.

В любом случае, Христос для всех нас — образец, пример. Христос ради всех людей взшел на крест. Нам, каждому из нас, надо нести свой крест. Крест любви, сочувствия, солидарности с людьми.

Глава 5

Наука и техника.

Их роль в становлении новой цивилизации

Бесспорно, именно научно-технический прогресс принес человеку невиданную до сих пор власть над природой, над окружающим миром. Человек расщепил атом, исследует недра земли и глубины океанов, завоевывает космос, все глубже проникает в тайны наследственности, психической деятельности.

Вместе с тем научно-технический прогресс породил явления, угрожающие стать неподвластными человеку, подрывающие основы человеческого существования. Открытия ядерной физики сделали возможным создание атомной и водородной бомб, химии и биологии — химического и бактериологического оружия. Радиоактивное заражение, загрязнение атмосферы, морей, океанов, отравление природной среды промышленными отходами, замена непосредственного общения с природой общением с созданной человеком искусственной средой, чрезмерное освобождение людей от физических усилий и значительные психологические перегрузки — далеко не полный перечень отрицательных последствий научно-технического прогресса.

Все это, безусловно, делает весьма актуальной задачей осмысление места науки и техники в обществе, влияния их на человека.

Истоки научного познания мира коренятся в древних цивилизациях Египта, Вавилона, Китая. В Египте в V в. до н. э. вычисляли время по календарю; египетские пирамиды показывают, что уже тогда были значительно развиты математика и геометрия. К этому времени относятся и изобретение письменности, и первые астрономические представления.

Однако наука как особая сфера деятельности сформировалась в Греции в V—IV вв. до н. э. Ее наиболее выдающиеся представители: Фалес, Евклид, Пифагор. Как отмечает Дж. Бернал, греки, переняв знания, полученные в древних империях Египта и Вавилона, «превратили их в нечто и более простое, и более абстрактное, и более рациональное».

126 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

На протяжении всей эпохи античности наука рассматривалась как величайшая

ценность. Существует лишь одна правильная монета — разумение, утверждал Сократ, и *лиць* в обмен на нее должно все отдавать; лишь в этом случае будет неподдельно и мужество, и воздержанность, и справедливость; одним словом, подлинная доблесть сопряжена с разумом, все равно сопутствуют ли ей наслаждения, страхи и все иное тому подобное или не сопутствуют (см.: *Платон. Избр. диалоги.* М., 1965. С. 342).

Античную науку отличают две характерные черты, а именно, ее нацеленность, с одной стороны, на познание Космоса и, с другой — на познание внутреннего мира человека. Подобная ориентация науки была присуща и Средневековью.

Однако в эпоху Возрождения и особенно в Новое время резко усилилась тенденция опытного изучения природы. В решающей степени такое положение было следствием развития ремесел, торговли, городов. Этому способствовали также ослабление позиций церкви, утверждающаяся мировоззренческая терпимость.

После открытий Н. Коперника и Г. Галилея, после Ф. Бэкона, требовавшего постичь причины движения вещей и расширить человеческую империю до ее максимально возможных пределов, идея практической ценности науки стала общепризнанной. В целом именно в Новое время сформировались отличительные черты науки, характеризующие ее и сегодня. Это, прежде всего, признание:

- определяющей роли опыта, собирания и систематизации эмпирических фактов;
- логических построений и методов количественного описания;

*

— различий в организации и свойствах материи на микро- и макроуровнях; живой и неживой природы, в содержании и методах наук о природе и обществе и т. д.

И если до XVI в. наука и техника развивалась как две относительно самостоятельных сферы человеческой деятельности, то теперь их взаимодействие становится неразрывным. Три великих открытия, обусловленные насущными нуждами мануфактур, торговли и мореплавания: компас, порох и книгопечатание, положили начало органическому единству научного и технического прогресса. Определяющей составляющей этого единства

Глава 5. Наука и техника

127

были потребности практической жизни. Как справедливо писал ф. Энгельс в письме к В. Боргиусу, «если, как Вы утверждаете, техника в значительной степени зависит от состояния науки, то в гораздо большей мере наука зависит от *состояния и потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т. 39. С. 174).

Вместе с тем понятно, что, например, географические открытия XV—XVIII вв. были бы невозможны без календаря, компаса, без математики и геометрии, без знаний о пассатах и муссонах.

Научные открытия и технические изобретения оказали огромное влияние на революционное преобразование общественных отношений.

В эпоху неолита переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству явился важнейшей материально-технической предпосылкой для аграрной революции, для перехода от варварства к рабовладению. Прогресс науки и техники, происходивший в XVII—XVIII вв., привел к промышленной революции, обусловившей радикальное развитие экономики, быстрый рост городов, массовые перемещения людей, углубление разделения труда, появление новых профессий и т. п. Характеризуя промышленную революцию в Англии, Ф. Энгельс писал: «Шестьдесят-восемьдесят лет тому назад Англия была страной, похожей на всякую другую, с маленькими городами, с незначительной и мало развитой промышленностью, с редким, преимущественно земледельческим населением. Теперь это — страна, непохожая ни на какую другую, со столицей в 2½ миллиона жителей, с огромными фабричными городами, с индустрией, снабжающей

своими изделиями весь мир и производящей почти все при помощи чрезвычайно сложных машин, с трудолюбивым, интеллигентным, густым населением, две трети которого заняты в промышленности...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 256).

В сущности, научно-технические изобретения предварили буржуазное общество. «Порох взрывает на воздух рыцарство, компас открывает мировой рынок и основывает колонии, а книгопечатание становится орудием протестантизма и вообще средством возрождения науки, самым мощным рычагом для

"1

128 Социальные и духовные ценности на рубеже II-IIII тысячелетий создания необходимых предпосылок духовного развития» {Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 418).

Бесспорно, механизация труда, широкое распространение машин сделали возможным замену труженика при выполнении некоторых технологических функций машиной, повышение производительности труда, в целом переход от мануфактуры к крупной машинной индустрии. Если рабочей силой феодального общества была сила мускулов человека, то в результате промышленной революции основой производительного процесса стала механическая сила, значительно более дешевая и производительная. В конечном счете промышленная революция создала адекватную материально-техническую базу капиталистического общества.

Научно-технический прогресс обусловил значительное ускорение исторического процесса. Если аграрная революция, переход от охоты и собирательства к земледелию и скотоводству длились несколько тысячелетий, то промышленная революция создала материально-техническую базу капитализма примерно в течение столетия (вторая половина XVIII — первая треть XIX в.), подтвердив вывод К. Маркса о том, что «пар, электричество и сельфактор были несравнимо более опасными революционерами, чем даже граждане Барбес, Распайль и Бланки».

Развернувшаяся в XX в. научно-техническая революция (НТР), коренной чертой которой является переход от механизации к автоматизации, а специфической особенностью ее современного этапа — атомная энергия, лазер и компьютер, еще более радикально революционизирует весь современный мир.

Убыстряющиеся темпы развития человечества образно можно выразить так: если считать, что каждое новое поколение вступает в жизнь через 25 лет, то история человечества будет насчитывать приблизительно 1600 поколений. Из них 1200 поколений прожили в пещерах, 240 имели письменность, при электрическом освещении живет пятое поколение, автомобиль, самолет, радио вошли в человеческую жизнь около 100 лет назад, компьютеры используются людьми лишь около 50 лет.

Кроме того, если прежде человек воспринимал все мироздание как нечто беспредельное и недостижимое (сведения о событиях на одном континенте доходили до других через длительный промежуток времени, а то и вовсе не доходили), то теперь благодаря прогрессу науки и техники, развитию средств

Глава 5. Наука и техника

129

массовой коммуникации земной шар как бы «сжался»; все, что происходит в одной какой-либо стране, почти мгновенно становится известным в других странах. Мир перестал казаться беспредельным, необозримым и непостижимым.

И если вплоть до начала XX в. ведущая роль в научно-техническом прогрессе общества принадлежала, как правило, все-таки технике, непосредственно выражавшей потребности производства, то в XX в. лидирующая роль переходит к науке, к теоретическому знанию. Изучая развитие науки и техники в XIX в., отмечая возрастающую роль знания в развитии экономики и общества, К. Маркс подчеркивал в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.», что «всеобщее общественное знание все более превращается в непосредственную производительную силу, становится показателем того, до какой степени условия самого общественного жизненного процесса подчинены

контролю всеобщего интеллекта и преобразованы в соответствии с ним; до какой степени общественные производительные силы созданы не только в форме знания, но и как непосредственные органы общественной практики, реального жизненного процесса» {Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. II. С. 215).

Внедрение науки в производство, ее становление непосредственной производительной силой идет по двум направлениям: по пути овеществления знания в орудиях и средствах производства и по пути овладения ими самим человеком.

В аграрном обществе производство отличалось высокой материало- и трудоемкостью, в капиталистическом обществе эпохи промышленной революции — капиталоемкостью (фондоемкостью) и энергоемкостью. В эпоху современной НТР огромное значение приобретает наукоемкость производства. Причем, научные знания, используемые в процессе производства, в сущности не убывают и окупаются в самые кратчайшие сроки. Ф. Энгельс обоснованно писал: «Только один такой плод науки, как паровая машина Джеймса Уатта, принес миру за пятьдесят лет своего существования больше, чем мир с самого начала затратил на развитие науки» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 555).

К. Поппер, изучая роль научного знания в обществе, разработал концепцию «трех миров»: первый — мир физических объектов, существующих вне нашего сознания; второй — осознание людей как познающих субъектов; третий — мир

9-6325

130 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий объективированных знаний (научных концепций, идей, художественных образов и других культурных ценностей), которые обладают относительной самостоятельностью. К. Поппер подчеркивает, что третий мир играет огромную роль в жизни человека и общества. Допустим, пишет К. Поппер, что люди утратили все свои знания, но сохранили библиотеки и способность к познанию. В таком случае они спасены, они снова могут жить. И напротив, если бы они утратили библиотеки и способность к познанию, то катастрофа оказалась бы непоправимой.

Как в прошлом, так и в современную эпоху наука развивалась и развивается, с одной стороны, на основе теоретического знания, с другой — путем обобщения накопленного в обществе эмпирического знания. Однако сегодня прежде всего теоретическая (фундаментальная) наука выступает в качестве генератора идей.

Если иметь в виду сиюминутную выгоду, то фундаментальная наука бесполезна. Ее польза проявится в отдаленной перспективе. Но именно фундаментальная наука дает начало новым отраслям народного хозяйства.

Так, в XIX в. исследования электронных волн привели к установлению уравнений Д. Максвелла, открытию электромагнитных волн и в конечном счете к изобретению радио и телевидения.

В XX в. исследования полупроводников привели к изобретению транзистора и созданию современных компьютеров и информационных сетей.

Исследования взаимодействия электромагнитных волн с атомами и молекулами привели к изобретению лазера. Разумеется, это только главные достижения XX в.

Кроме того, фундаментальная наука создает предпосылки для создания передовых видов оружия. Например, ядерного.

И именно фундаментальная наука «предостерегает» людей. Она показывает нам, в сколь опасном мире мы живем: планета перегревается, энергетические и другие ресурсы ограничены и быстро сокращаются, эколого-биологическая ситуация угрожающе опасна, существует возможность столкновения нашей планеты с крупным метеоритом или астероидом, что может привести к ее гибели, и т. д.

Глава 5. Наука и техника

131

В целом наука, в том числе и фундаментальная, подчеркнем еще раз, не предмет чистого, созерцательного мышления; она постоянно связана с практикой. Важными

звеньями генерации и внедрения достижений научно-технического прогресса в производство наряду с фундаментальными знаниями являются прикладные научные исследования, опытно-конструкторские разработки, создание нового технического оборудования, наконец, его массовое внедрение в производство. При этом, как пишет видный советский исследователь проблем НТР Э. А. Араб-Оглы, «для достижения наибольшей эффективности развития всех звеньев должна соблюдаться определенная пропорциональность, которую можно условно представить как своего рода пирамиду активности, показывающую опережающие темпы роста верхних ступеней по сравнению с нижними. Вот как располагаются требования по ускорению научно-технического прогресса соответственно значимости различных ступеней: фундаментальные науки призваны опережать в своем развитии прикладные исследования, чтобы не только обеспечить поисковый прорыв в новые области знания, но и создать возможно больший теоретический задел для последующего его плодотворного использования прикладными отраслями науки; прикладные науки в свою очередь на основе отбора наиболее перспективных теоретических идей из этого задела должны опережать в своем развитии опытно-конструкторские разработки, накапливать для них возможные технические нововведения, стимулировать творческую мысль изобретателей; опытно-конструкторские разработки также должны проводиться в таких масштабах, которые позволяли бы выбирать среди них наиболее перспективные с экономической точки зрения технические нововведения, воплощающие в себе технику новых поколений, а не довольствоваться ее скромными, незначительными усовершенствованиями; наконец, опережающие темпы производства новых машин и других технических средств должны привести к максимальному сокращению сроков обновления основных производственных фондов и ускоренному росту производительности труда».

Важной чертой развития науки в современную эпоху является то, что параллельно с процессом дифференциации естественных наук, с одной стороны, и их интеграции — с другой, идет [процесс объединения естественных наук с общественными.

132 Социальные и духовные ценности на рубеже II и нЧ тысячелетий

К. Маркс и Ф. Энгельс писали в свое время, что существует только одна наука, историческая наука: история природы и история человечества. «...Сама история является *действительной частью истории природы*, становления природы человеком. Впоследствии естествознание включит в себя науку о человеке в такой же мере, в какой наука о человеке включит в себя естествознание: это будет *одна наука*» {Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 595-596}.

Выдающийся физик М. Планк также стоит на позиции признания единства наук. «Наука представляет собой монолит. Разделение его на разные отрасли обусловлено не существом дела, а лишь нашими ограниченными возможностями понимания, ограничениями, которые ведут к подобному разделению в практике. В действительности существует неразрывная цепь от физики и химии через биологию и астрономию к социальным наукам, цепь, которую нельзя произвольно разрывать ни в каком месте».

В XXI в. наука будет играть все большую роль в управлении обществом и государством. Сегодня научный и технологический потенциал настолько же велик, насколько и опасен. Поэтому эффективность принимаемых решений будет в полной мере определяться тем, насколько к ним будут применяться нравственные ценности. Прежде всего велика моральная ответственность самих ученых. Прогресс науки не остановить, появление новых знаний, в том числе и тех, которые можно использовать во вред людям, предотвратить невозможно, но ученые обязаны предупредить о возможных опасных последствиях новых открытий. Правда, ученые отнюдь не всегда могут предвидеть отдаленные последствия своих открытий. Вряд ли А. Эйнштейн мог предвидеть, создавая теорию относительности, что положил начало историческому процессу, который поставил человечество перед ядерной катастрофой. Более того, узнав об открытии ядерного деления урана под действием нейтронов немецкими учеными О. Ганом и Ф. Штрассманом,

сознавая, что это открытие совершилось в фашистской Германии, ряд ученых обратились к правительству США с предложением о быстрейшей разработке программы по созданию ядерного оружия.

Однако позднее А. Эйнштейн, Р. Оппенгеймер и другие выдающиеся физики, активно участвовавшие в создании атомной бомбы, решение о ее использовании против Японии сочли «ве-

Глава 5. Наука и техника

133

дчайшей ошибкой правительства США». Но примечательно, что политические руководители США никаких угрызений совести не испытывали. Президент Г. Трумэн после встречи с р. Оппенгеймером сказал: «Больше не приводите ко мне этого дурака. Бомбу сбросил не он. Я сбросил бомбу. Меня тошнит от этакой слезливости».

В современных условиях ответственность ученых и, разумеется, политиков еще более возросла. Авторы доклада «Этика и ответственность науки» на Всемирном конгрессе ЮНЕСКО по науке (Будапешт, июнь—июль 1999 г.) справедливо отмечали, что сегодня в обществе есть проблемы, относительно которых имеются все основания для беспокойства. «Сейчас самое время пересмотреть цели и ценности, которыми руководствуется научное сообщество».

Подлинный ученый должен быть человеком высокой чести, человеческого достоинства и совести. Ему необходимо осознавать социальные последствия своей деятельности, понимать суть политических событий, происходящих в своей стране и мире, быть убежденным, что достижения науки и техники служат благу людей и что это возможно только в демократическом обществе, основополагающими принципами жизни которого являются открытость, гласность, доверие и взаимопонимание между людьми.

В принципе достижения науки и техники — благо для людей. Все зависит от самих людей, от социальных условий, в которых они живут. Научно-технический прогресс создает условия, материальные и технические предпосылки для развертывания способностей и обогащения духовного мира человека; он ликвидирует частичность, ограниченность самодеятельности индивидов.

Прежде всего это находит выражение в преодолении старого разделения труда, которое коренится, во-первых, в противостоянии умственного труда физическому, причем не только по линии разделения материального и духовного производства, но и внутри материального производства, труда рабочего и инженера, крестьянина и агронома. И, во-вторых, в отделении промышленного, индустриального труда от труда в сельском хозяйстве, завершившегося отрывом города от деревни.

Жесткая привязанность работника к выполнению той или [иной функции оборачивается обеднением человека и превра-

134 Социальные и духовные ценности на рубеже II и 14+тысячелетий

щается в тормоз социального прогресса. Как отмечал один из создателей кибернетики Н. Винер, «...если человека ограничить и приговорить к выполнению постоянно одних и тех же функций, то он не будет даже хорошим муравьем, не говоря уже о том, чтобы быть хорошим человеком. Желаящие организовать нас для выполнения каждым индивидуумом постоянных функций обрекают человеческую расу продвигаться вперед меньше, чем в половину ее сил» {Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958. С. 62}.

Разумеется, научно-технический прогресс отнюдь не приводит к ликвидации всякого вообще разделения труда, но в любом случае дает возможность работнику приобщаться к разным видам деятельности. Это не имеет ничего общего ни с ликвидацией специальностей, ни с дилетантским многоделанием — новое производство, базирующееся на новейших достижениях науки и техники, приводит к объединению разного рода деятельности на одном рабочем месте и требует от современного работника широкого кругозора: знания основ современной физики, химии, электроники, кибернетики,

информатики и т. п., а также гуманитарных наук: психологии, этики, эстетики и т. д.

Надо иметь в виду и то, что работник, чтобы успешно работать, должен непрерывно пополнять и совершенствовать свои знания. Новая техника сегодня морально устаревает за 3—5 лет, а то и быстрее, соответственно этому морально устаревают и знания специалистов, обслуживающих эту технику. Следовательно, знания так же, как и техника, необходимо модернизировать и пополнять, причем темпами, даже опережающими развитие техники.

Сегодня профессии объективно разрывают жесткие рамки узкой специализации, требуя разносторонних знаний и разносторонних способностей. Конечно, специальность остается, но исчезает специалист в старом смысле как простой носитель частной функции.

Наряду с этим следует отметить несостоятельность так называемого кнопочного представления о труде в будущем обществе, согласно которому труд, базирующийся на автоматизации и информатизации производства, будет простым и легким занятием: всё будут делать машины, а человеку остается лишь «потреблять» в условиях изобилия и праздности. Вряд ли так будет. Общество будущего будет обществом организованных, дисципли-

Глава 5. Наука и техника

135

линированных тружеников. Машина, автомат, какими бы разумными ни были, лишь опосредуют деятельность человека. В конечном счете решения принимает человек. В условиях современного производства резко вырастает степень влияния человека на производственный процесс. От работника, контролирующего пульт управления на атомной электростанции или на химическом предприятии, зависит не только немислимый ранее объем материальных ценностей, но зачастую и труд, быт, нормальная жизнедеятельность людей, даже их жизнь.

Огромное влияние научно-технический прогресс оказывает на свободное время человека. Свободное время становится важнейшим условием воспроизводства и развития физических и духовных потенций индивида. Поскольку труд, основанный на научно-технических достижениях, стимулирует стремление человека совершенствоваться, постольку свободное время человека также объективно наполняется богатым содержанием, творческими поисками.

О. Хаксли в одной из своих книг нарисовал утопию «прекрасного нового мира», в котором у человека нет никаких забот; во всяком случае, проглотив таблетку препарата сомы, он забывает все свои заботы и огорчения. Перспектива ужасная. Но сегодня ее признаки отчетливы. Средства массовой информации, театр, литература в большинстве своем служат по сути наркотиком, избавляющим людей от жизненных тягот и забот. И многие люди, труд, жизнь которых бессодержательны, пусты, скучны, чтобы бежать от самих себя, принимают «наркотики», навязываемые СМИ.

Однако объективно достижения науки и техники создают предпосылки для снятия противоположности между рабочим и свободным временем, между трудом и отдыхом. Они побуждают человека и к своему труду, и к своему отдыху относиться с серьезностью и достоинством.

К. Маркс в свое время в труде «Капитал» указывал, что, несмотря на возрастающую роль овеществленного труда в деятельности людей, решающее значение всегда будет иметь живой труд человека. Живой труд должен охватить все технические средства; только он воскрешает их из мертвых, превращает «их из только возможных в действительность...» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 194).

136 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Н. Винер решительно возражает людям с психологией машинопочковников, которые «часто питают иллюзию, будто в высокоавтоматизированном мире потребуются меньше изобретательности, чем в наше время; они надеются, что мир автоматов возьмет на себя наиболее трудную часть нашей умственной деятельности —

как тот греческий философ, который в качестве римского раба был принужден думать за своего господина. Это явное заблуждение... Будущее оставляет мало надежд для тех, кто ожидает, что наши новые механические рабы создадут для нас мир, в котором мы будем освобождены от необходимости мыслить.

Мир будущего потребует еще более суровой борьбы против ограниченности нашего разума, он не позволит нам возлечь на ложе, ожидая появления наших роботов-рабов» (*Винер Н. Творец и робот. М., 1966. С. 73, 80*).

И все же, еще раз подчеркнем, в будущем обществе противоположность между рабочим и свободным временем, между трудом и наслаждением будет преодолена. Все виды деятельности человека превратятся в единую творческую самодеятельность, цель и содержание которой — развитие всех сущностных сил человека.

Но научно-технический прогресс, достижения науки и техники являются лишь материально-техническими предпосылками для решения фундаментальных проблем человеческого существования. Все зависит от самих людей, от их отношений между собой. Достижения науки и техники можно использовать и во благо, и во зло человеку. И так до сих пор было. Поэтому в обществе сформировались две стойкие духовные ориентации: технократизм и гуманизм, два полярных, противостоящих друг другу идейно-ценностных комплекса. Эти ориентации обнаруживаются как в философском и политическом мышлении, так и в общественной психологии, в конкретном практическом сознании.

Что представляют собой технократизм и гуманизм в широком философско-идеологическом плане? В технократических концепциях описывается развитие общества на базе научно-технического прогресса. Гуманизм же — это совокупность взглядов, выражающих достоинство и ценность человека, его право на свободное развитие, утверждающих человечность в отношениях между людьми.

Глава 5. Наука и техника

137

Генезис вульгарно-технических концепций общественного развития связан с зарождением буржуазного прогрессизма. Еще в эпоху Просвещения возникли представления о прогрессе, якобы возможном лишь на базе расцвета науки и техники. Пафос разума, знания и основанного на них прогресса наиболее полно и последовательно выразился именно в идеологии Просвещения. Вневременная, внеисторически понятая, всегда тождественная себе разумность в противоположность заблуждениям, страстям, таинствам рассматривалась просветителями как универсальное средство совершенствования общества. Прогресс осмысливался ими как результат распространения истинных, рациональных идей, которые постепенно устраняют загадки мира, пропитывая его светом разумности.

В дальнейшем этот подход в оценке общественного развития начал вырождаться в апологетическую по своей сути про-грессистскую концепцию с характерным для нее представлением о науке (а затем и о технике) как единственном и всесильном средстве разрешения любых человеческих проблем и достижения социальной гармонии на путях рационально спроектированного миропорядка.

Возникшее позднее стереотипное представление о «технической рациональности» (разработанное М. Вебером), якобы органически присущей буржуазной цивилизации, активно содействовало последующему оформлению сциентистских, т. е. связанных с наукой, иллюзий. В социологии XX в. также складывались различные направления, укреплявшие идеологию индустриализма.

Вместе с тем со всей определенностью можно говорить о раздвоенности буржуазного сознания, тяготеющего к прагматической рациональности и в то же время жаждущего некоего романтического восполнения. В свое время К. Маркс подметил, что трезво расчетливая, безгранично эгоистическая атмосфера буржуазного "мира с господствующим в ней духом наживы требует некоего противовеса себе, который обретается сознанием в виде романтического взгляда на окружающий мир и человеческую

историю.

В подобном же смысле высказывался и Н. А. Бердяев. Он отмечал, что техника, охватывая жизнь, разрушительно действует на культуру, но вместе с тем победному шествию технической цивилизации противостоят романтизм, романтики.

138 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Буржуазное сознание и по сию пору не может преодолеть собственную внутреннюю раздвоенность, ибо в ее основе — раскол культурно-исторической целостности. Более того, эта рассогласованность углубляется, окрашивается в драматические и даже трагические тона. В общественном сознании образ науки, интерпретируемый в различных значениях, порождает сциентистские и антисциентистские настроения. Сциентизм и антисциентизм все чаще оказываются и характеристиками обыденного сознания, выводы которого основываются на жизненном опыте и здравом смысле.

Приверженцы сциентизма, как правило, соблазняют людей идеями новой технотронной, постиндустриальной эры; антисциентисты, напротив, предостерегают людей от мрачной перспективы встречи с будущим. Момент истины есть в суждениях тех и других. Так, Д. Белл, говоря о становлении постиндустриального общества, приводит следующие аргументы. Индустриальное общество базируется на машинной технологии, постиндустриальное формируется под влиянием технологии интеллектуальной. Информация и знание — вот основа постиндустриального общества. Если в индустриальном обществе производство и обмен осуществлялись обособленными индивидуумами, то в постиндустриальном обществе знание и информация — общественный продукт. Знание — коллективное благо; если даже оно кому-то продано, то одновременно оно остается и у производителя знания, и у покупателя. Естественно, это подрывает как частнособственнические, так и рыночные отношения. У частного лица мало стимулов производить знания. Во всяком случае, если научное открытие обещает какую-либо практическую пользу лишь спустя многие годы, вряд ли оно имеет шансы на поддержку тех, кто платит за работу.

Вместе с тем он полагает, что постиндустриальное общество характеризуется уже не трудовой теорией стоимости, а теорией стоимости, основанной на знании. Несостоятельность трудовой теории стоимости Д. Белл видит в том, что она единственным источником прибавочной стоимости считает рабочую силу непосредственных производителей.

А. Тоффлер также указывает на позитивную роль новой технологии и техники. Например, он полагает, что домашний компьютер укрепляет роль семьи, дома как ячейки общества,

Глава 5. Наука и техника

139

что индивидуумы, «став как бы собственниками своих электронных терминалов и оборудования, фактически как бы становятся не служащими в классическом смысле, а скорее независимыми предпринимателями, то есть рабочими, в высокой степени владеющими "средствами производства"». Не менее важен, считает ученый, и социологический аспект: если работники часть своих задач или даже всю работу смогут выполнять дома, им не нужно, как сегодня еще приходится это делать, переезжать, если они меняют место своей работы. Им надо лишь подключиться к другому компьютеру. Это означает снижение вынужденной мобильности, уменьшение стрессов, большее вовлечение в жизнь общества (см.: *Toffler A. The Third Wave. N. Y., 1984. P. 194, 205*).

В этих суждениях все-таки есть преувеличение. Нарастающее могущество мультинациональных концернов ускользает даже из-под национального контроля, тем более из-под контроля отдельных людей. Как тут можно говорить о «независимых» предпринимателях, о рабочих «в высокой степени владеющих "средствами производства"»?

Конечно, компьютеры и т. п. создают предпосылки к тому, чтобы практически все

слои населения имели доступ к информации в самом широком смысле, в том числе экономической и финансовой. Но чтобы иметь реальную возможность получения информации, нужно ликвидировать монополию экономических и финансовых группировок на руководящие общественные функции. А это не так-то просто. Более того, монополия на информацию делает угрозу тоталитаризма в современном обществе вполне реальной.

Конечно, уровень развития производительных сил предопределяет способ соединения работников с орудиями труда, со средствами производства и лежит в основе остальных социальных отношений. В информационном, постиндустриальном обществе в сельском хозяйстве остается менее 5% всех работников, в промышленности — около 10% населения. Все остальное самодеятельное население будет сконцентрировано главным образом в науке, образовании, торговле, в сфере социальных | услуг, в управлении. Главным занятием людей будет производ-| ство знаний и их передача другим. Но подобная деятельность требует коллективных, взаимоподдерживающих усилий.

140 Социальные и духовные ценности па рубеже II и III тысячелетий

В сфере, где производятся знания, частнокорыстные, рыночные отношения сомнительны. Покупателю, как правило, нужно показать товар. Но при демонстрации дна^ий они автоматически переходят к покупателю. Теперь он уже ни в какой покупке не нуждается. Технические изобретения, новые технологии, конечно, могут быть предметом продажи. Но знания, особенно добытые фундаментальной наукой, должны быть достоянием всего общества.

Именно в соответствии с этим К. Маркс отмечал три последовательные ступени в развитии общественных отношений: «Отношения личной зависимости... Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости... Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на подчинении их коллективной общественной производительности в качестве их общественного достояния...»

Наряду с этим не правы в конечном счете и авторы антитехницистских, антисциентистских концепций, доказывающие, что техника оторвала человека «от почвы», что его дух сводится лишь к обучению полезным функциям и т. д. и т. п., что он становится абстрактным индивидуумом, заключенным в царство мертвых механизмов и аппаратов, что возникнет новая форма рабства, связанная, возможно, с комфортом, но «узда его будет ощущаться постоянно» (Э. Юнгер). В известном смысле так и есть. Р. Арон в книге «Разочарование в прогрессе» справедливо пишет, что НТР не обеспечила подлинного освобождения человека. Она привела к деградации природы, упадку нравов, обострению конфликтов между людьми, классами, государствами, нациями.

Бесспорно, в современном человеке, в современном обществе гуманистическая чуткость ослаблена. Возможно, воодушевление идеей технического совершенства и экономического эффекта этому способствует, но главная причина упадка гуманности коренится все-таки в самом человеке.

А. Тоффлер в книге «Шок будущего» обоснованно утверждает, что «спеша извлечь из развития техники непосредственную экономическую выгоду, мы превратили окружающую нас среду как физическую, так и социальную, в пороховую бочку». В конечном счете не техника, не наука, а люди сами должны оценивать достижения науки и техники в духе гуманности и соответственно поступать.

Глава 5. Наука и техника

141

Восстановление утраченной культурно-исторической целостности в восприятии научно-технического прогресса — процесс длительный. Он постоянно разворачивает новые противоречия и коллизии.

В свое время эти сложные феномены игнорировали и советское обществоведение, и советская философия. Они исходили из посылки, будто появление общественной собственности на средства производства автоматически гармонизирует диаметрально противоположные ценностные ориентации, обеспечивает целостно гуманистическое

измерение общественных отношений.

Между тем общественная психология, вопреки оптимистическим надеждам, чутко воспроизводила отмеченные духовные коллизии именно в качестве противостояния полярных ценностных ориентации. Вера в беспредельные возможности науки, в господство аналитического разума постоянно порождала тоску по аксиологической «восполненности» сознания. Обнаруживалась тяга к романтическим аспектам бытия в виде поэтизации душевной хрупкости, сострадания, человеческой боли. Выявляло себя и стремление вступить за «утесняемую природу».

Тем не менее в общественном сознании укреплялось убеждение, будто техника способна радикально преобразовать мир, решить все мучительные и сложные социальные проблемы. Ученые, инженеры и другие специалисты, образующие слой научно-технической интеллигенции, естественно, видели, что в нашем обществе немало трудностей, стихийных, плохо контролируемых процессов, консервативных тенденций. Но они верили в то, что проникновение науки и техники во все сферы общественного бытия, утверждение методов точного расчета устранят негативные явления, косность, помогут отрегулировать все человеческие связи.

В действительности же уже в середине XX в., едва стала набирать темпы научно-техническая революция, обнаружили себя и первые признаки намечающейся контртенденции. Рождающиеся ценностные ориентации как бы защищали право человека на суверенность, на его стремление жить по собственным запросам, а не по велениям абстрактной науки. Бурный натиск Технического прогресса нередко воспринимался общественной Психологией как разрушение сложившегося уклада жизни. Энтузиазм таежных строительных эпопей, романтика палаточных

142 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

городков, наступление на природу порождали одновременно сложный комплекс человеческих переживаний. Гитарная авторская песня, творчество бардов 1960-х гг. отразили мотивы внутренней неустроенности, одиночества, тоски по природе, которая стала объектом «индустриального наступления».

Именно тогда развернулась в Советском Союзе памятная дискуссия между физиками и лириками. Первые настаивали на приоритете знания, абстрактного расчета, не совместимого со стихийными душевными излияниями. Лирики подчеркивали роль гуманитарных подходов, морали, человеческих чувств. Они предлагали оценивать результаты научной деятельности через призму человеческой субъективности.

К сожалению, выявившиеся полярные ценностные ориентации не стали предметом глубокого теоретического осмысления в общественных науках, в философии, в мировоззрении. Разумеется, проблема физиков и лириков продолжала подспудно обнаруживать себя в общественной психологии, в идеологической пропаганде. Однако господствующие сциентистские настроения оказали сильное воздействие на формирование технократических тенденций.

«Спор между физиками и лириками, — писал В. Распутин, — казалось бы, должен был подогреть физиков духовным светом, а лирикам явить лицо реально изменившегося мира и закончиться к общей пользе, в действительности же из аудиторий перешел на рабочие площадки и из точки зрения превратился в способ действия... На сей раз человек, вставший у конвейера технического прогресса, выгоду своего места употребил на то, чтобы добиться не одной лишь моральной, но полной и окончательной победы. Не прошло и двадцати лет, как симпатичный «физик», напоминавший гусара, вырос в опасного и самовластного технократа, ловко лавирующего между долгом, целью, выгодой и моралью».

Технократы-ученые и технократы-политики абсолютизируют технический прогресс, производительные силы сводят к технике и технологии, а производственные отношения — только к технико-организационным структурам, авторитарным методам руководства и управления. Такой *подход* привел к принижению роли человека в

общественном развитии, в выявлении целей и смысла прогресса. Сооружение индустриальных гигантов не сопровождалось на протяжении многих лет должной социальной

Глава 5. Наука и техника

143

политикой, развертыванием собственно человеческого потенциала.

В государственном социализме все сильнее обнаруживал себя функциональный подход к формированию человеческой личности, а также и в оценке ее социальных качеств. Согласно бюрократическим и догматическим технократическим воззрениям, предполагалось, что собственно человеческие проблемы являются производными от производственных вопросов. Они и подлежат решению в последнюю очередь, как некий довесок к воплощаемым технократическим проектам. Практически и сам человек все заметнее выступал как средство, хотя на словах и оставался целью производства. Все это в конечном счете неизбежно вело к серьезным нравственным деформациям.

Быстрый рост экономики спровоцировал в свое время возрастание комплекса технократического мышления. Но парадокс состоит в том, что наиболее значительный всплеск этих умонастроений выпал на время застойных, кризисных процессов, сложившихся в нашем обществе. Характерно, что как раз в период снижения темпов роста, усиления бюрократических тенденций индустриалистические, технократические иллюзии обрели стойкое и массовое распространение. Абстрактная вера в машину, вторгающуюся во все сферы человеческой жизни, приглушила иные резоны, идущие от стихийной человеческой субъективности, запросов духа, гуманистических традиций. К тому же нередко господствовала установка, ориентирующая на использование не столько перспективных, постиндустриальных, сколько устаревших достижений науки и техники эпохи индустриализма.

Отсюда и вытекает важный мировоззренческий вывод: технократическое мышление порождается вовсе не техникой как таковой, а специфической ориентацией, своеобразной оценкой ее роли в обществе. Любое техническое усовершенствование не только дает приращение знаний и навыков, но оборачивается также и неизбежными утратами, потому что влечет за собой неожиданные социальные следствия, которые должны выявляться напряженным, всесторонним анализом, экспертизой с позиций овокулного практического и духовного опыта человечества.

Платон полагал, что изобретение письменности окажет раз-ушительное воздействие на устную речь, приведет к атрофии амяти. Он был в чем-то прав, хотя именно рождение письмен-

144 Социальные и духовные ценности на рубеже II и Щтысячелетий

ной культуры позволило человечеству сохранить накопленные духовные богатства. Английский поэт Д. Мильтон в поэме «Потерянный рай» называет изобретение артиллергии|дьяВольским искусом, самым бесчеловечным и кошмарным орудием убийства. Т. Тассо, как бы вторя ему, призывает уничтожить все средства войны, кроме «благородных»: меча и шпаги.

В сущности, современное сознание по-прежнему тяготеет к двум полюсам. С одной стороны, безоглядная вера в каждое новое техническое приобретение человечества, открытие науки. А с другой — желание вернуться к «благородным» инструментам преобразования жизни, отвергающим негативно окрашенные стереотипы техники, рациональности. Конечно, человеческую мысль нельзя остановить. Ныне и информатика уже вошла в быт. Но, повторяем, не она порождает технократическое мышление. Техника может сделать человека рабом, исполнителем чужой воли. Она же способна расширить его инициативу, развернуть неслыханные возможности.

Не техника сама по себе вытесняет из жизни человека гуманистическую культуру, гуманистическую чуткость. Виноваты сами люди: воодушевленные идеями технического совершенства и экономического эффекта, они забывают об идеях гуманности и добра,

возможных негативных последствиях развития техники и науки.

Понятно, что без прогресса науки и техники человечество не выживет. Но выживет оно только в том случае, если придаст этому прогрессу человеческий, гуманистический смысл. Звучит, возможно, тавтологично. И тем не менее прогресс должен быть подчинен гуманистической стратегии, он должен быть органически пронизан духом социальной полезности и справедливости, демократичности. Его конечная цель — полное и всестороннее развитие возможностей и способностей, заложенных в человеке, обеспечение здоровой и достойной жизни для каждого.

Стихийность, обесчеловеченность прогресса науки и техники, беспардонное отношение к природе незамедлительно обернулись зловещими симптомами. Налицо признаки экологической катастрофы, захватившей человечество. В нашей стране возникли «проблема Байкала», «проблема Ладоги», «проблема поворота рек», «забайкальских таежных пожаров», затем страшная «проблема Чернобыля» и др. Только человеку, беспредель-

Г

Глава 5. Наука и техника

145

но далекому от земли, обработка почвы может казаться сугубо технологической операцией. Но именно здесь критерии нравственности обнаружили свою неодолимую силу. Земля и человек, его отношение к ней, его поведение в поле и в целом в природе — какие актуальные мировоззренческие проблемы!

Отсутствие широкой гуманистической, философской культуры порождает нередко примитивное социальное мышление. Так, технократ мыслит категориями, освобожденными от критериев человечности. Он озабочен тем, как истратить выделенные ему капиталовложения. На березки и тополя миллиарды не истратишь. Так рождались гигантомания, различные грандиозные природопреобразовательные проекты. Проблема состоит не только в том, чтобы различные программы преобразования природы, решения хозяйственных проблем получали более основательную проработку. Ведь под проработкой часто подразумевается уточнение расчетов, более точная инженерная экспертиза. Речь идет о том, чтобы подобного рода программы соотносились не только с такими показателями, как рентабельность, польза, эффективность, но и с критериями человечности, требованиями разносторонней культуры: не приведет ли та или иная акция к ущемлению природы, не нанесет ли ущерб человеку, не разрушит ли нравственную атмосферу? Наконец, не вызовет ли технократическое мышление обостренную, преувеличенную реакцию со стороны вытесняемых компонентов культуры?

В новой преобразенной системе ценностных координат в центр реально выдвигается человек как самоцель прогресса. Объективные законы общественного развития не есть нечто отдельное от деятельности людей, а являются законами их собственных действий. Следовательно, успех общественно-производственной практики обеспечивается не ограничением неких отрицательных сторон проявления объективных общественных законов, а прежде всего устранением несогласованных действий людей, их способностью учитывать объективные материальные предпосылки своей деятельности.

Именно поэтому прогресс общества — это прежде всего вопрос о сознательности, о все более заинтересованном участии миллионов масс во всех общественных преобразованиях; это вопрос о просторе для развития личности, инициативы и творчества человека как хозяина, работника и гражданина. Во всех

-6325

146 Социальные и духовные ценности на рубеже II и-441 тысячелетий

сферах жизни: в экономике, технике, управлении, культуре, образовании — началом всех начал является человек и как высшая ценность общества, и как главная производительная сила, и как мера всех вещей, определяющая степень нашего продвижения вперед в экономическом, социальном и духовном отношении.

На современном этапе развития такой подход, как никогда прежде, должен стать

основой нашего теоретического мышления и практического действия. Ни техника, ни материалы, ни продукты сами по себе при всем их значении не могут гарантировать социальный прогресс; только человек с его трудовой деятельностью, основанной на передовой технике, технологии, сознательной дисциплине, творческим отношением к труду, четкой и умелой его организацией, культурой, полноценным использованием свободного времени может и должен обеспечить овладение новыми важными рубежами социального прогресса. Именно поэтому сегодня столь остро стоит вопрос о все более инициативном, заинтересованном участии всех граждан во всех общественных преобразованиях.

Ведь примечательно, что уже в 1960-е гг. в нашей стране заговорили о необходимости реформ, более того, они стали было осуществляться, но постепенно угасли. И причины этого в решающей степени заключались в том, что их организаторы «забыли» о человеке, не обратились к массам, не соединили экономические реформы с политическими, с процессом демократизации, привлечения самих трудящихся к решению назревших задач.

История доказала, что самые передовые идеи только тогда реализуются успешно, когда созревает широкое понимание необходимости их практического осуществления, когда они становятся настоятельным требованием самых широких масс народа. Сегодня наш народ, как никогда прежде, нуждается в новых идеях. На нынешнем этапе развития гуманистические ценности должны, наконец, перестать быть декоративным украшением технократического здания, а явиться органичной и неотъемлемой характеристикой мировоззренческой общественной практики.

Возрастание роли информации в обществе, НТП предполагают творческий, поисковый характер труда, открывают простор для личного самовыражения, результаты труда в значи-

Глава 5. Наука и техника

147

тельной мере зависят теперь от нестандартности подхода. Вместе с тем бюрократизация по-прежнему пронизывает многие сферы деятельности, регламентируя не только общий процесс, но и его звенья.

Догматическая абсолютизация государственной собственности на деле обернулась господством администрирования, расширением пространства для всемогущества бюрократизма. Бюрократизм нуждается в догматизме, а догматизм ощущает свое партнерство с бюрократией. Догматизм — это оскотление мировоззренческой культуры, сведение ее к примитивизму, к набору абстрактных положений, игнорирующих реальное богатство ценностных ориентации в обществе.

Не случайно, что в ряду болезней, поразивших мировоззренческую, духовную практику, научную мысль, особое место занимает догматизм. Он не является, как может показаться на первый взгляд, простой предрасположенностью ума. Речь идет о такой ориентации, которая вырастает как бы в противовес названным уже качествам подлинной интеллигентности: способности к творчеству, подвижничеству и гуманистическому самосознанию.

Догматизм отрицает развитие. Он опасен и масштабами своего распространения, и силой своего мертвящего воздействия. Догматическое мышление есть неспособность или нежелание охватить явления объективного мира во всей полноте и динамике, противоречивости развития. Вот почему догматизм можно охарактеризовать как жизненную позицию, которая диктуется личными и групповыми интересами.

Сегодня, когда речь идет о развитии, об обогащении общественной мысли на качественно новом витке мирового развития, о непрерывном обновлении и совершенствовании мировоззрения, важно подчеркнуть, что разнообразие, целый спектр мнений, духовное изобилие не имеют ничего общего с сектантской, догматической замкнутостью. Между тем во многих творческих коллективах усилились эгоцентрические,

сектантские тенденции. Разумеется, они часто являются реакцией на еще недавнее господство диктаторских методов руководства. Однако групповщина, разъедающая творческий процесс, во многом обуславливает дегуманизацию жизни. Подобная практика еще недавно навязывала различные искусственные ограничения,

ю*

148 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий
что приводило к закреплению монопольного положения отдельных лиц, группировок, жанров в ущерб развитию других.

«Я думаю, что одна из актуальных обязанностей интеллигента, — отмечал известный ученый С. С. Аверинцев, — противостоять распространяющемуся злу кружкового сознания, грозящему превратить всякую активность в сфере культуры в подобие игры за свою команду, а программы и тезисы, расхожие словечки и списки хвалимых и хулимых имен — в условные знаки принадлежности команде, вроде цвета майки. В этой сфере все переименовано, все значения слов для «посвященного» сдвинуты. Если открытый спор, в котором спорящий додумывает до конца свою позицию, не прячась ни за условные обозначения, ни за прописные истины своего круга, может привести к подлинному пониманию, хотя бы и при самом серьезном несогласии, то оперирование знаками группового размежевания закрывает возможность понять не только оппонента, но и самого себя».

Другим проявлением обуженности ценностных ориентации, содержательно схожим с догматизмом, является оценивание духовных процессов через призму борьбы «ортодоксии» с «ересью». Появление различных агрессивных группировок, усматривающих во всем злокозненное и тайное воздействие масонства, другие идейные выверты, достаточно наглядно характеризует теневые стороны мировоззренческой практики, которые в условиях открытости вынесены на поверхность духовной жизни.

В чем причины широкого распространения технократических и умозрительно-гуманистических настроений в современной мировоззренческой практике? Уже говорилось о том, что обуженное представление о структуре мировоззрения, о статусе этой категории рождало рассогласованность отдельных компонентов данного феномена. Но имеется еще одна важная причина утверждения технократизма и псевдочеловечности в духовной жизни нашего общества; речь идет об отставании философии, всех общественных наук, которые могли бы быть действенным противовесом как против технократического строя мысли, пустившего глубокие корни в сознании научно-технической интеллигенции, хозяйственных и государственных работников, так и против умозрительного гуманизма, нашед-

Глава 5. Наука и техника

149

шего прибежище в сознании некоторых представителей творческой интеллигенции.

Бесспорно, сегодня не обойтись без углубленного изучения общих тенденций развития, противоречий, связанных с изменениями социальной структуры общества, с урбанизацией, научно-техническим прогрессом, экологическими сдвигами. Но не в меньшей мере важно развитие гуманитарных сфер познания: человековедения, искусствоведения, проблем морали.

Что касается России, то сегодня ситуация в научно-технической сфере весьма тяжелая. Численность работников в этой сфере уменьшилась в 2,5 раза (с 2 млн в 1990 г. до 900 тыс. в 2003 г.). Около 50 тыс. ученых покинули Россию. Приток молодежи в науку резко снизился. Поэтому средний возраст докторов наук — более 60 лет, кандидатов наук — близок к 55 годам. Материально-техническая база устарела. Значительно сократилось информационное обеспечение (особенно иностранными публикациями), а также число научных конференций. Бюджетное финансирование науки сократилось более чем в 20 раз.

В то же время ведущие мировые державы постоянно приумножают свой научно-технический потенциал. В этих странах до 90% экономического роста достигается сегодня

за счет научно-технического прогресса (в России сейчас — менее 5%).

Российские ученые: профессора, ведущие научные сотрудники получают зарплату, в среднем, около 3—4 тыс. руб. Государство должно поддерживать ученого, зарплата его должна быть достаточно велика, чтобы он мог достойно жить. Примечательно, что в уставе Российской академии наук, подготовленном под наблюдением Петра Великого, было записано: «Ученые люди, которые о произведении наук стараются, обычно мало думают на собственное свое содержание, того ради потребно есть, чтоб Академии кураторы непременно определены были, которые бы на оную смотрели, о благосостоятельстве их и надобном преуготовление старались, нужду их императору при всех оказиях предлагали и доходы в своем ведении имели». [И далее: «Но надлежит, чтобы сии доходы достаточны, верны и Неоспоримы были, дабы оные люди непринуждены больше о (.своем и фамилии своей содержании стараться, нежели о возрастании наук, наипаче понеже все такие люди суть, которым ^Жалованием своим жить надобно, ибо трудно поверить, чтоб

к^

150 Социальные и духовные ценности на рубеже II и IV тысячелетий

кто охоту имел в службе чужого государя то прожить, что он в своем отечестве имеет».

Наши правители проявляют удивительную ^недалновидность, экономят на науке, на научно-техническом прогрессе, не заботятся о том, чтобы поставить ученого, исследователя, учителя на должную высоту. А без этого у нас не будет ни профессионализма, ни компетентности. Не будет и экономического развития. Ведь главной движущей силой, трансформирующей экономику, является все более мощный поток новых знаний, устремляющихся из исследовательских лабораторий.

По оценке экспертов, объем научных знаний в мире увеличивается, по крайней мере, вдвое каждые 10 лет. Этот стремительно расширяющийся поток научных знаний является причиной того, что большая часть появляющейся новой техники устаревает в течение 5—7 лет. В электронике же этот срок еще меньше: 2—3 года.

Следовательно, потребности даже одной только экономики требуют развертывания научного поиска, внедрения знаний, уважения к знаниям.

Когда мы станем по-настоящему уважительно относиться к ученым, к науке, тогда научимся за частным видеть общее, за повседневностью — перспективу, тогда мы точнее определим не только этапы экономического развития, но и гораздо глубже поймем наши социальные и культурные задачи.

Глава 6 Социокультурные доминанты экономики будущего

Безусловно, экономика стран, устремленных в XXI в., должна быть социально и морально ориентированной. Она должна быть ориентирована на человека, на его благо и развитие. Стремление исключительно к прибыли, тем более на основе только рыночных отношений, подрывает единство производства и потребления, приводит к отчуждению людей друг от друга, от общества и государства.

Вероятно, рынок может скорее привести к равновесию между производством и потреблением, нежели государственное регулирование. Во всяком случае, наивно верить, что государственная бюрократия озадачена общим благом. Хотя, бесспорно, в чрезвычайных условиях централизованное государственное управление необходимо и достаточно эффективно.

Это доказывает история. Прежде всего история нашей страны. Как известно, формы производственных отношений, система нашего хозяйствования в основном сложились в условиях экстенсивного развития экономики, более того, в экстремальных условиях. Вспомним, какие это были условия. Капиталистическое окружение, разрушенное -войной хозяйство, низкий уровень образования и квалификации кадров, общей культуры населения. В тех условиях хозяйственный механизм, основанный на жестком централизме, административно-командных Методах, очевидно, сыграл свою

положительную роль. Уже в Середине 30-х гг. XX в. страна восстановила свое промышленное производство и создала предпосылки для рывка вперед. ^1 вплоть до 1960-х гг. советская экономика росла весьма быстрыми темпами. Это признают и многие западные исследователи (см., например: *Joldman M. The Failure of an Economic System. N. Y., 1983*).

Однако в конечном счете огосударствление экономики, Бверхцентрализация управления производством, а также всеми Сферами жизни общества, политизация и идеологизация духов-

152 Социальные и духовные ценности на рубеже. II и "тТ1 тысячелетий ной жизни затормозили наш прогресс, привели к бюрократизации общества.

Сегодня, если мы хотим идти вперед, необходимо отказаться от моноцентризма во всех сферах общественной жизни, в том числе и в экономике. Многообразие человеческих способностей, потребностей и интересов неизбежно требуют плюрализма.

Примечательно, что в СССР, несмотря на то что государство объявлялось единственным собственником, контроль за тем, кто и как распоряжается собственностью, был серьезно ослаблен. Она разъедалась ведомственностью и местничеством, становилась как бы «ничейной», лишенной реального хозяина. Работники предприятий не ощущали себя совладельцами средств производства, поскольку не имели возможности реально распоряжаться ими, участвовать в принятии решений, в управлении совместным трудом, в распределении прибыли.

Во многом все это идет от тех же 1930-х гг. Жизнь, объективные условия подталкивали И. В. Сталина и его окружение делать ставку на огосударствление средств производства. Советские руководители даже видели в этом суть социализма. Между тем К. Маркс в свое время весьма едко критиковал тех, для кого социализм определялся количеством национализированных предприятий. О. Бисмарк, национализировав почту, говорил он, должен быть величайшим социалистом Европы.

К. Маркс ставил задачу на деле, а не формально обобществить средства производства. И для этого, полагал он, необходимо включить в процесс производства, в процесс хозяйствования интересы людей, конкретных людей. А частная собственность должна быть превзойдена на основе достижений капиталистической эры, и диалектическое отрицание частной собственности фактически будет означать восстановление индивидуальной собственности. В том же духе Ф. Энгельс также указывал на то, что экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы людей. Подобно К. Марксу он предостерегал: «Лишь в том случае, когда средства производства *действительно* перерастут управление акционерных обществ», только тогда их огосударствление «будет экономическим прогрессом, новым шагом по пути к тому, чтобы само общество взяло в свое владение все производительные силы. Но в последнее время, с тех пор как Бисмарк

Глава 6. Социокультурные доминанты экономики будущего 153

бросился на путь огосударствления, появился особого рода фальшивый социализм... объявляющий без околичностей социалистическим *всякое* огосударствление...».

В. И. Ленин также не раз подчеркивал, что строить новое общество, новую экономику необходимо «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма... на личном интересе, на личной заинтересованности...». Он также выступал за обобществление *на деле*, подчеркивая, что «недостаточно даже величайшей в мире «решительности» для перехода *от* национализации и конфискации *к* обобществлению».

Только максимальный учет интересов работников формирует хозяйское отношение к труду и его результатам, дает твердую почву инициативе и самостоятельности трудовых коллективов, способствует укреплению их ответственности и дисциплины, т. е. ведет к подлинному обобществлению.

Поэтому модернизация нашей экономики требует отказа от чрезмерного

огосударствления собственности. Должны быть созданы реальные условия для широкого взаимодействия различных форм и способов реализации собственности: государственной, муниципальной, кооперативной, частной, индивидуально-трудовой.

Все это означает, что коренными принципами функционирования нашего хозяйственного механизма должны быть: самокупаемость, самофинансирование и самоуправление. Главным в деятельности и отдельного работника, и коллектива предприятия должно стать правило: что заработал, то и потребляй, предварительно заплатив налоги, отдав долги кредиторам.

Полученная прибыль — это достояние всего коллектива предприятия и каждого человека с учетом его конкретного трудового вклада.

В этой связи особое значение приобретает расширение самостоятельности предприятий — основного звена общественного производства. Здесь осуществляется реальное использование производственного, научно-технического потенциала, здесь создаются материальные блага. На этом пути гарантируется удовлетворение общественных потребностей и в то же время обеспечивается заинтересованность в конечных результатах производства у самих работников. Это путь к искоренению [уровнительности, иждивенчества, которые нанесли нашему обществу огромный ущерб. Это путь к укреплению дисциплины и

154 Социальные и духовные ценности на рубеже II и 144 тысячелетий ответственности. Это реальная основа для роста экономики, для углубления демократии, для быстрейшего решения социальных задач. — §,•

Понятно, что переход к подлинной самостоятельности предприятий, трудовых коллективов связан с эффективным использованием рынка, таких его рычагов, как цена, кредит, акция, прибыль, рентабельность, аренда и т. д.

В свое время венгерский ученый Т. Вамош, говоря об отрицательных последствиях отказа от рынка, метко заметил: «Случилось так, словно кто-то хотел заменить разветвленную венозную систему живого человека одной единственной центральной веной, поскольку так ему было удобно наблюдать за всей системой кровообращения».

Тем не менее надежды на безудержное разворачивание рыночных отношений как якобы единственный рецепт «спасения» экономики несостоятельны. Апологеты рынка постоянно ссылаются на западных теоретиков неолиберализма, в частности на экономиста Ф. Хайека: «Мы стоим перед выбором между системой, при которой решать, кому что причитается, будут несколько человек, и системой, при которой это зависит, хотя бы отчасти, от способностей и предприимчивости самого человека, а отчасти — от непредсказуемых обстоятельств». В планируемом обществе все знают, что им живется лучше или хуже не из-за непредвиденных и никому неподвластных обстоятельств, а потому, что так хочет правящий орган. В таком случае, считает Ф. Хайек, все старания человека улучшить свое положение «сведутся к попыткам добиться расположения власть имущих». К тому же планирующим органам, чтобы исключить какого-либо рода случайности, необходимо постоянно расширять контроль до тех пор, пока он не станет «всеобъемлющим».

Планированию Ф. Хайек противопоставляет рыночную конкуренцию. Причем, по его мнению, по мере усложнения экономической ситуации, например, в связи с разделением труда, значение принципа конкуренции возрастает. Легко контролировать или планировать несложную ситуацию, когда один человек или небольшой орган в состоянии учесть все существующие факторы. Но если таких факторов становится много и их невозможно ни учесть, ни интегрировать в единой картине, тогда единственным выходом является рынок, конкуренция, децентрализация.

Глава 6. Социокультурные доминанты экономики будущего 155

Но рынок, конкуренция и децентрализация, конечно же, влекут за собой проблему координации. По Ф. Хайеку, координация должна быть не «сознательным контролем, а

системой мер, обеспечивающих индивида информацией, которая нужна для согласования его действий с действиями других». Нужен какой-то механизм, автоматически регистрирующий все существенные последствия индивидуальных действий и выражающий их в универсальной форме, которая одновременно была бы и результатом прошлых и ориентиром для будущих индивидуальных решений. Именно таким механизмом является в условиях конкуренции система цен, подчеркивает Ф. Хайек (см.: *Хайек Ф. Дорога к рабству*. М., 1992. С. 43, 44).

Отвергая централизованное государственное планирование, Ф. Хайек также утверждает, что там, где существует один центр, одна общая высшая цель, там уже не остается места для каких-либо этических норм и правил. В таком государстве жестокость неизбежно становится исполнением долга, и такие действия, «как расстрел заложников... начинают рассматриваться лишь с точки зрения их целесообразности». В таком государстве высокие должности вряд ли привлекут людей, имеющих моральное убеждение. Единственная жажда, которую можно удовлетворить стремлением к руководящему посту, это жажда власти как таковой. Но это значит, что к власти в таком, по сути тоталитарном, государстве неизбежно приходят худшие, те, которые готовы преступить любые нравственные законы.

Бесспорно, суждения Ф. Хайека во многом обоснованны. Однако поскольку они имеют тенденцию к абсолютизации рынка, конкуренции, постольку они неверны. Абсолютный, идеальный рынок не может существовать уже потому, что действующими лицами в нем являются не вычислительные машины, а люди, которым самим вполне присущи соблазны нарушать рыночные законы с помощью власти, монопольного положения или просто обмана, коррупции и т. д. В любом случае в условиях рынка возникают и будут возникать тенденции к выдвиганию отдельными социальными, профессиональными группами, отдельными предприятиями и лицами местных, эгоистических претензий.

Российский философ А. А. Зиновьев, долго живший на Западе, решительно отвергает утверждение, будто в западных странах имеется независимый частный собственник, ведущий

156 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

дело исключительно на свой страх и риск. Экономика западных стран, отмечает он, это сложнейшее переплетение всевозможных способов управления. Здесь нет никакого ха^ртека. На Западе сейчас вообще нет такой сферы жизни и деятельности общества, в которой бы не участвовало государство.

К. Поппер, острый критик тоталитаризма, также отмечает парадоксальность идеи свободного рынка. «Если в рынок не вмешивается государство, то в его деятельность могут вмешиваться полуполитические организации, такие, как монополии, тресты, союзы и т. д., превращая свободу рынка в чистую фикцию. Рынок тогда свободный, когда его хозяином является потребитель. Если у потребителя нет выбора, если не он, а производитель является хозяином рынка, то тогда экономическая система становится на опасную грань тоталитаризма» (*Поппер К. Открытое общество и его враги*: В 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 414).

В сущности абсолютно свободный рынок никогда не существовал. Да, А. Смит провозгласил самодостаточность базирующейся на рынке экономики. Однако государство с помощью всякого рода протекционистских мер и до, и при капитализме всегда стремилось влиять на экономику.

В 30-е гг. XX в. западные страны потряс глубочайший экономический кризис. Капитализм выжил, преодолел этот кризис, заимствовав из советского опыта идею государственного планирования. Западные экономисты (Дж. Кейнс и др.) смогли извлечь урок из «великой депрессии» и разработали общую экономическую теорию социального государства, регулирующую деятельность предпринимателей и рынок.

В частности, Дж. Кейнс руководствовался следующими принципами: экономика и

общество в целом нуждаются в государственном регулировании; основой такого регулирования являются общехозяйственные величины (национальный доход, сбережения, инвестиции, особенно занятость и спрос населения), их пропорции. Главное, по Дж. Кейнсу, спрос; спрос определяет предложение; факторами же, воздействующими на спрос, являются цены, доходы, вкусы покупателей и т. п.

По мнению К. Манхейма, высказанному в те же 30-е гг. XX в., либеральное общество дошло до той точки своего развития, когда уже нельзя предоставлять вещам идти своим чередом, ибо это неизбежно ведет к саморазрушению социального организма. По К. Манхейму, *laissez faire* — это тирания «невме-

Глава 6. Социокультурные доминанты экономики будущего 157

щательства». В противовес этой тирании он выдвигает свой контртезис: планирование ради свободы, ради общего блага. Человек должен носить в себе ответственность за все общество и его свободу так же, как и стремление к собственной свободе. Регуляция, планирование общественной жизни во всей ее совокупности в современных условиях необходимы; важно только делать все это без принуждения, с учетом социокультурных ценностей, господствующих в обществе, подчеркивает К. Манхейм.

Разумеется, у Дж. Кейнса, были и противники. М. Фридман, в частности, исходил из того, что спрос на деньги стабилен. Поэтому функция государства лишь регулировать денежное обращение. Социальные же расходы государства вредны. Они ведут к бюджетному дефициту, инфляции, снижают стимулы к труду, в конечном счете приводят к снижению эффективности народного хозяйства.

В практической жизни западных стран тенденции свободного рынка и государственного регулирования, естественно, переплетались; во всяком случае, государство всегда участвовало в управлении экономикой.

Бесспорно, сегодня моноцентризм потерпел поражение. Но это отнюдь не значит, что надо идеализировать свободный рынок. Страны рыночной экономики, в которых, как отмечалось, регулирующая роль государства достаточно велика, тем не менее насчитывают миллионы безработных и бедных. Это факт, а не пропаганда. Сошлюсь на американского экономиста Р. Хейлбронера, который пишет: «Мы не можем ждать общественного счастья от экономического роста. Конечно, было время, когда как экономисты, так и политические деятели были убеждены в том, что экономический рост несет в себе благосостояние, что средством против политических и социальных волнений, экстремизма является простое увеличение дохода. Без сомнения, экономический рост уменьшил проявление нищеты и смягчил социальную напряженность. Но я думаю, что никто не может сказать, что этот экономический прогресс принес с собой общую атмосферу благополучия, довольства, благожелательности и благодарности. Вот о чем стоит хладнокровно поразмыслить в капиталистическом мире, где принято было считать, что богатство само по себе может принести стабильность, Мораль и примирение с существующей системой».

158 Социальные и духовные ценности на рубеже II и +N тысячелетий

Дж. Сорос также считает иллюзией надежду на свободный рынок. Разумеется, пишет он, жизнь была бы гораздо проще, если бы Ф. Хайек (и еще раньше А. Смит) был %рав и общий интерес получался бы как непреднамеренный результат действий людей в их собственных интересах. Однако суммирование узких собственных интересов с помощью рыночного механизма влечет за собой непреднамеренные отрицательные последствия (см.: *Сорос Дж. Кризис глобального капитализма*. М, 1999).

Отношения между развитыми и развивающимися странами, между Севером и Югом показывают, к какому неравноправию приводит мировой рынок. Ежегодно с бедного Юга на богатый Север «поступает» около 40—45 млрд долл. Кроме того, следует учитывать, что одна шестая населения земли (Западная Европа и США) потребляет 70% всех имеющихся на земле сырьевых запасов и ресурсов. Да и наша страна, руководители

которой сделали в 90-х гг. XX в. ставку на «чистый рынок», переживает глубокий кризис.

По мнению видных экономистов В. Лисичкина и В. Сим-черы, прямые потери национального богатства страны в период с 1991 по 1997 г. (годы ельцинских шоковых реформ) составили 1,2 трлн долл. — это примерно в три раза больше, чем потери народного хозяйства СССР в годы Великой Отечественной войны (около 420 млрд долл.). За этот же период на 83% сократился ВВП, на 81 — промышленное производство, на 63 — объем продукции сельского хозяйства, на 42 — капитальные вложения; розничный товарооборот упал на 36%, оборот на рынке услуг — на 46%. В стране остановилось свыше 70 тыс. заводов и фабрик, из них 5 тыс. крупных и крупнейших, материалоемкость продукции повысилась в три раза, трудоемкость — в четыре раза; при этом эффективность производства уменьшилась в пять раз. При общем удорожании в 4—5 раз производство товаров народного потребления сократилось на 81%.

Образом жизни многих стала бедность. Причем в категорию бедных попадает и значительная часть физически активного населения. Более 30% трудоспособных работников имеют зарплату ниже прожиточного минимума. Растет безработица, общая численность безработных — 7 млн человек, что составляет 9% экономически активного населения. Это данные Госкомстата. Специалисты же считают, что не имеют работы около

Глава 6. Социокультурные доминанты экономики будущего 159

13 млн человек. Со времен М. С. Горбачева безработица выросла в 10 раз. Растет преступность, наркомания, алкоголизм (число алкоголиков по сравнению с 1990 г. выросло в три раза).

В целом модель социальной структуры, по расчетам академика Т. Заславской, в настоящее время в России выглядит так.

1. Правящая элита — 0,5% населения.
2. Верхний слой: крупные и средние предприниматели, директора крупных и средних приватизированных предприятий — 6,5%.
3. Средний слой: мелкие предприниматели, менеджеры производственной сферы, руководители учреждений бюджетной сферы, высшая интеллигенция, офицеры — 20%.
4. Базовый слой: массовая интеллигенция, рабочая элита, работники торговли и сервиса, рабочие средней квалификации, крестьяне — 61%;.
5. Низший слой: работники без профессии — 7%.
6. Социальное дно: безработные, наркоманы, проститутки и т. п. — 5%.

Причем в России доминирует нисходящая мобильность социальных слоев. По уровню дифференциации доходов между высшими и низшими (работающими) слоями (20 раз) Россия оказалась среди развивающихся стран.

Восхождение верхних слоев связано с теневой и криминальной деятельностью. Верхний слой во многом формировался за счет приватизации государственной собственности, отмывания теневых капиталов. Семь промышленных корпораций («семи-банкирщина») управляют половиной российской экономики. 5,5% богатых россиян владеют 72% денежных сбережений физических лиц и, как правило, хранят свои деньги за рубежом. Во всяком случае за границей — до 300 млрд долл. И если удельный вес теневой экономики в мире оценивается в 5—10% от валового внутреннего продукта, в африканских странах — 30, то в России — 40%. 40—50% теневой экономики — это уже критическая масса, препятствующая развитию народного хозяйства.

Вот результат олигархической либерализации экономики и псевдодемократизации общества, осуществленных нынешней российской властью.

В свете всего этого просто непорядочно расхваливать рыночную модель экономического роста. Кстати, на Западе и сей-

160 Социальные и духовные ценности на рубеже II тысячелетий

час есть немало ученых и политиков, которые отнюдь не исповедуют «религию» рынка.

Очень интересные идеи по поводу жизнедеятельности современного западного общества, места и роли в нем рынка и социокультурных ценностей высказывает французский историк Ф. Бродель. Он считает, что современному западному обществу присуще тройное членение: повседневность или материальная жизнь, рыночная экономика, капиталистическая экономика.

Повседневность, по его мнению, это та сторона жизни, в которую мы оказываемся вовлечены, даже не отдавая в том себе отчета, — привычка или даже рутина. Это тысячи действий, выполнение которых не требует ничего решения и которые происходят, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания. Ф. Бродель полагает, что человечество более чем наполовину погружено в такую повседневность.

На уровне повседневности господствует стихия (здесь масса мелких ремесленников). На среднем — уровне рынка — производство и сбыт подчинены жесткому закону конкуренции. На третьем — капиталистическом уровне — происходит слияние интересов крупнейших фирм, вытесняющих из рынка всех конкурентов.

По Ф. Броделю, ни капитализм, ни рынок отнюдь не являются двигателями экономического прогресса общества. Предприниматель, считает Ф. Бродель, полемизируя с М. Вебером и И. Шумпетером, не является неким *deus ex machina* (бог из машины). Решающей является сфера повседневности, сфера социокультурных стереотипов, восходящих «к самым незапамятным временам»; именно она определяет, ускоряет или тормозит общее движение общественной жизни.

Немецкий и американский исследователи Р. Дарендорф и Дж. Лихтгейм, отмечая расширение в современном буржуазном обществе сектора общественной собственности и в этой связи возрастание также властных функций политиков, прежде всего чиновников государственного аппарата, даже утверждают, что современное общество в сущности уже носит черты постбуржуазного общества. Несомненно, в современном буржуазном обществе функции политики, власти возрастают. Хотя вряд ли прав Р. Дарендорф, считая, что положение внутри класса собственников больше не определяет властных позиций в обществе. Происходит сращивание экономической и политической

Глава 6. Социокультурные доминанты экономики будущего 161

власти, растет число лиц, занятых в сфере управления. Но решающую роль играют все-таки те лица, которые занимают ключевые посты в экономике.

В любом случае сегодня вряд ли безоговорочно следует принять тезис, будто частная собственность, рыночная конкуренция только благо. За культом конкуренции скрывается старая идеология: право на жизнь имеет лишь «сильный». Без сотрудничества и солидарности в обществе никогда не будет мира. Социальный мир невозможен, если растет социальное неравенство, если одни живут в роскоши, другие голодают.

Великие мыслители никогда не абсолютизировали частную собственность и конкуренцию. По мнению, например, Аристотеля, собственность, накопление хозяйственных благ необходимо и полезно для государственной и частной жизни. Но богатство, собственность — это не владение, а пользование. Если вещей больше, чем нужно для нормальной, достойной жизни, то это плохо. Средняя мера — наилучшая мера. Щедрость — это средняя мера между расточительством и скупостью (но если расточителя может научить опыт, то скупость неизлечима).

Аристотель говорит о двух видах хозяйствования. Экономика — разумное хозяйствование с целью удовлетворения потребностей семьи — первичной, главной единицы общественной жизни. Хрестоматика — хозяйственная деятельность, нацеленная на стяжание, наживу.

Но в любом случае, по Аристотелю, экономика — только предпосылка к благой государственной жизни. Ибо человек прежде всего — существо государственное (если он живет вне государства, то он либо Бог, либо в нравственном отношении остается на уровне животного). Совершенный человек — это совершенный гражданин.

Т. Мор, рисуя в Новое время справедливое и счастливое общество, описывает

частную собственность и связывает это отрицание с изобилием в данном обществе произведенных благ. Так, в «Утопии» он пишет: «Туда в известные здания привозятся продукты труда отдельных семей и складываются там, так [что продукты одного рода лежат в одном помещении. Оттуда Каждый отец семейства или старейшина хозяйства берет все, Что нужно ему и домашним, не уплачивая за это денег и вообще *безо всякого эквивалента со своей стороны.* Да и почему ему мог-ли отказать в чем-нибудь? Все вещи имеются в избытке, и нет

■1-6325

162 Социальные и духовные ценности на рубеже II и I тысячелетий

никакого основания опасаться, что кто-нибудь потребует больше, чем ему нужно».

Ж.-Ж. Руссо, П. Прудон также решительно уступали против частной собственности, видя ее истоки в разбое и краже. Г. Гегель, с одной стороны, видел в частной собственности импульс к развитию личности, с другой — отмечал, что частная собственность есть свидетельство того, что люди еще не преодолели «царство животных». С точки зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, частная собственность — основа несвободы людей, их разделения и вражды. «Один земельный участок противостоит другому участку, один капитал — другому капиталу, одна рабочая сила — другой рабочей силе. Другими словами: так как частная собственность изолирует каждого в его собственной грубой обособленности и так как каждый все же имеет тот же интерес, что и его сосед, то землевладелец враждебно противостоит землевладельцу, капиталист — капиталисту и рабочий — рабочему. В этой враждебности одинаковых интересов, именно вследствие их одинаковости, завершается безнравственность нынешнего состояния человечества, и этим завершением является конкуренция» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 559*).

Исторически принципы рыночной экономики своими корнями уходят в протестантскую этику. В труде «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер подчеркивал, что по мере того, как аскеза перемещалась из монашеской кельи в профессиональную жизнь и приобретала господство над мирской нравственностью, она начинала играть определенную роль в создании того грандиозного космоса современного хозяйственного устройства, который в наше время подчиняет неодолимому принуждению каждого отдельного человека, формируя его жизненный стиль (см.: *Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 206*).

И если забота о мирских материальных благах должна обременять пуританина не более чем легкий плащ, который можно сбросить в любое время, то в капиталистическом обществе, отмечает философ, она превратилась волею судеб в «стальной панцирь».

Как видно, М. Вебер отнюдь не одобряет превращение заботы о материальных благах в самоцель. К тому же отнюдь нельзя связывать капиталистический успех, эффективность экономики только с протестантскими ценностями. Япония и Китай охотно

Глава 6. Социокультурные доминанты экономики будущего 163

заимствуют западные технологии, но одновременно решительно ограждают от западного влияния свою культуру, язык, литературу. Главный источник поступательного развития этих стран — собственные культурно-этические ценности, ориентированные в отличие от западных на общие интересы, коллективную взаимоподдержку, социальную справедливость и т. п. И напротив: поскольку политическая элита некоторых африканских стран ориентируется на западные ценности, отбрасывая свою культуру как архаическую, постольку она не может добиться преодоления экономической отсталости своих стран.

Что касается России, то в нашей стране на протяжении многих веков господствовал этос, апеллировавший всегда к «соборности», социально-этическим ценностям.

Русские философы всегда обосновывали нравственную общность хозяйственной деятельности. В частности, Вл. С. Соловьев в книге «Оправдание добра» требовал преодолеть ложный отрыв экономики от нравственных ценностей человеческой деятельности.

С. Н. Булгаков доказывал, что политическая экономия — это прикладная этика или

этика хозяйственной жизни. Он полагал, что свобода невозможна, если человек беден, если эта бедность ему навязана другими людьми или обстоятельствами. Борьба против бедности, подчеркивал философ, это борьба за права человеческого духа. Вместе с тем, отмечал С. Н. Булгаков, богатство — это только предпосылка духовного развития. Бесспорно, по его мнению, духовно-культурный расцвет страны совпадает со временем ее наивысшего материального расцвета (и наоборот: культурный застой ведет к упадку материальному), однако само духовное развитие человека зависит от выбора им духовно-культурных идеалов.

В этой связи С. Н. Булгаков важное значение придавал труду. Творческий труд преобразует мир, преобразует и человека. В процессе творческого труда человек преодолевает «экономического человека», производящего лишь материальные блага. [В творческом труде человек выступает как творец, как субъект, как созидатель духовных ценностей.

Более того, по мнению С. Н. Булгакова, народно-хозяйственная деятельность — фактор преодоления индивидуализма, ибо субъектом народного хозяйства выступают не отдельные Производители, не их алгебраическая сумма, но народ как це-

п-

164 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

лое, а в масштабе планеты — все человечество как единая органическая целостность. Главным принципом, целью народнохозяйственной деятельности является благосостояние всех, а не рост богатства отдельных людей, подчеркивал философ. Именно поэтому, считал С. Н. Булгаков, вопрос о собственности не является главным. Все зависит от исторических условий. Задача государства — исходить не из характера собственности, а из роста благосостояния народа (см.: *Булгаков С. Очерки по истории экономических учений. 1913; Он же. Об экономическом идеале. 1903).*

Вместе с тем С. Н. Булгаков подчеркивал важное значение планирования экономики: «Никакое хозяйство не ведется чисто механически вне всякого плана и целесообразности, элементы познавательного научного отношения к миру как объекту хозяйства из него неустранимы, и в этом смысле наука никогда не оставалась и не останется вполне чужда человеку» (*Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 1990. С. 138).*

В. Ф. Эрн, обосновывая христианский социализм, также утверждал, что христианская общность людей требует коллективных форм собственности.

Вспомним также двух видных российских реформаторов: С. Ю. Витте и П. А. Столыпин. С. Витте доказывал необходимость в своей экономической политике считаться с социокультурными ценностями России: «Политическая экономия должна принимать идею национальности за точку отправления и поучать, каким образом данная нация... может сохранять и улучшать свое экономическое положение». П. А. Столыпин, как известно, сделал ставку на разрушение традиционной русской сельской общины, на создание отрубов и на их основе — единоличных крестьянских хозяйств.

В конечном счете, его постигла неудача. Можно сколько угодно говорить о косности крестьян, об агитации радикальных элементов и тому подобном, помешавшем П. А. Столыпину осуществить реформирование деревни. На самом же деле деревня сама сопротивлялась столыпинской реформе. Ибо, с точки зрения *массы* крестьян, община была фактором взаимопомощи, заботы о слабых, увечных, убогих. Ее ломка была нарушением вековых представлений крестьян о справедливости.

В России, подчеркивает, например, Н. А. Бердяев, буржуазный строй, господство частной собственности, в сущности,

Глава 6. Социокультурные доминанты экономики будущего 165

почти всегда считали грехом не только революционеры, но и религиозные люди. Православие внушало русским идеи обязанности, долга, а не права. Право не считалось добродетелью, обязанности же не исполнялись по греховности. Сама русская буржуазия

чувствовала себя нравственно ущербной.

Как пронизательны были русские мыслители! Н. О. Лосский писал в 20-х гг. XX в. (как будто предвидел нашу сегодняшнюю ситуацию), что «высокое развитие хозяйства» и наличие трудящихся, «сознающих свое человеческое достоинство», выдвигает задачу «выработать новый социально-экономический порядок, в котором был бы осуществлен синтез ценных сторон индивидуалистического (капиталистического) хозяйства с ценными сторонами идеала коллективного хозяйства, идеала, выработанного социализмом».

Только рынок, только конкуренция не могут быть благом. За культом рынка и конкуренции скрывается старая идеология: право на жизнь имеет лишь сильный. Без сотрудничества и солидарности в обществе никогда не будет мира; он невозможен, если растёт социальное неравенство, если одни живут в роскоши, а другие голодают.

Рынок нужен, но сам по себе он не решает такие общественно высокие задачи, как обеспечение полной занятости, стабильность денежного обращения, обеспечение социального выравнивания и защита окружающей среды. Сам рынок зависит [от планирующей деятельности государства, ибо именно государство обеспечивает общие условия для функционирования рынка.

Как справедливо заметил американский экономист В. В. Леонтьев, рынок — парус, а план — руль, корректирующий направление развития. Рынок, экономическая эффективность, демократия, самоуправление, государство, планирование, дух [коллективизма, стремление к социальному равенству, социальная справедливость, социальная защищённость, развитие личности, свобода человека, этические ценности, мораль и т. д. ют. п. — вот из чего складывается равнодействующая «параллелограмма сил», вот что определяет вектор развития современного общества. Этические принципы, социокультурные регуляторы планирования, толерантность, компромиссы необходимы. Не только каждой отдельной стране, но они должны стать принципом организации жизни всего мирового сообщества в

166 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

целом. Опасность экологической катастрофы, разрушение биосферы и земной коры, истощение природных ресурсов, глубокий и все растущий разрыв между Севером и Югом, Западом и Востоком делают все более очевидной необходимость планирования мировой экономики, установления нового международного экономического порядка, новых политических отношений, основанных на высоких этических ценностях, ориентированных на благо народов всего мира.

Глава 7

Философско-нравственные основы политики в цивилизации III тысячелетия

Человек — существо общественное, политическое. Так утверждал ещё Аристотель. Так, например, писал один из русских мыслителей 60-х гг. XIX в. Н. В. Шелгунов: «Жизнь есть счастье только тогда, когда человек может вполне и свободно пользоваться своими силами в расширяющемся направлении, и самая полная и всесторонняя жизнь есть самая счастливая жизнь. А всесторонняя жизнь — только общественная».

Но что такое жизнь общественная, политическая? Какой должна она быть? Прежде всего, рассмотрим связь политики с философией, ибо во все времена человеческой истории философия и политика всегда были тесно связаны, выступали во взаимодействии, оказывали сильнейшее влияние друг на друга. Не всегда эта связь была плодотворной. Нередко философия была гонимой, преследуемой стороной. Но и это подтверждает неразрывность философии и политики. В любом случае действенность философии и политики обусловлена взаимосвязью, их взаимодействием. Философские революции не раз предшествовали радикальным политическим переменам, в свою очередь политические перевороты либо открывали простор для развития философии, либо, напротив, оказывались большим тормозом.

Конечно, не всегда сами философы и политики понимали необходимость,

неразрывность связи философии и политики. Одни считали, что философ — это только любитель созерцания. Однако другие, и прежде всего представители классической немецкой философии, решительно подчеркивали деятельную сторону философии. По И. Канту, знать — это не просто Понимать, а управлять. И. Фихте также утверждал, что философия — это не созерцание, а деятельность, труд. Ту же мысль [проводил Г. Гегель, говоря, что дух по существу дела действует, и если дух требует чего-нибудь, то его не одолеет никакое Насилие.

168 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

И, разумеется, на связь философии и политики постоянно указывали К. Маркс и Ф. Энгельс. Они критиковали Л. Фейербаха, который, по их мнению, слишком много внимания уделял природе и слишком мало политике. Между тем, считали они, это единственный союз, благодаря которому теперешняя философия стала истинной.

Выдающиеся мыслители XIX в. окончательно открыли философии путь из сферы чистого мышления в действительный мир, мир политики. Они пришли к выводу, что для философии отнюдь недостаточно только объяснять действительность, философы должны давать ответ на вопрос о том, как в интересах людей изменить действительность и участвовать в процессе изменения действительного мира. И хотя еще и сегодня мы можем встретить философов, которые «запираются» в «башне из слоновой кости», и политиков, которые отвергают философию, тем не менее они нуждаются друг в друге.

Разумеется, философ в известном смысле более свободен, чем политик. Более далекий от политической повседневности философ может критически осмысливать основные принципы политики и общества. Отталкиваясь от прошлого, философских традиций, назревших проблем современности, он набрасывает картину будущего зачастую гораздо раньше, чем к будущему обратится политик, привязанный к современной ситуации.

Именно поэтому политика явно нуждается в философии. И чем богаче и содержательнее философия, тем больше политика сможет извлечь для себя пользы, тем больше политик может найти для своих убеждений, политических решений. Во всяком случае, так или иначе перед политиком встает вопрос о мировоззрении. В поисках ответа на новые сложные вопросы социального развития политику необходимо постоянно разрабатывать программу политических действий, намечающую и обосновывающую перспективу. Ему следует знать, как может измениться существующее в настоящее время положение, выявить, какие политические проекты реальны, а какие — нет, какие надежды, идеалы могут быть осуществлены, а какие иллюзорны, обманчивы. В любом случае политик должен предусматривать неизбежные и вероятные следствия тех или иных политических действий. Но это можно сделать, лишь опираясь на определенные мировоззренческие, философские принципы-

Глава 7. Философско-нравственные основы политики

169

Понятно, что и правильная социально-философская теория, и метод анализа отнюдь не предохраняют от ошибок на практике, в сфере конкретной политики. Ибо политика — это в конечном счете и наука, и искусство. Она должна вытекать и (опираться на научные выводы и положения, сформулированные в теории, но в то же время быть в известном смысле искусством возможного: строго учитывать диалектику необходимости и случайности, необходимости и свободы, все многообразие реальных условий и возможностей; более того, политика не только искусство возможного, но и искусство невозможного; она включает способность и умение сознательно идти на риск, чтобы осуществить прорыв рамок возможного в текущий, данный момент, с тем чтобы перевести политические отношения на более высокий уровень (кажущийся сегодня невозможным) и тем самым содействовать прогрессу.

М. Вебер, например, так описывает политику: политика есть не что иное, как сильное, медленное бурение твердых досок, бурение со страстью, но одновременно с

точным глазомером. Весь исторический опыт подтверждает, что возможного не достигали бы, если бы постоянно не вторгались в мир невозможного.

Пример тому — нынешний прорыв к осознанию взаимозависимости и целостности мира, который был невозможен, если бы международная ситуация оценивалась с позиций старых стереотипов: возможного в данный момент. Поэтому вполне (справедливо) утверждение, что в политике никаких патентованных рецептов не существует, как справедливо и то, что никакая философия не может дать готовые ответы на все проблемы общественного развития, не может с абсолютной точностью ответить на все вопросы относительно настоящего и перспектив будущего.

Не претендуя на разработку патентованных рецептов на будущее, не стремясь указать формы и темпы быстроты развития социальных преобразований (решающие указания в этом плане может дать только социальная практика), философия тем не менее может служить основой для разработки научно обоснованного политического курса, и именно потому, что она ориентирована на постоянное изучение действительности, реального

положения человека в обществе, всей совокупности обществен-

170 Социальные и духовные ценности на рубеже II и-141 тысячелетий
ных отношений, вытекающей отсюда перспективы движения к будущему.

Современная социальная философия исходит; из того, что за категориями «цивилизация», «общественно-экономическая формация», «культура», «базис» и «надстройка» и т. п. всегда стоят реальные люди, реальные индивиды, которые так или иначе влияют на развитие общества и в конечном счете творят его. Человек в обществе и общество, отраженное в человеке, — вот, пожалуй, никогда не теряющий своей актуальности подлинно философский алгоритм социально-политических исследований.

Люди, разумеется, делают свою историю сами. Но, как справедливо отмечали К. Маркс и Ф. Энгельс, в любом случае они делают ее не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого. И это отнюдь не превращает индивида в «винтик», какое-то незначительное орудие в общем развитии человечества.

Признание объективной реальности, объективных общественных закономерностей ни в малейшей степени не освобождает людей от ответственности за направление социального развития, не превращает будущее в результат реализации некоей заранее предопределенной сущности. Напротив, вопреки Г. Гегелю, у которого человек не творец истории, а ее слепое орудие, орудие абсолютного духа, нужно исходить из того, что в истории, обществе действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страстей, стремящиеся к определенным целям. Тем не менее, только выделив цивилизационные, культурные и социально-экономические основы жизнедеятельности общества, найдя первопричину действий личности в социальных взаимоотношениях, учтя общественную психологию, можно дать правильную оценку действий личностей, понять их потребности, ценности и идеалы, верно оценить реальную социальную ситуацию, вскрыть тенденции общественного развития.

В любом случае необходимо учитывать объективную реальность и ее закономерности; лишь их познание дает единственное основание для выбора наиболее оптимальных возможностей воздействия на социальные процессы и тем самым сокращает ошибки и необоснованные «опыты» в политической

Глава 7. Философско-нравственные основы политики

171

деятельности. Для правильной политики отнюдь не существует альтернативы: либо глобальные проекты, либо конкретные социальные преобразования. Политика всегда должна предполагать соединение перспективных целей с решением непосредственных задач. Однако в любом случае путь должна освещать перспектива.

К. Поппер защищает, обосновывает другую точку зрения. «Глобальным» проектам социально-экономических и политических преобразований он противопоставляет

«социальную инженерию», т. е. политику социальных реформ, постепенных частичных шагов, частичных дел и т. п. «Мы оба, — пишет он, имея в виду себя и К. Маркса, — полагаем, что утопические планы не выполнимы... так как вряд ли какое-нибудь социальное действие может в точности привести к ожидаемым результатам... Однако... Маркс, выступая против утопизма, на деле обвиняет всю социальную инженерию... Он отвергает веру в рациональное планирование социальных институтов, считая ее в целом нереалистичной, так как все общество должно развиваться в соответствии с законами истории, а не нашими рациональными планами». Я думаю, продолжает К. Поппер, «что этот размах, этот крайний радикализм... связан с... эстетизмом, т. е. желанием построить мир, который не просто немного лучше или рациональнее нашего, но который свободен от всех его безобразий... Однако для меня все это неприемлемо. Я не верю, что человеческие жизни можно использовать как средство удовлетворения потребности художника в самовыражении. Напротив, следует требовать, чтобы каждый человек, если он того пожелает, был вправе сам моделировать свою жизнь в той степени, в какой это не затрагивает интересы других» (*Поппер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. Т. 1. С. 207, 208*).

Эти суждения К. Поппера не вызывают возражения. Я не согласен только с его критикой К. Маркса, который, создав концепцию материалистического понимания истории, отнюдь не абсолютизирует значения исторических законов, отнюдь не принижает роль масс и отдельных личностей в исторических преобразованиях. Не история сама по себе, а люди — вот субъект исторических преобразований, движения общества по пути прогресса. Таков главный вывод К. Маркса.

172 Социальные и духовные ценности на рубеже II и-III тысячелетий

К. Поппер считает, что человек должен учиться только на своих ошибках. Поэтому он должен идти по своему пути шаг за шагом, стремясь достигнуть цели с помощью мелких поправок и постепенных улучшений. Он должен уклоняться от сложных и обширных реформ, тем более от каких-либо глобальных социальных преобразований. Надо выявлять наиболее социальные пороки и бороться с ними, а не искать окончательное благо и бороться за него.

Хорошие мысли. Но они «работают», когда общество нормально эволюционирует, когда власть имущие заботятся о благе народа, а не о своих только привилегиях. Когда же власть коррумпирована, жестока по отношению к народу, то кризис неизбежен. Возмущенные массы будут стремиться, и самым решительным образом, не к «мелким поправкам» и «постепенным улучшениям», а к коренному, «глобальному» устранению «наболевших социальных пороков».

Вероятно, К. Поппер, Ф. Хайек, другие приверженцы «социальной инженерии» в известной мере правы, утверждая: «События современности тем отличаются от событий исторических, что мы не знаем, к чему они ведут. Оглядываясь назад, мы можем понять события прошлого, прослеживая и оценивая их последствия. Но текущая история для нас — не история. Она устремлена в неизвестность, и мы почти никогда не можем сказать, что нас ждет впереди» (*Хайек Ф. Дорога к рабству. М., 1992*).

И все же, хотя, действительно, мы не можем с точностью предсказать все последствия наших действий, хотя, действительно, многие последующие события и социальные институты — результат непреднамеренных человеческих действий, тем не менее мы не можем отказываться от социальных проектов, намеченных на перспективу.

Но что особенно важно понять — это то, что негуманно, аморально человека приносить в жертву истории, в жертву перспективе. Как отмечал А. И. Герцен, человек в истории — разом лодка, волна и кормчий. Только отнимая у истории всякий предназначенный путь, человек и история делают что-то серьезным, действительным и исполненным глубокого смысла. Если события подтасованы, если вся история — развитие какого-то доисторического *заговора* и она сводится на одно выполнение... неужели нам лить настоящую кровь и на-

стоящие слезы для представления провиденциальной шарады? |.С predetermined планом история сводится на вставку чисел в алгебраическую формулу, будущее отдано в кабалу до рождения.

Человек, продолжает А. И. Герцен, живет не для *совершения* |судеб, не для воплощения идеи, не для прогресса, а единственно потому, что родился, и родился для настоящего, что вовсе не мешает ему ни получить наследство от прошедшего, ни оставлять кое-что по завещанию. Все великое значение наше в том-то и состоит, что пока мы живы... мы *все-таки сами*, а не куклы, назначенные выстрадать прогресс или воплотить какую-то бездомную идею. Мы не нитки и не иголки в руках фатума, шьющего пеструю ткань истории, подчеркивает русский мыслитель.

В конце концов можно спорить об объективных исторических законах, долгосрочных перспективах, но истиной остается то, что человечество не может существовать без видения будущего. И тем, кто отказывается сегодня от определения дальних, перспективных целей, ориентируется лишь на сиюминутный метод «проб и ошибок», следует вспомнить слова Г. Гегеля о том, что «лишь с высоты возможно хорошо обозревать предметы и замечать все, но этого нельзя сделать, если смотреть снизу вверх через небольшую щель» {Гегель Г. Соч. Т. 8. М.; Л., 1932. С. 5}.

Вместе с тем, оценивая реальный ход нашей жизни, видно, насколько важны для определения перспективы исторический подход, историческое сознание, реалистическая оценка исходных предпосылок для будущих преобразований. К сожалению, |мь| сделали чрезмерный акцент на разрыв с прошлым, не учли |в полной мере действие факторов прошлого, которые, как выясняется, оказывали (и оказывают) сильнейшее влияние на формирование событий, социальных структур в обществе, на поведение политических лидеров (сознавали они это или не сознавали).

Мы спешили строить «светлое будущее», и все неприятные последствия этого созидания рассматривали лишь как [«пережитки прошлого», которые вот-вот исчезнут без следа, тое понимая, что действие исторических факторов достаточно долгосрочно, не думая, что так называемые пережитки — во

174 Социальные и духовные ценности на рубеже II и ДI тысячелетий
многим уже результат нашей послереволюционной деятельности.

Именно поэтому так важна для нас сегодня «|стреча с прошлым». Политологи и философы должны стремиться глубоко понять исторические обстоятельства, в которых разворачивались события, уметь их творчески «проецировать» на настоящее, брать у истории необходимые уроки познания, глубоко осмысливать их.

Мы, к сожалению, это делать не умеем. Чаще всего исходим из дихотомии: прошлое — всегда нечто черное, достойное разрушения, настоящее и будущее рисуются только в розовых тонах. Между тем наша история противоречива (как, впрочем, история любого народа); все в ней было переплетено: и падения, и взлеты. Если бы наши прежние и нынешние власть имущие понимали социальное значение философии, возможно, они бы лучше представляли перспективы развития страны. Ведь философия является одним из важнейших духовных теоретических инструментов управления общественным развитием, выступает в качестве теоретико-методологической основы политики. Философия требует и ориентирует на познание объективных закономерностей и условий развития общества. Одно из главных методологических требований при изучении общественных процессов — требование объективного рассмотрения. Не поддаваться самообману, не принимать желаемое за действительное.

Анализируя эту функцию по отношению к политике, необходимо обратить внимание на то, что в современных условиях, когда развитие общества в значительной степени осуществляется как сознательно управляемый процесс, значение ее особенно важно. Изменение роли субъективного фактора, его «возвышение» может породить

иллюзии о всемогуществе субъектов политики. Отсюда возможны тенденции к субъективистскому искажению действительного положения дел. Философия, если с ней правильно считаться, представляет собой важнейший и решающий теоретический и методологический барьер, преграду против субъективизма в политике, в оценке реального положения дел и определении целей и темпов общественных преобразований.

Нашли ли, выработали ли мы сегодня гибкий механизм взаимодействия теории и практики, философии и политики?

Глава 7. Философско-нравственные основы политики

175

Добились ли того, чтобы философия и политика стали союзниками, чтобы их союз был плодотворным? Безоговорочно сказать «да» достаточных оснований пока нет.

Нашей философской науке слишком долго были присущи [отставание от запросов жизни, приверженность сложившимся стереотипам мышления. Под флагом укрепления связи с практикой многие философы из конъюнктурных соображений занимались комментаторством, оправданием политических решений, провозглашали всякого рода табу на анализ острых, злободневных проблем. Вместо научного анализа действительных причин тех или иных явлений, коренящихся в общественном бытии, на первый план нередко еще и сегодня выдвигается умозрительное морализаторство, идущее вразрез с реальным ходом жизни.

Конечно, здесь дело не только в теории, в философии, но и в практике, политике. Если в общественном развитии, в политической жизни замедленность и застой, то, как правило, застойные явления и в философии (обществоведении в целом). Застойная практика не нуждается в общественной теории как духовном катализаторе прогресса, она нуждается скорее в апологетике, в оправдании. Так что сегодня практика и политика должны изменить свое отношение к теории, философии. Не требование комментировать, разъяснять и пропагандировать уже принятые решения (в обосновании и разработке которых наука, ученые зачастую и не принимали никакого участия), не ироническое: «Что там опять выдумали «ученые мужи»?», а уважение к теории, понимание ее возрастающей роли в обществе, не нарекания и проработки, а стимулирование творческой активности ученых, формулирование широкого и перспективного социального заказа, привлечение ученых к разработке и гуманитарной экспертизе важнейших народно-хозяйственных и социально-политических проектов — вот принципы отношения практики (политики) к теории (философии).

И все же в конечном счете, несмотря ни на какие негативные явления в самой реальной жизни, философия (благодаря своей мировоззренческой функции, своему диалектическому методу), если она желает быть подлинной духовной квинтэссенцией времени, должна противостоять попыткам подчинить ее текущим, сиюминутным запросам практики, превратить ее в

176 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

апологета плохой политики. Она должна противостоять узкому практицизму. Назначение философии — быть путеводителем, намечать ориентиры, прогнозировать реальное общественное развитие, более того, предвидеть нарастание в общественной практике негативных, застойных явлений и тем самым способствовать их недопущению или возможно быстрому устранению, указывать путь практике, политике, отвечать на вопросы, которые ставит общественное развитие.

Но что для этого должны делать философы? Прежде всего мыслить и действовать на основе постоянного взаимодействия с практикой.

Именно поэтому на современном этапе и для развития теории, и для решения политических задач, выдвигаемых практикой, необходима особенная настойчивость в овладении таким важнейшим методологическим принципом, как объективность рассмотрения.

Этот принцип вбирает в себя богатое содержание. Здесь и необходимость в

правильной оценке истинного положения дел в обществе, и трезвое понимание расхождений между теорией и практикой, между словом и делом, и гласность, направленная на то, чтобы истинное положение дел было известно людям и служило исходным пунктом их активного действия.

Объективность рассмотрения — это строго научное, проверяемое постоянно практикой изучение положения дел в обществе, выявление реальных противоречий, трудностей и тенденций развития, основанное на этом формулирование целей и определение темпов продвижения к ним. Иначе говоря, объективность рассмотрения несовместима с упрощенным практицизмом, пренебрежительным отношением к теории. Философия предупреждает политиков, всех нас: общественный мир сложен, и все мы не должны смешивать сущность и явление.

Сегодня философам и политикам, как никогда прежде, важно помнить это предостережение. Общество столкнулось ныне с такими проблемами, уяснить которые нельзя иначе, как лишь анализируя их объективно.

Прежде всего нам надо видеть, надо учитывать, что мировоззренческая ситуация современного общества неоднородна. В условиях коренного обновления, может быть, даже и слома

Глава 7. Философско-нравственные основы политики

177

различных сфер социальной жизни весьма резко обнаруживается разнообразие и противоречивость духовных установок тех или иных конкретных групп и слоев населения. Без объективного анализа своеобразной мозаичности общественного сознания, в основе которой лежат жизненные интересы людей, нельзя рассчитывать на эффективное воздействие мировоззрения, ибо оно как раз и отражает специфические установки и ценностные ориентации, складывающиеся в обществе.

Однако как, каким образом зафиксировать это многообразие? Согласно каким критериям провести хотя бы первичную классификацию различных установок, образцов мысли и поведения? Нет сомнений в том, что принадлежность индивида к тому или иному классу, социальному слою помогает выявить особенности его поведения, мироощущения. В той же мере общность профессиональных черт содействует определенной консолидации сознания. Наряду с этим изменения в характере и содержании труда рабочих, крестьян, фермеров, предпринимателей, служащих и интеллигенции, в уровне их благосостояния, в соотношении их интересов порождают вполне очевидную дифференциацию жизненных ориентации людей.

Мы воспринимаем отныне течение общественной жизни не только как взаимодействие, но и в определенной мере как противостояние интересов социальных групп и слоев, занимающих разное положение в обществе. Но это противостояние нельзя абсолютизировать.

В этом противостоянии жизненных целей обнаруживается не только дифференциация групповых установок. Возникают и общие духовные ориентации, к которым тяготеют подчас представители различных социальных групп и слоев, рождаются субкультурные и кросскультурные тенденции, требующие отвлечься от односторонне трактуемой классовой структуры общества. В мировоззренческой практике кристаллизуются характерные умонастроения, присущие многим группам и выражающие специфические типы мировосприятия. Все это требует соответствующего философского осмысления и отражения в политических программах и решениях.

Чтобы успешно решать встающие перед философской наукой задачи, укреплять ее связь с практикой, политикой, необходимо также более тесное, более органичное переплетение философских размышлений с конкретными социологическими

LI2-6325

178 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

исследованиями. Ведь философия — это фундаментальная, очень общая теория. И

одна из причин просчетов в ее применении заключается в том, что мы часто склоняемся к тому, чтобы из ее общих положений переходить к конкретным выводам практического характера, не выяснив цепочку опосредования, не имея достаточно надежных конкретных данных о положении дел в обществе. Между тем для выработки научно обоснованных решений, например, применительно к сфере экономики, финансов и т. п., необходима система достаточно оперативной службы по сбору и анализу экономической, социальной, психологической, демографической и другой информации. Знания одних объективных законов развития экономики и общества в целом отнюдь недостаточно для выработки и принятия обоснованных на перспективу политических планов и решений. И это значит, что философская теория должна все теснее взаимодействовать с дисциплинами, исследующими конкретные процессы (конкретная социология, статистика и т. д.). Кроме того, следует более настойчиво укреплять сотрудничество философии с такими отраслями точного знания, как кибернетика, теория информации, теория моделирования, математические методы и т. д.

Это следует подчеркнуть, потому что в нашем обществе по-прежнему и некоторые подобострастные философы долгое время испытывали чувство враждебности к таким наукам, как социология, общественная психология, кибернетика и т. п. Им это было важно, поскольку позволяло игнорировать общественную практику в качестве критерия истины и создавать несуществующий мир, апологетически камуфлирующий негодную действительность, оправдывать застывшие формы организации общества.

Разумеется, политике тоже необходимо сотрудничать с конкретными общественными науками. Во всяком случае, между философией и политикой как сферой политической деятельности должно быть опосредствующее звено, т. е. специальная политическая наука, базирующаяся на основе взаимодействия философии, политической экономии, социальной психологии, социологии, конкретных естественных и гуманитарных наук.

Интересные мысли по поводу связи философии и политики высказал немецкий философ Ю. Хабермас. «Я скептически от-

Глава 7. Философско-нравственные основы политики

179

ношусь к чересчур поспешному соединению теории с мировой историей. В сложных обществах между теорией и практикой вклинилось так много опосредующих звеньев, что мы должны питать недоверие ко всякому философу, который сегодня... выступает с претензией предложить некий ключевой подход». jf. Гегель еще мог верить, что в его теории истина содержится как бы в очищенном виде: великая философия выступала как скорлупа истины, продолжает Ю. Хабермас. «Сегодня же истины рассеяны по многим универсумам дискурсов, они больше не поддаются иерархизации, но в каждом из этих дискурсов мы упорно ищем прозрений, которые могли бы убедить всех» (Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М., 1992. С. 82, 83).

Ядром взглядов Ю. Хабермаса является теория коммуникативного действия. Как он утверждает: «С помощью этой теории я хотел бы, с одной стороны, по новому обосновать теорию рационализации общества М. Вебера, с другой — прояснить основные варианты этики, теории языка и деятельности, а также и понятие разума» (Там же. С. 109—110).

Основные категории теории «коммуникативного действия» Ю. Хабермаса: «жизненный мир» и «система».

Жизненный мир — это совокупность языковых понятий, смыслов и их оттенков, с помощью которых осуществляется интеграция взаимодействующих субъектов, имманентно стремящихся к согласию. Сюда же включаются социальные институты, нормативные структуры, которые работают на социальное воспроизводство.

Система — это все, находящееся вне жизненного мира и координирующееся посредством власти и денег.

Между жизненным миром и системой существует напряжение, которое возрастает,

поскольку императивы экономического роста и государство все больше вторгаются в жизнь органических социальных форм, во внутренние коммуникативные структуры исторических жизненных миров (см.: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003).

Ю. Хабермас признает, что в современных условиях вряд ли возможна самоорганизация жизненных форм. Современное общество нуждается в управлении, главными составляющими социального управления должны быть демократия, терпимость, нравственность.

12-

180 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

К сожалению, политическая и духовная атмосфера современных государств далеко не соответствует этим принципам. Сегодня, как и прежде, политика зачастую — это голое противостояние. Меньше всего и сегодня человек рассматривается как цель, всего больше — он средство достижения целей политики и политиков. Все это отвращает от политики многих людей.

Конечно, социальное управление, политика, политическая деятельность необходимы. Но они должны быть направлены на то, чтобы в стране утверждалось, укреплялось гражданское общество, уважались права и свободы человека и гражданина, конституция, законы.

И важно, чтобы правовой строй не был сведен лишь к поддержанию «благопристойности внешних отношений между людьми». Необходимо гарантировать социальную защищенность человека. «Учтив, вежлив буду, а хлеба не дам», — раскрыл в свое время Ф. М. Достоевский идолопоклонничество перед юридическими формулами. Нам, конечно же, еще далеко до подобного идолопоклонничества. Однако в любом случае подлинно гражданское общество должно отвергнуть принцип: «Всякий за себя и для себя». Оно должно быть социальным, соединять, сплачивать людей, упрочивать их солидарность. Но чтобы общество стало социальным, оно, бесспорно, должно быть подлинно гражданским, функционировать в соответствии с правом.

Что это значит? В центре государства, общества должен стоять человек, обладающий разумом. Все законы жизни общества должны быть отражением требований разума, так считал Ш. Монтескье, выдающийся идеолог Просвещения. Все, что совершается в соответствии с разумом, является правильным и согласным с правом. Одновременно действовать в духе разума и права — значит действовать свободно и справедливо. По Ш. Монтескье, в конечном счете «право», «свобода» и «справедливость» — понятия, органично связанные друг с другом.

Государство, правительство должны базироваться на этих принципах. Лишь в этом случае они достойны уважения.

Вместе с тем граждане всегда должны иметь право и реальную возможность критиковать государство и, тем более, то или

ава 7. Философско-нравственные основы политики

181

иное конкретное правительство. У американского писателя Дж. Стейнбека в его «Русском дневнике» зафиксировано интересное наблюдение. «Нам кажется, что одним из самых глубоких различий между русскими и американцами является отношение к своим правительствам, — писал он. — Русских поощряют в том, чтобы они верили, что их правительство хорошее, что оно во всем безупречно. С другой стороны, американцы и англичане остро чувствуют, что любое правительство в какой-то мере опасно, что правительство должно играть в обществе как можно меньшую роль и что любое усиление власти правительства плохо, что за существующим правительством надо постоянно следить, следить и критиковать, чтобы оно всегда было честным, деятельным и решительным.

Американцы боятся, если власть будет сосредоточена в руках одного человека или

группы. Американское правительство живет компромиссами, предназначенными для того, чтобы власть не перешла в руки одного человека. У нас, в Америке, так боятся чьей-то власти, что охотно скинут хорошего лидера, чем допустят прецедент единогласия».

Сейчас, конечно, ситуация в России изменилась. Мы критикуем правительство, причем зачастую весьма остро. И оно это заслуживает.

Однако нормальной политической жизни, политической борьбе по-прежнему мешает отсутствие терпимости. Пока очевидны поляризация мнений и позиций, ожесточение и озлобление. Сегодня наше общество (в том числе философия и политика) держит экзамен на терпимость. Без терпимости, без уважения друг к другу невозможны ни плодотворное развитие философии, ни выработка и осуществление взвешенной политической линии.

Поэтому и философы, и особенно политики должны защищать и претворять в действительность многообразие мнений и позиций. Они должны признавать и защищать также и право человека на заблуждение. Нам надо, наконец, научиться жить в соответствии с принципом Вольтера: «Я ненавижу ваше мнение, но я умру за то, чтобы вы имели право его высказать». У нас же зачастую действует принцип: я не уважаю ваше мнение и я умру, но не дам вам возможности его высказать. И здесь — в деле утверждения атмосферы терпимости — обя-

182 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

занности политика, на мой взгляд, более значительны, ведь он обладает властью и возможностью оказывать давление.

В сфере политики сегодня, как никогда прежде, возрастает значение нравственных принципов. Бесспорно, на политику всегда влияли господствующие в обществе нравственные ценности и идеалы. Уже И. Кант в своем трактате «О вечном мире» рассматривал мораль как политическую силу. Сегодня этические предпосылки, моральные движущие силы в политике приобретают еще больший вес, они становятся важнейшим элементом политики, в сущности, ее категорическим императивом.

Конечно, речь не идет о том, чтобы свести политику исключительно к совокупности нравственно-этических принципов. Необходимо учитывать, что никакие призывы к свободе, справедливости, солидарности, человеческому достоинству, совести, чести не могут заменить материальных основ политики. Более или менее готовые средства для устранения обнаруживающихся недостатков общественного строя заключаются прежде всего в материальных условиях производства, в самих изменившихся производительных силах и производственных отношениях. Лишь с учетом этого формируется научная политика, выражающая как историческую необходимость, так и интересы прогрессивных сил общества.

Но, конечно же, сам политик должен быть человеком нравственным. В любом случае для него решающим должен быть фактор: как, каким образом, какими средствами будет достигаться та или иная политическая цель.

Конечно, для того чтобы участвовать в политике, прежде всего в политической власти, нужен особый дар, особенное искусство.

Власть опасна, и тот, кто ею обладает, если он мудр, честен, сам станет искать силы, которые будут противостоять его власти. Главное, разумеется, институты: разделение властей, децентрализация, позволяющие власть лучше распределить и контролировать. Но и совесть самого человека, стоящего у власти; совесть тоже ограничитель власти, ее нравственный контролер.

Думается, что сегодня вообще нельзя говорить о политическом искусстве человека, если он нравственно ущербен. Нравственность и политическая культура должны быть слиты воеди-

Глава 7. Философско-нравственные основы политики

183

но, должны быть органично присущи человеку. Больше того, именно нравственности должно отдать приоритет. В свое время об этом очень хорошо сказал Н.

А. Бердяев: «Политика должна занять свое подчиненное, второстепенное место, должна перестать определять критерии добра и зла, должна покориться духу и духовным целям... Должна быть преодолена диктатура политики, от которой мир задыхается и исходит кровью. Духовная жизнь должна вновь занять подобающее ей иерархически-преобладающее место... Суровый исторический пессимизм освобождает нас от великих земных утопий совершенного общественного устройства. Но он не освобождает нас от долга осуществлять всеми силами Христову правду... Не легко победить радикальное зло человеческой природы и природы мира... Но отсюда не следует, что мы должны соглашаться на власть зла и на злую власть, что воля наша не должна быть направлена к максимуму правды в жизни» (*Бердяев Я. Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии. Берлин, 1923. С. 243-246*).

Политик должен быть честным. Иметь мужество уйти в отставку, если его программа отклоняется или он не в состоянии эффективно выполнять свои обязанности. Он должен обладать понятием чести, чувством собственного достоинства, быть способным идти на конфронтацию ради защиты своей чести. А это вовсе нелегко. Терять приходится многое: положение в обществе, материальное благополучие, душевную уравновешенность. Можно ожидать дискредитации, остракизма. А в сталинские времена можно было потерять все, в том числе и жизнь. Так что мужество политику, безусловно, необходимо. Как, впрочем, необходимо оно и философу, если он свободолюбив и стремится защищать свое право на свободомыслие. Ведь еще совсем недавно любая отличавшаяся от официальной позиция осуждалась и подавлялась.

Однако, подчеркнем, главным гарантом свободомыслия философа, честности и нравственной порядочности политика должно быть само общество. Утверждающиеся в нем демократия, открытость, терпимость, нравственность.

Союз философии и политики, философов и политиков необходим сегодня и для осмысления и решения вставших перед человечеством всемирно-исторических, глобальных задач. Нельзя уяснить эти задачи иначе, как лишь обозревая их с философ-

184 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

ской «высоты»; их можно решить лишь на пути формирования такого политического самосознания, которое включало бы в себя способность действовать ответственно. Как сказал однажды Г. Гегель, идеальным является такое соединение философии и политики, при котором в политике находят свое выражение философские принципы разума.

В реальной жизни, к сожалению, такого соединения философии и политики нелегко достигнуть. Весьма часто бездумная философия расчищала путь безответственной, а то и преступной политике. Во всяком случае в прошлом политическое сознание тех или иных народов, тех или иных наций весьма часто подвергалось пагубному воздействию всякого рода реакционных идей: национализма, расизма, милитаризма, которые парализовали политическое мышление людей, ломали их волю в результате навязывания им сознания верноподданничества, порождали в них безмерную жажду господства, слепую жестокость, даже готовность идти на любые преступления против человечности и человечества.

И сейчас в отношениях между нациями и народами еще много недоверия, немало ненависти. Но чтобы ни ненависть, ни националистический угар не торжествовали победу, не смогли воспрепятствовать тому, чтобы был услышан голос разума, голос истины, философы и политики должны действовать разумно и нравственно. В этом задача, долг и философов, и политиков. Об этой задаче, об этом долге важно напомнить, поскольку зачастую истина, историческая правда приносились и приносятся еще в жертву реакционной политике.

Когда-то отказывавшийся от политики философ К. Ясперс пришел к четкому выводу, что политическое воздержание вредно, что за свободу, демократию и мир необходимо бороться. Сегодня этот вывод особенно актуален. Ведь война — общая

опасность, мир — общее достояние. Это — истина, и ее должны понять все люди.

Все люди, каждый человек должны чувствовать ответственность за все происходящее в мире. Сошлемся еще раз на К. Яс-перса; в годы Второй мировой войны и после шла острая дискуссия по поводу вины немецкого народа за совершенные германским фашизмом преступления. К. Ясперс совершенно правильно подчеркнул, что политическую вину за фашизм несет не народ, а монополии, военщина, правые, реакционные

Глава 7. Философско-нравственные основы политики

185

силы, но «метафизическую» вину, безусловно, несет каждый немец, вся Германия.

Вероятно, «метафизическую» вину за все, что происходит в мире сегодня, несем все мы. В современных условиях позиция: я благороден, я честен, я не совершаю преступлений, а все остальное меня не касается, я не виноват в том, что многие люди бедны, больны, несчастны, такая позиция, такой тип мышления аморальны. Во всяком случае сегодня мало быть порядочным, нравственным, гуманным в личном плане. Мы должны чувствовать ответственность за все, что было, есть и будет с другими людьми. Я лично не несу политической ответственности за сталинские преступления, за застой в нашей экономике, за бездуховность в нашем обществе. Я лично не несу политической вины за гонку вооружений, за нависшую над человечеством опасность ядерной и экологической катастрофы, за неокOLONIALISTскую эксплуатацию развивающихся стран. Но я должен испытывать чувство моральной вины, моральной ответственности за все то, что было, есть и будет с человечеством. Если каждому из нас будет больно от того, что в мире есть обездоленные, голодные, больные, униженные, если не будет равнодушных, конформистов, благодушных, если мы будем знать, кто враг и кто наш друг (при этом, конечно же, не будем смотреть на все и на всех через призму «образа врага»), то мы, разумеется, сможем сохранить мир, цивилизацию, обеспечить прогресс.

И это долг философов, а также и политиков — воспитывать в людях чувство «метафизической» вины, ответственности за все случившееся в мире.

Гуманистический подход нужен сегодня и при разрешении идеологических противоречий между различными мировоззрениями. Противоречия и борьба идей, безусловно, остаются, Вони неизбежны. Однако идеологические противоречия отнюдь не исключают возможность, более того, в современных условиях требуют компромиссов и приемлемого для всех сторон урегулирования спорных вопросов (как между отдельными людьми, партиями, организациями и движениями в рамках одной страны, так и, что особенно важно, между государствами).

В сегодняшней ситуации все люди (в том числе философы и политики), независимо от мировоззрений, должны осознать идею человеческого единства, должны понять, что это единст-

186 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

во — необходимое условие для самого существования человека, для его выживания.

Поэтому сегодня — время действий всех^ гуманистически мыслящих людей, в том числе философов и политиков. Все честные люди должны четко и недвусмысленно определить свою философскую, политическую и нравственную позицию, должны поднять свой предостерегающий голос, должны выступить в защиту прав и интересов каждого человека, всех людей, всех народов, их стремления к миру; они должны идти этим путем, сознавая свою ответственность за судьбу общества, цивилизации, человечества.

Глава 8

Интеллигенция как духовный центр развития общества

В современных условиях всевозрастающую роль в общественной, политической жизни любой страны, конечно же, и России также, играет интеллигенция.

Примечательно, что сам термин «интеллигенция» появился впервые именно в России в середине XIX в., а затем из русского языка перешел в другие языки. Понятие «интеллигенция» довольно трудно определить однозначно. Большинство русских дореволюционных мыслителей определяли интеллигента как критически мыслящую личность. Министр внутренних дел царской России В. К. Плеве говорил, что интеллигенция — это та часть нашего образованного общества, которая с наслаждением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящиеся к дискредитации правительственной или духовно-православной власти; ко всему же остальному относится с равнодушием. Словарь Вебстера расшифровывает слово «интеллигенция» так: русские интеллектуалы, находящиеся обычно в оппозиции правительству. В. И. Ленин относил к интеллигенции «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда... в отличие от представителей физического труда» {Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 8. С. 309}. В советском Философском энциклопедическом словаре дается следующее определение интеллигенции: это «общественный слой лиц, профессионально занимающихся умственным, творческим трудом и обычно имеющих соответствующее, как правило, высшее образование» (Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 216).

Осмыслив эти определения (отвергая, разумеется, оценку, сделанную В. К. Плеве), можно сделать уточнение: интеллигенция — та часть образованных людей, которые развивают духовную культуру, создают новые духовные ценности, прививают их широким народным массам. Бесспорно, многие из тех, кто занят умственным трудом, относятся к интеллигенции. И все

188 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

же, подчеркнем: подлинный интеллигент — тот, чья деятельность этически одушевлена. Нельзя считать подлинным интеллигентом человека, который делает свое дело, пусть профессионально четко, но без внутренней тревоги за судьбу культуры, истины, справедливости, не готового к жертве во имя людей, нации, народа. Те, кто строил концлагеря, газовые камеры, конечно же, были специалисты-профессионалы. В гитлеровской Германии в 30-х гг. XX в. находились специалисты-медики, которые оправдывали преднамеренные убийства людей и сами совершали их. Большинство учителей, подчеркиваю, *учителей*, фашистской Германии поддерживало А. Гитлера и его клику. Подобные примеры можно привести и из истории других стран, в том числе и нашей страны.

Следовательно, тот, кто не видит в человеке Человека, кто относится к другому человеку как средству достижения своих целей, тот не может быть подлинным интеллигентом. Не может быть интеллигентом тот, кто, считая себя аристократом духа, презирает других, «низших и неумных», и стремится управлять ими, разумеется, как он полагает, для их же блага. Человек для такого «аристократа духа» все равно, что кусок дерева или мрамора, который можно как угодно обтесать. В таком случае дело неизбежно кончается насилием. Подлинный интеллигент видит в другом такого же представителя человечества, как и он сам, и хочет, чтобы тот или иной человек изменялся к лучшему изнутри, подобно тому, как этого желает данный интеллигент сам для себя.

Русская интеллигенция прошла сложный путь исканий истинной правды. Она познала взлеты и падения, силу и слабость, гордость и стыд. Сегодня, очевидно, не время для восхваления интеллигенции, напротив, время самокритики и самоопределения в новых условиях, на новых рубежах.

Что нашей интеллигенции мешало и мешает выполнить роль фермента истории? Н. А. Бердяев, в свое время осмысливая роль интеллигенции, подчеркивал, что русская интеллигенция является таковой, какой ее создала русская история. В ее психологическом складе отразились грехи нашей государственной власти и вечной нашей реакции (см.: Вехи: Сб. М., 1991. С. 24).

Однако виновата и сама интеллигенция. От внешнего гнета можно освободиться

лишь тогда, когда освобождаешься от

ава 8. Интеллигенция как духовный центр развития общества 189

внутреннего рабства, т. е. когда возлагаешь на себя ответственность за свою судьбу, судьбу своего народа, когда, познав, что такое истина, находишь в себе силы идти ради нее до конца.

Апеллируя к Ф. М. Достоевскому, Н. А. Бердяев показывает, что русское искание истины и правды всегда приобретало апокалиптический или нигилистический характер. Русские интеллигенты превращают революцию в феномен религиозного порядка, говоря о ней, они фактически решают вопрос о Боге. Это создает почву для смешения и подмен, для лжерелигий.

С этим обстоятельством был связан также русский марксизм, что свидетельствовало, по мнению Н. А. Бердяева, о неспособности русских интеллигентов к политике. Он цитирует Ф. М. Достоевского, который писал: «Ведь русские мальчики как до сих пор орудуют? Вот, например, здешний вонючий трактир, вот они и сходятся, засели в угол... О чем они будут рассуждать? О мировых вопросах, не иначе: есть ли Бог, есть ли бессмертие? А которые в Бога не веруют, ну, те о социализме и об анархизме заговорят, о переделке всего человечества по новому штату, так ведь это один же черт выйдет, все те же вопросы, только с другого конца» (Из глубины. С. 65).

Сознание русского интеллигента апокалиплично, подчеркивал Н. А. Бердяев. На меньшем, чем всемирное счастье, русский интеллигент помириться не может. Он хочет конца, завершения истории и начала процесса сверхисторического, в котором осуществится царство равенства, свободы и блаженства на земле. Ничего переходного, относительного, никаких ступеней русский интеллигент не признает. Естественно, обратной стороной подобной извращенной апокалиптики является нигилизм.

В размышлениях Н. А. Бердяева, бесспорно, содержится важный момент истины. Русские интеллигенты всегда мучительно размышляли о цене истории, о допустимости тех жертв и страданий, которыми покупается социальная гармония. Ф. М. Достоевский устами Ивана Карамазова заявлял: «От высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезками своими к Боженьке... Я не хочу, чтобы страдали больше. И если страдания детей пошли на пополнение той суммы страданий, которые необходимы были для

190 Социальные и духовные ценности на рубеже II и-III тысячелетий

покупки истины, то я утверждаю заранее, что вся истина не стоит такой цены... Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу...» _i %

Однако, как отмечал Н. А. Бердяев, русский интеллигент, не желая страданий и жертв, тем не менее ничего не делал реально, чтобы слез и жертв было меньше. Напротив, всячески способствуя революции, он увеличивал количество пролитых слез.

В. Г. Короленко в «Записках современника», размышляя о российской революционной молодежи, очень остро поставил проблему цели и средств в революции. Он рассказал о таком примечательном случае. Группа революционно настроенных молодых людей обсуждала следующую ситуацию: где и как достать денег для революционной деятельности. Можно ли взять деньги у выжившего из ума старика-скряги, который даже не заметит, что денег стадо меньше. Большинство сказала, что можно и нужно взять. Один среди всех сказал так: взять деньги, вероятно, необходимо, но я бы не смог, рука не поднялась бы. К сожалению, замечает В. Г. Короленко, у наших революционеров рука «поднялась» на многое.

Серьезным недостатком русской интеллигенции, отмечает публицист В. Н. Муравьев в сборнике «Из глубины», является ее «умственность», т. е. отрыв мысли от действия. Русское интеллигентское мирозерцание есть доведенное до конца отвлеченное постижение жизни. Интеллигентская мысль есть мысль о человеке, мире, государстве вообще, а не об *этом* человеке, *этом* мире, *этом* государстве. В нашей

интеллигенции, оторванной от народа, власти, вынужденной работать в атмосфере подполья, теоретические заблуждения достигали небывалой степени. Оторванность от действия, невозможность проверить свои выкладки на практике, в самой жизни воспитали в русской интеллигенции безответственность мысли. Революция, согласно В. Н. Муравьеву, в известной мере и является результатом этой безответственности мысли, присущей русской интеллигенции. Но если для интеллигенции мысли о революции были плодом ее абстрактного умствования, продолжает В. Н. Муравьев, то народ, привыкший действовать, действовал. Он поверил в революцию как в последнюю Правду, и ради достижения этой Правды пошел на всё. И во всем, что сделал злого народ, виновата именно интеллигенция. Случилось то, что Ф. М. Достоевский изобразил в образах Ивана Карамазова, помышлявшего о смер-

Глава 8. Интеллигенция как духовный центр развития общества 191

■ги отца, и Смердякова, совершившего реальное убийство. В русской революции интеллигенция и есть главный «убивец», подчеркивает В. Н. Муравьев.

Рационалистический утопизм, стремление устроить жизнь [по разуму, оторвав ее от объективных начал истории, от орга-■нических основ общественного порядка, от животворящих свя-■тынь народного бытия, — вот причина краха интеллигентского ■сознания, пишет в этом же сборнике П. И. Новгородцев, правовед, философ, общественный деятель. Значение критической мысли велико и бесспорно. Но когда мысль человеческая отрывается от своих жизненных корней, когда она стремится сама [из себя воссоздать всю действительность, заменив ее органиче-Вские законы своими отвлеченными требованиями, тогда, вме-■сто того чтобы быть силой созидательной и прогрессивной, она становится началом разрушительным, отмечает П. И. Новгородцев.

Каждая утопия обещает человечеству устранение обществен-Еных противоречий, гармонию личности с обществом, единство [жизни. И каждая утопия предполагает, что она знает такое универсальное средство, которое приведет к этому блаженному со-|стоянию всеобщей гармонии и мира. Но именно поэтому каждая утопия представляет собою мечту о всецелом устроении, а вместе с тем и упрощение жизни. Предполагается, что можно [найти одно слово, одно средство, имеющее некоторый всемогу-|щий и всеисцеляющий смысл, что даст возможность, следуя |ему, устроить жизнь разумно, освободить ее от противоречий, [от разлада, от сложности, свести к единству, согласию, гармо-|нической простоте. Между тем, указывает П. И. Новгородцев, |история человечества всегда шла и идет через нарастание про-|тиворечий, через борьбу противоположных начал к высшей |сложности. Достижимое для нее единство есть относительное [сочетание многообразных различий и возрастающих связей, а J не абсолютное примирение противоположностей. Свет разума |направляет пути истории, но не устраняет ее творческой глуби-|ны, бесконечных возможностей, иррациональных основ. Вот [почему каждая утопия предполагает перерыв истории, чудо со-|циального преобразования, и в своем осуществлении приводит к I насилью над историей, к злым опытам социального знахарства I и колдовства, подчеркивает П. И. Новгородцев.

192 Социальные и духовные ценности на рубеже II и441 тысячелетий

Весьма важную особенность русской науки и поведения русской интеллигенции в период революции отмечает правовед И. А. Покровский. В статье «Перуново закл_ат_ие»|эн пишет, что революционный переход от монархии к республике является вообще моментом критическим и опасным. Дело в том, что авторитет монархии и монарха покоится всегда на некотором иррациональном основании. Власть монарха в народной психике всегда снабжена в большей или меньшей степени той или иной сверхразумной санкцией, вследствие чего этой власти повинуются легче и проще, особенно там, где она имеет за собой давность столетий. Власть же демократическая, выборная совершенно лишена подобной иррациональной поддержки; вся она должна опираться исключительно на рациональные мотивы и прежде всего на гражданское сознание необходимости порядка и власти вообще. Эти рациональные мотивы далеко не всегда оказываются равными по

силе прежним, иррациональным, и поэтому не удивительно, что демократизация приводит сплошь и рядом к ослаблению психологического влияния власти и психологической силы закона. Действительно, кто наделяет людей властью, кто издает законы? Наши же представители, т. е. в конечном счете мы сами. И вот власть и закон лишаются своего прежнего мистического авторитета.

И здесь, указывает И. А. Покровский, многое зависит от позиции интеллигенции, от разумного руководства ею народом, народными массами. Между тем русская интеллигенция слабо интересовалась вопросами права. Ища абсолютной правды, интеллигенция совсем не обращает внимания на тот мир относительного, в котором мы живем; стремясь к абсолютному добру, она плохо представляет себе тот практический путь, по которому обществу по необходимости приходится идти. Вследствие этого мы часто идем напролом, безжалостно сокрушая множество таких ценностей, которые мы сами хотели бы утвердить. Интеллигенция должна прежде всего осознать и почувствовать всю ответственность за каждое слово, с которым она идет к народу. Она должна быть искренней и честной в проповедовании своих идей. Она должна помнить, что сплошь и рядом высказанная мысль вызывает в коллективной психологии, полной всякого рода иррациональных моментов, совсем иные эффекты, чем те, которые вытекали бы из объективного содержания самой мысли, пишет И. А. Покровский. Интеллигенция

Глава 8. Интеллигенция как духовный центр развития общества 193

должна помнить главное: право — не «надстроечное явление» по отношению к интересам. Не на все то, в чем мы имеем интерес, мы имеем уже и право.

т Согласно П. Б. Струве, основное свойство русского интеллигентского сознания, которое составляет причину его крушения, заключается в безрелигиозном отщепенстве от государства. Извращенное идейное воспитание интеллигенции восходит к тому, что близоруко-ревнивое отстаивание нераздельного обладания властью со стороны монархии и узкого круга близких к ней элементов отчуждало от государства широкий круг образованных людей, ослепляло его ненавистью к исторической власти. Самодержавие создало в душе, помыслах и навыках русских образованных людей психологию и традицию государственного отщепенства, так пишет П. Б. Струве в статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи».

Философ С. Л. Франк считает, что суровый приговор Ф. М. Достоевского в существе правилен, ибо вся наша либеральная партия прошла мимо дела, не участвуя в нем и не дотрагиваясь до него; она только все отрицала и хихикала. Подобно социалистам, либералы считали всех управляемых добрыми и только правителей — злыми; подобно социалистам, ^они не сознавали или недостаточно сознавали зависимость всякой власти от духовного и культурного уровня общества последовательно, ответственности общества за свою власть; подобно [социалистам, они слишком веровали в легкую осуществимость механических, внешних реформ чисто отрицательного характера, в целостность простого освобождения народа от внешнего гнета власти, слишком мало понимали необходимость и трудность органического перевоспитания общества к новой жизни. |Их политический реализм обессиливается отсутствием чутья к |самым глубоким и потому наиболее важным духовным корням реальности... к власти подземных и органических начал религиозности и древних культурно-исторических жизненных чувств и навыков. Невольно вспоминаются слова Ф. М. Достоевского: |«Реализм, ограничивающийся кончиком своего носа, опасней самой безумной фантастики, потому что слеп». [Вероятно, не со всеми вышеприведенными суждениями [Можно безоговорочно согласиться, но момент истины, безусловно, в них содержится. История народа, страны, бесспорно,

ИЗ- 6325

194 Социальные и духовные ценности на рубеже II н.л. тысячелетий

зависит от интеллигенции, от ее политической позиции, от ее духовного потенциала. Если в обществе царят разброд, апатия или, напротив, взвинченность, если падает^ нравственность и растет преступность, если литературу захлестнула мутная волна

порнографии и всякого рода сенсационных поделок, если рухнет государство и разжигается дикий национализм, то интеллигенция, если это подлинная интеллигенция, во всем этом, конечно же, «виновата». Ибо, безусловно, все духовно живое и нравственно-высокое создается прежде всего интеллигенцией. И в этой связи я полностью согласен с С. Н. Булгаковым, что «история страны, история ее удач и неудач есть в известной степени исторический суд над интеллигенцией».

Этот исторический суд над интеллигенцией требует особенно внимательно подойти к анализу взаимоотношений интеллигенции с властью, которые всегда были сложными и противоречивыми.

Российская власть, как правило, не уважала, не любила, фактически боялась интеллигенции; именно потому всегда ее преследовала. В России, как отмечал С. Л. Франк, не было просвещенного правящего класса. Еще А. С. Пушкин отмечал, что в России циническое презрение к мысли и человеческому достоинству со стороны власть имущих приводит в отчаяние.

В русской действительности есть вечногоголевское, подчеркивал Н. А. Бердяев. Тщетны оказались надежды, что революция раскроет в России человеческий образ, что личность человеческая подыметя во весь свой рост после падения самовластия. Слишком многое привыкли у нас относить на счет самодержавия. Но этим только сбрасывали с себя русские люди бремя ответственности и приучали себя к безответственности. Нет уже самодержавия, а русская тьма и русское зло остались, и именно потому, что они заложены не в социальных оболочках, а в духовном ядре народа. Нет уже старого, царского, самодержавия, а самовластье по-прежнему царит на Руси, по-прежнему нет уважения к человеку, человеческому достоинству, человеческим правам со стороны тех, кто правит; нет старого чиновничества, старой полиции, а взятка по-прежнему является устоем русской жизни, ее основной конституцией. Взятка расцвела еще больше, чем когда-либо.

Сцены из произведений Н. В. Гоголя разыгрываются на каждом шагу в революционной России. Нет уже самодержавия,

Глава 8. Интеллигенция как духовный центр развития общества 195

но по-прежнему Хлестаков разыгрывает из себя важного чиновника, по-прежнему все трепещут перед ним. Ныне Хлестаков вознесся на самую вершину власти. По-прежнему много у нас Чичиковых, Ноздревых, Маниловых, Собакевичей. Подлинно духовная революция — это освобождение от той лживо-кти, которую видел в русских людях Н. В. Гоголь. Ему открылось бесчестье как исконное русское свойство. Это бесчестье связано с неразвитостью и нераскрытостью личности в России, (с подавлением образа человека.

М. Горький, анализируя проблему власти после Октябрьской революции, весьма резко противопоставил такие категории, как руководство и «вождизм». «Вождизм» — это прилипчивая болезнь мещанства. «Вождизм» — это болезнь эпохи, она [вызвана пониженной жизнеспособностью мелкого мещанства. «...У нас в качестве наследия мещанства еще остались кое-ка-[кие прыщи, не способные понять существенного различия между «вождизмом» и руководством, хотя различие совершенно ясно; руководство, высоко оценивая энергию людей, указывает пути к достижению наилучших практических результатов при наименьшей затрате сил, а «вождизм» — индивидуалистическое стремление мещанина встать на голову выше товарища, что и удаётся весьма легко при наличии механической ловкости, пустой головы и пустого сердца» (*Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. М., 1953. С. 326*).

Власть, конечно же, прельщает многих. Она дает возможность подчинять себе других, решать их судьбы, предоставляет наряду с властными также многочисленные материальные привилегии. Стремление попасть в «коридоры власти» калечит многих, побуждает их рваться вперед, беспардонно расталкивая локтями других, что в конечном счете разлагает и самих рвущихся к власти. Власть, бюрократия, аппарат, конечно же, ценят специалистов-профессионалов, но еще больше они ценят тех, кто умеет, льстить,

уговорить, молчать, лгать, подкупать. В современном обществе объективно усиливается тенденция выдвижения на арену социальной жизни среднего человека, человека массы, одномерного, управляемого человека. Ведь для (людей «массы» главное — приспособиться к аппарату, занять в нем по возможности «хорошее место».

Как в этой ситуации быть интеллигенции, как жить, поступать, взаимодействовать с властью?

196 Социальные и духовные ценности на рубеже II н.э. тысячелетий

Естественно, поскольку интеллигенция должна быть духовным центром общества, постольку она должна противостоять всем тенденциям омассовления, усреднения, подчинения их аппарату.

В этой связи роль интеллигенции в современном обществе возрастает и объективно, и субъективно. С властью интеллигенция также не может жить, что называется, «душа в душу». Даже очень умный администратор, поскольку его деятельность в первую очередь направлена на решение текущих практических дел, не может взглянуть на жизнь общества, на процесс социальных сдвигов со стороны, охватить их в целом, увидеть перспективу, отдаленные последствия своей деятельности. Это задача интеллигентов-теоретиков, которые, вскрывая тенденции общественного развития, лучше видят перспективные цели и острее замечают недостатки и ошибки в действиях политических руководителей. Уже здесь — в противоречии между теорией и практикой — таится противоречие между властью имущими и интеллигенцией.

Умные администраторы подобное противоречие «признают» и стремятся позитивно разрешить. Неумные отвергают, побуждают интеллигенцию заниматься апологетикой, пропагандой политических установок, готовых административных решений. Это весьма характерно, в частности, для нашей страны. Наши прежние ограниченные в интеллектуальном плане руководители рассматривали беспокойство интеллигенции, вызванное нерешенными задачами общественного развития, в сущности, как идеологическую диверсию, как подрывную деятельность и т. д. со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Администраторы, побеждая теоретиков, превращая их в апологетов, тем не менее терпели опасное поражение. Они утрачивали восприимчивость к прогрессу, оказывались не в состоянии вовремя вскрыть свои ошибки, увидеть перспективу. Потеряв обратную связь с широкими массами народа, власть перестала обновляться притоком свежих сил и идей. Выявить ошибочность или, напротив, правильность принятых политических решений может только дискуссия, широкая, открытая научная дискуссия. Если нет дискуссии, то в науке утверждаются догмы, которые делают науку беспомощной при анализе новых тенденций.

Глава 8. Интеллигенция как духовный центр развития общества 197

Таким образом, администратор должен ценить науку, быть образованным как в смысле научных знаний, так и нравственности. М. Монтень говорил: простые крестьяне — прекрасные люди, прекрасные люди также и философы. Все зло — от полуобразованности, научной и нравственной. Особенно, пожалуй, нравственной полуобразованности. Известный философ Г. По-[меранц с точки зрения нравственной образованности сравнивает две страны: Данию и Германию. В Дании еще во времена К.-К. Андерсена были учреждены специальные зимние университеты для крестьян, в которых последних знакомили со всеми [богатствами, созданными человеческим умом. Поэтому в Да-[нии в целом весь народ — просвещенный, интеллигентный. [Когда немецкие фашисты оккупировали Данию, они издали [приказ: всем евреям нашить на одежду желтые звезды. Обычный фашистский приказ. Но произошло следующее. Первыми вышли на улицу, нацепив на себя желтые звезды, король и королева Дании. Через полчаса их нацепил весь Копенгаген, через несколько часов — вся страна.

В Германии, да и во многих других странах подобное представить было трудно. Особенно это касается именно власть имущих. Фашизм, в сущности, как показывает опыт,

возник в странах, где происходили глубокие и быстрые социальные сдвиги, но где нравственно-этические традиции не были укоренены. Выбитые социальными сдвигами из привычных условий жизни, брошенные в водоворот непонятных и грозных событий (война, кризис), необразованные и полуобразованные массы испытывали чувство громадной неуверенности, страха. Они были склонны верить в чудо, в мессию, которые вернут им стабильное положение, утвердят порядок. На эту массу духовно опустошенных людей оказывала большое воздействие «полуин-|теллигенция», духовно отнюдь не превосходящая массу, но еще более ее отравляющая и разлагающая. Раздраженные, завистливые массы и «ведущая» их «полуинтеллигенция» были охвачены общей ненавистью к подлинной интеллигенции, которая «слишком много знает», к иностранцам (или инородцам), которые «слишком много себе позволяют», и к плутократии, которая действительно «слишком много имеет».

«Полуинтеллигенты», спекулируя на массовом недовольстве существующим положением вещей, спровоцировали бесчеловечные, истеричные погромные движения, которые привели к

198 Социальные и духовные ценности на рубеже II–III тысячелетий

торжеству фашизма. Я отказываю фашистским властителям в праве называться политиками и, тем более, интеллигентами. Это были преступники, отравлявшие сознание людей идеями расизма, шовинизма, милитаризма. Они внушали людям безмерную жадность господства, слепую жестокость, готовность идти на любые преступления против человечества и человечности. Настоящий политик — нравственный человек.

А как быть интеллигенту? Как ему относиться к власти, политике, власти имущим? Конечно, он должен заниматься политикой, не проходить мимо тех решений властных структур, которые затрагивают его нравственные чувства. Конечно, он обязан иметь представление о характере исполнительной власти, ее взаимоотношениях с законодательными органами и избирателями. Настоящему интеллигенту следует ратовать за то, чтобы парламент осуществлял контроль над правительством; чтобы депутат оставался посредником между избирателями и властью, а при необходимости был защитником избирателей; чтобы свобода мысли и свобода слова оставались священными; чтобы правительство, не получившее большинства голосов на свободных выборах, уходило в отставку; чтобы все граждане независимо от их происхождения, расы и вероисповедания были равны перед законом; чтобы всякое правительство, не считающееся с мнением большинства, подлежало смещению, но в любом случае это смещение должно происходить законным путем.

Политика, политическая деятельность могут быть чужды тому или иному интеллигенту. Конечно, ему вовсе не обязательно принимать активное участие в политической деятельности. Но необходимо обладать определенным политическим кругозором, иметь собственное мнение о важнейших политических событиях, равнодушие к политике — это ведь тоже политика. Тот, кто игнорирует политику, как бы говорит: мне все равно, что будет с моей страной, народом, всем миром. Такой человек — эгоист, на первое место он ставит соображения личной выгоды и интересы минуты.

Интеллигент должен вносить свой вклад в обсуждение и решение проблем, стоящих перед страной. Это государственная необходимость. Но интеллигенту необходимо быть свободным от опеки. Это следует понимать власть имущим, уважая интеллигентов, предоставляя им слово, передавая им на экспертизу проекты своих политических программ и решений. Развитие

Глава 8. Интеллигенция как духовный центр развития общества 199

науки, искусства, культуры в целом не должно зависеть от соотношения политических сил. Известно: точные науки, чтобы влиять на технику, естествознание, должны развиваться по своей собственной логике; ясно также, чтобы воздействовать на политику, общественным наукам, литературе, искусству надо иметь возможность

свободно обсуждать общественные пробле-[мы. В таком случае быстрее выясняются и исправляются ошибки. Свободное обсуждение общественных проблем обеспечивает также нормальную обратную связь между аппаратом власти и народом.

Возникает вопрос: может ли интеллигент, чья задача — защита и создание духовных ценностей, включаться в структуры власти, стремиться к власти? Не утратит ли он в таком случае сознание, что есть более высокие ценности, чем политические победы и властные привилегии?

Такая опасность существует особенно там, где интеллигенцию третируют. В нормальных условиях ученый, писатель, режиссер, не игнорируя, разумеется, политику, просто не хочет быть министром; он не станет отказываться от своей творческой деятельности. Когда же власть для интеллигенции — запретный плод, то многие интеллигенты жаждут вкусить его. Стремясь к этому, добившись этого, прежние борцы с деспотизмом сами становятся деспотами, воспроизводя, увековечивая старые деспотические, элитарные, номенклатурные структуры. Такие люди, бесспорно, перестают быть интеллигентами.

Но если интеллигент идет в политику, берет на себя бремя власти, движимый высоким нравственным чувством, если он следует завету: меньше слов, больше практического дела, если он не впадает в риторику, демагогию, а помогает решать жилищную проблему, строить школы и больницы, социально защищать бедных и старых, если он тратит свой ум и время на то, [чтобы контролировать бюджет и налоговую систему, поддерживать науку и искусство, защищать права человека и гражданина, то он остается интеллигентным человеком. Быть может, в [данный момент он не создает непосредственно новые культурные ценности, но он непосредственно содействует их защите и формированию.

Важно только, чтобы он, интеллигент, понимал, что духовный центр не может в полной мере совпадать с административ-ым. Духовный центр шире и глубже пронизывает народную

200 Социальные и духовные ценности на рубеже II и-III тысячелетий

жизнь, нежели центр административный, центр власти. Если администратор, оказавшийся у власти, отвергает прошлое, то задача интеллигенции — на каждом переломн[с]й этапе верно оценить подлинные достижения прошлых времен и передать их новым поколениям. Страна, нация, народ не могут постоянно начинать историю и культуру с нуля, отказываясь от всего, что создали предыдущие поколения.

И еще одно важное качество, которым должна обладать интеллигенция и которое она должна приносить в общественную жизнь. Это — терпимость. Ибо нетерпимость означает насилие, вытеснение, агрессию. Интеллигент по определению не может быть тупым упрямым, который отказывается выслушивать мнение противной стороны. Отмахнуться от тех, кто думает не так, как мы, легче, чем опровергнуть их. Однако терпимость — это не равнодушие. Равнодушие возникает скорее из высокомерной уверенности в обладании истиной и являет собой первую стадию нетерпимости в виде скрытого презрения — пусть думают, что хотят, меня это не касается.

Дискуссии, компромиссы — единственный путь для осмысления любого аспекта нашего бытия, в том числе и для решения важных политических вопросов. Больше того, в политике терпимость особенно важна. В политике невозможно сохранять беспристрастие. Жизнь в тот или иной момент делает нас консерваторами, реформаторами или оппозиционерами. Но в любом случае важно уметь оценивать реальные факты без всякой предвзятости. Нередко бывает, что политики рьяно отстаивают то или иное решение, потому что оно выдвинуто их партией, и безжалостно осуждают то же самое решение, если его предлагает противник.

Б. Паскаль был прав, определяя величие не в том, чтобы впасть в крайности, но в том, чтобы касаться одновременно двух крайностей и заполнять промежуток между ними. Но как заполнять этот промежуток? Отказываясь от политических убеждений? Это было

бы бессмысленно. И все-таки сейчас зачастую очень трудно увидеть существенную разницу между программами так называемых правых и так называемых левых. Мне кажется, более важным является деление людей на порядочных и непорядочных, на благородных и подлецов, а таковые обычно есть во всякой партии.

18. Интеллигенция как духовный центр развития общества

201

Не надо быть политическими фанатиками, фанатиками партий. Процветание народа, страны, государства связано с процветанием всех. Политические фанатики как правого, так и левого толка — вот те, кто в первую очередь разрушают государство. Для порядочных и благородных людей главным импульсом и содержанием их деятельности является вера в человека, уважение его прав и свобод.

Движимые желанием защищать и создавать духовные ценности, интеллигенты всегда критически относятся к существующему положению вещей; критический дух, критическое сознание не позволяют им переоценивать достигнутое, побуждают их смотреть вперед, видеть перспективу. И очень важно, что критическое сознание не позволяет интеллигенции впасть в эйфорию по отношению к власти имущим.

В том, что случилось с нашей страной, безусловно, вина интеллигенции есть. Собственными руками своими мы растерзали на клочки наше государство и наш народ, растерзали не только на «самоопределившиеся» территориальные куски, но и на «самоопределяющиеся» социальные классы. Собственными руками своими мы разрушили нашу оборону — армию и флот, наш административный, производственный и транспортный аппарат и т. д. Все мы разрушили, но, по-видимому, еще не насытились. Каждый день приносит все новые и новые конвульсии. Сказаны были эти слова русским философом И. А. Ильиным семьдесят пять лет назад (см.: *Ильин И. Наши задачи*. М.; Париж, 1992). Но как актуально звучат они сегодня!

Интеллигенция выполнит свою задачу, если будет мужественной в защите свободомыслия, если, стремясь к освобождению человечества, будет бороться за освобождение конкретных людей, живущих сегодня, в том числе и самих себя («Когда бы люди захотели вместо того, чтобы спасти мир, спасти себя, вместо того, чтобы освободить человечество, себя освободить — как много бы они сделали для спасения мира и для освобождения человечества», — писал А. И. Герцен), если все интеллигентное будет соотноситься с действительностью, с реальным сознанием широких масс. Да, интеллигенция должна быть духовным авангардом, но чтобы им быть, ей необходимо считаться с реальными настроениями масс, учитывать их, отталкиваться от них. Что касается взаимодействия с властью, то интеллигенция в принципе отнюдь не обязательно должна кон-

202 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

фронттировать с властью. С честной и действующей в интересах народа интеллигенция должна сотрудничать, даже

включаться в процесс осуществления власти ___%

Но в любом случае пока на земле есть люди, не стремящиеся к власти, противостоящие власти, гордо охраняющие свое человеческое достоинство и честь, считающие своим главным делом защиту и создание новых духовных ценностей, не надо отчаиваться: интеллигенция есть, она говорит свое слово, она делает свое дело.

Глава 9

Гражданское общество, правовое государство как социально-политическая перспектива

III тысячелетия

Что такое гражданское общество, правовое государство? Человек, его мир, окружающие его люди — это и есть общество, это и есть государство. Как жить в обществе, какое государство строить? Данный вопрос стоял перед человеком на протяжении всей его истории.

Обратимся к Европе. Отношение ее выдающихся мыслителей к обществу, государству на протяжении всей европейской истории было достаточно противоречивым. Если софисты весьма отрицательно относились к обществу и государству, искали свободу для человека вне общества и государства, то Сократ, Платон, Аристотель, стойки отдавали приоритет государству, считали, что государство воспитывает гражданина и обеспечивает его свободу. Правда, многие античные мыслители в апологии государства заходили слишком далеко; у Платона индивид полностью поглощен государством (именно поэтому К. Поппер и считает Платона отцом тоталитаризма). Напротив, Аристотель критикует Платона; он полагает, что государство должно оставлять человеку место для самоопределения.

Афины традиционно были демократическими. «Наше государство, — говорил Перикл, глава афинского государства в середине V в. до н. э., — центр просвещения Эллады: каждый человек может у нас приспособиться к многочисленным родам деятельности и, выполняя свое дело с изяществом и ловкостью, лучше всего может добиться для себя самодовлеющего воспитания... *Называется наш строй демократическим потому, что он зиждется не на меньшинстве граждан, а на их большинстве.* По отношению к частным интересам наши законы предоставляют равноправие всем, что же касается политического значения, то у нас в государственной жизни каждый им пользуется предпочтительно перед другим не в силу того, что его поддерживает та или иная политическая партия, но в зависимости от его досто-

204 Социальные и духовные ценности на рубеже II и IV тысячелетий
инств, доставляющих ему хорошую славу в различных отношениях. Скромность звания не служит бедняку препятствием в деятельности, если и он может принести государству какую-либо пользу. Мы живем в государстве свободной политической жизнью, не страдаем подозрительностью в повседневных взаимоотношениях, не раздражаемся, если кто-нибудь делает что-либо для своего удовольствия, и не проявляем досады, хотя бы безвредной, но все же раздражающей другого...» (так Фукидид передает речь Перикла).

Однако что касается, например, Спарты, то здесь государственная традиция была скорее тоталитарной. Спарта уже детей приучала к войне; она воспитывала их только воинами. Критерием блага в Спарте был интерес государства; справедливо то, что служит могуществу государства. Высшая добродетель гражданина — послушание.

В целом в античной Греции преобладала все же демократическая традиция; во всяком случае она была весьма сильна. Это нашло свое выражение, например, в трагедии Софокла «Антигона». Здесь сталкиваются Креонт, глава государства, носитель государственного права, и Антигона, свободная гражданка, верная естественному праву, праву долга похоронить брата. Креонт в назидание жителям города не разрешает хоронить Полиника, брата Антигоны, приведшего к воротам родного города его врагов. Антигона нарушает приказ Креонта; тогда он приказывает казнить и ее. И все же Креонт терпит поражение. Гемон, его сын, бросает ему суровое обвинение: «Не государство — где царит один... Прекрасно бы ты один пустыней правил... Принадлежать не может одному свободная земля...» Единственный правитель и законодатель Креонт раздавлен морально: «Я понял, надо жить, до смерти чтя от века установленный закон».

Римляне, завоеватели мира, естественно, к государству относились апологетически. Цицерон, основатель политической науки в Риме, высшим благом, высшей целью граждан считал преданное служение государству. В эпоху Средневековья христианские мыслители, разумеется, приоритет отдавали Граду Божьему. Однако, что касается града земного, они требовали от подданных безоговорочного подчинения его властителям. В Новое время дискуссии о государстве, о политике приобрели новое качество. Т. Гоббс, Н. Макиавелли абсолютизировали го-

претендовать в государстве эта стоголовая гидра (народ), — повиновение. Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, просветители, напротив, оценивали государство с позиций разума. Разум коренится в самой природе; апелляция к природе — апелляция к разуму. Человек сам по себе разумен. Его портит общество. Поэтому он должен больше прислушиваться к голосу своей души, своей природы, тогда и социальный мир, государство будут лучше.

Ш. Монтескье полагал, что имеются естественные и положительные, общие и частные законы. Естественные законы управляют человеком до его социального состояния. Таковыми являются: мир — первый естественный закон, вытекающий из ■чувства слабости; другой естественный закон внушает человеку кискать средства к *пропитанию*, третий вызывает взаимное *влечение полов*, четвертый — *желание жить в обществе*.

«Закон вообще есть *человеческий разум*, поскольку он управляет всеми народами земли, а *политические и гражданские законы* всякой нации должны быть только частными случаями, в ■которых находит свое применение этот человеческий разум. Они *должны* быть настолько свойственны народу, для которого I они установлены, что было бы величайшим случаем, если бы ■законы одной нации могли быть пригодны для какой-либо другой нации... Они *должны* быть согласованы с физическими свойствами страны, климатом... с качеством почвы... с характером жизни народов, земледельцев, охотников или пастухов. Их нужно рассматривать со всех этих сторон. В своей совокупно-■сти они образуют то, что называют духом законов», — пишет Ш. Монтескье.

По Ж.-Ж. Руссо, общество, народ, нация — источник государства. Государство — общая воля народа, воля равноправных граждан, выражение народного суверенитета. Всякая социальная иерархия, аристократия привилегий противоречат народно-I му суверенитету, противоречат разуму.

Смысл, суть общественного договора, подчеркивает Ж.-Ж. Рус-■со, заключается в следующем: «Всякий из нас ставит себя и ■свое могущество, как общее достояние, под высшее управление ■общей воли, и мы, как целое, принимаем каждого члена, как •нераздельную часть всего. Вместо отдельной личности каждого ^договаривающегося, этот акт ассоциации сейчас же создает мо-

206 Социальные и духовные ценности на рубеже II и-III тысячелетий

ральное и коллективное Целое, составленное из стольких членов, сколько собрание имеет голосов, Целое, которое получает путем этого самого акта свое единство, общее % жизнь и волю». Вместе с тем, заключает Ж.-Ж. Руссо, каждый индивид может как человек иметь частную волю, противную или несхожую с общей волей, руководящей им как гражданином {Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре // Трактаты. М., 1969. Кн. I. Гл. VI, VII}.

Как очевидно, Ж.-Ж. Руссо различает понятия «общая воля» и «воля всех». Общая воля имеет в виду и общие цели, а воля всех — только сумма единичных волей. При этом философ считает: «Чем важнее и серьезнее решения, тем более мнение, берущее верх, должно приближаться к единогласию... чем скорее требуется решить рассматриваемое дело, тем меньшей должна быть разница, требуемая при разделении голосов: для решений, которые должны быть приняты немедленно, перевес в один только голос должен быть признан достаточным. Первое из этих положений представляется более подходящим при рассмотрении законов, второе — при рассмотрении дел. Как бы там ни было, именно путем сочетания этих положений и устанавливаются те наилучшие отношения большинства и меньшинства голосов, чтобы решение считалось принятым» (Там же. Кн. IV. Гл. II. С. 231,232).

Резко отрицательно относился к государству немецкий просветитель И. Гердер. Государство — источник деспотизма, отнюдь не результат договорной теории, а связано с насилием. К возникновению государства ведут войны, захваты. Оно — машина, угнетающая человека. Никакого разумного, справедливого государства не существует.

Чтобы освободить человека, нужно уничтожить государство, считает И. Гердер.

«Самый лучший правитель тот, кто в меру своих возможностей способствует наступлению такого состояния, при котором человечеству наконец (когда же это будет?) не нужны будут никакие правители... Чем больше у народа появляется разума и способности к самоуправлению, тем слабее должны становиться правительства, а под конец и совершенно исчезнуть» {Herder I. Samtliche Werke. Bd. XIII. S. 456}.

Наряду с либерально-демократическими идеями в Европе укреплялась и идея государства. В XIX в. особенно яркое выражение она получила в положении Г. Гегеля: государство — дей-

1ава 9. Гражданское общество, правовое государство

207

ствительность нравственной идеи. Оно — воплощение объективного духа. Личность нравственна постольку, поскольку она млен государства. Сама по себе личность конечна и случайна. Лишь служа целому, т. е. государству, она показывает свою высокую нравственность, рациональную волю, демонстрирует свою свободу. Если личность не понимает нравственного долга, служит лишь собственным эгоистическим устремлениям, то государство вправе ради общего блага пожертвовать ею.

Один из лидеров рабочих организаций Ф. Лассаль также весьма апологетически относился к государству. В духе Г. Гегеля он полагал, что государство — это действительность нравственной идеи, это культурно-творческий элемент человечества, что без государства нет культуры, нет свободы, нет политической эмансипации, возможности стать свободными людьми, превратиться из подданных в граждан, нет благосостояния народа.

Вместе с тем в Европе возникли, развивались и утверждались также и социалистические взгляды. К. Маркс пришел к выводу, что государство — инструмент господствующего класса, что при социализме оно исчезнет, постепенно отомрет.

Разумеется, дискуссии по поводу государства, его происхождения, природы и сущности, его будущего продолжаются. Что же такое государство? «Действительность нравственной идеи», как полагал Г. Гегель, или продукт антагонистических общественных отношений, как думал К. Маркс?

Чтобы не уходить далеко в область теоретических предположений относительно будущего государства, отметим, что оно — продукт культуры, человек не может жить только природой. Оно необходимо возникло, необходимо существовало в прошлом, необходимо и сегодня. Но сегодня, как никогда прежде, нам необходимо государство граждан, свободных людей, а не государство чиновников и подданных. Демократическое, а не тоталитарное государство. Но в чем суть демократического государства? В свободе граждан, ибо суть человека — свобода. Но подлинная свобода есть только там, где есть спонтанность, самодетерминация, где есть нравственный выбор, моральная автономия. И. Кант был прав, утверждая это. И где есть свобода, там есть и человечность. Мир подданных, конформистов, роботов, одномерных людей — это не мир человечности. Но как сохранить свободу в государстве? Как добиться, чтобы в государ-

208 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

стве свобода и необходимость, спонтанность и детерминизм, индивидуальность и коллективизм не противостояли, а, напротив, дополняли друг друга? Или же достичь этого невозможно; человек должен быть объектом государственной власти?

Но что такое власть? Воля правителей, которая навязывается силой оружия, обмана, сопровождаемых социальным маневрированием, подачками и т. п.? Или же власть, достижение власти возможны и без насилия? Ведь М. Ганди в свое время посредством стратегии и тактики ненасилия сумел разрушить власть англичан в Индии. И все же здесь надо иметь в виду, что победу М. Ганди принес не просто дух ненасилия сам по себе, но массовое движение индийцев, пусть мирно, ненасильственно, но весьма энергично протестовавших против британской власти. И тем не менее тактика ненасилия сыграла важную роль в борьбе индийцев против британского господства. Она обезоруживала англичан.

Власть, следовательно, не просто насилие. Властитель, политик вообще не механик, управляющий машиной, решающий только «технические» задачи, игнорирующий интересы людей, их волю, цели, стремления, т. е. игнорирующий их сознание, дух. Без учета духа народа власть — только голая сила, только меч, только камень, обрушивающийся на головы людей. Но, как говорил Ш. Талейран, штыками можно сделать многое, но сидеть на них невозможно.

Но может ли дух, только дух быть скрепой общества, государства?

Очевидно, Аристотель, Данте, У. Шекспир, И. Гёте духовно были богаче, нежели Александр Македонский, Наполеон, Фридрих II Великий, Петр I, А. Гитлер, И. В. Сталин и т. д. Но дух не привел их к власти. Их дух был дух познания, дух-логос, в то время как дух Александра Македонского был «тимос», воплощавший материальную силу (Ф. Ницше). «Тимос» оказался сильнее логоса.

Но в любом случае власть должна располагать материальными средствами, чтобы обеспечивать свое господство, добиваться своих целей. В целом власть всегда характеризуется средствами, которые она использует, целями, которые она с помощью этих средств хочет достичь, и способом, каким она эти средства использует.

Глава 9. Гражданское общество, правовое государство 209

Если власть действует в духе мира и права, то она хороша, справедлива, легитимна с точки зрения признания ее большинством населения. Но все дело в том, что власть по определению скорее действует в направлении зла. Всякая власть — зло, абсолютная власть — зло абсолютное (Эктон). Поэтому в любом случае нельзя допускать абсолютной власти. Власть должна быть «раздроблена», она должна представлять сложный механизм взаимных противовесов. Кто издает законы (парламент), тот не должен их применять на практике. Кто управляет (исполнительная власть, правительство), тот не должен издавать законы, тем более те из них, которые регулируют его деятельность. Кто соотносит законы с конституцией, основным законом государства, тот должен быть независимым и от парламента, и от правительства.

Демократия, демократическое государство предполагают свободу печати, наличие оппозиции правящему политическому режиму, а также контроль со стороны парламента за деятельностью правительства. Должны существовать комитеты или комиссии парламента, призванные анализировать деятельность правительства. Парламент также должен контролироваться объединениями избирателей, отдельными лицами, средствами массовой информации.

Демократия — это правовое государство. Правовое государство обязано обеспечить основные права человека и гражданина. Основные права — это права каждого человека как личности. К этим правам относятся прежде всего право на жизнь, на достойную жизнь, свобода каждого отдельного человека, его личная независимость от государства, право на свободное выражение собственного мнения, свобода совести, свобода деловой активности и т. д. и т. п.

Человек должен иметь право свободно и публично высказывать свое суждение по всем вопросам общественной жизни. Если это право не соблюдается, то это значит, что в обществе нет условий для формирования независимых мнений. Но как быть с пропагандой войны, расовой или национальной ненависти? Если во многих странах действуют запреты на проповедь насилия, то, в частности, в США свобода слова трактуется весьма широко, в том смысле, что высказать и распространять можно любые идеи. С точки зрения американской традиции, ни одно должностное лицо не может предписывать гражданам «пра-

14-6325

210 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III-тысячелетий
вильные» представления о государстве, его целях, религии, о том или ином народе и т. д. Сами люди должны решать, что истинно и что ложно. _ %

Однако оскорбление действием, мотивированное расовой или религиозной

ненавистью, естественно, считается уголовным правонарушением и подлежит наказанию как поступок, нарушающий нормы цивилизованного поведения в обществе.

Гражданское общество и правовое государство утверждают также светское начало, т. е. отделение церкви от государства. Противопоставив авторитет творца авторитету церкви, обосновав идею равного ничтожества всех перед Богом и возможности равного постижения божественной истины каждым верующим, М. Лютер, Ж. Кальвин и другие основоположники протестантизма подвели почву под отделение церкви от государства. Вера стала личным делом самого верующего. Все это способствовало формированию идеи свободы совести как одного из основополагающих прав человека и гражданина.

Свобода совести означает, что каждый человек свободен в выборе своей мировоззренческой позиции, причем как религиозной (или безрелигиозной), так и политической.

Однако это не освобождает его от выполнения гражданских обязанностей, в частности от военной службы.

Вместе с тем, если гражданин отказывается от военной службы по религиозным соображениям, демократическое государство должно предусмотреть замену этой службы на альтернативную гражданскую службу.

Точно так же граждане должны обладать свободой собраний, иметь право на создание различного рода объединений. Эти свобода и право предусматривают возможность образования политических партий, равно как и религиозных и других объединений для того, чтобы граждане могли организованно представлять и защищать свои интересы.

Разумеется, каждый человек имеет право свободного выбора местожительства.

Наконец, все граждане данного государства равны перед законом. Причем, чтобы неимущие граждане не оказались фактически лишенными этого права, они должны иметь возможность получить от государства бесплатную юридическую помощь.

Глава 9. Гражданское общество, правовое государство

211

Что касается политических прав, а к ним относятся прежде всего избирательные права: право выбирать и быть избранным в представительные органы власти, как центральные, так и местные, осуществление этих прав также должно быть абсолютно ненарушаемым.

Политические права должны быть органично связаны с социальными правами. Если не гарантируются социальные права, то и политические права утрачивают смысл. Общество обязано каждому человеку, гражданину гарантировать свободное и полное развитие его личности; обеспечить его социальную защиту, защищать его право на труд, свободный выбор профессии, достойные условия труда, равную оплату одинакового труда. Зарплата работника должна быть достаточной, чтобы обеспечить достойный уровень жизни для всей семьи. Общество обязано предоставить человеку право на свободное время и достойный отдых и, конечно же, на образование, на пользование культурными ценностями. Все эти социальные права зафиксированы во «Всеобщей декларации прав человека», принятой еще в 1948 г. ООН.

Другое дело — как эти права реально обеспечены. В Швеции, например, для этих целей назначается омбудсмен — прокуратор; он имеет право контролировать любой административный акт, вступать в переговоры с любым чиновником, вплоть до министра, если он подозревает нарушение с его стороны основных прав гражданина. Он неприкосновенен.

И самое главное: демократическое государство строится снизу; демократия сильна, когда она — движение народов. Именно потому демократия невозможна без массовых движений, профессиональных союзов, политических партий, общественных организаций и объединений. Политические партии, общественные объединения — решающее средство защиты граждан против власти мощных экономических группировок, преследующих

только свои эгоистические интересы.

Правда, политические партии не должны стремиться встать над обществом, государством. Им следует быть частью общественного целого; свои отношения с государством, властью строить на основе консенсуса относительно таких ценностей, как справедливость, солидарность, свобода, уважение к личности, гражданским правам, семье и т. п. Они обязаны исходить из того, что государство связывает воедино интересы социума и ин-

212 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

дивидуума, что оно то звено, которое скрепляет социальную природу человека и личностную основу общества. Они должны воспринимать государство как естественный хо||иальный институт¹.

Конечно, общество, государство — это индивиды, граждане. Но они не простая сумма индивидов. Это нечто большее, которое состоит в связанности всех со всеми, обусловленной разделением труда, созданием на его основе всякого рода формальных и неформальных организаций и учреждений, обеспечивающих организованное бытие индивидов.

И все же самое главное: демократия требует бдительности и ответственных действий от всех граждан. Иными словами, она требует от граждан высокой политической культуры.

В 1960-х гг. в книге «Гражданская культура» американские исследователи Г. Алмонд и С. Верба с полным основанием писали: «Государственные деятели, стремящиеся создать политическую демократию, часто концентрируют свои усилия на учреждении формального набора демократических правительственных институтов и написании конституции. Они также могут сосредоточить усилия на формировании политической партии, с тем чтобы стимулировать участие масс. Но для развития стабильного и эффективного демократического правления требуется нечто большее, нежели определенные политические и управленческие структуры. Это развитие зависит от... политической культуры. Если она не способна поддержать демократическую систему, шансы последней на успех невелики» (*Almond G., Verba S. The Civic Culture. Princeton, 1963. P. 498*).

Все попытки утвердить демократию сверху несостоятельны, обречены на провал. Так было с Веймарской республикой в Германии, она была формально вполне демократической, во всяком случае такой была ее конституция. Но демократии не желали лидеры монополий, военные, ее значение не понимали и широкие народные массы. В результате к власти пришли фашисты.

Фашизм — это подавление свободы граждан, личности. Вместе с тем фашизм — господство людей мелких, подлых, трусливых. Фашизм, можно сказать, звездный час так называе-

¹ Партии также должны подвергаться контролю, особенно относительно источников поступающих в их адрес денежных средств.

Глава 9. Гражданское общество, правовое государство

213

мого маленького человека, превратившегося в господина, а по сути в палача и убийцу. У Э. Ремарка есть книга «Искра жизни», в которой он описывает подобное превращение обывателя, мещанина: «Ниманн протирал стекла очков. Они запотели. От тепла, которое он испытывал, читая в глазах заключенных страх смерти, страх, неумолимо гнавший их вперед, придававший им силы, подымавший их с земли, когда они падали... Он ощущал это тепло желудком и глазами. В первый раз он ощутил его, когда убил своего еврея... Это случилось как-то само собой. Всегда чем-то печально озабоченный, затурканный, он сначала даже испугался мысли, что ему надо ударить еврея. Но когда он увидел, как тот ползает на коленях и со слезами на глазах выпрашивает себе пощаду, он вдруг почувствовал, что за одно мгновение стал другим — сильным и могущественным; он почувствовал, как гудит в жилах кровь; горизонт отступил вдаль, разгромленная...

квартира мелкого еврейского конфек-ционера... превратилась в дикую азиатскую пустыню времен Чингисхана, а торговый служащий Ниманн стал вдруг господином над жизнью и смертью; в голову ударил дурман власти — безграничной власти! — и он, все хмелея и хмелея от этого нового, неожиданного чувства, и сам не заметил, как нанес первый удар по мягкому, податливому черепу, покрытому скудными крашенными волосами» (*Ремарк Э. Искра жизни. СПб., 1993*).

Самое страшное, самое ужасное то, что после разгрома фашизма этим мещанам-фашистам не стало стыдно, их сердце не разрывали муки совести; они затаились. Летом 1953 г. Э. Ремарк впервые после войны прилетел в Германию, в Берлин. Он смотрел на своих бывших соотечественников острым критическим взглядом.

У него нет сострадания к народу, который сам вверг себя в пучину бед и несчастий: «Как в спектакле по Гофману или Уоллесу. Будто под водой. Совершенно чужие люди. Зомби, но сторожкие, принимающиеся. Контакта нет. Что-то чужое, разыгрывающееся на чужой сцене. Всё будто во сне. Любое обращение, даже со стороны портъе, кажется фальшивым — и по тону, и по сути, — всё будто вот-вот превратится во что-то иное или исчезнет. Нет ощущения человеческого тепла, подлинности, искренности — всё точно за невидимой стеной, будто на сцене, где к тому же неважно играют. Не-

214 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

оновый свет, тени от развалин; взгляд немца; в наружности многих что-то от хорька... Искалеченные бомбами души. Иссушенные приказами сердца. Перекошенные-лиф. Разговоры шепотом. Молчанье... Любезности, звучащие как команда... Начало без иллюзий».

Демократия в сущности — судьба людей, если они хотят жить достойно и свободно. Ибо ее альтернатива — тоталитарное государство, в котором нет граждан, нет свободных людей, есть только повелители и подданные. Но для человека главное — свобода, свобода самоопределения. Человек хочет и должен иметь право на счастье, как он его понимает, конечно, при условии, что он уважает подобное же право других людей. Демократия — это и есть политическое выражение воли человека, народа в целом к самоопределению, их способности быть самими собой.

За демократию несет ответственность каждый человек и все вместе. И особенно люди образованные. Между тем немало образованных людей считают, что духовный человек не должен пачкать свои руки политикой. Разумеется, это верно, если речь идет о грязной политике.

Но демократия — это политика. Для того чтобы политика была ответственным делом, необходимо максимально расширять открытость, гласность, поощрять инициативу людей. Демократическое государство создается в дискуссии, в столкновении интересов, мнений и даже темпераментов людей. Оно — равнодействующая этого сложного, противоречивого политического процесса.

Кто отстраняется от созидания государства, тот должен потом пенять на себя, если ему покажется, что государство отнюдь не таково, каковым ему хотелось бы его видеть.

Именно поэтому людям, повторяю, прежде всего людям образованным следует участвовать в жизни государства. Однако образованные люди должны по определению критически относиться к власти. Не обязательно подрывать, опрокидывать власть, но обязательно ее критиковать с позиций идеала, ибо политики всегда сосредоточены на решении конкретных, текущих задач, за которыми они зачастую не видят перспективы.

Примечательно, что среди многих причин, обусловивших тоталитаристские тенденции общественного развития, в частности, в Германии и России, как раз было отсутствие широких

Глава 9. Гражданское общество-, правовое государство

215

образованных слоев или их нежелание бороться за демократическую перспективу.

Так, в Германии в силу специфических условий ее развития возобладало государство приказа, требующего от подданных безусловного послушания. Мирабо в свое

время о прусском государстве сказал следующее: Пруссия — это не государство, владеющее армией, это армия, владеющая государством.

Эта традиция в Германии не только не ослаблялась, но усиливалась. Когда командующего рейхсвером в 1930-е гг. генерала Секта спросили, за кем стоит армия, он цинично ответил: армия стоит за моей спиной. И самое опасное заключалось в том, что государство приказа в Германии было тем государством, которого, как отмечал Т. Манн, пожелал немецкий народ. «Я глубоко убежден, — писал Т. Манн в 1919 г., — что немецкий народ никогда не любил демократии по той простой причине, что он никогда не любил политики. Поэтому государство приказа в основе своей является для немцев желанной формой государства. Никогда рационально-механическое государство Запада у нас на Родине не может быть воплощенным. Политика и демократия с немецкой сутью несоединимы» («Размышления аполитичного»). Либеральный теолог и философ Э. Трельч также отмечал: в прусско-германском государстве приказа нашло свое выражение существенное отличие Германии от других западных стран, а именно: оно в специфической форме воплощало немецкую идею свободы. Демократия казалась многим немцам свидетельством чуждого германскому духу рационализма — опасной и разрушительной идеи, рожденной Французской революцией. Поразительно, но многие немцы, образованные немцы, видели, в частности, в Первой мировой войне не столкновение Англии, Франции и России, с одной стороны, и Германии — с другой, не просто войну, но войну, отражавшую борьбу «идей 1914 г.» против «идей 1789 г.», «борьбу торговцев против героев», как писал В. Зомбарт. Разумеется, «героями» были немцы.

Немцы были «глубоки», а французы — «поверхностны». Как отмечал К. Шмидт, немцы в данном случае забыли горькие слова Ф. Ницше об этих идеологах «глубины»: они мутят мелкую воду, поэтому она и кажется им глубокой («Так говорил Заратустра»).

216 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Все это в конечном счете и обернулось преступлениями фашизма. Примечательно, что некоторые мыслители чрезмерно мифологизировали историю, а тем самым — во*ьно или невольнo маскировали те социальные силы, которые привели мир в начале XX в. к катастрофе, к трагедии Первой, а затем и Второй мировой войны. Такая попытка была, в частности, как это было показано выше, весьма характерна для Э. Юнгера. История XX в. предстает в произведениях Э. Юнгера как миф человека-рабочего. Характерной чертой эпохи, начатой XX в., по мнению Э. Юнгера, является тотальная мобилизация мира к труду. Первая мировая война — пример подобной тотальной мобилизации. Она покончила с героическим характером войны. На смену воину пришел рабочий. Все-страны превратились в огромные фабрики вооружений. Молох войны бесстрастно, механически проглатывал армию за армией. После поражения в войне воля Германии к тотальной мобилизации отнюдь не угасла, напротив, еще более окрепла. Идеология национал-социализма — не что иное, как идеология тотальной мобилизации.

То же самое происходило и в России. Она также потерпела поражение, жила страданиями. Россиянам также казалось, что лишь нож врача может спасти Россию от боли. Большевизм, так же, как и национал-социализм, — пример тотальной мобилизации масс на труд, на жертвы. Идеологи тотальной мобилизации внушают человеку-рабочему, что его счастье коренится не в личных субъективных переживаниях, но в героическом труде и жертвенности ради целого, отечества, родины, нации и т. п.

Независимо от субъективных намерений Э. Юнгера его метафизические построения мифологизировали реальную политическую действительность, мешали познать ее сущность. И все же многое он предвидел верно. Тотальные устремления преобразовать мир привели к массовому уничтожению людей. Для рабочего все окружающее пространство всего лишь тотальное поле преобразований. Ради преобразования мира он использует все средства: газ, сталь, огонь. В его глазах, сознании все индивидуальное утрачивает свой характер, становится абстрактным; ценности

исчезают, все приобретает лишь функциональное значение.

М. Шелер, один из самых крупных немецких философов, отмечая, что тоталитарное государство, государство приказа в принципе есть то государство, которое Германия хочет, которое соответствует немецкому этосу, писал в 1916 г., что это государство выступает как самодостаточная, рационально ничем не ограниченная волевая сущность, которая объединяет всех: и правителей, и народ, которая поднимается над суммой всех партийных волей, побуждает всех, в духе дисциплины и иерархии ведущих и ведомых, действовать на благо целого, которая одновременно хочет проникнуть во все внутренние сферы жизни отдельного индивидуума, претендуя в конечном счете на формирование всего человеческого бытия.

Но в чем же специфичность исторического развития Германии, обусловившая утверждение в ней государства приказа? В своем развитии Германия значительно отставала от других западных стран. Там были уже промышленность и города, в Германии же господствовали сельское хозяйство и юнкерские поместья. В западных странах граждане уже имели политические права и активно участвовали в строительстве государства, в Германии царил абсолютизм, препятствовавший политическим свободам. На Западе были также и соответствующие духовные предпосылки, философия Просвещения с ее апологетикой разума энергично требовала строить «разумное» государство. Человек разумен и потому свободен. Свобода — не произвол, свобода — это право гражданина идентифицировать себя с государством разума.

В патриархальной, раздробленной Германии невозможно было идею разума сделать универсальной; невозможно было воплотить в жизнь идею Французской революции о превращении народа в единую нацию граждан.

Если во Франции идеи были связаны с материальными интересами, потому они и были действительны, изменяли, преобразовывали действительность, то в Германии они оставались в границах чистого самоопределения духа, в лучшем случае они превращались в требования нравственности.

Другими словами, как справедливо отмечал Л. фон Штайн (еще до К. Маркса), без соответствующих социально-экономических предпосылок идеи не могут быть практически осуществлены, не могут привести к столкновению с существующими со-

218 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III-тысячелетий

циально-экономическими порядками; они движутся в русле самосознания.

Разумеется, прорывы мысли в политику были и в Германии. В. фон Гумбольдт трансформировал идею политической свободы, воплощенную в жизнь Французской революцией, в идею нравственной свободы и на ее фундаменте построил концепцию немецкого либерализма. Так, он писал в 1792 г., что задача государства — защитить свободу своих граждан от опасности изнутри и извне. Государство — своего рода ночной сторож; оно должно охранять своих граждан, прибегая к насилию лишь в той мере, в какой это необходимо для безопасности граждан. Вне рамок этих задач оно не должно мешать их свободе («Идеи к попытке определить действительность государства»).

Бесспорно, индивидуум, его свобода — главный принцип гумбольдтовского либерализма. Государство же должно быть невидимо.

Однако идеи В. фон Гумбольдта не оказали решающего воздействия на общественное мнение в Германии. Сознание большинства немцев продолжало быть «ложным» (Ф. Энгельс). Они ценили свободу, но считали, что ее защита — дело государства, полиции. Они не понимали, что защита их свободы — прежде всего их дело, их индивидуальная способность и готовность противостоять посягательствам на их свободу. Естественно, в этих условиях идея государства все более приобретала консервативные черты. Государство все более абсолютизировалось. Оно считалось «правильным», если было достаточно сильным, чтобы утвердить себя. Эту тенденцию еще более укрепил, усилил тот факт, что немецкое единство было осуществлено государством

сверху, «железом и кровью». Л. Ранке, Г. Гегель, И. Дройзен, Г. Трейчке и др. идентифицировали государство с властью; они видели на опыте истории, что государство, опирающееся на сильную власть, имеет больше шансов, чем так называемое демократическое государство. Многие немцы пришли к выводу, что надо поддерживать государство, противостоять «деструктивным силам», пытающимся его разрушить. Они стали служить государству как чиновники, учителя, врачи, юристы, торговцы и инженеры, рабочие и крестьяне.

Тоталитаризм, упование на государство, на высшие силы, на кого-то извне в сущности объективная тенденция современного мира. Научно-технический прогресс, господство больших

Глава 9. Гражданское общество, правовое государство

219

анонимных бюрократических организаций, огромный поток информации и т. д. и т. п. — все это способствует утрате самостоятельности, духовной автономности, свободы и ответственности человека. Его чувствами и мыслями манипулируют правительство, мощные экономические и политические группировки и находящиеся под их контролем средства массовой информации.

И все же, как отмечалось выше, не следует предаваться пессимизму. Пессимизм — угрожающая черта нашего времени. Если прежде утопия была островом надежды, то теперь вместо утопии зачастую царит антиутопия, не оставляющая человеку никакой надежды. Мы вновь подчеркиваем: человек может противостоять подобным тенденциям. Прежде всего, необоснованно обвинять научно-технический прогресс, видеть исключительно в нем причину упадка духовности и культуры.

Не техника, не наука, не машина симптом современной духовной ситуации, а сам человек, его неспособность овладеть техникой, подчинить ее себе; вместо этого он становится функцией машины. Здесь причина роста отчужденности, утраты человеком смысла жизни. И никакое бегство во внутренний мир, в частную жизнь в данном случае уже не спасет.

Конечно, многие социальные организации и прежде всего государство сегодня зачастую чужды человеку. Но дело в том, что социальная организация, социальная структура, государство — творение рук и духа человека. Жизнь общества, государства и индивидуума невозможно разорвать. Человек может развиваться только в обществе, только в обществе он может быть счастливым. Общество, государство — это ведь отношения между людьми. Это же сами люди создали такие общество и государство, о которых, пожалуй, никто не сказал более выразительно, более ярко, нежели К. Маркс: в этом обществе все тонет в ледяной воде эгоистического расчета («Манифест Коммунистической партии»).

Бесспорно, демократическое государство — это правовое государство, жизнь его граждан регулируется правом. Конечно, надо иметь в виду, что право формируется властью. Власть может выражать интересы широких масс народа, но может выражать интересы лишь его привилегированных групп, например собственников.

220 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

К. Маркс в статьях в «Рейнской газете» очень точно показал, как формируется новое право: рейнский ландтаг превратил собрание хвороста — одну из традиционных форм поддержания существования бедноты — в «кражу леса», наказуемую в качестве преступления против собственности, которая, для того чтобы стать «современной», превращается в «абсолютную». Иначе говоря, К. Маркс показал, что юридическое обоснование собственности находится в руках самих собственников. Во всяком случае, интересы лесовладельцев должны быть обеспечены, хотя бы от этого «погиб мир права и свободы!» Государство, формируя право, выступает в данном случае как прислужник лесовладельца.

Но, разумеется, где нет правового регулирования, там царит гоббсовский принцип

«войны всех против всех». И все же в обществе, где все подчинено праву, где все сферы жизни регулируются только правом, нет подлинной свободы, нет нравственной свободы, нет места для свободного нравственного выбора человека (И. Кант). В подлинно свободном обществе должны быть сферы, где человек спонтанно, самостоятельно принимает решения, где он оценивает свои поступки с нравственной точки зрения. Поэтому в правовом государстве должны быть установлены границы для правового регулирования сфер жизни и деятельности человека. В частности, право может и должно регулировать брачно-семейные отношения, но оно, конечно же, не может побудить супружескую пару жить в любви. Право не может контролировать, регламентировать внутренние устремления людей. Свободные люди в подлинно свободном обществе регулируют свои отношения, решают свои проблемы наряду с правом во всевозрастающей мере и с помощью нравственности. В сущности о правовом порядке можно говорить лишь там, где признается, что общество независимо от государства располагает средствами и санкциями, с помощью которых оно может заставить отдельного индивида соблюдать общепринятые правила нравственности. Именно такие институты гражданского общества, как семья, школа, церковь, соседские или иные общины, различного рода добровольные организации и союзы, способны играть данную роль. Мораль, в сущности, выше и сильнее права и политики. В морали больше общечеловеческого содержания. П. А. Кропоткин, в частности, полагал, что человеческому обществу в большой мере присуща не классовая (поли-

Глава 9. Гражданское общество, правовое государство

221

тическая) борьба, являющаяся своеобразным отражением дарвиновской борьбы за существование, а взаимопомощь, которая опирается на отличающий всех животных инстинкт общительности. По мере развития общества на базе принципа общительности и взаимопомощи как исходном принципе нравственности формируется другой нравственный принцип — справедливость, которая выступает как требование равноправия и равноценности всех членов общества (см.: *Кропоткин П. Л. Этика*. М., 1991. С. 280). С этими идеями П. А. Кропоткина во многом перекликаются идеи С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и В. Ф. Эрна, а также других русских мыслителей, полагавших, что в основе справедливого общественного устройства лежит любовь, являющаяся онтологическим принципом бытия человека.

Конечно, государственная деятельность предполагает знание проблемы, точный учет интересов, расчет шагов, направленных на достижение цели. И все же без морали невозможно принять правильные, честные государственные решения. Гражданин, в том числе и государственный деятель, должен спрашивать себя: к чему ведут мои действия и для меня самого и прежде всего для других? Если я действую в духе сочувствия тем, кто страдает, я действую политически ответственно и вместе с тем политически морально. Как справедливо пишет Ю. Хабермас, «к моральной точке зрения мы приближаемся, когда начинаем проверять наши максимы на совместимость с максимами других людей. Могут ли я хотеть, чтобы каждый принял данную (мою) максиму как всеобщий закон?» {*Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность*. С. 11, 12). В истории, однако, слишком часто политика и мораль были оторваны друг от друга. Многие люди как индивидуумы были высоко развиты в моральном отношении, но не развиты в политическом как граждане. Политика с их точки зрения была вне морали; но именно поэтому они и попадали под влияние антигуманных, бесчеловечных политических идей, участвовали в преступлениях против человечности, творимых их государством.

Конечно, демократия — это выборы, разделение властей, парламент, конституция, свободы и права человека. Вместе с тем демократия — социальная защищенность граждан. Политическая свобода служит гарантией личной свободы, но не может ее заменить (Б. Констан). Подлинно демократическое, свобод-

ное государство — государство, стремящееся преодолеть раскол общества на богатых и бедных. Без свободы от нужды человечность не утвердить. Человек, живущий в нужде, вжтрехе перед завтрашним днем, не свободен, он не может чувствовать себя гражданином. Вместе с тем, как справедливо отмечал Платон, там, где появляется нарушающая гармонию жажда богатств, всюду «начинает зарождаться и война, и неприязнь». Бесспорно, собственность исторически была гарантией свободы. Человек, имеющий собственность, в принципе был в состоянии сказать «нет» в случае, если «да» вело к отказу от свободы. Бесспорно, индивидуализм, основанный на отождествлении личной свободы и частной собственности, стал лучшим стимулом развития производительных сил, общественного развития и формирования политической демократии. Но что же такое собственность? Имущество, блага, заработанные собственным трудом? Имущество, блага как результат эксплуатации наемного труда? Первый случай бесспорен. Заработанное должно принадлежать труженику. И понятно, что собственность в данном случае никогда не будет чрезмерной; она обеспечит труженику и его семье достойную жизнь, не более того. Во втором случае ситуация является более сложной. Собственность здесь может привести к чрезмерной экономической власти, а вследствие этого — и к чрезмерной, порой неконтролируемой политической власти. Собственность, как очевидно, в принципе не только экономическая, но вместе с тем и политическая, и этическая категория.

К тому же современная история показывает, что собственность — отнюдь не абсолютная гарантия свободы. В фашистской Германии никто не нападал на собственность, никто ее идеологически не дискредитировал, но были ли там собственники свободными? Были ли они уверены в своем будущем? Очевидно, только те, кто служил тоталитарному режиму. Современная ситуация, в том числе и в нашей стране, это подтверждает.

С этической точки зрения, чрезмерная собственность аморальна. Она — посягательство на свободу другого. Действительно, если я имею дом, квартиру, машину, то ясно, что в принципе и другой может иметь дом, квартиру, машину. Во всяком случае мое владение определенным имуществом, подобным перечисленному выше, не есть посягательство на свободу другого.

Глава 9. Гражданское общество, правовое государство

223

Но если я имею завод, то, чтобы он функционировал, нужны рабочие. Люди, работающие на моем заводе, уже не свободны. Во-первых, они не могут им распоряжаться, во-вторых, они имеют то или иное количество жизненных благ, поскольку я их им предоставляю. В-третьих, раз они пришли на мой завод, это значит, что своего завода они не имеют. И если целые социальные группы или классы будут неимущими, то ясно, что ни о какой свободе в данном случае говорить нельзя. Ведь формула свободы: я могу, если я хочу. Но в отношении собственности это неприменимо. Я хочу иметь завод, но я этого не могу. Все не могут быть богатыми. Ясно, что богатые живут за счет бедных. Это очевидно как по отношению к отдельной стране, так и в международном плане. Как говорил уже упоминавшийся выше Мирабо, есть только три способа существовать: нищенствовать, воровать и получать жалованье. Может быть, сказано слишком остро, но это правда. Большая собственность — это кража (П. Прудон). Поэтому, с моей точки зрения, в гражданском обществе акцент должен быть сделан не на апологию частной собственности, а на утверждение права, на воспитание гражданина.

Человек, в конце концов, не экономическое, а социальное существо. Стремление к собственности, к прибыли — не единственный его стимул. А. Смит, очевидно, ошибся, полагая, что прибыль — главный мотив деятельности человека. Конечно, собственность я не отрицаю. Однако экономическая основа свободы в наше время коренится отнюдь не исключительно в частной собственности, но скорее в плюрализме форм собственности: частной, муниципальной, кооперативной и обязательно государственной как противовесе эгоистическим корпоративным интересам, как гаранте защищенности тех социальных

слоев, которые еще или уже не могут эффективно участвовать в экономической, трудовой деятельности. Во всяком случае обеспечение по старости, инвалидности, пособие по безработице, в случае потери рабочего места, болезни, смерти родителей, поддержка студентов, школьников, малолетних детей и т. п. — задача, прежде всего, государства.

Социальное государство обязано стремиться обеспечить право своих граждан на труд, на заработную плату, гарантирующую средний прожиточный минимум, на равную оплату за рав-

^

224 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий
ный труд, на жилище, образование, здравоохранение, отдых и т. п.

Эти права государство обязано не только провозгласить, но реально обеспечить. Когда граждане голодают, не могут найти работу, болеют, не имеют возможности получить образование, утверждать, что государство является демократическим только на том основании, что оно провозглашает все эти права, необоснованно¹. Между нищетой, неграмотностью, бескультурьем, беспорядками, насилием и репрессиями властей существует прямая связь.

И еще важный момент. Конституция, основной закон демократического государства, апеллируя и выражая волю большинства, обязана предоставить меньшинству право представлять и защищать свои интересы и ценности, не совпадающие с интересами и ценностями большинства. Ибо, как показывает история, большинство не всегда право, оно к тому же нестабильно; то, что сегодня является большинством, завтра может стать меньшинством. И наоборот. Конституция прежде всего должна воплощать в себе общечеловеческие ценности и идеалы.

Но, конечно, главный гарант свободы человека — это свобода духа. Свобода духа — это предпосылка политической свободы. От сознания людей во многом зависят содержание и формы государственной жизни.

Свобода духа — это отказ быть ведомыми, «идти на помочах», свобода духа — это самостоятельность, это «совершеннолетие» (Т. Адорно).

Немцы же в 1930-е гг. не пожелали стать «совершеннолетними», они не захотели свободы и получили национал-социализм, считает Т. Адорно. И предостерегает: национал-социализм отнюдь не умер, не принадлежит прошлому. Его возвращение возможно и при демократии. Во-первых, потому что он — следствие склонности к варварству, присущей вообще человеку. И во-вторых (и это главное), у многих немцев спящее сознание. Многие из них плохо знают историю; не знают, кто такие Бисмарк и Вильгельм II, после А. Гитлера старались как можно скорее забыть, что такое фашизм. И поскольку фашист-

¹ Кстати, то, что сегодня называют правами, во многом лишь моральные требования, ибо как права они фактически не соблюдаются нигде.

Глава 9. Гражданское общество, правовое государство 225

ские преступления бросали тень на всех немцев, пытались их замолчать или, по крайней мере, преуменьшить; вели споры о числе жертв холокоста: не шесть, а только пять миллионов евреев было погублено в газовых камерах. И вообще незачем-де обременять память этим помрачением ума.

Подобное состояние сознания Т. Адорно квалифицирует как симптом упадка личности, ослабления ее ответственности и совести.

Собственно национал-социализм — это тоже отражение глубокого упадка личности. Он апеллировал и возбуждал коллективный нарциссизм, безмерное национальное тщеславие. Он обеспечивал идентификацию индивида с целым, отдельного немца со всем немецким народом. Слабое Я, полагает Т. Адорно, всегда нуждается в некоей эрзаидентификации с коллективом. Вместе с тем, поскольку массовому человеку присущи серость, садистски-авторитарная серость, насилие и деструктивность, постольку его легко было мобилизовать против чужаков, врагов, «низших» народов. Чтобы избежать

повторения Освенцима, нужно измениться человеку. По Т. Адорно, мало изменить социально-духовный климат, апеллировать к абсолютным духовным ценностям, важно выявить и затормозить механизмы в психике самого человека, ведущие и допускающие такие поступки, как убийство людей. Это невозможно без образования и воспитания, особенно без рефлексии и саморефлексии. Только саморефлексия может пробудить совесть, ответственность индивида за свои поступки, поступки других людей, общества в целом, объединить, сплотить коллектив, сообщество совместной ответственностью составляющих его личностей.

Гражданское общество, правовое государство требует ответственных людей, отвергающих бессмысленное существование, противостоящих стадному чувству, манипулированию их сознанием, отказывающихся от соучастия в аморальных действиях.

Бесспорно, жизнь в обществе требует приспособления к общественным требованиям, но не за счет отказа от самоопределения в пользу конформизма.

Рефлексия и саморефлексия, воспитание к саморефлексии связаны со способностью человека воспринимать опыт истории, опыт повседневной жизни, на этой основе творчески думать о будущем, противостоять, оказывать сопротивление все-

15-6325

226 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

му и всем, что и кто проявляется и поступает аморально, несправедливо, негуманно.

Свобода духа — это, конечно, риск, но без риска нет свободы, без свободы нет жизненной демократии. Это надо всегда иметь в виду. Конечно, риск таит в себе опасность. Еще Н. Макиавелли говорил: во всем, что мы делаем в политике, есть зерно своей противоположности. Это подтверждает и наш опыт. По словам В. С. Черномырдина, хотели как лучше, а получилось как всегда. И все же в политике надо идти на оправданный риск. Нерешительность — не лучшая черта политика. Если мы на что-то уже решились, надо следовать этому как своей судьбе. То, чему мы сказали «да», должно стать для нас *amor fati* (любовь к року), как говорили древние римляне и вслед за ними Ф. Ницше.

Итак, демократическое государство должно быть правовым и социальным. Оно должно гарантировать и защищать свободы и права человека, вместе с тем оно должно обеспечивать человеку достойное материальное благосостояние. Верно, что не хлебом единым жив человек. Но думать о духовном, о культуре он может только тогда, когда уверен, что хлеб на его столе будет и сегодня, и завтра. Без хлеба нет свободы, без свободы нет хлеба (Ф. М. Достоевский). Это не порочный круг, который невозможно разорвать. Это двуединая задача, которую можно и должно разрешить.

Французская революция совершилась под единым лозунгом: свобода, равенство, братство. Эти три понятия действительно невозможно разорвать. Свобода без равенства в свободе — не свобода. Если не все свободны, если некоторые более свободны, то подлинной свободы, конечно, нет. Мысль о равенстве имеет одно важное практическое последствие. Признайте, что все равны, — и тут же появятся великие. Люди, возомнившие себя Цезарями, действительно есть. Есть великие, рядом с которыми все кажутся мелкими. Однако поистине велик тот, с кем каждый чувствует себя великим. Почти все великие люди выросли из атмосферы равенства. Великий может породить деспотию, но самого его производит на свет демократия — так думал, в частности, Г. Честертон. И, как я полагаю, вполне справедливо.

Но равенство без свободы тоже опасно. Оно несет в себе идею деспотического государства. Оно может принести в жертву тирании и анонимности многих ярких личностей с их блестящими способностями и дарованиями. Противоречия между свобо-

Глава 9. Гражданское общество, правовое государство

227

дой и равенством разрешается посредством братства. Подлинная демократия — это братство. Почему? Братство — это признание другого, уважение к другому, забота о

другом. Разумеется, признание другого проистекает из уважения человека к самому себе. Лишь тот, кто говорит своему бытию «да», скажет «да» и бытию другого. Лишь тот, кто ценит свою свободу, будет ценить и защищать свободу другого. Братство требует этот принцип трактовать и так: береги свободу, тогда и сам будешь свободным. Сказать «да» другому, быть братом другого отнюдь не легко. Тем более, если этого не хотят власть имущие. В данном случае необходимы сила духа, мужество. Человек должен их иметь. Как имела их Антигона (Эсхил «Орест»), когда сказала, несмотря на угрозу смерти: не ненавижу друг друга, но вместе жить!

Братство предполагает, что каждый из нас должен услышать вопрос: «Каин, где брат твой?» Чувство вины, ответственности за другого всегда должно быть нам присуще. Многие люди не слышали этот вопрос, во всяком случае не принимали его на свой счет. Это и привело, в конце концов, к газовым камерам, ГУЛАГу и Хиросиме. Конечно, можно сказать: виноваты А. Гитлер, И. В. Сталин, Г. Трумэн. И все же все мы со-винов-ны. Преступления своей страны, своего государства нельзя оправдать преступлениями других стран и государств. Нельзя считать свою совесть незапятнанной, если твои сограждане, если твои со-племенники по роду человеческому совершали преступления. Понятно, что политическую и юридическую вину несут А. Гитлер, И. В. Сталин, Г. Трумэн и их приспешники. Но моральную вину несем все мы.

Разумеется, нужно отвергнуть всякого рода концепции о коллективной вине того или иного народа. В частности, немецкого народа за гитлеровские преступления. Но, с другой стороны, честные немцы не могли, не могут утверждать, что они как нация — невиновны. Ведь преступления совершались от имени немецкого народа и немало немцев в них участвовало. Точно так же и у нас, в России. Если принадлежишь к народу, то пей из кубка его судьбы не только сладкое, но и горькое вино. Вымыть или «умыть» руки в собственной невиновности, подобно Понтию Пилату, невозможно.

Братство будет всегда пустым звуком, если мы не услышим вопрос: «Каин, где брат твой?», если не разделим ответственность за судьбу народа, забудем жертвы, не возложим и на себя

15*

228 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III-тысячелетий

вину за преступления, совершенные другими представителями твоего народа, твоей нации, твоего государства.

Вопрос к самому себе: что я делал, почему молчал, когда в стране творились преступления? Стыд, чувство вины — это уже протест, восстание против бесчеловечности, уже шаг к свободе, равенству и братству. Общество, государство свободы, равенства и братства не возникают внезапно, они создаются постепенно, шаг за шагом. Но они будут создаваться только при условии, если я, мы все думаем, спрашиваем о брате, если никогда никто из нас не ответит: «Я не сторож брату моему!»

Конечно, гражданское общество, демократическое правовое государство — это разделение властей, это парламент, конституция, выборы. И все же это только конструкция здания, но не само здание. Демократия утверждается тогда, когда у власти стоят умные, нравственные люди, которым народ доверяет, которых он уважает. Более того, важно, чтобы в обществе, государстве властвовали не столько люди, пусть и достойные, но прежде всего законы. Далее. Демократия есть, когда люди живут достойно и благополучно.

И главное: демократическое государство — дело живущих в нем людей. Государство отнюдь не надындивидуально. Не государство действует, действуют люди. Величие государства определяется величиной его граждан. Конечно, жизненной, работающей демократии нет без веры в демократию. Но и этого недостаточно; недостаточно только убеждение в ценности демократии (М. Вебер). Необходима еще и этика ответственности. Необходимо мужество участвовать в политике, мужество понимать государство как свое, как наше дело, как *res publica*. Политика — это судьба, в

свое время говорил Наполеон. Тем более она судьба современных людей. Только беря на себя ответственность за государственные дела, поступая как граждане, люди, т. е. все мы, обеспечим движение государства к подлинной демократии, свободе, равенству и братству, только так мы обеспечим утверждение государства как действительно нравственной идеи, нравственного дела. И только в таком государстве сбудется то, что в далекой античности Афина Паллада сказала о своем городе и гражданах:

«Творить одно лишь благо, благоденствуя,
И в граде богоизбранном в почете жить»
{Эсхил. Орестея. М., 1961. С. 179}.

Глава 10

Новое мироустройство: «вечный мир», взаимодействие культур, солидарность народов

Человечество вступило в XXI век с тяжелым грузом глобальных проблем. Вот они: бесконтрольный рост населения, социальные неравенство и несправедливость, голод, бедность, нищета и безработица; наряду с этим: мания роста, переизбыток, роскошь; недостаток природных ресурсов, энергетический кризис; устаревшая система образования, неграмотность; растущее отчуждение людей, преступность, наркомания; тоталитаристские устремления государственной власти, бюрократизм, политическая коррупция, упадок моральных ценностей, деградация окружающей среды, прогрессирующее разрушение растительных и животных видов. И, конечно, ядерная опасность. Все эти проблемы органично взаимосвязаны, и главное — все еще плохо осознаны.

Правда, большинство людей все-таки осознают угрозу термоядерной катастрофы. По крайней мере, после Второй мировой войны ядерного столкновения пока удавалось избежать.

Тем не менее войны продолжают продолжаться. После Второй мировой войны, унесшей 50 млн человеческих жизней, только в период с 1960 по 1987 г. на планете велась 81 достаточно крупная война, в которых было убито 12,5 млн человек: мужчин, женщин и детей. Причем 80% погибших — это гражданское население. Это серьезное предостережение народам!

Суммарная мощность всех бомб и снарядов, использованных в течение шести лет на фронтах Второй мировой войны, составила 4,5 мтг ТНТ. Экспериментальные взрывы отдельных атомных бомб в доли секунды высвобождают колоссальное количество разрушительной энергии до 60 мтг, т. е. в 13 раз больше, чем в ходе Второй мировой войны. А общая мощность ядерных зарядов, накопленных в мире, оценивается в 12—15 тыс. мтг, что примерно в 3000 раз превосходит взрывную силу бомб и снарядов, примененных за всю Вторую мировую войну. Но даже эти впечатляющие цифры указывают лишь на одну из сторон воз-

230 Социальные и духовные ценности на рубеже II и I тысячелетий

действия ядерного оружия; не учитываются такие факторы, как облучение и радиоактивные осадки.

Западногерманский журналист Р. Юнг, написавший книгу «Лучи из пепла», посвященную атомной бомбардировке японских городов Хиросимы и Нагасаки, отмечает, что атомная бомбардировка этих городов не только причинила огромный материальный ущерб и унесла многие тысячи жизней, но и оставила неизгладимый след («келоиды сердца») в психике уцелевших жителей города. «Тот день, день 6 августа, — цитирует он слова юноши, пережившего катастрофу, — искромсал не только мясо и кости, но и сердца и души людей».

Хиросима, продолжает Р. Юнг, это не просто трагедия города, разрушенного в конце Второй мировой войны. В крови, тканях и зародышевых клетках оставшихся в живых людей «навечно выжжен знак "того дня"». «Они стали первыми жертвами совершенно новой войны, войны, не прекращающейся в день подписания перемирия или заключения мирного договора, «войны без конца», войны, втягивающей в свою

разрушительную орбиту не только настоящее, но и будущее». Земля в результате такой войны, «может, и не превратится в совершенно безлюдную пустыню, но она станет гигантским госпиталем, миром больных и калек. Целые десятилетия, а то и столетия после последнего ядерного взрыва люди, пережившие ядерную катастрофу, будут погибать от болезней, причины которых они и их потомки уже, возможно, забудут».

Р. Юнг призывает каждого человека отнестись к борьбе против атомной угрозы «очень серьезно»: «Что сделали мы, люди, пережившие вторую мировую войну, для того чтобы оправдать свое спасение? Долгие годы я, так же как и многие другие мои современники, совершенно бездумно воспринимал этот факт; мне казалось само собой разумеющимся, что меня пощадила судьба. В Хиросиме я познакомился с жертвами атомной бомбы. И тут я начал понимать, какое новое несчастье надвигается на человечество. С этих пор я знаю, что мы должны приложить все силы, для того чтобы спасение наших детей не было такой же чистой случайностью, как наше собственное спасение.

Пусть каждый найдет свой путь для борьбы за сохранение жизни на земле. И пусть он относится к этому очень серьезно».

Р. Арон отмечает, что появление ядерного оружия принципиально снижает национальную безопасность государств. Тер-

i

Глава 10. Новое мироустройство

231

моядерная бомба дает возможность ее обладателю уничтожить своего противника, даже не обезоруживая его. «Оружие массового уничтожения коренным образом меняет традиционные взгляды на оборону. Каковы бы ни были размеры территории, какие бы принципы ни лежали в основе политического сообщества, термоядерная бомба, взорванная над большим городом, может привести к гибели двух-трех миллионов человек». Да, сегодня не трудно представить, какими последствиями грозит человечеству использование современного ядерного оружия: в нынешних условиях его применение равносильно коллективному самоубийству. Во всяком случае накопленных ядерных арсеналов достаточно, чтобы убить 58—60 млрд человек, в 10 раз больше, чем общее число жителей земли.

Действительность решительно опровергает всякие варианты доктрины «сдерживания», в соответствии с которой подготовка к войне, гонка вооружений способствует техническому прогрессу, ведет к предотвращению войн, в конечном счете к исключению их из жизни общества. Лозунг «если хочешь мира, готовься к войне» в современных условиях — безнравственный, лицемерный, ханжеский, варварский.

В свое время А. Нобель глубоко ошибся, предположив, будто гонка вооружений, опасность истребительной войны, грозящей уничтожением обеим сторонам, открывает путь к «вечному миру». В частности, он заявлял: «Мне бы хотелось изобрести боеприпасы или оружие, обладающие столь чудовищной уничтожающей силой, что в результате война навсегда стала бы невыносимой. В тот день, когда два армейских корпуса окажутся в состоянии уничтожить друг друга в считанные минуты, все цивилизованные нации, ужаснувшись, проклянут войну и распустят свои армии». Напротив, изобретенная А. Нобелем взрывчатка стимулировала наращивание вооружений: она скорее форсировала подготовку к войне.

Начавшийся вскоре грохот канонады Первой мировой войны подтвердил это. Некоторые политики и военные деятели до сих пор полагают, будто именно наличие ядерного оружия помогло сохранить мир после Второй мировой войны. Логика в данном случае парадоксальная: раз после появления ядерного оружия не было мировой войны, значит, именно это оружие и предотвратило ее. На самом же деле истина заключается в том,

что удалось избежать войны вопреки гонке вооружений, вопреки наличию ядерного оружия.

Что касается утверждений о мнимом стимулировании гонкой вооружений прогресса материальной культуры, производительных сил и т. п., то и здесь наш ответ также однозначен: культура и война, цивилизация и война — явления несовместимые. Материальные и культурные ценности создаются на базе долговременного опыта, передаются из прошлого в настоящее, от поколения к поколению. Условием развития культуры является непрерывность передачи всего предшествующего опыта. Война разрушает ценности материальной и духовной культуры.

В 1946 г. А. Эйнштейн, движимый заботой о судьбах человечества, с тревогой писал: «Чтобы человечество могло выжить и достичь более высокого развития, необходим новый образ мышления. Сегодня атомная бомба вызвала глубокие изменения в характере того мира, в котором мы живем, и человечество, следовательно, оказалось в новых условиях, к которым оно должно приспособить свое мышление... Никогда прежде страна не могла начать войну против другой страны, не посылая своих армий через границу. Теперь ни один населенный пункт на земном шаре не гарантирован от внезапного уничтожения в результате единственного удара... Нас не могут защитить ни вооружения, ни наука, ни укрытия под землей. Правопорядок — вот наша защита. Отныне о внешней политике любой страны следует судить с одной точки зрения: ведет ли эта политика к созданию мира, где будет господствовать правопорядок, или она тянет нас назад к анархии и смерти. Я не думаю, что мы одновременно могли бы готовиться к войне и к созданию мирового сообщества. Когда человечество располагает оружием, с помощью которого оно может совершить самоубийство, тогда, по моему убеждению, увеличивать мощь этого оружия — значит сделать катастрофу более вероятной» (*Полине Л. Не бывать войне!* М., 1960. С. 20, 21).

Спустя десятилетие Б. Рассел и другие нобелевские лауреаты вновь заявили: «Перед лицом того факта, что в любой будущей войне, вне всякого сомнения, будет использовано ядерное оружие, которое поставит под угрозу само существование человечества, мы просим все правительства мира признать и открыто подтвердить, что их целей нельзя достичь с помощью мировой войны. Мы настоятельно призываем к урегулированию всех

Глава 10. Новое мироустройство

233

разногласий мирным путем. Поскольку нас всех подстерегает одинаковая опасность, есть надежда на объединение усилий по ее устранению. Мы обязаны направить наше мышление по новому руслу. Поэтому вопрос станет так: какие шаги мы можем предпринять, чтобы избежать военного столкновения, катастрофического для всех участников?»

В век гарантированного взаимного уничтожения безопасности можно достичь не в противовес противнику, а лишь вместе с ним. Поэтому независимо от расово-национальных различий, различий в религиях, идеологиях, независимо от наличия военных союзов все должны стать партнерами по созданию системы совместной безопасности.

Во всяком случае сегодня внешнюю политику уже нельзя рассматривать в духе борьбы добра и зла. Подобный подход может легко превратить локальные, ограниченные конфликты в глобальные, неограниченные. Очевидно, что он исключает идею достижения взаимного примирения и соглашения.

Нужно осознать, что на нынешнем поколении лежит неизмеримо большая ответственность, нежели на людях прошлых веков, за то, чтобы сохранить жизнь на нашей планете.

Выше уже подчеркивалось, сколь велика роль общественности в гражданском обществе. Общественность прежде всего формирует новые идеи и в международной политике. Политикам, тем более военным трудно принимать и осваивать новые ценности.

От предрассудков и рутины им избавиться гораздо труднее, нежели, в частности, ученым. Именно ученые, деятели культуры, вырабатывая новые подходы, формируют общественное мнение, которое, в свою очередь, служит опорой политическим деятелям в поисках ими путей и средств решения международных проблем.

Д. Бонхёффер сформулировал этику своего поведения в виде следующей максимы: воспринимать действительность без предвзятости, прислушиваться к мнению инакомыслящих, до конца предусматривать все возможные последствия своих действий, действовать только с учетом всех обстоятельств, а не исходя лишь из «принципов». Подобные критерии в полной мере могут быть и должны быть применены при выработке всеобщей концепции безопасности.

Соперничество, гонка вооружений, отказ от компромиссов и взаимных уступок не только не приведут к «вечному миру», а,

234 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий
напротив, приведут к ядерной катастрофе, в результате которой земля наверняка превратится в гигантское кладбище всего рода человеческого.
— *

Важной задачей выживания является сегодня решение проблем развивающихся стран. Существует гигантский разрыв между развитыми капиталистическими державами и освободившимися от колониального гнета развивающимися государствами.

Человечество вступило в XXI век, в III тысячелетие! И до сих пор в развивающихся странах миллионы людей не имеют никакого жилья; не обеспечены продовольствием; страдают от голода, не имеют доступа к чистой питьевой воде, к медицинскому обслуживанию; не могут читать и писать, В этих странах миллионы детей ежегодно рождаются недоразвитыми из-за недостаточного питания матерей; миллионы детей ежегодно умирают от болезней, вызванных голодом.

В целом более трех четвертей населения земного шара, проживающего в развивающихся странах, располагают лишь 16% мирового богатства. Средний годовой доход в наименее развитых странах, в которых сегодня проживает около 650 млн человек, составляет в расчете на душу населения 300 долл., тогда как в промышленно развитых странах — около 22 тыс. долл. Трагичность положения бедных стран усугубляется также оттого, что из этих стран в богатые постоянно идет «утечка мозгов» и капиталов. В США специалисты и техники, переселившиеся из развивающихся стран, составляют костяк педагогических кадров. Более половины преподавателей моложе 35 лет в технических вузах США также являются иностранцами. Что касается утечки капиталов, то, по оценкам отдела исследований конгресса США, развивающиеся страны в последние годы теряли до 20 тыс. долл. в расчете на одного эмигрирующего специалиста.

В мире каждую секунду от голода или инфекционных заболеваний умирает один ребенок и двое взрослых! И это в то время, когда на вооружение ежегодно затрачивается свыше 1 трлн долл., на каждые 40 жителей нашей планеты приходится один солдат и только один врач на почти 4 тыс. жителей.

Средств, расходуемых сегодня на вооружение только за один год, хватило бы, например, на строительство 100 млн квартир, т. е. для обеспечения жильем по крайней мере 500 млн человек,

Глава 10. Новое мироустройство

235

или на строительство около 1 млн школ, где могли бы обучаться 650 млн человек. Чтобы в течение нескольких лет в основном покончить с голодом, было бы достаточно переключить на эти цели 8—10% современных расходов на вооружение.

Несправедливость и неравенство, характеризующие отношение между развитыми и развивающимися странами, просто чудовищны. Группа наиболее развитых стран Западной Европы, США, Канада, транснациональные корпорации по сути грабят природные ресурсы этих стран, стремятся превратить развивающиеся страны в свой сырьевой придаток.

Все это делает положение развивающихся стран невыносимым. Б. Рассел был несомненно прав, когда писал, что человечество объединилось во зло, но не сумело пока добиться этого во имя добра. Историческая справедливость требует прекратить грабеж природных и людских ресурсов развивающихся стран. Народам, правителям развитых стран надо понять, что они смогут нормально жить и процветать, если народы освободившихся стран станут самостоятельными и смогут жить в нормальных человеческих условиях.

Мир и международная безопасность, устранение неравенства и несправедливости в отношениях между народами, другие глобальные проблемы — проблемы общие, требующие, следовательно, общих забот и общей ответственности.

Естественно, чтобы осознать эту общность, необходимо новое качество нашего сознания, не имевшее места в прежние времена. Наши предки, которые эволюционировали в современный человеческий род, в течение многих миллионов лет имели совершенно иные, отличные от наших условия для жизни. Они постепенно адаптировались к окружающей среде, которая в свою очередь изменялась очень медленно, что как раз и делало возможной саму адаптацию. Затем изменения окружающей среды стали происходить все быстрее и быстрее. И самое поразительное то, что, несмотря на все ускоряющиеся темпы социальной эволюции, мозг человека в основном оставался без изменений на протяжении многих тысяч лет.

Таким образом, история человечества не подготовила нас заранее к тому, чтобы в эпоху мощного технического прогресса мы могли справиться со средой, которую такими быстрыми темпами создали для самих себя, писал, в частности, А. Тойнби.

236 Социальные и духовные ценности на рубеже II и IН-тысячелетий

Действительно, в современном, быстро меняющемся мире людей с разрывом в возрасте 10—12 лет уже можно считать принадлежащими фактически к разным поколениям, настолько в несходных условиях они формируются. Если прежде физическая смена поколений (четыре раза в столетие) совпадала с темпом жизненных перемен, то теперь скорость перемен в мире обогнала скорость приспособления к ним людей. Все это порождает у людей чувство неуверенности в будущем; между ними появляется больше непонимания, отчужденности; создается атмосфера напряженности, конфликтности и т. п.

Однако если мы хотим выжить, идти вперед, изменяться необходимо. Новое сознание должно возникнуть сегодня, сейчас, а не спустя десятилетия. Нам необходимо понять, что человек есть родовое существо, что, следовательно, в борьбе за выживание человечества собственные специфические интересы стран, народов, классов, слоев и групп, отдельных людей фактически совпадают.

История показывает, что в критических условиях люди были способны изменяться; они изменяли свой образ мышления и способ действий.

Итальянский писатель А. Моравиа, заявляя, что человек может запретить войну, привел в этой связи такой исторический пример. На заре своего существования человек прибегал к кровосмешению. Став разумнее, предки поняли, что кровосмешение препятствует созданию цивилизованного общества. Возникают различные и экономические, и физиологические болезненные последствия: трудности в передаче племенной, семейной собственности, вымирание рода и т. д. Поэтому человек объявил кровосмешение противоестественным и подверг запрету, т. е. на языке первобытных людей «наложил табу». Сейчас мы должны сделать то же самое с войной: «объявить ее противоестественной», подчеркивает А. Моравиа.

Предпосылки такого понимания, такой оценки войны в обществе уже имеются. Во всяком случае сегодня никто из политиков не проповедует войны, не оправдывает войны.

В 1945 г., в конце Второй мировой войны, опустошившей столько стран, унесшей миллионы жизней и уничтожившей неисчислимые материальные ресурсы и ценности, выдающиеся мыслители со всей ответственностью заявили: война — это преступление. Государство — преступно, оно совершает престу-

пление против человечества, когда с помощью военной силы хочет изменить людей, подчинить себе все человечество, решать, какие народы могут жить, а какие подлежат уничтожению. Армия — преступна, совершая преступления против человечности, расстреливая военнопленных, убивая мирных жителей, подвергая бомбардировкам города (Дрезден, Хиросима и Нагасаки). И здесь нельзя считать извиняющим то обстоятельство, что кто-то действовал по заданию, приказу государства (К. Ясперс).

Созданная после Второй мировой войны Организация Объединенных Наций явилась результатом именно зарождения идеи установления таких международных отношений, которые исключали бы войну, т. е. строились на основе терпимости, взаимопонимания и сотрудничества. И действительно: важный итог деятельности ООН заключается в том, что великие державы все-таки сумели избежать острой конфронтации, военного столкновения, в конечном счете, уберечь человечество от катастрофы, в которой человеческий род мог бы погибнуть.

Конечно, опасность военной катастрофы еще не исчезла. Тем более, что США, став единственной супердержавой, стремятся с помощью силы перестроить мировой порядок, подчинив его своим интересам.

Беспокойство, тревогу сегодня вызывают еще и следующие обстоятельства. Да, многие ученые, политики, простые люди понимают, что война в принципе аморальна. Но наряду с этим много, слишком много людей равнодушно взирают, слушают и говорят о жертвах и крови, о разрушениях и убитых мужчинах, женщинах и детях и не поднимают свой голос против военных преступников и палачей. Страшно то, что люди привыкли к убийствам, преступлениям, к жертвам, несчастью, боли других. Бессовестные власть имущие нас приучают к равнодушию. Бомбят Югославию, Ирак, Афганистан, но тут же подконтрольные власти СМИ показывают футбол, приглашают принять участие в других развлечениях.

Безнравственность проявляется также и в том, что население развитых, богатых стран, имея в своем распоряжении три четверти мировых богатств, сосредоточив в своих руках 90% научного и технологического потенциала планеты, в сущности равнодушно взирает на нищету, безграмотность, бескультурье в отставших в своем развитии странах.

238 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Да, нищета, невежество, бескультурье в развивающихся странах ужасающи. Но невежество, бескультурье богатых людей в богатых странах также поражают. В конце концов именно богатые являются источником социального паралича, препятствуют прогрессу. Позором для богатых, для развитых стран является тот факт, что в развивающихся странах миллионы людей умирают от голода, недоедания, страдают от различных болезней.

В богатых странах сегодня много говорят и пишут о необходимости устойчивого развития. Устойчивое, предохраняющее, в конечном счете безопасное развитие — задача действительно важнейшая. Без ее разрешения человечество не выживет.

В 1994 г. ООН предложила для XXI столетия такое понимание безопасности: «Безопасность человека:

- это не просто безопасность страны, это безопасность народа;
- это не просто безопасность, достигнутая в результате обладания оружием, это безопасность, достигнутая в результате развития;
- это не просто безопасность государств, это безопасность каждого человека в своем деле и на своем рабочем месте;
- это не просто защита от конфликтов между государствами, это защита от конфликтов между народами.

Безопасность человека — это когда ребенок не умирает, болезнь не распространяется, этнические распри не выходят из-под контроля, женщину не насилюют,

бедняк не голодает, диссидента не заставляют молчать, человеческий дух не подавляют». Но все дело в том, что богатые хотят жить как прежде, т. е. по-прежнему эгоистично использовать природные богатства, являющиеся общим достоянием народов, сохранять громадный дисбаланс в распределении между государствами материальных благ и научно-технического потенциала планеты в свою пользу.

Не знаю, прав ли я, соглашаясь со словами В. Ратенау, прав ли В. Ратенау, который однажды сказал: «Народ, как и отдельная личность, достигает самосознания не иначе, как погрузившись в страдания... От того, что Америка не согласилась ни на одно страдание, у нее до сих пор нет души». Меня поражает, что французы и немцы, голландцы, бельгийцы и другие народы, так много страдавшие, сегодня также утрачивают душу,

Глава 10. Новое мироустройство

239

особенно немцы, которые, пожалуй, больше всех впадали в бездну греха, неся страдания другим народам.

Население стран, принадлежащих к «золотому миллиарду», прежде всего должно понять, что путь, которым оно идет, угрожает и ему самому.

Движение к мировой, общечеловеческой цивилизации требует утверждения подлинно равноправных, уважительных отношений между всеми государствами, нациями, национальностями и народами. В отношениях между ними должны утверждаться нравственные принципы, подобные тем, которым следуют отдельные индивидуумы в отношениях друг с другом (К. Маркс).

Да, Запад пока еще занимает в мире господствующее экономическое и политическое положение.

Однако «в великих битвах часто побеждали побежденные. Те, кого побеждали к концу боя, торжествовали к концу дела. Крестовые походы завершились поражением христиан; но в упадок пришли не христиане, а сарацины. Потеряв Иерусалим, крестоносцы спасли Париж. Французская революция погибла, короли вернулись...

Революция проиграла последнюю битву, но выиграла то, ради чего началась. Мир больше не был прежним» (Г. Честертон). Можно продолжить: дело Октябрьской революции в России сегодня потерпело поражение. Социализм отступил. Но мир радикально изменился. Капитализм, Запад уже не те, Восток уже не прежний, бывшие колонии стали независимыми, самостоятельными государствами.

В сущности противопоставление Запада и Востока вообще неправомерно. Различия между ними, причем весьма существенные, конечно же, имелись и еще имеются. В силу специфических условий своего развития народы античных Греции и Рима сосредоточили свое внимание на познании природы, раскрытии ее законов. Господство над природой обусловило затем и политическое господство европейцев над миром. Но сегодня это уже прошлое. Народы Азии, Африки и Латинской Америки восстали против архаичных форм жизни, против экономического, политического и духовного подавления. Их борьба доказывает, что отнюдь нет народов, которые обречены находиться в арьергарде человечества. Человечество едино, имеет общие истоки и общую цель. Выдающиеся мыслители современности

240 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

решительно выступают против какого-либо противопоставления передового Запада и отсталого Востока. К. Ясперс, обосновывая идею единства человеческого рода, утверждает, что ключевым понятием, выражающим общность исторического пути человечества, является «осевое время», время примерно между 800 и 200 г. до н. э. Именно в этот промежуток времени параллельно в Китае, Индии, Персии, Палестине и Древней Греции возникли духовные движения, сформировавшие, согласно К. Ясперсу, тот тип человека, который существует и поныне.

В это время, по мнению К. Ясперса, рождаются мировые религии, на смену мифологическому сознанию приходит философия, человек обретает способность отчетливо, рационально мыслить.

Он осознает самого себя, хрупкость бытия и его границы, собственное бессилие перед «последними вопросами бытия»: перед смертью, конечностью своего существования.

Это пробуждение духа и является, подчеркивает К. Ясперс, началом общей истории человечества.

До этого история человечества состояла из разделенных, локальных культур (здесь К. Ясперс согласен с концепциями локальных цивилизаций (культур), разрабатываемых О. Шпенглером и А. Тойнби).

Культуры эти — шумеро-вавилонская, египетская, харапп-ская, древнекитайская и эгейская. Являясь грандиозными творениями человечества, они в то же время прелюдия великой эпохи «осевого времени», эпохи подлинного духовного рождения общечеловеческой истории. Тем, что было «создано и продуманно в то время, человечество живет вплоть до сего дня», отмечает философ.

К концу «осевого времени» (конец III в. до н. э.) духовное начало начинает угасать, продолжает К. Ясперс. Снова создаются империи (Ханьская, Римская). Передышка, отданная свободе, заканчивается. Общество застывает. Но воспоминание о духе «осевого времени» сохраняется. Этот дух становится образцом и объектом почитания (конфуцианство в Китае, буддизм в Индии, эллинистическая образованность в Риме).

В XVI в. на Западе начинается новая фаза исторического развития, длящаяся до XIX в. Это, по мнению К. Ясперса, эпоха становления современной науки и техники, на протяжении которой кардинально возрастают возможности человека, закла-

Глава 10. Новое мироустройство

241

дываются основы новой западной культуры (К. Ясперс называет это время «второй осью» истории человечества).

В XIX—XX вв. наступает третья фаза истории человечества — собственно мировая история, универсальная мировая история человечества, являющаяся «предвосхищением грядущих | возможностей» человечества. Ее основа — «философская вера», питаемая «из таинственного трансцендентного источника»; именно она обеспечит всеобщую духовную связь человечества. Таковы заключения выдающегося мыслителя современности.

Подобные выводы защищает и другой замечательный мыслитель Х. Ортега-и-Гассет. Он решительно утверждает: «Нет Запада и Востока».

Древнекитайская историческая традиция гораздо ближе к европейской, чем к индийскому полному неисторизму. Арабы были классическими европейскими мыслителями XVI—XVII вв., а писали они в VIII, IX и X вв. Почему Европа вырвалась вперед? Потому что Китай во времена династии Мин (XVII в.) сделал ставку на самоизоляцию, в то время как Европа за счет золота Америки резко вырвалась вперед. И тем не менее, считает Х. Ортега-и-Гассет, к истории неприменимы категории ускорения, отставания и т. п. Это порождает манию соревнования, иллюзию, что что-то можно сделать гораздо быстрее. Бесспорно, сегодня процесс единства человечества нарастает.

В сущности, несмотря на то, что в мире в наше время -существует более чем 200 наций и государств, человечество едино. Едино в своем многообразии. О. Шпенглер в начале XX в. писал: «Я вижу на месте монотонной картины однолинейной мировой истории... феномен множества мощных культур... каждая из которых придает своему материалу, человеческой природе, свою собственную форму, каждая из которых обладает своей собственной идеей, своими собственными страстями, своей собственной жизнью, волей, манерой воспринимать вещи, своей собственной смертью». Если не гиперболизировать это утверждение, то с ним вполне можно согласиться. Ибо, конечно же, каждой нации, народу, каждой культуре присущи свои особенности, свой национальный характер, своя индивидуальность.

И тем не менее национальную специфику нельзя преувеличивать. «Не существует

только каких-то единственных в своем роде особенностей, свойственных только данному народу, толь-

16-6325

242 Социальные и духовные ценности на рубеже II и 144-тысячелетий

ко данной нации, только данной стране. Все дело в некоторой их совокупности и в кристаллически неповторимом строении этих национальных и общенародных черт», -ли^л Д. С. Лихачев в своей книге «Заметки о русском». Развитие техники, рынка, массовой коммуникации, транспорта, массовой культуры неизбежно ведет к унификации жизни людей, сближению наций и народов.

Несмотря на стенания националистов, Европа, например, идет к Соединенным Штатам Европы, от Европы «отечеств», к «Отечеству Европа», к «Отечеству европейских регионов». В настоящее время сняты по сути все финансовые, пограничные преграды для объединения Европы.

И поскольку этот процесс не имеет ничего общего с насильственной ассимиляцией, поскольку в качестве образца народам Европы не навязывается образ какой-либо одной страны, то это в конечном счете явление величайшего исторического прогресса.

Но достаточно ли глубоки эти тенденции? Распространяется ли их действие за рамки Западной Европы? Служат ли они реальному сближению народов мира, укреплению их солидарности?

Эти вопросы со всей остротой встают в связи с концепцией так называемой глобализации, которая была сформулирована в конце 80-х гг. XX в. и, конечно же, отражает реальные процессы современного исторического развития. Приверженцы этой концепции обещают, что будущий мир будет миром, в котором будут преодолены отсталость, зависимость, решены проблемы модернизации, безопасности, достигнут высокий уровень жизни и т. д. Так, Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан утверждает: «Глобализация создает благоприятные условия для экономических субъектов и видов деятельности по всему миру и новые каналы связи между ними. Глобализация стала возможной благодаря постепенной ликвидации барьеров, препятствующих торговле и движению капитала, а также благодаря основополагающим техническим достижениям и неуклонному снижению стоимости транспорта, связи и компьютеров. Ее (глобализации) объединительная логика кажется неумолимой, а ее движущая сила непреодолимой. Выводы глобализации ясно видны: более быстрый экономический рост, более высокий уровень жизни, *ускоренное* внедрение и распространение тех-

Глава 10. Новое мироустройство

243

нических новшеств и навыков управления, новые экономические возможности как для отдельных лиц, так и для стран» (*Аннам К. Мы — народы. М., 2000*).

Так ли радужно выглядит действительная картина глобализации? Мой ответ: далеко, далеко не так.

Прежде чем это доказать, внесу большую ясность в терминологию. Термин «глобализация» нередко используется либо как синоним интернационализации хозяйственной жизни и вращивания национальных экономик в мирохозяйственную систему, либо как эквивалент либерализации международной торговли и инвестирования, либо даже как иное выражение интегрирования национальных хозяйств.

Действительно, интернационализация хозяйственного, политического, культурного и других аспектов жизни общественных организмов — наиболее общее понятие, характеризующее нарастающее взаимодействие между такими организмами (странами).

Глобализация — это пространственная характеристика интернационализации хозяйственной жизни на современном этапе (т. е. со второй половины XX в.), когда она приобрела всемирный характер.

Интеграция же — наивысшая на сегодня ступень интернационализации хозяйственной жизни, когда нарастающая взаимосвязь и взаимозависимость стран

переходит в *сращивание* национальных рынков товаров, услуг, капиталов и рабочей силы и формирование целостного полигосударственного социально-экономического организма с единой валютно-финансовой системой, единой в основном правовой системой и теснейшей координацией внутри- и внешнеэкономической политики государств. Разумеется, такой уровень достижим пока лишь в наиболее развитых регионах мира и, следовательно, ограничен региональными рамками.

Итак, глобализация — это стадия предельно возможного развития интернационализации вширь, интеграция же — наивысшая ступень развития ее вглубь.

Глобализация как интернационализация, как нарастающее взаимодействие стран и народов, конечно же, началась не сегодня и даже не вчера. Великие географические открытия, промышленная революция, научно-технический прогресс, корен-

16*

244 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

ные перевороты в средствах транспорта и связи — все это явления глобализации.

Вместе с тем, бесспорно, сегодня глобализация приобрела принципиально новые качества. На долю транснациональных корпораций приходится сегодня свыше трети всех производственных фондов частного сектора в мире. Транснациональные корпорации (ТНК) осуществляют примерно половину внешнеторгового оборота развитых капиталистических стран и 60% стоимости их товарного экспорта. На долю ТНК приходится 80% торговли высокими технологиями.

Экономическая взаимозависимость стран, углубление разделения труда, бесспорно, обеспечивают рост производительности труда, удешевление продукции и потенциально повышение жизненного уровня людей.

Наряду с этим революция в средствах коммуникации и информатики способствует преодолению национальных барьеров, распространению образования и знаний, интенсивному межнациональному обмену культурными ценностями.

Это — объективно позитивные тенденции процесса глобализации. Однако надо иметь в виду, что этот процесс содержит в себе и весьма негативные стороны. Наличие, противостояние центра и периферии не только сохраняется, но и углубляется. Глобализация идет в первую очередь на пользу центру. Страны «золотого миллиарда», имея в своем распоряжении высокие технологии производства, услуг и информации, еще больше закрепляют подчиненное положение периферии.

Транснациональная экономическая и финансовая активность сосредоточена прежде всего в руках элиты «золотого миллиарда». Она обеспечивает странам периферии (конечно, избирательно) определенные инвестиции, но и делает их еще более зависимыми. В целом задолженность стран «третьего мира» составляет 2,5 трлн долл., возратить этот долг они совершенно не в состоянии. В то же время, как отмечалось выше, ежегодно тратится 1 трлн долл. на все более смертоносное вооружение.

Глобализация приоткрывает шлюзы для эмиграции наиболее энергичных, активных, подготовленных людей из развивающихся стран в развитые. Этот процесс, ослабляя страны периферии, одновременно в развитых странах вызывает раздражение по отношению к иммиграции.

Глава 10. Новое мироустройство

245

Созданные после Второй мировой войны международные институты (ООН, ЮНЕСКО и др.), хотя и являются важными факторами культурного сотрудничества, а также предотвращения международных конфликтов, все-таки в конечном счете используются в интересах Запада. К тому же такие западные страны, как США и Великобритания, зачастую не считаются с ООН (последний пример: агрессия этих стран против Ирака).

Кроме того, учитывая, что глобализация имеет под собой объективный фундамент, следует иметь в виду также и то, что это и определенная идеология, призванная оправдать стремление Запада (прежде всего США) сформировать однополюсный мир в качестве

единственно возможного «справедливого» мира. Концепция глобализации служит в сущности прикрытием экспансионистских устремлений Запада, которые после распада СССР стали более агрессивными. Во всяком случае, отмечает американский ученый Н. Хомский: США ни разу не вмешивались в дела других стран, руководствуясь высокими моральными целями. Под флагом глобального будущего миру навязывается прекрасное будущее только для США, для стран «золотого миллиарда».

С моей точки зрения, политика глобализма противоречит устойчивому развитию мира. Фундамент устойчивости — баланс интересов народов, наций, государств. Глобализм же — стремление использовать ресурсы подавляющего большинства стран в узкоэкономических интересах меньшинства. Глобализм по сути отрицает суверенитет национальных государств; так, американский исследователь Р. О'Брайен считает, что в условиях глобализации «нация становится неуместной... Чем ближе мы подходим к глобальному интегральному целому, тем ближе мы к концу географии» (*O'Brien R. Global Financial Integration. The End of Geography. L., 1992. P. 5*).

Разумеется, глобализация, глобализм угрожают демократии, социализму, государству, приводят к свертыванию социальных программ, безработице. Национальное правительство, действительно, уже не может контролировать многие процессы, протекающие в сфере экономики и науки. Решения, касающиеся жизни и труда людей, принимаются руководителями ТНК авторитарно, без соблюдения демократических процедур, зачастую без согласования и вопреки воле политических руководителей той или иной страны. Как считает У. Бек, в результате

246 Социальные и духовные ценности на рубеже II и 144-тысячелетий

такой практики распадается союз между рыночной экономикой, социальным государством и демократией. Глобализация, «если иметь в виду социальное государство, демократию и общество, ведет к смерти» (*Бек У. Что такое глобализация? М., 2001*).

Да, бесспорно, глобалисты хотели бы утвердить власть неких международных финансово-экономических групп, за спиной которых скрываются, как уже отмечалось, прежде всего властвующие финансово-экономические структуры США и развитых стран Запада.

Процессы глобализации набрасывают некий покров на реальность, подменяют действительность искусственной, виртуальной реальностью. Решения, принимаемые финансово-административными органами, вуалируют действия конкретных людей. Да и сами эти люди зачастую не могут представить себе последствия принимаемых ими решений, так как оценивают их результаты в абстрактных терминах. Фетишизация деятельности, жизни людей в целом принимает более грозные черты, чем это происходило во времена К. Маркса. Фетиш сегодня дематериализуется. Во всяком случае деньги с их переходом к электронной форме утрачивают свойства материальности. В результате финансовая система страны внешне, виртуально может быть здоровой, даже если в ней миллионы людей голодают. В современных условиях в процессе валютных операций (акции, другие ценные бумаги) триллионы долларов ежедневно переходят из рук в руки, обеспечивая спекулятивный доход, превышающий размер прибавочной стоимости.

Современная Россия — во многом жертва подобной глобализации. Пришедшие к власти в конце 1980-х гг. политики сделали ставку на вестернизацию, американизацию России, безоговорочно приняли западные рецепты.

В результате сегодня российский ВВП составляет лишь половину того, что страна имела в конце 1980-х гг. Производительность мелкого бизнеса, на который уповали российские реформаторы, крайне низка. Реальная зарплата в РФ составляет сегодня менее половины уровня 1991 г. и продолжает падать. Почти половина граждан России живет за официальной чертой бедности. Продолжительность жизни упала. У мужчин она ниже 60 лет. Смертность в два раза превышает рождаемость.

Глава 10. Новое мироустройство

247

Вместе с тем Россия — богатая страна. У нас огромные ресурсы. По данным

РАН, общая стоимость совокупного нацио-

■ нального богатства РФ (недра, леса, промышленность, инфраструктура и т. д.) равна 320—400 трлн долл. США. Но только 115—20% этого богатства вовлечено в процесс производства.

И в то же время богатства России разворовываются. В нача-Кле 1990-х гг. принадлежавшие государству активы стоимостью I примерно 200 млрд долл. были переданы связанным с властью I лицам всего за 7 млрд долл.

Беспрецедентные размеры приобрела коррупция. По дан-

■ ным МВД РФ, свыше 9 млн российских граждан втянуты в

■ сферу теневого бизнеса. Из России в последние годы вывезе-I но свыше 450 млрд долл. так называемых грязных денег и ле-Е гализовано через иностранные банки, фирмы и компании. I Ежегодное бегство капитала, составляющее 24—25 млрд долл., I превышает все зарубежные инвестиции и кредиты, вместе взя-Iтые. Потери страны из-за «утечки мозгов» также огромны — I 50 млрд долл. в год.

Сегодня внешний долг России составляет 168 млрд долл., I что в 8 раз превышает ее годовой бюджет. Для обслуживания

■ этого долга требуется от 15 до 16 млрд долл. в год.

По сути можно с полным правом сказать, реформаторы-гло-I балисты растранижирили, растащили, разворовали те блага, ко-| торые наш народ тяжким, напряженным трудом создал в пред-I шествующий период истории. Россия теряет статус современ-[ной страны; в сущности она демодернизируется.

В этой связи А. И. Солженицын абсолютно прав: «В резуль-

■ тате ельцинской эпохи разгромлены или разворованы все ос-I новные направления нашей государственной, народно-хозяйст-

■ венной, культурной и нравственной жизни. Мы буквально жи-I вем среди руин, но притворяемся, что у нас нормальная I жизнь... Мы слышали, что у нас проводятся великие реформы. I Это были лжереформы, потому что они оставили в нищете I больше половины населения страны... Продолжим реформы. \ Как это понять? Продолжим разграбление России до конца?.. I Не дай Бог те реформы продолжать до конца».

Оценивая опыт 1990-х гг., президент РФ В. В. Путин отме-I чает, что этот опыт убедительно показывает, что по-настояще-I му успешное возрождение нашей Родины не может быть дос-

248 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

тигнуто без чрезмерных издержек простым переносом заимствованных из иностранных учебников абстрактных моделей и схем на российскую почву... Россия не скоро станет, если вообще когда-нибудь станет, вторым изданием, скажем, Соединенных Штатов или Англии.

У России свой путь. Россия должна идти вперед, опираясь на свою тысячелетнюю историю, на свои традиции, свой опыт, на менталитет своего народа. В мировой симфонии она должна играть свою партию.

Она не должна игнорировать опыт других стран, объективные тенденции мирового развития, в том числе и тенденцию к глобализации, интеграции национальных экономик. Но в любом случае она должна отвергнуть глобализацию как вестерниза-цию, американизацию. Как говорил русский историк В. О. Ключевский, можно и должно заимствовать чужой способ вязания чулок, но стыдно заимствовать чужой образ жизни.

Выдающийся кубинский революционер, мыслитель, поэт Х. Марти в том же духе говорил: «Удобрение можно принести из других мест, но культивирование должно соответствовать почве. Пусть будут у нас подвои, привитые со всего мира, но ствол дерева должен быть нашим».

С. Коэн, известный американский историк, считает крупнейшей из всех ошибок США «представление, что у Америки есть право, достаточная мудрость и власть для того, чтобы переделать огромную страну (Россию), чья история на много столетий древнее

американской».

1990-е гг., продолжает американский исследователь, дали предостаточно доказательств, что подобный подход был обречен с самого начала и в конце концов привел к опасным и контрпродуктивным результатам.

В подтверждение своих выводов С. Коэн приводит слова другого видного американского историка и дипломата Дж. Ф. Кен-нана, который еще в 1951 г. предостерегал американскую политическую элиту: «Давайте не будем судорожно искать решение за тех людей, которые придут позднее, не будем попутно вытаскивать лакмусовую бумажку, решая, соответствует ли их политическая физиономия нашим представлениям о «демократии». Давайте дадим им время, дадим им быть русскими, дадим возможность решить их внутренние проблемы по их собственному усмотрению и выбору... То, как та или иная страна устанавлива-

Глава 10. Новое мироустройство

249

■ст у себя достойное и просвещенное правление, относится к са-И мым глубоким и интимным процессам народной жизни. Нет ни-■ч'егр более трудного для иностранца, чем понять это, и ни в ка-

■ кой другой области иностранное вмешательство не принесло бы

■ меньше пользы, чем здесь».

История свидетельствует: нет единого, универсального для ■ всех пути прогресса. Во всяком случае глобализация не гло-■ бальна. Тезис глобалистов о замене национальных экономик ■ транснациональными организациями преждевремен. Как счи-■ тает немецкий политолог Р. Дарендорф, «было бы неправильно

■ предполагать, что все мы движемся к одной конечной станции.

■ Экономические культуры имеют столь же глубокие корни, как |и культура языка или государственного устройства». ТНК I функционируют на территории национальных государств. Сле-■ довательно, их доходы так или иначе вливаются в ВВП страны I базирования.

Однако, бесспорно, экспортно-импортные товаропотоки,

■ капиталовложения, технические, технологические, информаци-И онные процессы все более интернационализируются.

Бесспорно, перед лицом вызовов в области экономики, эко-■ логии, природных ресурсов, демографии, здравоохранения, образования и т. п. солидарность стран и народов объективно и I субъективно укрепляется.

Но наряду с этим и в известной степени в качестве ответа на

■ тенденцию к глобализации растут партикуляризм, стремление

■ решать собственные проблемы, добиваться решения своих ин-И тересов собственными силами, опираясь на собственный опыт. I Нужно учитывать, что многие отставшие в своем развитии

■ страны просто не могут включиться в систему мирохозяйствен-

■ ных связей либо попытки такого включения еще более отбра-И сывают их на периферию мирового развития.

Далее. Многие страны ощущают глобализацию как угрозу

■ утраты их национальной независимости, культурной иден-

■ тичности. К этому следует добавить, что характер современ-И ного производства, резко увеличивая роль научного знания и I человеческого интеллекта, объективно усиливает тенденцию I к автономизации личности, социальных групп, этнических

■ общностей, что также в конечном.счете противостоит глоба-И лизации.

250 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Миллионы людей особенно остро реагируют на процессы глобализации в сфере культуры. Мировые средства массовой информации, прежде всего Интернет, используются ныне в целях невиданного ранее манипулирования сознанием людей, навязывания им международными центрами власти (за спиной которых, повторяем, стоят

прежде всего США) политических установок и образцов поведения, угодных власти имущим, низкопробных культурных поделок, развращающих нравственность, разрушающих высокие эстетические идеалы. Индустрия сознания старается скроить людей по определенному шаблону: человек должен стать изолированным атомом, единицей потребления. Ничего важнее товаров, большей частью ненужных товаров в жизни людей не должно быть: ни творческого труда, ни солидарности с другими людьми.

В конечном счете глобализация и регионализация, объединение и партикуляризм, растущая общность и углубляющиеся различия — это реальные, развертывающиеся параллельно тенденции в современном мировом развитии. Причем первая тенденция в большей степени относится к экономике, вторая — к политике и культуре.

Более того, как считают некоторые ученые, сегодня регионализм, покоящийся на общих цивилизационных, культурных основаниях, даже усиливается, даже перевешивает глобализацию.

Во всяком случае американский ученый С. Хантингтон убежден, что попытки Запада распространить свои ценности: демократию и либерализм как общечеловеческие, утвердить свое экономическое и военное превосходство наталкиваются на сопротивление других цивилизаций. На глубинном уровне западные представления фундаментально отличаются от тех, которые присущи другим цивилизациям. В исламской, конфуцианской, японской, индуистской, буддийской и православной культуре почти не находят отклика такие западные идеи, как индивидуализм, либерализм, конституционализм, права человека, равенство, свобода, верховенство закона, демократия, свободный рынок, отделение церкви от государства. Усилия Запада, направленные на пропаганду этих идей, зачастую вызывают враждебную реакцию и, более того, способствуют укреплению исконных ценностей собственной культуры.

Глава 10. Новое мироустройство

251

Тем более что большинство незападных культур, в отличие от западных, упор делают не на универсалистские ценности, а на различия, на то, что отличает, отделяет одних людей от других. Поэтому глобализация отнюдь не бесспорная перспектива человечества. Даже в Европе, несмотря на глубокие интеграционные процессы в сфере экономики, национальные государства все-таки остаются основной единицей хозяйственной, политической и культурной жизни.

Разумеется, в современном мире изоляционизм невозможен. Но в любом случае мир — это совокупность сотрудничающих и уважающих друг друга партнеров, суверенных национальных государств. Их взаимодействие тем более будет успешным, чем более успешно они будут решать свои внутренние проблемы. Во всяком случае сначала следует решить задачу достижения внутренней интеграции экономики, внутренней социальной и политической стабильности страны и затем уже на этой основе стремиться войти в мировую экономику.

Бесспорно, вступая в международные экономические отношения, каждая страна должна быть готова ради общей выгоды пожертвовать частью своей сиюминутной выгоды. И тем не менее она не может поступиться своим суверенитетом в пользу неких международных центров власти, тем более что за ними скрывается власть одной страны или группы стран.

Глобализация (как идеология) — это претензия на мировое господство. Глобализация содержит в себе серьезную угрозу народам и странам; она неизбежно приведет к усилению эксплуатации и насилию. Как пишет американский социолог И. Валлерстайн, «если с 1945 по 1990 год для поддержания высокого уровня дохода 10% нашего населения нам приходилось усиливать эксплуатацию других 50%, вообразите, что понадобится для поддержания 90% нашего населения на довольно высоком уровне дохода! Потребуется еще большая эксплуатация, и это наверняка будет эксплуатация народов "третьего "мира"». Излишество богатств и наслаждений для одних, нищета и боль

для других — такой мировой порядок должен быть отвергнут. Честные люди не могут принять благополучие, приобретенное поработанием и несчастьями других!

Вместе с тем разрыв в уровне развития экономики развитых и отставших стран сегодня становится тормозящим фактором и для богатых стран. Ни США, ни Германия, ни Япония сегодня

252 Социальные и духовные ценности на рубеже II и IV-тысячелетий не способны без взаимодействия с другими странами (учитывающего в определенной мере и интерес этих стран) обеспечить себе быстрое и стабильное развитие на-длительную перспективу.

Глобализация содержит в себе серьезную угрозу миру еще и потому, что нарушает баланс интересов, по сути нацелена на устранение с политико-экономической арены весьма влиятельных государств, в частности России, Китая и других, что, естественно, вызовет решительное противодействие.

В конечном счете, по моему мнению, будущее не за глобализацией. Глобализация в ценностном отношении по-прежнему ориентируется на создание мирового порядка, в основе которого прежде всего удовлетворение материальных интересов людей. Подобные ценности и цели сегодня недостаточны. Они изжили себя, поставили человечество на край пропасти. Будущее за тем общественным устройством, которое создаст условия для самореализации, раскрытия творческих потенциалов людей. Но это значит, что многовариантность общественного прогресса объективно неизбежна и будет неизбежно нарастать¹.

Следовательно, решение проблем, стоящих сегодня перед человечеством, на пути синтеза глобализации и индивидуализации, взаимодействия разнообразных и в то же время связанных между собой, дополняющих друг друга социально-экономических, политических, этно-национальных, культурных общностей.

В любом случае не должно быть господства одной цивилизации, одной культуры, ибо это лишило бы человеческий род одного из необходимейших условий совершенствования — элемента разнообразия. «Всемирная ли монархия, всемирная ли республика, всемирное ли господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа — одинаково

¹ В 50-х гг. XX в. У. Р. Эшби обосновал закон, согласно которому динамическая устойчивость и эволюционный потенциал систем любой природы пропорциональны их внутреннему разнообразию.

Н. Бор принципом дополнительности, В. Гейзенберг своим принципом неопределенности подорвали веру в непогрешимость классического рационализма с его ориентацией на однолинейное, исключаящее какие-либо отклонения, случайности и т. п., развитие. В свою очередь И. Пригожин доказал, что неопределенность и стохастичность присущи и обществу, и человеку.

Глава 10. Новое мироустройство

253

вредны и опасны для прогрессивного хода истории», — справедливо подчеркивал русский мыслитель Н. Я. Данилевский.

Отрицая возможность существования общечеловеческой (общечеловеческое — общее место, бесцветность) цивилизации, Н. Я. Данилевский отнюдь не отрицал наличие идеала всечеловеческой цивилизации, движение к которому, достижение которого осуществляется совместным развитием всех народов, в своеобразной деятельности которых и проявляется историческая жизнь человечества во всех местах и временах: в прошлом, настоящем и будущем.

Другой оригинальный русский мыслитель К. Н. Леонтьев также всегда, везде, во всех своих работах отвергал представление о развитии, прогрессе как о количественном возрастании, увеличении, распространении и т. п. Все эти явления представляют собой движение к чему-то однородному, простому, общему.

Настоящая же идея развития соответствует некоему сложному процессу и нередко вовсе противоположному процессу распространения, увеличения и т. п. Подлинное развитие — это постепенное восхождение от простейшего к сложнейшему, постепенная индивидуализация, обособление, с одной стороны, от окружающего мира, а с другой — от сходных и родственных организмов, от всех сходных и родственных явлений.

Постепенный ход от бесцветности, от простоты к оригинальности и сложности. Постепенное осложнение элементов составных, увеличение богатства внутреннего и в то же время постепенное укрепление единства. Так что высшая точка развития есть высшая степень сложности, писал К. Н. Леонтьев.

Культура тогда высока и влиятельна, подчеркивал он, когда в развертывающейся перед нами исторической картине много красоты и поэзии. Основной же, общий закон красоты — разнообразие в единстве.

М. М. Бахтин считал, что культурное самосознание народа возможно только при участии других культур, т. е. по контрасту, когда происходит их взаимное «отзеркаливание». Именно поэтому культура каждого народа должна функционировать и развиваться в диалоге культур. Способность народа усваивать достижения другого — важнейший показатель жизнеспособности его культуры.

254 Социальные и духовные ценности на рубеже II и II+-тысячелетий

В известном смысле, концепция глобализации — свидетельство кризиса западного философско-исторического, политического сознания. Все его модели: рыночные, либеральнее, демократические, все его апелляции к свободе личности (при неуважении к свободе народов), к частной собственности и т. п. по сути терпят крах.

Глобализация — очередная попытка Запада навязать миру, с одной стороны, свое фальсифицированное мировоззрение, с другой — укрепить свое пока еще весьма ощутимое господство над многими странами мира. По мнению С. Хантингтона, «очевиден... тот разрыв, который существует между провозглашаемыми принципами Запада и его достижениями. Лицемерие, двойная мораль, игра в «да и нет» — вот цена его претензий на универсализм. Да, демократию следует развивать, но нет, не следует, если это приводит к власти исламских фундаменталистов; да, нераспространение ядерного оружия очень правильная вещь, если речь идет об Иране и Ираке, но нет, когда дело доходит до Израиля; да, свободная торговля является эликсиром экономического роста, но нет, дело обстоит не так, если говорить о сельском хозяйстве; вопрос прав человека касается Китая, но не Саудовской Аравии; агрессия против богатых нефтью кувейтцев должна получить отпор, но совсем иное дело, если речь идет об агрессии против боснийцев, нефтью, увы, не владеющих. Двойная мораль стала на практике неизбежной ценой универсальных норм и принципов» (Хантингтон С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка. Новая индустриальная волна на Западе. М., 1999).

И все-таки в исторической перспективе у Запада нет шансов навязать миру свою цивилизацию в качестве всеобщей, универсальной, подчинив себе все другие. Многообразие, многоцветье культур непреходяще и вечно. И в политическом плане основой стабильного мира и устойчивого развития является многополюсное мироустройство, не допускающее монопольного доминирования в мировых делах какой-либо одной сверхдержавы или группы государств. В этом залог, гарантия развития человечества. Но, бесспорно, человечество едино, у него одна общая судьба.

Важнейший аргумент в пользу взаимодействия, солидарности, сотрудничества государств, народов, отдельных людей дает нам и наука, а именно синергетика. С точки зрения синергети-

Глава 10. Новое мироустройство

255

- ки, открытость, неустойчивость, неравномерность — условия
- развития нашей Вселенной. Открытым системам присущи са-
- моорганизация, самонастройка. Причем процесс самоорганиза-

■ ционного развития нелинейно. Здесь все зависит не от силы воздействия, а от момента и места точки взаимодействия. Малое

■ воздействие в нужной точке (точке бифуркации) и в нужный момент может вызвать большое возмущение (большую флуктуацию). Это означает возможность неожиданного, случайного

■ направления развития, которое может привести к глубокому изменению качества системы. Все это вместе с тем означает,

■ что будущее невозможно однозначно предсказать. «Ныне мы знаем, что человеческое общество представляет собой необы-

■чайно сложную систему, способную претерпеть огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества». Высокая чувствительность социаль-

■ных систем к флуктуациям «вселяет в нас одновременно и надежду и тревогу: надежду на то, что даже малые флуктуации

■могут усиливаться и изменять всю их структуру (это означает, в частности, что индивидуальная активность вовсе не обречена на бессмысленность); тревогу — потому, что наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантий стабильных, непреходящих законов. Мы живем в опасном и неопределенном мире, вносящем не чувства слепой уверенности, а чувства умеренной надежды...» — пишут И. Пригожий и И. Стенгерс. По всем

этим причинам сегодня существенный путь к выживанию и прогрессу человечества — мирное сотрудничество между наро-

■дами, их взаимодействие, солидарность. Какая отдельная страна, какой народ в состоянии в одиночку отвести нависшую над человечеством «ползучую» угрозу экологической катастрофы? Ведь на нашей планете каждый год исчезают тысячи видов животных и растений, причем многие из них еще не успевают получить имени. Озоновый слой в верхней атмосфере, предохраняющий нас от ультрафиолетовой радиации, становится все бо-

лее тонким. Температура самой планеты Земля постепенно повышается, тем самым увеличивая угрозу появления ранее неизвестных свойств фактически во всех природных системах жизнеобеспечения, от которых зависит существование человека.

256 Социальные и духовные ценности на рубеже II и I тысячелетий

Устойчивое жизнеспособное общество — это общество, которое удовлетворяет свои потребности, не уменьшая возможностей ни своих соседей, ни будущих поколений («своих», так и «чужих»). Но это значит, что люди должны, обязаны взаимодействовать.

В свое время русский философ Н. Ф. Федоров выдвинул идею физического воскрешения всех умерших поколений людей и расселения человечества в космическом пространстве. Эта задача и должна стать тем «общим делом», которое объединит враждующее между собой человечество; оно будет способствовать также разрешению возникших противоречий между человеком и природой, разрешению проблем как «санитарных, так и продовольственных».

Конечно, можно не соглашаться с Н. Ф. Федоровым в его конкретном понимании «общего дела», но то, что современному человечеству необходимо общее дело, объединяющее людей для выживания человеческого рода, здесь Н. Ф. Федоров, несомненно, прав. В этой связи уместно вспомнить старинную притчу о мудром отце, который сказал сыновьям перед смертью, что он закопал в винограднике клад. Сыновья перерыли всю землю, клад не нашли, но сделали полезное дело — взрыхлили землю.

Всю ответственность за окружающий мир природы, за весь космос Н. Ф. Федоров возлагает на человека; в природе нет целесообразности, ее приносит человек. Красота и целесообразность — произведение не слепой силы, а разумной, и притом совокупной.

П. Тейяр де Шарден также отвергает «прогресс путем обособления». По его

мнению, уже геометрически замкнутая форма Земли отрицает биологическую возможность обособленного развития. «В настоящее время вся совокупность мыслящих сил и единиц вовлечена во всеобщее объединение... все части человечества проникают друг в друга и сплавиваются на наших глазах в единый блок вопреки тенденции этих частей к разъединению... все это совершенно естественно, если уметь увидеть в этом высшую точку организации космического процесса, неизменного со времен тех далеких эпох, когда наша планета была молодой». Ноосфера, продолжает ученый, «стремится стать замкнутой системой, где каждый элемент в отдельности чувст-

Глава 10. Новое мироустройство

257

вует, желает, страдает так же, как все другие, одновременно с ними».

В точке Омеги раскрываются, расцветают все потенциально заложенные в человеке возможности Духа. Здесь достигается единение с Богом, но не путем отождествления (Бог становится всем), а путем дифференцирующего действия любви (Бог весь во всем) (см.: *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1987. С. 193, 197, 140).

И если П. Тейяр де Шарден считал, что ноосфера — результат естественного процесса саморазвития материи, то В. И. Вернадский утверждал, что она — реализация сознательной деятельности людей. Однако, полагал он, трагедия человечества в том, что, уже став крупнейшей геологической силой, оно еще не выработало, не создало соответствующие этой силе планетарный разум и нравственность. Люди так радикально изменили биосферу, что теперь для того, чтобы существовать в окружающей нас среде, мы должны как можно скорее изменить свое сознание, самих себе.

Академик Н. Н. Моисеев также убежден, что человечество вступает сегодня в эпоху ноосферы, разумного управления своей жизнью и деятельностью. Разумеется, это требует утверждения новых стандартов поведения, новых моделей мышления, новой этики. Во всяком случае, «мы больше не можем рассчитывать на те стихийные механизмы, которые обеспечили утверждение необходимых запретов в эпоху антропогенеза», — пишет ученый (*Моисеев Н. Н.* Алгоритмы развития. М., 1987. С. 267, 268). При этом он подчеркивает, что дело вовсе не в том, чтобы специально проектировать цивилизацию XXI в., а скорее в том, чтобы обеспечить условия для ее естественного формирования, что возможно лишь на базе включения в этот процесс как можно большего числа людей. Лишь коллективный разум, коллективный интеллект — гарант создания новой цивилизации, утверждает Н. Н. Моисеев.

Никакой народ, никакой класс, никакая организация, никакие движения сегодня не могут считаться подлинно прогрессивными, демократическими и гуманистическими, если они не способны, не желают взаимодействовать, сотрудничать.

Именно поэтому перемены в мире, общественно-политическая борьба должны и будут проходить в предстоящие годы прежде всего под флагом гуманизации и демократизации суще-

17-6325

258 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

ствующих общественных отношений, образа жизни людей, а также гуманизации природной среды обитания, т. е. мирно, на путях сотрудничества, посредством по существу постепенных эволюционных преобразований, реформ, а не насильственных столкновений. Только на таком пути, используя подобные средства, можно создать новую цивилизацию — цивилизацию XXI в.

Глава 11

**Образование как «образование» человека,
как важнейший фактор развития цивилизации
III тысячелетия**

Именно образование сегодня — важнейший фактор, обеспечивающий прорыв в XXI в. Разумеется, образование — не единственный фактор, гарантирующий будущее, но

без него не решить проблемы современного мира, не защитить, не сохранить нашу землю, не обеспечить мир, не преодолеть ненависть, алчность, равнодушие, догматизм,¹ не утвердить любовь и сочувствие, дружбу и сотрудничество, не устранить бедность, неравенство, невежество, не воспитать человеческую личность, стремящуюся к интеллектуальному, нравственному, эстетическому, эмоциональному развитию, не сформировать гражданина, свободного и ответственного, с высоким сознанием долга, заботящегося о своей стране, о своем государстве. Иначе говоря, в конечном счете без образования не выжить, не пойти вперед дорогой развития и прогресса.

Планета Земля, на которой мы живем, уникальна. Все люди в сущности одна семья. Все расы, нации, народы, государства — производное от человеческого рода *Homo sapiens*.

Различия между ними, бесспорно, существенны, но вторичны относительно глобальности их единства.

Однако народы, люди, особенно политики, в большинстве своем не осознают глобального единства человечества; если и сознают, то во всяком случае отнюдь не действуют в духе такого единства.

Образование также пока не выполняет свою главную задачу — развить в людях глобальное сознание, помочь преодолеть еще присущие многим людям разрушительные индивидуалистические интересы, объединить людей прекрасным идеалом мирной, достойной, творчески целеустремленной, свободной и солидарной общей жизни на нашей Земле.

В России образование находится особенно в тяжелом положении. Власть имущие не понимают его значения, не выделяют

17*

260 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III-тысячелетий

необходимых средств на его развитие; зачастую применяют к нему критерии рынка. Но законы рынка нельзя применять к образованию, оно не отрасль экономики. Оно одновременно решает всю совокупность задач, стоящих перед обществом: экономических, гражданских, культурных, этических и т. п. Образование обеспечивает преемственность и прогресс общества. Общество, государство поэтому должны осуществлять постоянную и все возрастающую поддержку образованию. Без финансовой поддержки сферы образования, рассчитанной на длительную перспективу, обществу, государству не обеспечить научно-технический прогресс, прорыв в науке, рост квалификации специалистов и т. п. Ставка на рынок, снижение государственных расходов, перекладывание финансовых забот на плечи семьи ставят образование в тяжелое положение, в то же время ведут к углублению неравенства между людьми, в конечном счете к обострению социальных проблем.

Сегодня образовательный потенциал России пока еще высок; пока он позволяет нам принадлежать к развитым странам. Но растущие утраты в сфере образования становятся все труднее и труднее компенсировать. Дошкольное образование у нас почти разрушено: количество детей, вовлеченных в дошкольное обучение, сократилось за последнее десятилетие с 85 до 45%. Низкие доходы 70% российских семей не позволяют им вкладывать свои средства в систему образования. В США 40% трудящихся имеют высшее образование. В Италии, находящейся по этому показателю на 10-м месте, — 5%. Россия в десятку не входит.

А ведь образование, в сущности, фактор национальной безопасности. Правящие круги США это четко понимают. «Нация в опасности, так как образовательные основы нашего общества в настоящее время подтачивает все нарастающая волна посредственности... Если бы недружественная нам держава предприняла попытку навязать Америке такую посредственную систему образования, которая существует сегодня, мы бы расценили это как акт войны», — подчеркивается в Федеральном докладе Национальной комиссии США. Подчеркивается со всей определенностью и остротой. Но

примечательно, что нашей стране западные лидеры предлагают следующие «образцы» образования: «Школы могут управляться православной церковью, исламскими группами, различными этническими группа-

Глава 11. Образование как «образование» человека

261

ми и отдельными лицами, придерживающимися различных мировоззрений. Новые институциональные механизмы призваны привить здоровое чувство гражданственности... Сюда можно включить: способность читать карты, говорить на иностранном языке, заполнять налоговую декларацию; этот список может также включать способность воспринимать русское искусство и литературу...» Также весьма определенно сформулированы задачи образования для наших граждан в докладе Мирового банка, подготовленном еще в 1995 г.

По-видимому, наши правители эти рекомендации Мирового банка считают вполне приемлемыми для России.

Разумеется, надо учитывать, что образование переживает сегодня и свои «внутренние» трудности.

Образование отнюдь не поднимает на должный уровень интеллектуальный, культурный уровень человека. Многие преподаватели сами не отличаются необходимой универсальностью, не в состоянии раскрыть учащимся взаимосвязь и взаимозависимость отдельных наук, перспективу науки в целом, не в состоянии показать целостную панораму реальной действительности.

Современный человек, бесспорно, обладает массой знаний, но большинство из них поверхностны, не развивают, но скорее тормозят работу мысли.

В нашей стране сегодня положение отягощено еще и тем, что авторитет знания, науки, образования в сущности утрачен. Ввергнутые в стихию рыночных отношений, одни люди думают о том, как выжить, другие — как разбогатеть еще больше. Немалую роль в дискредитации науки играют средства массовой информации, которые, рекламируя всякого рода антинаучные идеи, наносят ущерб не только науке, но и здоровью людей (когда пропагандируют, например, пользу заряженной экстрасенсами по телевизору воды и даже газет). Поражает легкое верие людей; науке, ученым они не верят, но доверяют бессовестным и наглым людям, внушающим им веру в различные мистические силы, в инопланетян, «барабашек» и т. п.

Конечно, есть и объективные предпосылки снижения авторитета науки. Г. Адаме в книге «Воспитание Генри Адамса», написанной в начале XX в., отмечал: «Раньше жизнь человека была ограничена рамками невозможного. Когда мальчику не исполнилось и шести лет, он оказался очевидцем того, как че-

262 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

тыре *прежде нереальных* вещи воплотились в жизнь: океанский пароход, железная дорога, электрический телеграф и даггеро-тип...» Однако, что гораздо важнее, подчеркивает». Адаме, человек увидел, что наука все увеличивает свою сложность. Он начал ощущать, что более не способен ее понимать. В середине нашего века К. Ясперс писал по поводу науки, научных знаний следующее: долгое время людям было присуще «суеверие», будто «наука может всё». Многие люди господствующее в данный момент объяснение вещей принимают за окончательное знание, не представляют границ, в пределах которых научные выводы вообще могут быть значимы. И уж тем более они не вникают в методы, посредством которых были достигнуты те или иные знания. Считают, что научные дисциплины вообще их не касаются. В то же время разрыв между наукой, техникой и обществом возрастает, потому что ученые создают все более узкоспециализированное знание, зачастую не думая о побочных эффектах своей деятельности. Все это порождает в обществе подъем иррациональности.

В нашей стране особенно сложное, тяжелое положение складывалось в социальном познании. Людям внушалось, что марксистско-ленинская социальная наука может с абсолютной точностью предвидеть будущее, предсказывать этапы продвижения к нему;

причем будущее рисовалось исключительно в радужных тонах.

Между тем в социальном познании прежде всего невозможно достижение тотального знания. Человек — существо с неограниченными и поэтому неопределенными возможностями. Именно поэтому невозможно познать, предвидеть всю сложность реального переплетения социальных факторов: экономических, политических и духовных. Следовательно, все люди, особенно политики, должны понять, что тотальное планирование экономики, других сфер общественной жизни никогда не может осуществиться. Необходимо отчетливо различать конкретную границу, отделяющую рациональное, частичное планирование от бессмысленного, разрушающего планирования целого. Как подчеркивают К. Поппер, Ф. Хайек и др.: открытость в видении будущего является гарантом свободы человека, широта альтернатив — условием отчетливости, ясности, большей достоверности нашего решения относительно настоящего и будущего.

Глава 11. Образование как «образование» человека

263

Однако в любом случае мышление человека должно быть ориентировано на целое, на перспективу.

Причем в социальном познании, проектировании важнейшую роль играет опыт. Опыт тем более плодотворный, чем больший исторический период он включает и чем большее число людей он захватывает. Бесспорно, возможно и необходимо построение всякого рода моделей, в том числе и математических. Однако абсолютизация ЭВМ, кибернетики, математических моделей опасна. Она может привести людей к неверным выводам.

В свое время духовный отец кибернетики Н. Винер, указывая на относительность применения математических методов к общественной жизни, подчеркивал: «Приписывать таким неопределенным по самой сути величинам какую-то особую точность бесполезно и нечестно, и какой бы ни был предлог, применение точных формул к этим слишком вольно определяемым величинам есть не что иное, как обман и пустая трата времени» {Винер Н. Кибернетика. М., 1983}.

Исторический опыт всех цивилизованных стран показал, что стихийный, нерегулируемый рынок ведет к хаосу (что и случилось в 1930-е гг.), доказал необходимость государственного регулирования экономики. Лишь благодаря регулирующей деятельности государства удалось преодолеть разразившийся в капиталистических странах глубокий экономический и социальный кризис.

И как можно сегодня в условиях нарастающих истощения природных ресурсов, угрозы экономической катастрофы обойтись без государственного регулирования экономики, в целом социальной жизни? Напротив, роль государства, общества, их регулирующей, планирующей деятельности в современных условиях будет все больше возрастать.

Вместе с тем, повторю, в социальном познании, проектировании нужна осторожность. В обществе действуют люди. Их потребности, интересы, поступки невозможно познать и предсказать с абсолютной точностью. Но в любом случае сознательный, опирающийся на науку, на научный опыт подход к социальному познанию сегодня необходим, как никогда прежде.

Чтобы познать сегодняшний сложный, противоречивый, быстро меняющийся мир, нужны системно-структурные, глобально-эволюционистские концепции. Среди этих концепций

264 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

важное место занимает теория универсальных закономерностей эволюции и самоорганизации сложных систем любого типа, как природных, так и социальных, — синергетика*

Методологические принципы этой науки составляют идеи о системности, целостности мира и знания о нем, общности закономерностей эволюции объектов

различных уровней материальной и духовной организации, нелинейности, многовариантности, необратимости и неравномерности темпов эволюции, органичной взаимосвязи хаоса и порядка, случайности и необходимости на различных уровнях организации мира. Как очевидно, ключевые методологические принципы синергетики — нелинейность, самоорганизация, открытость систем. Ее задача, цель — поиск универсальных структур самоорганизации и образцов поведения системы. На исторической шкале последовательной смены стилей научного мышления: детерминистского, вероятностного синергетика утверждает третий — системно-структурный. Синергетика отвергает стереотип мышления классической науки — линейное мышление, идеи о случайности как о нечто несущественном и хаосе как деструктивном принципе мира, о неравномерности и неустойчивости как негативных, разрушительных факторах, о развитии как линейном, последовательно-поступательном процессе без существенных альтернатив.

Она выявляет внутреннюю связь элементов мира. Эта связь осуществляется через малые воздействия, флуктуации. Последние могут открывать возможность для выхода на иные уровни организации.

Синергетика выявляет также некие универсальные свойственные живым и неживым системам законы ритма, циклической смены состояний: подъема активности и оформления структур и спада этой активности, разрушения структур, стирания неоднородностей. Только следуя ритмам жизни, системы могут поддерживать свою целостность и развиваться. Синергетика рассматривает также случайность, разнообразие, хаос как конструктивный момент эволюции.

Очевидно, методологические принципы синергетики могут (и должны) быть приложимы и к системе образования. Разумеется, все проверенное опытом следует сохранить. Как отмечал Н. А. Бердяев, «новизна не означает непременно улучшения и

Глава 11. Образование как «образование» человека

265

достижения высшей ценности. Поклонение новизне как новизне так же плохо, как и поклонение прошлому» (*Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. С. 77*). Тем не менее, решая новые проблемы, нельзя цепляться за старые схемы. Необходимо идти на разумный риск; только риск, раскрепощенность могут привести к положительным результатам. Именно поэтому образование само должно быть открыто, поощрять исследование, поиск, новаторство.

Применительно к нашему опыту, это требует радикально перестроить сознание, психологию, образование.

Необходимо учитывать, что сознанию, познанию человека присущи некоторые естественные, своего рода врожденные ограничения, а также приобретенные, т. е. имеющие свои корни в социальной жизни. Ф.-Бэкон называл их идолами рода, пещеры, рынка, театра. Идолы рода — это предрассудки и фикции, вытекающие из естественного несовершенства разума, идолы пещеры — следствие недостатков воспитания, идолы рынка обусловлены несовершенством общения людей, а идолы театра рождены увлечением людей модными научными и философскими теориями.

Р. Декарт, разделяя эти суждения, не раз говорил: чтобы приблизиться к истине, надо хотя бы раз пересмотреть всю прежнюю систему взглядов.

Современным поколениям россиян необходимо решительно отказаться от догм, сложившихся стереотипов мышления, к которым их приучали и к которым они и сами привыкли. Нежелание расставаться с устаревшими представлениями и стереотипами неизбежно ведет к схоластике; нередко вместо научного анализа действительных причин тех или иных явлений, коренящихся в общественном бытии, на первый план у нас выдвигалось (да и сейчас выдвигается) умозрительное морализаторство, идущее вразрез с реальным ходом жизни.

Для подлинного ученого ничто не может быть более чуждым, чем сознательное игнорирование научных данных или извращение фактов в угоду конъюнктурным,

карьеристским целям.

Наука, ученые, все порядочные люди должны всегда противостоять узкому практицизму, конъюнктурщине, тем более эгоизму, карьеризму. Наука строго объективна и не может подчи-

266 Социальные и духовные ценности на рубеже II тысячелетий

няться каким-либо венаучным проектам. Она не должна фальсифицировать, игнорировать неприятные факты. Только опираясь на всю совокупность фактов, можно находить истину. Но истина, как правило, никогда не может быть окончательной. Не случайно Г. Гегель говорил, что каждая новая истина рождается как ересь и умирает как предрассудок. Ученые выдвигают теоретические гипотезы, которые подвергаются затем критическому анализу на основе новых данных и открытий.

Вместе с тем наука, ученые должны быть достаточно уверенными, чтобы наметить ориентиры, прокладывать путь в будущее. Они должны быть достаточно смелыми, чтобы прогнозировать реальное общественное развитие, предвидеть нарастание в общественной практике негативных, застойных явлений и тем самым способствовать их недопущению или возможно быстрому устранению, указывать путь практике, политике, отвечать на вопросы, которые ставит общественное развитие.

Сегодня особенно нужно трезво и компетентно оценивать научно-технический прогресс, его достижения и издержки. Безусловно, современная НТР оказывает огромное воздействие на все сферы человеческой жизни, в том числе и на развитие внутреннего, духовного мира человека.

Бесспорно, НТР породила явления, угрожающие стать неподвластными человеку, подрывающие основы человеческого существования. Ядерное, химическое и бактериологическое оружие, загрязнение атмосферы, морей, океанов, отравление природной среды промышленными отходами, замена непосредственного общения с природой созданной человеком искусственной средой, чрезмерное освобождение от физических усилий и значительные психические перегрузки — это еще далеко не полный перечень отрицательных последствий НТР.

Необходимо постоянно выявлять социальный смысл и последствия любых научно-технических открытий, оценивать, в какой мере они служат благу людей, в какой содержат потенциальную и реальную угрозу человеку.

Вероятно, развитие генной инженерии, методов контроля за рождаемостью представляет риск для человека. Но в какой степени? Ученые, врачи не должны в данном случае замыкаться в рамках своей профессии. Они и вместе с ними педагоги должны разъяснять проблемы. Во всяком случае в обществе в этой связи должны быть организованы широкие дискуссии. Как от-

Глава 11. Образование как «образование» человека

267

мечал Б. Брехт, внешне целью научного исследования является «чистое» исследование, однако результат исследования куда менее чист. Формула $E = mc^2$ мыслится вечной, не связанной с формой общественного бытия. Однако политики устанавливают наличие этой связи, и город Хиросима внезапно стирается с лица земли. Б. Брехт считал, что ученые не должны притязать на безответственность машины.

К сожалению, такой ответственный подход зачастую игнорировался. Стихийность, обезчелоченность прогресса науки и техники, технократическое мышление обернулись зловещими симптомами деградации человека, природы, социальной жизни.

Как отмечают некоторые ученые, современное человечество живет в век катастроф. Суммарный эффект от катастроф составляет ежегодно более 100 млрд долл. Эта сумма вполне сопоставима по масштабу цифр с 10—12-процентной долей национального дохода крупной страны. Причем подавляющая часть катастроф имеет антропогенный источник, связана с деятельностью человека, обусловлена низким уровнем его знаний, нравственной безответственностью.

Человек никогда не задумывался о возможном исчерпании горючих ископаемых.

Между тем их запасы могут быть исчерпаны уже в обозримом будущем. Таким образом, нависающая над человечеством катастрофа: энергетический голод — дело рук самого человека. Экологические проблемы также результат деятельности самого человека. Современное производство и прежде всего тепловые электростанции выбрасывают в атмосферу огромное количество углекислоты, которая уже не может быть поглощена растениями. Это также может привести к катастрофе: к так называемому парниковому эффекту (к перегреву планеты). По-видимому, наступает предел природных сил к саморегулированию.

Вместе с тем важно видеть, что НТР приводит к коренному изменению содержания труда, все более приобретающего форму творческой, интеллектуальной деятельности, что в принципе обеспечивает духовное развитие человека и делает возможным гораздо более высокую степень свободы личности. Конечно, вызываемые НТР преобразования в содержании труда также не осуществляются гладко, без противоречий.

268 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Развитие новых технологий и информационных сетей облегчает общение людей друг с другом как на национальном, так и на интернациональном уровне. (Более 5 млн компьютеров связаны сегодня с сетью Интернет, что составляет около 20 млн пользователей.) В то же время этот процесс порождает и тенденцию к замыканию в себе и изоляции.

Во всяком случае развитие семейного, заочного труда, укрепляя, вероятно, семью, нарушает солидарность, обычно связывающую тружеников того или иного предприятия. Надо учитывать также, что новые технологии могут способствовать росту безработицы. Вместе с тем они способствуют возрастанию свободного времени и формируют новый вид досуга, который оставляет человека на длительное время наедине с экраном компьютера.

Однако очевидно, что без прогресса науки и техники современное человечество не выживет. Только наука поможет человечеству найти новые источники энергии, решить экологические проблемы, преодолеть болезни, решить другие стоящие перед ним задачи. Но, разумеется, выживет человечество только в том случае, если придаст развитию, прогрессу науки гуманистический смысл. НТП, НТР должны быть подчинены гуманистической стратегии. Как считает видный немецкий ученый В. Хесле, одной из важнейших задач, стоящих перед этикой века охраны окружающей среды, является возвращение к мере. Человек должен отказаться от роскоши, богатства, других не необходимых для жизни потребностей... Подобные устремления, продолжает В. Хесле, должно изобличать как проявление низости и вульгарности. Нам, людям, нужно возродить аскетические идеалы, подчеркивает философ (см.: *Хесле В. Философия и экология. С. 88, 89*).

Возрождать аскетические идеалы все-таки не стоит, но мера, разумное управление научно-техническим прогрессом, действительно, необходимы. Надо исходить из того, что конечная цель научно-технического прогресса — содействовать полному и всестороннему развитию возможностей и способностей, заложенных в человеке, обеспечению здоровой и достойной жизни для каждого и в то же время учитывать, что взаимоотношение человека и природы стало сегодня решающим фактором развития человечества.

Глава 11. Образование как «образование» человека

269

Развитие науки и техники поставило перед образованием ряд сложных проблем. Необходимо иметь в виду, что сегодня системе обучения все труднее учитывать научные достижения, ибо они быстро устаревают, сменяются другими. По подсчетам специалистов, квалифицированный рабочий должен в течение своей трудовой жизни пять-шесть раз осваивать новую технику (так быстро устаревают приобретенные знания); половина технических знаний инженера устаревают каждые пять-семь лет; а 80% всех знаний, которые потребуются будущим специалистам (сегодня еще студентам) в течение трудовой деятельности, еще никому не известны.

Все это означает, что система образования, ориентирующаяся на специалиста,

обладающего некоей суммой знаний в определенной области деятельности, не может отвечать современным требованиям.

Это касается подготовки как рабочих, так и инженерно-технического персонала. Изменившийся характер труда, в котором возросло и постоянно возрастает значение нематериальных, когнитивных, интеллектуальных факторов, отвергает привычное понятие квалификации, приобретаемой рабочим посредством подражания или повторения одних и тех же действий. Потребность в приобретении и повышении квалификации ныне связана прежде всего с приобретением знаний и постоянным их обновлением. Система образования должна готовить рабочих не столько для постоянной работы по той или иной профессии (специальности), сколько развивать в них способность более или менее свободно ориентироваться в меняющемся мире новых технологий.

Что касается подготовки специалистов, управляющих производственным процессом, то главное состоит не столько в том, чтобы дать им какую-то сумму знаний, сколько в том, чтобы вооружить их умением самостоятельно усваивать новые знания, непрерывно совершенствоваться, творчески подходить к решению новых проблем.

Отсюда вытекает основная задача современного образования — способствовать овладению методологией формирования системы знаний. Конечно, система образования должна давать специалисту новые знания, поскольку он не может их бесконечно черпать из прежнего запаса. Но одновременно она должна вооружить его принципами отбора знаний, чтобы он их у-

270 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III-тысячелетий
нул в потоке информации. Разумеется, основной принцип правильного решения этой задачи — упор на самостоятельную работу учащегося, студента, специалиста. —
%

В школе, прежде всего в младших классах, следует делать акцент на тренировку внимания, памяти, самого мышления. Это особенно важно в условиях господства телевидения. Слишком быстрое чередование информации, передаваемой масс-медиа, перескакивание с одной программы на другую наносят вред процессу открытия ребенком мира, поскольку лишают его возможности осмыслить полученную информацию.

Между тем учащийся с самого первого класса должен быть не объектом, воспринимающим готовые знания, а своего рода исследователем в постижении основ научных знаний. Школа должна прививать детям вкус к учебе, жажду и радость познания.

В книге А. Франса «Преступление господина Бонара» воспроизводится примечательная дискуссия между нотариусом Мушем и академиком Бонаром по поводу сущности образования.

Муш: На земле существуют не для забавы и не для того, чтобы давать волю всем своим желаниям.

Бонар: На земле существуют, чтобы любить добро и красоту и давать волю всем своим желаниям, если они благородны, великодушны и разумны. Воспитание, не развивающее таких желаний, только извращает душу. Надо, чтобы наставник хотел учить.

Муш: Воспитание бедных надо вести крайне осмотрительно, имея в виду то зависимое положение, какое им придется занять в обществе... Нельзя учиться, забавляясь.

Бонар: Учиться можно, только забавляясь. Искусство обучения есть искусство будить в новых душах любознательность и затем удовлетворять ее; а здоровая, живая любознательность бывает только при хорошем настроении. Когда же насильно забивают голову знаниями, они только гнетут и засоряют ум. Чтобы переварить знания, надо поглощать их с аппетитом. Только так можно воспитать человека, блестящего умом и жизнью, в душе которого вся красота природы и искусства отображались бы нежным блеском. Дети должны жить в духовном единении с красивыми пейзажами, с идеальными образами поэзии и истории, с благородной трогательной музыкой. И по-

сколько жизнь полна страданий, я бы научил их состраданию и терпению.

Бонар прав.

Выдающийся английский педагог А. Нилл также считает, что современная школа слишком заорганизована, стандартизирована, чрезмерно апеллирует к запретам, игнорирует воспитание чувств ребенка, подростка, подавляет их свободу. Позором английской и шотландской школы является тот факт, что подавляющее большинство учителей Великобритании хотело бы сохранить в школах телесные наказания. Естественно, считает он, поколение, выросшее на наказаниях и запретах, навязывает их и своим детям. Замыкается порочный круг. Во всяком случае обработанные таким образованием люди принимают пороки своего общества как должное.

Сколько сегодня бывших учеников читают Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого? Слушают музыку П. И. Чайковского, Л. Бетховена, И. Баха? Единицы. Именно поэтому современные люди, человечество в целом так равнодушны ко злу. Разумеется, можно принять и такое объяснение: во всем виновата ядерная бомба, нависшая над нами. Давайте есть, пить, веселиться, все равно завтра умирать. Но главное все же — глухота чувств, привычка к насилию, эгоизм, рожденный страхом. Эгоизм, полагающий, что единственным источником удовольствий являются автомобиль, ночные клубы, другие «инфантильные идиотства».

С нездоровым миром должно бороться не запретами, не нравственными поучениями, а любовью, приятием, терпимостью. Свободой. Только свободный, любящий и любимый человек может быть счастливым. Трудный ребенок, трудный взрослый — это несчастливый человек. Несчастье разрушает человеческую жизнь. Ни один счастливый человек никогда не крал и не убивал, не проповедовал войну. Это выводы А. Нилла (см.: *Нилл А: Саммерхилл — воспитание свободой*. М., 2000). Действительно, в школе должен царить дух свободы. Школа должна быть лабораторией, в которую ученик приходит, чтобы делать открытия и наслаждаться ими, радоваться им. Естественно, эти открытия будут не для человечества, а для самого маленького человека.

Сама логика научно-технической революции, информационного, когнитивного и тому подобного общества делает нере-

272 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

альными попытки сделать школьное образование сколько-нибудь энциклопедическим. Знания, входящие в содержание предмета обучения в школе, особенно в старших классах, должны быть достаточно основательны и фундаментальны, чтобы дать возможность овладевать современными науками, но в то же время система их должна быть открытой и подвижной, для того чтобы быстро реагировать на изменения. Сюда относятся основные научные понятия, законы и соотношения. Такие знания включают в себя основные методы и принципы научного исследования и открывают перед их обладателями простор для творческой деятельности. Наряду с этим школа должна обеспечить детям доступ к таким компонентам образования, как этика и культура.

И еще одна проблема, касающаяся начальной и средней школы, школьного образования. Некоторые специалисты полагают, что уже в школе нужно проводить работу, связанную с некоей профессиональной селекцией, стратификацией и т. п. Я считаю, что в школе вообще не стоит говорить о каком-то целенаправленном процессе селекции и стратификации. Конечно, и в школе идет процесс некоего отбора, отсева, но управлять этим процессом крайне рискованно. Школа должна готовить людей к сложной общественной жизни. Дать им знания, воспитать нравственно, привить деловые качества, научить ориентироваться в сложных ситуациях. Осторожно, достаточно широко и гибко ориентировать профессионально. Но осуществлять селекцию, стратификацию? Пусть жизнь стратифицирует людей, а школа должна олицетворять идею социального равенства, равенства шансов и т. п. Она должна формировать так называемые элитарные ориентации по возможности у всех детей, а не у некоторых, не у избранных. К тому же история учит:

ставка на избранных, на социальную селекцию, на закрытую подготовку элиты в конечном счете завершается крахом. Например Спарта: ориентация на элиту, избранных, формирование элитарных качеств и в результате — крах. Элита царской России готовилась в специальных учебных заведениях, лучшими воспитателями, среди которых были В. А. Жуковский, Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев и др. И чем это кончилось? Вырождением. Когда пришла революция, русская аристократия не сумела организовать, она даже не поняла, не увидела разницы между революцией и хлебными бунтами.

Глава 11. Образование как «образование» человека

273

Тем более в демократическом обществе (а мы хотим построить демократическое общество) мы должны ориентироваться на массу¹, на открытую подготовку будущих специалистов, достойных граждан, среди которых, естественно, могут формироваться и будущие руководители страны. У В. И. Ленина есть мысль: каждая кухарка, рабочий и солдат могут привлекаться к управлению государством. Недобросовестные люди эту мысль совершенно исказили, а ведь она верна. В демократическом обществе каждый человек по определению может и должен участвовать в управлении общественными делами. Другое дело, что и он сам, и общество должны его к этому готовить. Готовить всех, а там как получится в жизни.

Нормальное, подлинное демократическое общество перестает быть элитарным. Мы ведь говорим, что демократическое общество — это общество, где господствует воля большинства; но раз так, нужно, чтобы это большинство было грамотным, образованным, нравственным, умело управлять, т. е. обладать теми качествами, о которых пока мы говорим как об элитарных качествах.

Все сказанное выше, разумеется, относится и к высшей школе. Изменение содержания труда в условиях высокотехнологизированного и автоматизированного производства приводит к возрастанию доли «мозгоемких» отраслей и профессий. На крупных предприятиях наряду с инженерами и конструкторами все более заметное место занимают и будут занимать физики, химики, математики, И не только представители естественных наук, но и гуманитарных: экономисты, социологи, психологи, специалисты по промышленной эстетике.

В условиях кибернетизации производства эта тенденция еще более усиливается. Кибернетизация приводит, с одной стороны, к появлению новых профессий и специальностей: инженеров по эксплуатации машиночислительных станций и вычислительных центров; инженеров-программистов, инженеров-киберне-

¹ В конце концов масса — не толпа, масса — народ. Так называемая массовая культура — понятие противоречивое. В худших своих образцах она навязывается массам именно элитой (пример тому наши СМИ), стремящейся превратить народные массы в толпу, в конгломерат людей, не любящих свободы, бегущих от нее, ненавидящих все индивидуальное, оригинальное, готовых слепо следовать за своими вожаками.

18-6325

274 Социальные и духовные ценности на рубеже II и IН-тысячелетий

тиков и т. д. С другой стороны, под влиянием механизации и автоматизации управленческого труда полностью меняется содержание профессиональных функций ряда специалистов.

Сегодня инженеру требуется больше знаний в области управления производством и в то же время он не может обойтись без глубоких технологических знаний. Инженеру нового типа следует обладать большими знаниями прикладной математики, экономики, информатики и ряда гуманитарных наук. Вместе с тем ему необходимо иметь еще более обостренную способность сосредоточиваться на конкретных проблемах производства и его технологии. Все это, конечно, в корне меняет требования к подготовке специалистов.

Основная тенденция развития высшего образования в современных условиях должна заключаться в двуедином подходе; с одной стороны, в стремлении дать будущим

специалистам более глубокие и широкие знания как в различных областях точных, естественных, технических, так и гуманитарных наук, с другой — углубить их профессиональную подготовку. Необходимо снабдить выпускника знаниями, которые будут помогать ему свободно ориентироваться в сложных условиях быстрых перемен.

Современный специалист должен готовиться и как ученый. Его будущее определяется также способностью к исследовательской работе. В учебных планах технических вузов все большее место должно отводиться фундаментальным наукам, курсам по математике, физике, химии. Специализацию инженера, вероятно, целесообразно завершать непосредственно в условиях производства.

И, как уже отмечалось, в подготовке инженеров наряду с техническими курсами возрастает значение гуманитарных и общественных дисциплин. Гуманитаризация и гуманизация образования должны ликвидировать исторически сложившийся разрыв между науками о природе и обществе, повысить общую эрудицию научно-технических кадров. Преподавание общественных дисциплин и в первую очередь философии, истории, политической экономии, социологии, политологии, социальной психологии, культурологии, правовых наук, иностранных языков, эстетики, классической литературы вооружает специалиста научной методологией изучения общественных процес-

Глава 11. Образование как «образование» человека 275

сов и явлений, приобщает его к сокровищам человеческой культуры.

В этой связи уместно привести суждения об университете, университетском образовании выдающегося философа, представителя немецкой классической философии И. Канта («Спор факультетов»).

Цели правительства идут в следующем порядке: сначала *вечное* благополучие каждого, затем *гражданское* благополучие [каждого] как члена общества и, наконец, физическое благополучие каждого (жить долго и быть здоровым).

Поэтому в вузах, в университетах должна существовать следующая иерархия факультетов: сначала *богословский*, затем юридический и, наконец, *медицинский*.

Однако согласно природному инстинкту главное лицо для человека — врач, ибо он продлевает человеку жизнь, лишь затем идет юрист, который обещает сохранить за ним то, что *принадлежит* ему случайно, и только в последнюю очередь, хотя речь идет о блаженстве, человек посылает за духовным лицом.

Вместе с тем в каждом университете должен быть философский факультет. Он должен контролировать три высших факультета, ибо важнее всего *истина* (существенное и первое условие учености вообще).

Философский факультет имеет два отделения: отделение *исторического познания* (к которому относятся история, география, языкознание, гуманистика со всем, что дает природоведение, опирающееся на эмпирическое знание) и отделение чистого познания разумом (чистой математики и чистой философии, метафизики природы и нравов); между обоими отделениями существует взаимная связь. Именно поэтому философский факультет включает все части человеческого знания, но делает все эти части не содержанием, а лишь предметом своего исследования и своей критики, имея целью пользу всех наук.

Относительно общей структуры университета, университетского образования сегодня, вероятно, не во всем можно согласиться с выдающимся философом, однако что касается содержания целей образования, роли и значения философии в университете, то его суждения весьма актуальны и плодотворны.

Видный русский философ С. Н. Трубецкой охарактеризовал университет как рассадник высшего научного образования, который в отличие от других специальных высших учебных заве-

18«

276 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

дений преследует специальные цели, обнимает в себе преподавание всех наук: он

есть университет всех отраслей знания: *universitas scientiarum*. _ у

Важное значение университету, университетскому образованию придавали такие выдающиеся мыслители, как К. Ясперс и Х. Ортега-и-Гассет. К. Ясперс в книге «Идея университета» (1949) подчеркивает: «Решая три задачи: профессиональную подготовку, образование человека и исследовательскую работу, университет, таким образом, одновременно выступает в виде профессионального, культурного и исследовательского институтов. Порой предпринимается попытка заставить университет сделать выбор между этими тремя возможностями... Но все дело в том, что в самой идее университета три аспекта его деятельности представлены в неразрывном единстве. Ни один из них нельзя изъять, не нарушив интеллектуальную атмосферу, присущую университету, и одновременно не нанеся ущерба самой выделяемой функции. Все три аспекта — составляющие элементы живого целого. Если их изолировать друг от друга, то будет утрачен сам дух университетского образования».

«В строгом значении этого понятия, — отмечает Х. Ортега-и-Гассет в работе «Миссия университета», — университет означает институт, который помогает обыкновенному студенту стать культурным человеком и хорошим специалистом».

Бесспорно, что в век научно-технической революции не может считаться эрудированным технически неграмотный человек. Поэтому и студентам гуманитарных факультетов целесообразно на выбор предлагать ряд курсов в области физики, математики, естествознания, инженерных наук. Прежде всего физики, подчеркивает доктор физико-математических наук, профессор Государственного научного центра Российской Федерации «Институт теоретической и экспериментальной физики» И. А. Радкевич. Указывая на роль физики в науке, ученый пишет, что «в науке выделилось множество разделов, однако доминирующее положение занимает физика, ее закономерности лежат в основе практически всех естественных наук». Это легко доказать, продолжает он, «даже простым перечислением различных наук, в названии которых присутствует слово «физика» или «физическая»: физическая астрономия, физическая механика, физическая химия, физика твердого тела, физика ядра, физика элементарных частиц, биофизика, физика атмосферы».

Глава 11. Образование как «образование» человека 277

ры, физика моря и т. д. Более того, физические методы исследования стали ныне довольно широко внедряться и в новых направлениях, таких, как медицинская физика, физическая экономика, физические основы управления».

И. А. Радкевич отмечает также, что в западных университетах изучению физики уделяется все большее внимание, в том числе и для гуманитарных специальностей. По мнению западных ученых, физика закладывает основы для фундаментального понимания законов природы. А это в свою очередь создает хорошую базу в эру быстро меняющихся технологий для весьма широкого спектра специальностей, простирающихся от физики к астрономии, биологическим наукам, инженерии, медицине, экономике, юриспруденции и т. д.

По мнению ученых Гарвардского университета, образованный человек — это тот, который:

- способен мыслить четко и ясно и так же четко и ясно излагать свои мысли в письменном виде;
- в достаточной мере знаком с основными научными направлениями, имеет возможность использовать свой собственный опыт в контексте другой культуры;
- имеет представление о морально-этических проблемах, а также опыт их решения;
- достиг глубины в какой-то определенной сфере знания.

Подобный подход к принципам и целям образования, очевидно, поможет преодолеть известное противоречие между естественными науками и гуманитарным

знанием, на которое в свое время так пронизательно указал Ч. Сноу в книге «Две культуры»: «...На одном полюсе — художественная интеллигенция, на другом — ученые... Их разделяет стена непонимания и иногда (особенно среди молодежи) антипатии и вражды, но главное, конечно, непонимания... Они настолько по-разному относятся к одним и тем же вещам, что не могут найти общий язык даже в области чувств».

Конечно, специализация, профессионализм необходимы. Всеядность — это ловушка. И все-таки специализация, профессионализм должны быть органично связаны с развитием общей культуры. Слабость специалиста в том, что он знает только свои знания и потому привыкает мыслить и действовать узко, как механизм. Культура позволяет специалисту интенсивнее общаться, сотрудничать с другими, т. е. приобретать новый

278 Социальные и духовные ценности на рубеже II и I тысячелетий

опыт, новые знания. Культура приобщает к другим областям знаний, а именно на стыке различных дисциплин сегодня как раз и делаются открытия. —

*_

И еще проблема. Поскольку сегодня от преподавателя вуза требуется не канонизировать ранее высказанные идеи и мнения, а развивать критический взгляд на вещи, не предлагать готовые рецепты, а поощрять исследовательский пыл (преподаватель должен вооружать студентов знанием основных концепций современной науки, вызвать интерес к творчеству и научить его методам научного исследования), постольку в связи с этим важной становится проблема максимальной индивидуализации вузовского образования. Как говорил Т. Джефферсон, нет большей несправедливости, чем одинаковое отношение к людям разных способностей.

Существующие академические программы и методы обучения рассчитаны в основном на студентов средних способностей. Сейчас на первый план все более выдвигается наиболее раннее выявление и развитие потенциальных способностей студента. Все это требует, чтобы высшая школа больше уделяла внимания изучению личности студента, выявлению его интересов и склонностей. Максимальная индивидуализация обучения лучше всего достигается на путях самостоятельной исследовательской работы. Это требует, очевидно, сокращения обязательной части учебных планов и расширения факультативной.

Система образования, основанная на подобных принципах, всегда будет в состоянии готовить специалистов, обладающих навыками самостоятельного критического мышления, активными знаниями и умением их практически реализовать. Это будут люди, способные двинуть вперед научно-техническую, общественную мысль, обогатить ее новыми открытиями и изобретениями.

В современных условиях особое значение приобретает образование взрослых. Переход от экономики материальной к экономике информатики вызывает сложные проблемы. Действительность такова, что многим людям из-за внедрения новых, прежде всего информационных, технологий потребуется поменять профессию. А это сделать отнюдь не легко. В результате новые технологии могут превратиться в новое средство отторжения, маргинализации людей. Поэтому образование взрослых — это не только право (что само собой разумеется), но и

Глава 11. Образование как «образование» человека

279

средство выживания, оно существенная поддержка многих людей. Во всяком случае даже в США 30—40% работающих находятся сегодня в «рисковой ситуации» из-за слабого уровня подготовки.

И безусловно, в процессе образования важное значение имеют взаимоотношения учителя и учеников. Разумеется, определяющую роль в этом взаимодействии играет учитель, передающий ученикам знания и нравственно воспитывающий их. В свое время выдающийся философ, представитель классической немецкой философии И. Фихте высказал очень интересные и содержательные мысли, сохранившие свою актуальность, о

роли ученого. Ученый не может ограничиваться передачей ученику только специальных знаний, необходимых для его профессионального становления. Это важно, но не достаточно. Ученый должен давать знание задатков и потребностей человека (философское знание), знание об их развитии и средств их удовлетворения (это знание отчасти основано на опыте и поэтому является философско-историческим); он должен также давать знания, на какой определенной ступени культуры в определенное время находится то общество, членами которого мы все являемся, на какую определенную высоту оно отсюда может подняться и какими средствами оно для этого должно воспользоваться (это знание основано на опыте и потому является историческим).

Эти три вида познания должны выступать всегда в единстве и называться ученостью. И тот, кто посвящает себя, свою жизнь приобретению этих знаний, называется ученым. Следовательно, назначение ученого сословия — *высшее наблюдение над действительным развитием человеческого рода в общем и постоянное содействие этому развитию. Ученый по своему назначению — учитель человеческого рода.*

Ученый по преимуществу предназначен для общества: поскольку он ученый, он больше, чем представитель какого-либо другого сословия, существует благодаря обществу и для общества.

Ученый обязан познакомить людей не только в общем с их потребностями и средствами для их удовлетворения, он должен в особенности указывать им во всякое время и на всяком месте потребности, появившиеся именно сейчас, при этих определенных условиях, и определенные средства для достижения сейчас

280 Социальные и духовные ценности на рубеже II и Пгтысячелетий поставленных целей. Он видит не только настоящее, он видит также и будущее.

Он не может требовать, чтобы род человеческий сразу очутился у той цели, которая только привлечет его взор, и не может перепрыгнуть через свой путь; он должен только позаботиться о том, чтобы род человеческий не стоял на месте и не шел назад. В этом смысле ученый — *воспитатель* человечества.

Ученый, осуществляя свое дело, должен находиться под властью нравственного закона; он должен воздействовать на людей только при помощи моральных средств.

Цель ученого — нравственное облагораживание общества. Но он не может достичь этой цели, не будучи сам добрым человеком. Он учит не только словом, он учит примером своей жизни. Следовательно, ученый должен быть нравственно лучшим человеком своего времени, он должен представлять собой высшую ступень возможного в данную эпоху нравственного развития.

И. Фихте считает, что слова, с которыми Иисус Христос обратился к своим ученикам, относятся полностью и к ученому: вы соль земли, если соль теряет свою силу, чем тогда солить? Если избранные среди людей испорчены, где следует искать еще нравственной доброты?

Ученый призван свидетельствовать об истине. В этом смысле он должен быть убежден: моя жизнь и моя судьба не имеют значения. Влияние моей жизни бесконечно велико. Я — жрец истины, я служу ей, я обязан сделать для нее всё: и дерзать, и страдать. Если бы я ради нее подвергался преследованию и был бы ненавидим, если бы я умер у нее на службе, что особенного я совершил бы тогда, что сделал бы я сверх того, что я просто должен был сделать?

Вот на какую высоту поднимает ученого, педагога и воспитателя И. Фихте!

А ученик? Как он должен понимать образование, как он должен понимать просвещение? И. Кант считает, что *просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия*, в котором он находится по собственной вине. *Несовершеннолетие* есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-либо другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое несовершеннолетие, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке

решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude — имей мужество пользоваться *собственным* умом! Таков, следовательно, девиз Просвещения.

Самостоятельность, мужество, стремление преодолеть все преграды на пути к истине — вот что должно отличать ученика, если он хочет стать настоящим ученым, обрести подлинную ученость. В конечном счете образование — это формирование самого человека, развитие его способностей, достижение гармонии всех его творческих сил. Решающий принцип образования: познай самого себя, познай, кто ты есть. Наполни свою жизнь высоким смыслом. Познай окружающий мир, воспитай в себе чувство и сознание ответственности за других людей, близких и далеких, за все происходящее в мире.

Наряду с этим важное значение имеет непосредственная эмоционально-психологическая атмосфера, присущая взаимоотношениям учителя и ученика.

Американский психолог К. Роджерс применительно к сфере психотерапии выделил три главных условия. Первое: «...Психотерапевт должен эмоционально идентифицироваться с клиентом». Второе: «Безусловно позитивное отношение психотерапевта к клиенту». И последнее (главное): «Способность психотерапевта к сопереживанию, т. е. открытость к восприятию внутреннего мира клиента, и стремление довести это до сознания клиента».

Все эти условия К. Роджерс переносит и на сферу образования. «Вероятно, самым главным в отношениях учителя и учеников является истинность, или искренность. Когда у учителя, строящего взаимоотношения с учеником, нет никакого притворства, когда он предстает перед учениками таким, какой он есть, его работа, скорее всего, будет эффективной... Ему может нравиться или не нравиться та или иная работа ученика, однако он не подразумевает при этом, что ученик или его работа объективно хороша или плоха. Он просто выражает свои чувства относительно этой работы, чувства, которые в нем живут. Таким образом, он предстает перед своими учениками личностью, а не безликим воплощением требований программы, некой стерильной трубкой, через которую знания переливаются от одного поколения другому».

282 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Второй вид отношений, по К. Роджерсу, «признание ученика как другой личности, как отдельного человека, имеющего самостоятельную ценность. Это элементарное доверие, убеждение, что этот человек является по сути своей достойным доверия... Это уважение к ученику как еще несовершенному индивиду, обладающему многими чувствами, многими потенциями».

Следующим элементом отношений между учителем и учеником, считает американский психолог, является эмпатическое понимание, т. е. умение почувствовать себя на месте ученика, посмотреть на мир его глазами. При проявлении эмпатии реакция ученика строится по примерно следующей модели: похоже кто-то понимает, каково быть в моем положении, не анализируя и не осуждая меня. Теперь я могу добиваться успеха, расти и учиться.

Но самое главное — это искренность учителя, его способность всегда быть самим собой, подчеркивает К. Роджерс.

Разумеется, подобные отношения между учителем и учениками помогают ученикам скорее и глубже раскрыть свои потенции, развить их, сформироваться как личность и гражданин.

И конечно же, как выше уже отмечалось, составной частью образования является воспитание и самовоспитание нравственности, высоких нравственных принципов. Как справедливо заметил Г. Гегель, просвещение «делает человека умным, но не делает его лучше» {Гегель Г. Работы разных лет: В 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 58}'. Конечно, подлинное познание, раскрывая глубинные связи, помогает осмыслить и сущность бытия, понять смысл собственной жизни человека и, следовательно, способствует его нравственному

возвышению. Так считали, в частности, Сократ, Платон, Аристотель, позднее — философы Просвещения. И все же автоматизма здесь нет. Нужна очищающая работа собственного ума и сердца человека. Человек должен понять, прочувствовать, осознать, что любить он должен только хорошее (М. Монтень), что истина существует и что справедливость

¹ А. И. Солженицын употребляет понятие «образованщина». Человек, принадлежащий к «образованщине», всего лишь некультурный, неинтеллигентный дилетант. Кое-что знает, поэтому спесив, по в сущности глуп.

Глава 11. Образование как «образование» человека

283

возможна на земле (Д. Дидро), что главное быть не судьей, не солдатом, не писателем и поэтом, а человеком (Ж.-Ж. Руссо). ». Бесспорно, правда сегодня заключается в том, что экономическая, техническая и тому подобная мощь человека растет, а нравственность многих людей падает, во всяком случае не соответствует тем задачам, которые стоят перед человечеством. И прежде всего главной из них — самосохранению человеческого рода.

Упадок нравственности сегодня проявляется во многом: в отношении к войнам, природе, женщине, наконец, в отношениях людей друг с другом. Сегодня, правда, в общественном сознании утверждается мысль, что война, глобальная война не столь уж неизбежна. Однако здесь нельзя впадать в иллюзию. В прошлом «равновесие страха» сдерживало СССР и США. Сейчас США — единственная сверхдержава. Не будет ли она, движимая своими стратегическими интересами, желанием сохранить свои человеческие ресурсы, готова применить ядерное оружие даже против небольших государств, например Афганистана, Ирака или Ирана? Этого, как показывают действия США, исключить нельзя.

И вообще опасность войны не исчезнет, пока будут существовать несправедливость, резкие различия между странами богатыми, процветающими и странами, в которых царят бедность, нищета, лишения. Лишь осознав и разрешив эти противоречия, человечество сможет жить в мире спокойствия, стабильности, в мире, основанном на чувстве взаимного уважения и солидарности между людьми и народами.

Но чтобы осознать это, сегодня люди должны подняться на новый, более высокий, чем прежде, уровень самооценки.

И здесь, как никогда велика роль образования. Образование должно вырабатывать в людях ясное понимание необходимости планетарного сохранения жизни — новое качество сознания, не имевшее места в прежние времена.

Уже начальная школа обязана воспитывать детей в духе уничтожения всякого рода антагонизмов и установления справедливого внутригосударственного и мирового порядка. Она должна воспитывать детей в духе любви к свободе, прививать им уважение к свободе и достоинству других людей и народов¹.

¹ Ученые считают, что основные принципы жизни человека зависят от развития его базовых способностей уже в возрасте 3—6 лет.

284 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Если мы, люди, хотим иметь перспективу, мы должны придать всей системе современного образования глобальную гуманистическую направленность.

— *

Образование должно побудить человека решительно и радикально изменить ценностные установки также и по отношению к природе, сформировать новый подход к пониманию ее значимости для жизни общества, для жизни человека.

Примечательно, что наши далекие предки интуитивно чувствовали, что человек — часть природы, слит с ней, что он не может делать с природой все, что хочет, безнаказанно ей вредить. В сущности на заре человечества людям был присущ космоцентрический взгляд на природный и социальный мир, который воспринимался как единое

целое. Всеобщий закон, Логос выражал универсальную рациональность мира. Подчиняться вселенской необходимости было высшим назначением человека.

По мере эволюции человек понял, что он представляет собой самостоятельную силу, что высшее назначение человека зависит от него самого, что он — центр Вселенной, что он — мера всех вещей. Но при этом он «забыл», что он по-прежнему является частью природы, продуктом эволюции природы; он «забыл» свою природную сущность, свое единство с природой, тот решающий факт, что вне природы он не может жить, не может развиваться. Человек «забыл», что природа не только кладовая сырья и ресурсов, к тому же во многом невозможных, но и непосредственное условие воспроизводства человека, его производительных сил. Конечно же, человек — мера всех вещей. Но человек должен знать, что он «ничто без объекта». Л. Фейербах справедливо писал: «По объекту мы можем узнать человека и его сущность. В объекте обнаруживается сущность человека, его истинное объективное "я"».

Человек должен осознать свою ответственность за окружающий его мир, должен гармонизировать свои отношения с природой. Без этого трудно надеяться на то, что конфликт между природой и обществом разрешится благополучно.

Многие люди и прежде, и сегодня утверждение нравственных принципов связывают с религией. Почему? Прежде всего потому, что человек по-прежнему отчужден от своей деятельности и ее результатов, от государства, власти, от других людей. Человек стремится к гармонии и счастью, но для большинства это недостижимо.

Глава 11. Образование как «образование» человека 285

Научные объяснения принципов мироздания многим людям кажутся фрагментарными (и это пока так и есть), сложными и непонятными. К тому же научные знания зачастую объективистски бесстрастны, им не хватает человечности, гуманности.

Я полагаю, что жестокость, бескомпромиссность, фанатизм губительны для всех сфер жизни человека, в том числе, конечно, и для науки. Наука, разум, рационализм также должны быть демократичными; они также должны знать границы и последствия своей применимости. И. Кант был прав, когда занялся критикой ума. Его заслуга в том, что он четко обрисовал границы применения низшей интеллектуальной способности — рассудка и вместе с тем раскрыл конститутивную, созидательную функцию высшей ступени познания — разума, указав на нравственность как на сферу, где эта функция проявляется.

Однако в любом случае недооценка науки, разума, рациональности опасна. Рационалистическая традиция, как правило, связана с реальной действительностью, с человеком. Отказ от разума, недооценка разума ведут к иррациональному. К его худшим проявлениям. Бесспорно, нет смысла и невозможно вообще отвергнуть иррациональное. В жизни отдельного человека, коллектива людей оно выявляется на уровне подсознания, коллективного бессознательного и т. п. «Излишне доказывать, — писал в свое время выдающийся социолог П. Сорокин, — что каждый источник познания, будь то чувство, разум или интуиция, представляют важное знание многосторонней действительности. Интуиция в своей обычной форме как мгновенное и прямое понимание некоей реальности отлична от чувственного восприятия и логического мышления, дает знание существенных аспектов действительности... она открывает нам аспекты объективной реальности, которые недоступны нашим чувствам и логике». П. Сорокин подчеркивал, что «в области философии, гуманитарных и социальных научных дисциплин роль интуиции существенно выше. Это хорошо подтверждается тем фактом, что почти все основные теории были сформулированы очень давно, когда не существовало ни лабораторий, ни статистики, ни систематических данных наблюдений». Конечно, признавал он, «в ряде случаев интуитивному открытию предшествовала напряженная работа чувственного или дискурсивного разума». Однако «важно то, что решение приходит интуитивно» (см.: *Сорокин П. Человек, цивилизация, общество*).

286 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Но в любом случае, не рациональные формы познания так или иначе дополняются

рационально-логическими формами, ограничиваются, контролируются сознанием, социальными нормами поведения людей, культурой.

Я отвергаю сознательное или бессознательное противопоставление разуму, рациональному мышлению таких проявлений иррационализма, как мистика, обскурантизм, бегство мысли в агностицизм, страх перед новым, уход в мир грез, возвращение к мифу.

В нашей стране иррационализм принял сегодня угрожающие размах и формы. Люди верят всякого рода прорицателям, гаданиям, заклинаниям, магическим амулетам. Это неизбежно обернется, уже оборачивается неуважением к человеку, науке, разуму. Может привести и к торжеству политической реакции. Без разума, без познания мира, без деятельности не утвердится и добро.

Вероятно, тот вызов добру, абстрактной морали, который характерен для Ф. Ницше и Л. Шестова, был в известной степени оправдан. Абстрактное добро бессильно, оно не дает никакой надежды страдающему человеку: оно не спасет. Чтобы спастись, выжить, чтобы завтра прогресс нас не раздавил, мы должны сегодня органически соединить науку, мораль и гуманизм.

Человечество научится применять свое собственное могущество, предвидеть и предупреждать любые нежелательные последствия своей деятельности, предотвращать вольное или невольное злоупотребление научно-техническими и другими своими достижениями, когда поймет, что самая высокая ценность — это жизнь на земле, что сегодня жизнь на земле под угрозой, что природа — не только предмет или полезная вещь для человека, но имеет самодовлеющую ценность, что само человечество, несмотря на государственные, национальные, социальные, культурные различия, едино, когда человечество осознает свою ответственность за все живое, когда люди сознательно, планомерно, здесь и сейчас, предпримут совместные усилия для спасения и развития природы, культуры, жизни.

Важной задачей образования является также формирование облика гражданского общества, в котором люди будут чувствовать себя свободными людьми, вместе с тем солидарно сотруд-

^

Глава 11. Образование как «образование» человека

287

начающими друг с другом в интересах развития и упрочения их сообщества.

«. Образование должно раскрывать людям, что гражданское общество — это общество, в котором государство безоговорочно признает основные права и свободы человека: слова, собраний, вероисповедания, равенство всех перед законом, имеет конституцию, базируется на разделении законодательной, исполнительной и судебной властей; граждане имеют возможность осуществлять контроль за деятельностью государственных органов, полномочия которых к тому же ограничены определенными сроками, все граждане имеют возможность принимать участие в выборах представительных органов и т. д.

Образование должно разъяснить людям раз и навсегда: монополия на власть ведет к бесправию, угнетению, террору. Разделение власти — основа для независимости государства от права, основа правового государства.

Однако, бесспорно, подлинная демократия и свобода могут существовать только там, где равенство всех перед законом, всеобщее избирательное право дополнены, закреплены гражданским правом на труд, обеспечение работой, на доход, позволяющий жить достойно, правом на образование и другими социальными правами.

Образованный, нравственный человек должен решительно выступать за то, чтобы у власти были честные, нравственные люди, чтобы государство добивалось достижения своих целей нравственными средствами.

Особенно важное, единственно действенное, как считает К. Ясперс, средство, для того чтобы утвердилась подлинная демократия, — это приобщать всех людей к знанию,

пробуждать их волю, чтобы они научились, размышляя, постепенно осознавать ее. Людей отнюдь не следует учить, как в школе, только техническим приемам и навыкам (если они научатся только этому, то превратятся лишь в орудия рабства, способные выполнять фашистские требования: верить, повиноваться, сражаться). Для того чтобы выносить самостоятельное суждение, людям следует научиться критически мыслить и понимать, им необходим мир истории и философии, подчеркивает философ. В процессе постоянного роста образования надо поднять все население на более высокий уровень, вести его от частичного

288 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий
знания к полному, от случайных минутных мыслей к методическому мышлению, чтобы каждый человек поднялся над догмой и вознесся к свободе. —

^

В этом заключается надежда на то, что большинство людей достигнет в своем развитии такого уровня, который позволит им в ходе выборов сознательно и обдуманно принимать наилучшие решения.

Второй путь, по мнению К. Ясперса, — практическое самовоспитание народа посредством участия большинства в решении конкретных задач. Поэтому для развития демократического этоса необходимо свободное и ответственное за свои действия коммунальное управление. Только то, чему люди учатся в своей повседневной практике, что они постоянно совершают в узкой сфере своей жизни, может сделать их достаточно зрелыми для демократической деятельности во все больших размерах.

Необходимый фактор образования и воспитания — это знание истории. История помогает ориентироваться в вопросах собственного происхождения, жизни других народов, помогает полнее и взвешеннее оценивать сделанное, намечать перспективу.

Нам, россиянам, сегодня, как никогда прежде, необходимо акцентировать внимание на истории нашего народа, его борьбы за политическую свободу, за освобождение духа. Нам нужно преодолеть в себе верноподданнический образ мышления. Нужно уже в детях воспитывать способность к независимому политическому мышлению, укреплять в них дух свободы, достоинства и чести, их нужно знакомить с государственными проблемами, учить их выносить верные морально-политические суждения. Воспитывать в них гражданские устремления.

Это требует честного отношения к истории своей страны. Не нужно ничего приукрашивать, не нужно любить родину с закрытыми глазами и запертыми устами (П. Я. Чаадаев), но аморально чернить историю своей страны при каждом крутом политическом повороте событий в угоду новой власти. Нужно быть объективными, нужно уметь вскрывать объективные и субъективные причины тех или иных событий, тех или иных действий бывших руководителей. Бесспорно, нельзя, ссылаясь на объективность, оправдывать все; все, что было недостойного в нашей истории, должно быть осуждено и отвергнуто. Однако

Глава 11. Образование как «образование» человека 289

надо помнить, что каждое последующее поколение стоит на плечах предшествующего. Поэтому Б. Брехт был безусловно прав, обращаясь к потомкам:

Вы, те, кто выплывут из потока,

В котором мы утонули,

Вспомните,

О наших слабостях говоря,

И о тех темных временах,

Которых вы избежали.

При этом, однако, мы знаем:

И ненависть к низости

Искажает черты.

И гнев из-за бесправия

Делает хриплым и пса.
Да, мы,
Желавшие подготовить почву для дружелюбия,
Не могли сами быть дружелюбными.
Но вы, если будет такое время,
Когда человек человеку помощником станет,
Вспомните о нас
Со снисхождением.
(Б. Брехт. К тем, кто придет после нас)

Конечно, каковы будут молодые граждане, выходящие из школы, как они будут знать историю своей страны, зависит от учителей. От учителя школы во многом, может быть в решающей степени, зависит судьба народа. В свое время, когда оценивались итоги франко-прусской войны 1870—1871 гг., говорилось, что при Садовой, решающем сражении этой войны, победил прусский учитель. В приходе фашистов к власти в Германии, в моральном разложении ее молодежи учительский корпус также сыграл роковую роль. Все это говорит о том, что учитель — ключевая фигура образования и воспитания.

К сожалению, правящие российские политики, общество в целом не понимают это и плохо, неуважительно относятся к учителю. Его заработная плата низкая, жилищные условия неудовлетворительные, он перегружен, его статус в общественном мнении низок. «Срам стране, где учителя пребывают в бедности и в нищете. Стыд тем, кто знает, что детей учит бедствующий человек. Не только срам народу, который не заботится об учителях будущего поколения, но и знак невежества. Можно ли

19-6325

290 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

забывать, какое излучение дает горе? Можно ли не знать, что дух подавленный не вызывает восторга? Можно ли считать учительство ничтожным занятием? Труд учителя должен быть вознагражден не только материально, но и общим уважением. Учительство есть одна из высших ступеней государства... Народ, забыв учителя, забыл свое будущее» (Е. И. Рёрих). Но учителя выходят из народа. Следовательно, каков народ, какова его повседневная жизнь, каковы его идеалы, таковы и учителя.

И учитель и его ученики должны непрерывно учиться. Они должны участвовать в политической жизни, ибо в конце концов решающее значение для воспитания, особенно политического, имеет практика.

Сегодня важнейшим фактором стабильного развития человечества является упрочение взаимодействия и сотрудничества народов и наций.

И ясно, что задачу укрепления единства народов и наций мы не решим без просвещения, воспитания, деятельности по повышению образованности, развитию культуры людей. Сейчас немало людей, особенно в бывшем СССР, в сегодняшней России рассчитывают, что именно национальное разъединение поможет решить задачу возрождения наций.

Бесспорно, единство планеты должно основываться на признании разнообразия наций (как и личностей). И. Кант, анализируя условия «вечного мира», писал: «Вследствие успехов цивилизации и по мере того как люди становятся самостоятельнее, разнообразие ведет к согласию в условиях такого мира, который, в отличие от мира, основанного на деспотизме, устанавливается и обеспечивается не ослаблением всех сил, но, напротив, их равновесием...»

Разумеется, каждой нации присуща своя культура. Национальная культура — это не просто обычай, который, как пишет американский ученый Э. Холл, «можно одеть или снять как костюм». Э. Холл подчеркивает: как бы ни старался человек избавиться от своей культуры, он не может этого добиться, потому что она проникает в корни его нервной системы и определяет то, каким образом он воспринимает мир. Большая часть культуры

остаётся скрытой и находится за пределами сознательного контроля, составляя основу человеческого существования. Даже в том случае, когда небольшие частички культуры становятся частью сознательной жизни, их трудно изменить, не

Глава II. Образование как «образование» человека

291

потому что они были прочувствованы и прожиты людьми, а потому, что люди не могут действовать или взаимодействовать каким-либо осмысленным способом, кроме как через посредство культуры.

Однако каждая национальная культура развивается лишь во взаимодействии с культурами других народов. Во взаимодействии и взаимовлиянии культур складывается мировая культура, ценность которой — в многообразии духовных традиций, взглядов, навыков.

Известный российский ученый С. С. Аверинцев, бесспорно, прав: «...Мы живем в такие времена, когда, ненаучно выражаясь, все слова уже сказаны... Недаром... Карл Ясперс возвел способствование коммуникации в ранг гносеологического критерия истины... Бубер и... Бахтин превратили понятие диалога из литературного жанра в философскую категорию. Жизненно важно, чтобы встреча позиций не превратилась в индифферентное смешение... Из сегодняшней культуры, никто не должен быть исключен» (Аверинцев С. Противочувствие. Красная книга культуры. М., 1989. С. 337).

Сегодня много говорится о толерантности, терпимости в отношениях и между людьми, и между народами. Но толерантность не должна восприниматься лишь как принцип: «Я проявляю терпимость», подлинная толерантность базируется на принципе: «Я уважаю». Толерантность — это не просто толерантное сосуществование, не просто признание фактической взаимозависимости; толерантность — это активное сотрудничество, сознательная солидарность, совместные усилия по защите разнообразия культур различных народов. И здесь вновь велика роль образования.

Действительно, когда существует расовая или национальная вражда, когда льется кровь, то во многом виной тому образование. Естественно, после политики и политиков. Если бы образованием не манипулировали ради сомнительных политических целей, если бы ученые, преподаватели отказались обосновывать, оправдывать рознь между людьми и народами, если бы они были более объективны в оценке прошлого, если бы они объединились в защите духовных ценностей различных народов, если бы они стремились соединить их с мировыми ценностями, тогда люди не становились бы так легко жертвами пропаганды, лжи и клеветы.

19«

292 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

Как сказал Ж. Делор, люди должны осознать, что «мир — это наша деревня: если один дом загорается, то появляется неминуемая угроза крову и над нашей головой. Если кто-либо из нас в одиночку постарается начать постройку, то его усилия будут носить чисто символический характер. На повестку дня следует поставить солидарность: каждый из нас должен нести *свою* собственную долю нашей общей ответственности».

Народам надо жить в условиях солидарности и сотрудничества, если они не хотят вновь познать варварство. Солидарность.— это прежде всего признание различий, отказ от любой иерархии между народами и нациями. Солидарность означает, что вне зависимости от различий все стремятся к установлению в мировом масштабе нового экономического, социального и культурного порядка, который возвысился бы над национальным эгоизмом и позволил человеку организовать условия жизни более рационально, более честно, чтобы каждый мог жить свободным и счастливым, в братстве со своим ближним, кем бы он ни был. Нужно понять (и это важная задача образования), что альтернативой солидарности может быть только террор и усиление неравенства, которые способны привести народы к трагическому и опустошительному столкновению, разрушению всего созданного за тысячелетия гением человека.

Конечно, каждый из нас осознает, должен осознавать свою принадлежность к той или иной нации, причастность к той или иной национальной культуре. Но, во-первых, мы должны признавать равенство и уважать права всех народов и наций, и, во-вторых, исходить из того принципа, что гражданское самосознание принадлежности к государству, в котором действуют единые законы, гарантируются права и свободы всех граждан, выражает более высокое чувство, более высокое сознание. Исходя из такой диалектики гражданственности и этнической принадлежности только и можно решать межнациональные проблемы. Именно такая диалектика должна быть присуща и современной системе образования, если мы хотим создать новый мир, мир объединенных наций, уважающих друг друга, сотрудничающих и солидарных друг с другом.

Итак, современное образование, чтобы обеспечить развитие человечества, должно в центр своей деятельности поставить человека, человека разумного, нравственно ответственного, оно должно прежде всего утверждать общечеловеческие ценности.

■

Глава 11. Образование как «образование» человека

293

Человек — свободный, заинтересованно, творчески относящийся к жизни, труду, культуре. Человек — разумный, ответственный, стремящийся к прекрасному. Вот — цель образования.

Человек — разумный. Да, разум — это еще не всё. Да, критика в адрес разума, рации во многом обоснованна.

И все-таки Просвещение, просветители были правы: всё должно оправдать свое существование перед лицом разума. И как без разума примирить, соединить свободу и необходимость, личный интерес и общественное благо, понять, что такое справедливость, равенство, как без разума быть нравственным?

В любом случае без разума, без рации нет нормальной социальной и духовной жизни человека. И в прошлом, и в настоящем любой действительный прогресс был предопределен разумом, рационализмом. Из истории мы знаем: когда дискредитировался разум, рацию, дискредитировался и человек.

И в чем, с точки зрения разума, сущности человека, должно заключаться счастье человека? Как отмечает Э. Фромм, давая четкую, сжатую характеристику человеческого счастья, собственное счастье разумный человек должен видеть в том, чтобы *быть многим*, а отнюдь не в том, чтобы *обладать многим*, иметь много. Человек должен стремиться не к власти, не к превосходству над людьми, а к солидарности с ними.

Человек — нравственный, ответственный. Человек обязан четко различать добро и зло, стремиться к добру. Он должен испытывать чувство онтологической вины за все происходящее в мире. Совесть, чувство онтологической вины должны сегодня выдвинуться на первый план в иерархии человеческих ценностей и норм поведения. В свое время И. Кант для соблюдения максимы «человек, его жизнь и свобода — превыше всего» сформулировал формальное правило: «Поступай так, чтобы ты и другой могли сказать, что твои поступки одновременно являются и всеобщим законом поведения». Каждый, кто игнорирует эту максиму, поступает аморально и асоциально.

Каждый отдельный человек должен сказать себе: пусть я лично не несу политическую вину за войны, гибель людей, разрушение природы, нищету, болезни, отсталость многих стран, но я должен испытывать чувство онтологической, или «метафизической», вины за все случившееся в мире. И если у всех людей сформируется это чувство, значит, у всех возникнет сво-

294 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

бодная добрая воля (в кантовском духе) действовать на благо человека и человечества.

Человек — эстетически воспитанный, понимающий, переживающий красоту, прекрасное, возвышенное. Ч. Дарвин считал поэзию и музыку необходимыми

упражнениями духа; утрату вкуса к ним он считал пагубной для интеллекта и, что даже более вероятно, для моральных устоев. А. Эйнштейн, Н. Бор и другие выдающиеся ученые также рассматривали искусство как важный импульс для научного творчества, развития интеллекта человека. Наряду с этим выдающиеся ученые считают, что сама наука, научное творчество вызывают радость и наслаждение, ощущение прекрасного. «На пороге кончины я не буду испытывать чувства напрасно прожитой жизни. Я увижу красные отблески заката, утреннюю росу и блестящий в лучах солнца снег; я услышу шум дождя после засухи и рев бурной Атлантики, разбивающей свои волны о гранитные утесы Корнуолла. Наука больше, чем что-либо на свете, может дарить людям эти и другие радости. Если она будет делать это и впредь, то ее мощь найдет мудрое применение», — так писал Б. Рассел, один из создателей современной математической логики. Наше образование недооценивает воздействие искусства на интеллектуальное и моральное развитие человека. Между тем искусство, литература в огромной степени помогают преодолеть разобщенность, обособленность человечества, формируют его мировое единство.

Ф. М. Достоевский был уверен, что красота спасет мир. Конечно, вместе с разумом и нравственностью. Мы сумеем сохранить цивилизацию, приумножить ее богатства, создать, базируясь на высших достижениях прошлого, новую общечеловеческую мировую цивилизацию, если будем понимать, ценить, любить, создавать литературу, музыку, изобразительное искусство, если добьемся, чтобы духовные ценности вошли в плоть и кровь, в быт, привычку (В. И. Ленин) каждого из нас, если поймем, что все люди — дети человечества, что они — братья.

И долг всех тех, кто посвятил себя делу образования людей, долг всех образованных граждан учить людей пониманию того, что человек, его жизнь и счастье — превыше всего; что без свободы, справедливости, солидарности, без равенства шансов, демократии, прав человека и гражданина нет настоящей жизни, нет полноценного сообщества людей. Их задача, их долг заклю-

Глава 11. Образование как «образование» человека

295

чаются также в том, чтобы воспитывать в людях совесть, чувство вины, ответственности за нашу планету.

Объединяющим принципом, стержнем всей системы современного образования должно быть «благоговение перед жизнью», оценка человека как высшей ценности. «Я есть жизнь, которая хочет жить» — вот, по А. Швейцеру, первоначало человеческого бытия, основа нового гуманизма. И, разумеется, оптимизм. Понятно, что не в лейбницевском духе: все к лучшему в этом лучшем из миров. Но в любом случае пессимизм — это «понижение воли к жизни». Это отказ от гуманизма.

Если мы не хотим погибать, хотим выжить, идти вперед, мы должны быть оптимистами, утверждать оптимистическое мировоззрение. В сущности, раз мы ясно осознаем наши болезни, так критически говорим об их симптомах, раз мы хотим бороться, мы заставим болезнь отступить. Все зависит от самого человека. От его мудрости, воли, совести, действий.

Генеральный директор ЮНЕСКО Ф.-М. Сарагоса, размышляя о жгучих проблемах, стоящих сегодня перед человечеством, пришел к выводу: «Есть пределы роста. Но нет пределов познанию. Это две основные точки отсчета для обновления нашего мышления. Они должны служить ориентиром, помогать людям предвидеть то, что позднее обернется необходимостью. Будущее человечества зависит от того, сумеем ли мы повернуть человечество от войны к миру, от угнетения к свободе, от экономического прогресса к развитию культуры. Чтобы сохранить надежду, нельзя медлить. Завтра может быть поздно. Вернее, завтра всегда поздно». Согласен с этим выводом. Но надеюсь, что присущий человеку жизнетворческий дух заставит его пережить внутреннее очищение, катарсис, обновление. Он сможет сказать себе: я должен, я хочу, я могу. Обновленный человек создаст новый, действительно прекрасный мир.

Осознанием, решением этой задачи, достижением этой цели должно быть пронизано современное образование. Именно эта задача, эта цель делают образование важнейшим фактором социального прогресса, становления и развития новой цивилизации, утверждения гуманизма как подлинного бытия человека.

- *

Глава 12

Россия в XXI веке:

социальные и духовные ориентиры

А теперь о России, перспективах российского общества, государства. Ясно, чтобы совершенствовать общество, государство, надо учитывать специфику истории страны, духа ее народа. Не случайно русские мыслители на протяжении XIX и XX вв. ожесточенно спорили о судьбе России, о том, правильным ли путем она шла, имеет ли она будущее.

Особенно остро спорили они относительно влияния на историю нашей родины 250-летнего монголо-татарского ига, о ее взаимоотношениях с западными странами. Как отмечал выдающийся русский историк В. О. Ключевский, в результате монголо-татарского ига Русь «была отброшена назад на несколько столетий, и в те века, когда цеховая промышленность Запада переходила к эпохе первоначального накопления, русская ремесленная промышленность должна была вторично проходить часть того исторического пути, который был преодолен до Батыея».

Но противник был не только на востоке и юге страны, внешняя угроза постоянно исходила и с западных границ. В период своего формирования (за 234 года, 1128—1462 гг.) великорусская народность вынесла 160 внешних войн. В XVI в. Московия почти постоянно (43 года) воевала против Речи Посполитой, Ливонского ордена и Швеции, разумеется, ни на один год не прерывая борьбы против татар на южных, юго-восточных и восточных границах. В XVII в. Россия воевала 48 лет, в XVIII в. еще больше — 56 лет (подсчеты В. О. Ключевского).

Историк Н. М. Карамзин также отмечает, что монголо-татары, конечно, задержали культурное и гражданское развитие России, тем не менее они не сломали характер русских: «Не ослепляясь народным самолюбием, скажем, что россияне сих веков в сравнении с другими европейцами могли по справедливости казаться невеждами; однако же не утратили всех признаков гражданского образования и доказали, сколь оно живуче под

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 297

самыми сильными ударами варварства». Он считает, что, несмотря на тяжелый ущерб, нанесенный русской культуре, «Россия угнетенная, подавленная всякими бедствиями, уцелела и восстала в новом величии, так что история едва ли представляет нам два примера в сем роде». Несмотря на монголо-татарский гнет, «россияне вышли из-под ига более с европейским, нежели азиатским характером», подчеркивает Н. М. Карамзин.

А. С. Пушкин также писал о тяжелом, медленном становлении российского государства: «Внутренняя жизнь поработенного народа не развивалась. Татары не походили на мавров. Они, завоевав Россию, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля. Свержение ига, споры великокняжества с уделами, единовластия с вольностями городов, самодержавия с боярством и завоевания с народной самобытностью не благоприятствовали свободному развитию просвещения» (*Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., Л. 1951. С. 307*).

Вместе с тем, отмечал поэт, Россия своей страшной жертвой спасла Европу. Ее необозримые равнины поглотили монголов и остановили их нашествие на самом краю Европы; варвары не осмелились оставить у себя в тылу поработенную Русь и возвратились в свои степи. Образующееся просвещение было спасено растерзанной и издыхающей Россией (Там же. С. 306). Уже в этом, подчеркивал А. С. Пушкин,

определено было высокое предназначение России. Историк Н. А. Полевой, также подчеркивая особую роль Руси в спасении народов Европы от страшного монголо-татарского завоевания, выдвинул вместе с тем идею о том, что всемирная история есть история борьбы Европы, олицетворяющей «Человека», с Азией, олицетворяющей «Природу». Теперь, после разгрома монголо-татарского нашествия, по его мнению, наступило время русского народа, великого народа, соединившего в себе Восток и Запад, Азию и Европу, народа с верою, не искаженной мудрованием. Десять веков готовилось Провидением сие начало новой жизни (*Полевой Н. А. Обзор истории русской истории до единодержавия Петра Великого. СПб., 1846*). Очевидно, эта мессианская идея Н. А. Полевого предвосхищает идеи «евразийцев» XX в.

Ряд исследователей: в 20-е гг. XX в. «евразийцы», в наше время Л. Н. Гумилев и другие, доказывают, что в сущности никакого монголо-татарского ига вовсе не было. Во-первых, потому что монголо-татарские военные формирования, эпизоди-

298 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

чески появлявшиеся на Руси, были слишком малочисленны, чтобы держать в покорности русских. Во-вторых, главное для тех и других, для русских и татар, было утверждение союза, нужного обоим народам. Во всяком случае, считает Л. Н. Гумилев, татары помогли Александру Невскому остановить продвижение немецких рыцарей на восток. Если бы этого не случилось/сегодня России как таковой не существовало бы; была бы она немецкой провинцией. В точном смысле слова, подчеркивает Л. Н. Гумилев, Московская Русь была наследницей не Киевской Руси, а Золотой Орды.

Вместе с тем в 30-е гг. XIX в. в качестве реакции против слепого подражания Западу, характерного для довольно широких кругов русского дворянства, стали закладываться первые основы критики Запада русскими мыслителями. Впервые систематическую критику Запада, западной культуры дал князь В. Ф. Одоевский, стоявший во главе так называемого общества Любомудров.

В. Ф. Одоевский осудил Запад за царящие там «нравственную бухгалтерию», меркантильные заботы, вытесняющие искусство, убивающие поэзию жизни. Он критикует теорию Т. Мальтуса как по чувству гуманности, так и по убеждению, что люди сумеют найти новые источники для поддержания своей жизни, не прибегая к жестоким мерам самоистребления. Он не принимает также и воззрения И. Бентама, его проповедь эгоизма и утилитаризма; И. Бентам «все рассчитал», но забыл главную мысль: счастье всех и каждого. Он отверг и принцип А. Смита: *laissez faire, laissez passer*, выражающийся в том, что никто не должен вмешиваться в естественный ход событий и мешать «благородному соревнованию» людей. В. Ф. Одоевский подверг критике энциклопедистов XVIII в. и их последователей в XIX в., которые «вздумали» законы природы перенести в область человеческих взаимоотношений. Ни социальная жизнь Запада, основанная на меркантилизме и экономическом рабстве, ни его политический строй с господством охлократии, ни его культура не могут возбуждать нашей зависти, пишет В. Ф. Одоевский. Россия при всех своих недостатках выше Запада; ей присущи «чувство общественного единения», «чистота» религиозных верований, она уже имеет свою богатую литературу.

В то же время В. Ф. Одоевский подчеркивал: не надо самообольщаться. Он безусловно отделял себя от людей, «ударив-

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 299

шихся в ультра-славянизм». Его вывод: Россия должна взаимодействовать с Европой, ее стихии должны соединиться с культурным европеизмом. Слияние русской народности с общей образованностью Запада — вот смысл современной эпохи.

Другой выдающийся русский мыслитель П. Я. Чаадаев, напротив, подверг Россию своего времени самой жестокой критике. «Мир испокон делился на две части — Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей... это два принципа... две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода. Сосредоточиваясь, углубляясь, замыкаясь в себе самом, созидался человеческий ум на

Востоке; раскладываясь вовне, излучаясь во все стороны... развивается он на Западе... Но Россия не Запад и не Восток... У нас нет традиций ни того, ни другого. У нас нет внутреннего единства, естественного развития».

Над Россией господствует не время, а факт географический. Огромное пространство, равнина, неподвижность. «Стоя как бы вне времени, отрезанные от всемирного единства, мы были отлучены от истории, не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода... Мы ничем не содействовали прогрессу человеческого разума; мы лишь заимствуем и подражаем; глядя на нас, можно сказать, что общий закон человечества отменен по отношению к нам. Мы во всяком случае составляем пробел в нравственном миропорядке».

А. С. Пушкин решительно (и справедливо) возразил П. Я. Чаадаеву: Россия, поглотив монгольское нашествие, спасла христианскую цивилизацию. Борьба России с татарским нашествием, движение ее к единству, Петр Великий, который один есть целая всемирная история, Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы, Александр, который привел русских в Париж... Разве не есть что-то значительное в теперешнем положении России, что-то такое, что поразит будущего историка?

В последующих своих работах П. Я. Чаадаев уточнил свою позицию. У России, безусловно, есть шанс. Она способна к великому духовному подъему. Все зависит от нее. «У меня есть глубокое убеждение, что мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую часть идей, возникших в старых обществах, ответить на важнейшие вопросы, которые занимают человечество...» Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами. Оно поставило нас

300 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества, писал П. Я. Чаадаев в «Апологии сумасшедшего». Он страстно призывает: Россия должна уразуметь свое*Призва-ние, она должна взять на себя инициативу проведения всех великодушных идей.

В 40—50-х гг. XIX в. в общественно-духовной жизни России ярко заявило о себе так называемое славянофильство. Первоначально его представители (А. С. Хомяков, К. С. Аксаков, И. В. Киреевский и др.) предпочитали именовать себя «самобытниками», «православно-русским направлением» и т. п. Дело в том, что предметом заботы основателей этого движения была именно Россия, ее настоящее и будущее. Затем в связи с судьбой России они поставили и исторические судьбы славянских народов.

Славянофильство явилось симптомом глубокой озабоченности патриотов России судьбой страны в условиях кризиса крепостнической системы. Ведь речь шла о смене векового уклада жизни. Но что должно прийти на смену? Естественно, возникал вопрос о приемлемости пути Запада. Разумеется, славянофильство явилось также и осмысливанием реформ Петра I, сопровождавшихся крутой, жесткой ломкой традиционного национального строя жизни, насильственным насаждением чужеземных обычаев, языка, засильем иностранцев в государственном аппарате, армии, науке¹.

Последовавшая затем откровенная симпатия Петра III и Павла к пруссачеству, офранцузивание дворянства — все это не могло не вызвать обострения патриотических чувств, потребность в национальном самоуважении и достоинстве. Решающее значение в этом смысле имела война 1812 г., которая

¹ Правда, отнюдь не все славянофилы безоговорочно отрицательно относились к Петру I и его реформам. Так, А. С. Хомяков явно был на стороне Петра: «Явился Петр и по какому-то странному инстинкту души высокой, обняв одним взглядом все болезни отечества, постигнув все прекрасное и святое значение слова государство, он ударил по России, как страшная, но благодетельная гроза. Удар по сословию судей-воров; удар по боярам, думающим о родах своих и забывающих родину; удар по монахам, ищущим душеспасения в кельях и поборов по городам, а забывающим церковь и человечество, и братство христианское. За кого из них заступится история?» {Хомяков А. С. О старом и

новом. Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 468, 469).

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 301

всколыхнула народ, заставила передовых людей того времени по-новому взглянуть на историческую роль России. И, безусловно, непосредственное и наибольшее влияние на оформление славянофильской (а также и западнической) идеологии оказал П. Я. Чаадаев с его жесточайшей критикой России. Славянофилы страстно защищали идеи великой исторической миссии русского народа. Они, конечно же, слишком идеализировали все русское. Если на Западе государство возникало на базе насилия, то в России оно возникло в результате «естественного» развития национальной жизни; если на Западе разделение на враждебные классы, то в России царит их единокровие; если на Западе частная собственность — основа гражданских отношений, то в России она «случайное» выражение личных отношений; если западный человек — рационалист, который отказался от поисков вечного, бесконечного, всегда довольный собой, его совесть спокойна, то русский всегда недоволен собой, всегда ищет бесконечное.

Славянофилы верили в сельскую общину, которая сочетала личную свободу со свободным подчинением отдельных личностей абсолютным ценностям, основанным на любви к своему народу, церкви, государству и т. п., обеспечивала «соборность», «органическую цельность» общества.

Вместе с тем, ставя своей задачей пробудить национальное самосознание русских, славянофилы отнюдь не были безоговорочно «ненавистниками», противниками Запада. Они доказывали, что Россия должна идти своим, самобытным путем, однако полагали, что Россия только тогда выполнит свою задачу, когда не будет отграничивать себя от других наций, а сознательно отдаст себя служению всему миру.

Славянофилам противостояли западники (А. И. Герцен, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, Т. Н. Грановский, П. В. Анненков, К. Д. Кавелин и др.). Западники считали, что продвижение России вперед невозможно, если она предварительно не усвоит результаты европейского образования и европейские формы жизни. В признании личности заключен один из великих принципов европейской жизни, подчеркивал, например, А. И. Герцен. В России нет ничего подобного, лицо всегда подавлено, поглощено государством; человек пропадает в государстве. Свобода лица — величайшее дело, только на ней и может вырасти действительная воля народа. В этой связи

302 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

А. И. Герцен критиковал сельскую общину: в ней слишком мало движения, нет конкуренции, внутренней борьбы, создающей разнообразие и движение. И все же, отмечая недостатки* общины, он вместе с тем видел в ней возможность гармоничного сочетания принципа личности и принципа общественности.

Резко критикуя крепостнический строй в России, ценя политические свободы в Европе, А. И. Герцен в то же время клеймил нарастающий эгоизм, мещанство Запада.

Предостерегая от телеологического, мессианского взгляда на историю России, от того, чтобы «не впасть в грех» и не считать русских народом Божиим, А. И. Герцен тем не менее верил, что этот «немой, который в сто лет не вымолвил ни слова и теперь молчит», скажет свое слово.

Западник В. Г. Белинский также был убежден, что «нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении... В нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль...» У нас есть недостатки, признает он. «Но они вышли из неблагоприятного исторического развития нашей народности. Варвары имели счастье столкнуться с Римом... он передал им свое гражданское право, познакомил с Вергилием, Горацием и Тацитом, Гомером, Плутархом, Аристотелем. Сталкиваясь на тесном пространстве, ударяясь друг с другом, народы, наследующие варварам, извлекли из себя искры высшей жизни, вырастили широколиственное, величественное древо европеизма».

России же к цивилизации пришлось идти несравненно более трудным путем: через

монголо-татарское иго, через бессмысленную вражду князей.

Горячий патриот В. Г. Белинский страстно выступал против космополитизма, против утраты чувства родины, чувства национальной принадлежности. «Без национальности человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без значения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманистических космополитов, потому что, если первые и ошибаются, то как люди, как живые существа, а вторые и истину-то говорят, как такое-то издание такой-то логики», — писал В. Г. Белинский (*Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 1-13. М., 1953-1959. Т. 10. С. 30*).

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 303

Вместе с тем мыслитель рассматривал русский народ, любой народ как часть более высокой исторической целостности — человечества. Человечество есть идеальная личность; у него есть свое я, свое сознание, хотя и выговариваемое не одним, а многими лицами, есть свои возрасты, свое развитие, движение вперед. Внутренняя жизнь отдельного человека, народа, нации неполна, если не усвоит, не сделает своим содержание интересов внешнего мира, всего человечества. «Любить свою родину значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих способствовать этому», — подчеркивал В. Г. Белинский (*Белинский В. Г. Избр. статьи. М., 1978. С. 119, 120*).

Ф. М. Достоевский, осмысливая судьбу России, выступил в качестве идеолога почвенничества, представляющего собой своеобразную попытку синтеза взглядов славянофилов и западников. Подобно славянофилам, Ф. М. Достоевский полагал, что у России есть свой особый исторический путь, отличный от западноевропейского, и вместе с тем что у Европы имеется постоянная враждебность к России, даже некоторый суеверный страх перед ней и давнишний приговор ей: русские — не европейцы. В то же время в духе западников он в целом положительно оценивал петровские реформы и прививку западноевропейской культуры на русскую почву. «У нас — русских — две родины: наша Русь и Европа... Нам от Европы никак нельзя отказаться. Европа почти так же всем дорога, как и Россия».

Обосновывая миссию русских, Ф. М. Достоевский утверждал: «Русский народ, как никто иной, несет в себе настоящее социальное слово, в идее нашего народа, в духе его заключается живая потребность воссоединения человечества. Мы впервые объявили миру, что не через подавление личностей иноплемных нам национальностей хотим мы достигнуть собственного преуспевания, а, напротив, видим его лишь в свободнейшем и само-стоятельнейшем развитии всех других наций и в братском единении с ними». Русский народ, глубоко чувствующий неправду самозамыкающегося индивидуализма, живущий по принципу «все виноваты за всех», заключает в себе огромные возможности «высшего развития», он способен жить в духе идеалов «Добра и Красоты», подчеркивал Ф. М. Достоевский.

Крымская война 1853—1856 гг., поражение в ней России потрясли русских. Они оценили эту войну как результат вражды Европы к русскому народу. Замечательный русский поэт, пуб-

304 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

дицист, мыслитель Ф. И. Тютчев резко осудил политику западных стран, которые ради достижения своих целей не стесняются никаких преград, ничего не щадят и не пренебрегают никакими средствами. Если и дальше будет проводиться подобная политика, она в будущем приведет Европу в состояние варварства, «не имеющего ничего себе подобного в истории мира и в котором найдут себе оправдание всяческие иные угнетения». Войны XX в., в которые вверг мир Запад, подтверждают это.

Ф. И. Тютчев призвал Россию, русский народ выполнить свое великое предназначение: объединить славян. Россия должна стать центром нравственного и идейного сплочения славян. Основой объединения является общая культура, язык,

православие, противостояние чужеземным завоевателям, а также и католицизму. Ф. И. Тютчев страстно призывает славян объединяться. Объединиться вопреки сопротивлению Запада.

Смущает их, и до испугу, Что вся славянская семья В лицо и недругу и другу Впервые скажет: Это я! Опально-мировое племя? Когда же будешь ты народ? Когда же упразднится время Твоей и розни и невзгод, И грянет клич к объединению, И рухнет то, что делит нас?

В то же время Ф. И. Тютчев решительно настаивал: Россия принадлежит к Европе, Россия — это Европа, Европа Восточная.

Напротив, Н. Я. Данилевский отрицательно отвечал на вопрос: Европа ли Россия? Всеславянский союз — единственная твердая почва, на которой может взрасти и сохраниться самобытная славянская культура. основополагающая идея Н. Я. Данилевского: каждый народ принадлежит к определенному культурно-историческому типу, живущему, обязанному жить своей идеей. Так, пишет Н. Я. Данилевский, для «всякого славянина: русского, чеха, серба, хорвата, словака, болгар (желал бы прибавить и поляка) идея славянства должна быть высшею идеею, выше науки, выше свободы, выше просвещения, выше всякого земного блага, ибо ни одно из них для него недостижимо без ее осуществления — без духовно, народно и политически само-

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 305

бытного, независимого славянства, а, напротив того, все эти блага будут необходимыми последствиями этой независимости и самобытности».

В сущности все русские мыслители так или иначе, в той или иной степени обращались к проблеме: Россия—Запад, Запад—Восток. И консерваторы, и либералы, и революционеры. Естественно, по-разному они разрешали эту проблему. Одни призывают к примирению с Западом (Вл. С. Соловьев), другие критикуют Запад; некоторые из них в своей критике Запада даже не знают меры, доходят до последней черты, до края. Так, К. Н. Леонтьев, выдающийся мыслитель, философ, писатель, восставая против «западного прогресса», призывает «подморозить» Россию, требует сохранить и укрепить российское жестко сословное государство, монархическое правление и православие.

Особенно много русские мыслители, философы, ученые, писатели, поэты писали о судьбе России, русской идее, осмысливая революционные события в России в 1905 и 1917 гг. Так, Н. А. Бердяев утверждал, что специфическая роль России в мировой истории носит духовный характер и отнюдь не ориентирована на внешнее государственное могущество. Мистическое призвание России, подчеркивал он, состоит не в осуществлении великой империи, а в религиозном путеводительстве.

В то же время Г. Г. Шпет говорил о России очень резко, очень критично. Он заявляет, что все разговоры о «молодости» России надоели. Россия физически давно созрела, она отстала умственно. При этом она всегда впадает в утопизм, она не просто в будущем, но в будущем вселенском. Все это оттого, что мы школы не проходили, а мы только плохо учились у Запада. Мы все время подражали. Значительный резонанс в 20-е гг. XX в. вызвало так называемое движение евразийства (Г. В. Флоровский, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Г. В. Вернадский и др.). Все труды евразийцев отчетливо пронизывало антизападничество, протест против «вековой европеизации России. Западу (да и Востоку) евразийцы противопоставляли Россию как особый географический, исторический и культурный мир. Этот мир образует особый субконтинент—Евразию, состоящий из отсеченной от Европы европейской России и исключенной из Азии России азиатской. Странники евразийства особое внимание уделяли российскому ландшафту. В отличие от Европы,

20-6325

/

306 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий сформировавшейся на мозаичном и дробном ландшафте, Евразии соответствует

особый, «волновой», подобный «пульсирующему сердцу» ритм исторического развития. По мнению евразийцев, России—Евразии присуще целостное надындивидуальное, соборное мировоззрение, органично объединяющее нации и народы, входящие в ее состав. Поэт М. А. Волошин также отвергает Запад, западные образцы. Каждое государство вырабатывает себе форму правления согласно чертам своего национального характера и обстоятельствам своей истории. У России свой государственный путь.

В этой связи он утверждает: большевики — национальное русское явление. Свергнув самодержавие, принявшись за созидательную работу, они возводят стены, совпадающие с только что разрушенными стенами низвергнутой империи. В конечном счете, подчеркивает М. А. Волошин, лишь на государственных путях сумеем мы преобразить земное царство в взы-скуемый Град Божий.

Многие суждения, сомнения и предостережения русских мыслителей относительно нашей истории, нашей революции, наших отношений с западными странами оказались обоснованными.

В нашей истории, в нашей революции было много насилия, жестокости, крови. Почему? Революция произошла в отсталой стране; капитализм был не развит, отягощен пережитками феодальных отношений; гражданское общество, правовое государство в сущности не существовали, самодержавие, власть «не блюли» право, политическая культура населения была на чрезвычайно низком уровне. Важные последствия имел тот факт, что революция фактически родилась из империалистической войны, которая «стерла» ценность человеческой жизни, притупила нервы, разучила ужасаться количеству жертв.

Большевики, победив в Гражданской войне, оказались в труднейшем положении. Как строить в отсталой разрушенной стране да еще и в изоляции новое общество? Где взять средства? Как мобилизовать людей? Как действовать?

Объективные условия, как очевидно, создавали предпосылки для жесткой централизации власти, мобилизационных способов решения хозяйственных проблем, суровых административных мер контроля. Этому способствовали привычка россиян жить под «железной рукой», а также огромный энтузиазм наро-

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 307

да, готового идти на жертвы во имя нового, справедливого общества. И если В. И. Ленин понимал, что чрезвычайные меры — это чрезвычайные меры, и постоянно искал путь и средства для достижения «нормальной» общественной жизни, то И. В. Сталин и его сторонники чрезвычайные меры сделали, по сути, нормой жизни общества. Постепенно они создали огромную командно-административную систему.

В конечном счете многое из того, что было в нашей стране до и при советской власти, с культурно-цивилизационной точки зрения можно оценить как авторитарную попытку модернизации России, ликвидации ее отсталости от Запада.

Иными словами, в истории России все или почти все попытки модернизации были «догоняющими» и авторитарными; как правило, осуществлялись сверху (Иван Грозный, Петр I, Александр II, И. В. Сталин и т. д.). Их главная цель всегда заключалась в том, чтобы обеспечить России статус великой державы, решить военно-политические задачи (оборона и собственная имперская экспансия).

И поскольку для любой модернизации, и особенно догоняющей, нужны средства, то все это вело к укреплению централизма, концентрации власти в руках правящей элиты и, естественно, эксплуатации народа.

В результате уровень жизни народа не рос или улучшался весьма незначительно, становление гражданского общества, укрепление прав и свобод, воспитание и самовоспитание граждан также затормаживались. В конечном счете общество лишалось импульсов и стимулов к саморазвитию. Так было до советской власти, так было в известной степени и при советской власти. Ибо, на мой взгляд, в целом советский период, несмотря на тяжелейшие объективные условия и обусловленные во многом этим

тяжелейшие ошибки, был периодом созидания новой цивилизации, в основе которой коренились принципы социального равенства, справедливости и солидарности людей.

Но, бесспорно, были и уравнительность, иждивенчество, нарушение законности и даже преступление власти.

Н. С. Хрущев начал было демонтаж административно-командной системы. Но поскольку не сделал ставку на реальное освобождение человека, связанное с утверждением хозяйственной самостоятельности, соревнованием различных форм собственности, внедрением рыночных отношений, с реорганизацией

20'

308 Социальные и духовные ценности на рубеже II и I^{тысячелетий}

политической системы, направленной на подлинное утверждение политических прав и свобод, постольку подлинного обновления общества не получилось. Не внедрялись экономические стимулы, поэтому производительность труда по-прежнему не росла или росла медленно, уровень жизни *народа* не повышался, народные массы становились все более равнодушными к провозглашаемым социалистическим ценностям; к тому же бюрократия, при И. В. Сталине движимая страхом, но умная, теперь превратилась в номенклатуру, большей частью неумную, ленивую и коррумпированную. Эта номенклатура затем и свергла самого Н. С. Хрущева. Система изживала себя; блокировав раскрепощение субъективного фактора, в конечном счете перечеркнула возможность саморегулирования советского общества. В 1970-е гг., когда западные страны успешно модернизировались и тем самым обеспечили высокую экономическую эффективность и рост, СССР оказался неспособным развить механизмы эффективного регулирования.

Это и явилось важной объективной предпосылкой краха СССР, его общественно-политической системы.

В решающей же степени разрушение Советского Союза связано с интеллектуальной и идеологической несостоятельностью правящей элиты в КПСС и, разумеется, ее постсоветских преемников.

Новая власть в России, отбросив социалистические принципы, сделала ставку на дикий рынок, на экономическую либерализацию. Но как они это сделали? Выбрали самый нецивилизованный, варварский путь к рынку — путь обнищания народа, безработицы, международного попрошайничества.

Рынку, конечно, надо сказать «да». Но тезис, будто рыночная конкуренция только благо, что она, отсекая все нежизнеспособное и недееспособное, помогает укрепиться здоровому, принять нельзя. Сегодня только то правительство России имеет исторический шанс вернуть доверие народа, которое откажется от ставки на монетаризм и другие исключительно экономиче-ско-финансовые доминанты. Посредством усиления государственного регулирования оно должно придать экономике четкую социальную направленность; преодолеть правовой и моральный беспредел, покончить с коррупцией, с организованной преступностью; способствовать подъему, развитию национальной экономики, поддерживать отечественных производителей.

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 309

Оно обязано вернуть людям чувство уверенности в их сегодняшнем и завтрашнем дне. Без этого у него нет будущего, без этого оно не сможет использовать данный ему исторический шанс.

А с точки зрения социально-экономической и политической, у чисто рыночного капитализма, отвергающего регулируемую роль государства, игнорирующего социокультурные доминанты, исторические традиции, особенности страны, в России нет перспективы. Он вновь себя и экономически, и морально дискредитировал.

Россия принадлежит к другой цивилизации, она не нуждается в американских и европейских моделях. Реальностью и идеалом ее народа всегда были коллективистские ценности: социальная справедливость, социальное равенство, независимость, свобода, объединенный труд, единение и в бедах, и в победах. Культ конкуренции порождает

«войну всех против всех».

Бесспорно, история доказала, что не может быть свободы для человека там, где нет многообразия источников жизнеобеспечения, нет свободы экономического выбора. Поэтому рынок, частная собственность, конкуренция должны быть, должны противостоять политике тотального огосударствления. Г. Гегель был прав, выступая против насильственного навязывания государством «братского союза» людей с общностью имущества, с изгнанием частной собственности. Он полагал, что те, кто стремятся к этому, не понимают природы свободы духа и права, не понимают, что собственность есть первое наличное бытие свободы.

И все же дифференциация, плюрализация, конкуренция должны иметь пределы. Иначе рано или поздно произойдет разрушение политического сообщества. Количество перейдет в качество: плюрализм обернется нигилизмом. Чтобы избежать этого, не допустить в обществе уродливых социальных деформаций, государство должно устанавливать таможенную монополию, монополию на выпуск монет и банкнот, на производство оружия и, пожалуй, алкогольных напитков. Государству необходимо контролировать также ряд других сфер хозяйственной деятельности, имеющих общенародное значение (например, транспорт, водо- и топливоснабжение, добыча полезных ископаемых и др.). Оно обязано также контролировать

310 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий
профессиональную пригодность к работе, в частности, учителей, врачей, адвокатов и т. п.

Другая ключевая задача России, российского государства — национальная. Россия развивалась как полиэтническая общность и тем отторгала модель национального государства. И сегодня она не национальное, а государственное образование. Россия — не нация, а объединение многих наций и народов в едином государстве.

Ее самый большой враг сегодня — национализм. Он всячески мешает утверждению внутреннего мира и свободы. Именно он препятствует тому, чтобы сообщество людей основывалось на политической идее свободного, справедливого, демократического государства, которое объединяет людей как таковых и которое может принять к себе как граждан представителей многих наций, языков и религий.

Чтобы противостоять национализму, преодолеть его, государство должно проводить политику консолидации россиян как граждан единого государства. Оно должно содействовать этнокультурному развитию каждой нации, каждого народа, входящего в Российскую Федерацию, и одновременно социально-экономической интеграции всех российских народов на общегражданской основе.

Разумеется, это требует прежде всего установления равноправных отношений между нациями. Но этого можно достичь, если субъектом национальной политики будут не только так называемые коренные нации, но и представители всех национальностей. Очевидно, оптимальной для России является федеративная форма государственного устройства с территориальной и национально-культурной автономией.

Бесспорно, централизованное государство в некотором отношении работает более эффективно, нежели федеративное. Однако его связи с гражданами, особенно в обществе, где существует гетерогенная структура населения, несомненно, более слабые. В государстве, организованном на принципе федерализма, индивид скорее ощущает себя членом сообщества, поскольку он может активно участвовать в политической и культурной жизни своей общины.

Федерализм предполагает разделение государственных задач между политическими субъектами на основе следующего основополагающего принципа: все, что касается всей России, явля-

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 311

ется компетенцией федерации; это прежде всего внешняя политика и внешнеэкономическая деятельность, образование, оборона страны; вопросы денежного

обращения; транспорт, топливо, охрана окружающей среды, подоходный налог, социальное страхование, правовое регулирование и т. п. При этом утверждение, что федерализм базируется преимущественно на национально-территориальном принципе, не обосновано, ибо затрагивает, точнее, нарушает интересы так называемого некоренного населения, преобладающего во многих республиках, а также народов, не имевших и до сих пор не имеющих государственных образований. Именно поэтому равноправными субъектами Российской Федерации могут и должны быть также определенные укрупненные территориальные образования.

В конечном счете самоопределение, равноправие, взаимоуважение и сотрудничество — вот принципы, руководствуясь которыми следует решать межнациональные и межрегиональные проблемы.

Сегодня перед Россией, перед нашим государством остро стоит вопрос об общенациональной идее новой России. Действительно, без общей идеи, общего идеала невозможно идти вперед. Разрыв с прошлым, утрата исторического сознания привели к утрате идей, духа, к обесцениванию ценностей. Но мы опять впадаем в иллюзии.

Во-первых, идея народа, нации, государства не создается по призыву, по приказу. Она — результат истории, культуры.

Во-вторых, призыв создать идею новой России, т. е. идею государственную, противоречит Конституции РФ, запрещающей всякую государственную идеологию.

В-третьих, обосновывая национальную, государственную идею, бессмысленно апеллировать к старому, в частности к самодержавию и православию. Апеллировать к этим ценностям в государственном масштабе — это реакция. Глупо даже опровергать самодержавие, если мы хотим быть свободными гражданами, а не подданными самодержца. Православие? Ради Бога, но это проблема личного отношения человека к Богу, но не государственная идея, тем более в нашем многоконфессиональном государстве.

Демократическое государство должно быть светским. Не должно быть никакого христианского или мусульманского государства. Могут быть только христианская или мусульманская

312 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III ТБГсячелетий
религия и церковь. Государство вообще не может претендовать на мировоззренческую истину. Убеждение — личное дело гражданина.

- *

В-четвертых, у России, у нашего народа идея есть, она выстрадана россиянами. Это — идея России-заступницы, России-освободительницы; России-объединителя и примирителя народов (Вл. С. Соловьев).

Идея России связана с пониманием того, что наша Родина «есть не случайное нагромождение территорий и племен, но живой исторически выросший и культурно оправдавшийся организм, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально младшими братьями — духовным взаимопитанием; оно есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и способность к самообороне; оно есть сущий оплот европейско-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия» (И. А. Ильин).

Разумеется, не надо преувеличений; не надо идеи государства, страны, народа, нации трактовать в духе мессианского принципа: «Два Рима пали, третий стоит и стоять будет» или, что еще хуже, в духе принципа: «Права или неправы — это моя родина». Это не для демократически мыслящих людей. Подлинная идея нации, ее подлинный интерес — это ее дух, история, культура, нравственность. Никто не скажет о Германии, что она была великой в годы фашизма, когда она сокрушала армии и страны, неся народам порабощение, боль, страдания. Вряд ли многие будут говорить о величии США, хотя

сейчас эта страна самая сильная и самая богатая.

Величие нации даже не зависит от ее политической судьбы в той или иной момент. Россия сейчас в хозяйственном и политическом упадке. На сцену политической жизни вышло много наглых, бессовестных и бездарных людей. В том числе и на уровне правительства. Угроза нависла над культурой и общественной моралью. Однако дело не только и не столько в правительстве и в политиках. Простая критика и брань по адресу правительства бесполезны, более того, они даже зло, поскольку порождают массовую безответственность. Все россияне несут ответственность за своих политиков и правительство. Этого

Глава 12. Россия в XXI веке: социальные и духовные ориентиры 313

правительства не было бы, если бы весь народ категорически не хотел его. В сентенции каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает, момент истины, бесспорно, есть.

Путь к изменению политического курса коренится в изменении политического мышления и поведения граждан. На этой основе легальными и законными средствами, без насилия и крови, путем массовых акций протеста, политических забастовок, других непосредственных акций народа можно добиться осуществления важных преобразований в государстве.

Большое зло в России — психология верноподданничества. Верноподданные любят власть, обожествляют ее, убеждены, что в стране нет традиций, нет условий для демократии; они мирятся с произволом властей, пока это их не касается или не касается слишком сильно; в конце концов и они сами и весь народ оказываются в оковах авторитаризма и тоталитаризма. Поэтому в России главная задача — политическое образование и воспитание народа. Народ обязан знать, что такое демократия, должен желать и уметь выносить суждения по ключевым вопросам общественной и государственной жизни, он должен более сознательно, более активно, более мужественно участвовать в определении судьбы государства, общества, т. е. своей судьбы. В этом заключена надежда, перспектива России.

Россия была и будет великой. Ее величие — в традициях, нравах, идеях, языке, идеалах российского народа. Ее культура, ее дух смоят все наносное, она восстанет, вновь возродится. Осуществит свою идею.

России, русской культуре всегда была присуща всемирная отзывчивость. Именно во всемирной отзывчивости видели суть русской истории и культуры и А. С. Пушкин, и Ф. М. Достоевский, и Вл. С. Соловьев.

В частности, Вл. С. Соловьев утверждает: историческое призвание России обуславливает ее цельная, синтетическая жизнь, свободная от всякой исключительности, всякой национальной односторонности. Только такие жизнь, характер, культура, которые ничего не исключают, но в своей всецельности совмещают высокую степень единства с полным развитием свободной множественности, только они могут дать настоящее, прочное удовлетворение всем потребностям человеческого чувства, мышления и воли и быть, таким образом, действительно общечеловеческой, или вселенской, культурой. В конечном счете ве-

314 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий

дикое историческое призвание России есть призвание религиозное в высшем смысле этого слова. На нее возложена задача нравственно послужить и Востоку, и Западу.

- *

Вл. С. Соловьев отмечает, соглашаясь при этом с Ф. М. Достоевским, что ему особенно дороги в русском народе такие его две черты: «во-первых, необыкновенная способность усваивать дух и идеи других народов, перевоплощаться в духовную суть всех наций... Вторая, еще более важная черта — это сознание своей греховности, неспособность возводить свое несовершенство в закон и право и успокаиваться на нем, отсюда требование лучшей жизни, жажда очищения и подвижничества».

Если народ не мирится со своей дурной действительностью и осуждает ее как грех, значит, подчеркивает Вл. С. Соловьев, придет время и русский народ вместе с другими народами исполнит всечеловеческую задачу.

Русский народ спасет себя. Спасая себя, поможет спастись и другим народам.

Мы, русские, убеждены: без сотрудничества и солидарности никогда не будет мира, никогда не будет движения вперед ни в собственной стране, ни в сообществе государств в целом. Сотрудничество и солидарность; конечно, и соревнование; даже соперничество, но в условиях свободы и на основе справедливости, взаимного уважения людей, народов, государств — вот наш идеал. Жестокую конкуренцию, эксплуатацию, подавление и насилие мы отвергаем.

В 1856 г. после тяжелого, позорного поражения России в Крымской войне выдающийся российский дипломат, канцлер князь А. М. Горчаков произнес полную глубокого смысла фразу: Россия сосредотачивается...

Да, и сегодня Россия сосредотачивается, сосредотачивается на выполнении стоящих перед ней задач; задач, решение которых обеспечит ей в XXI в. достойное место в сообществе народов.

Заключение

Мы — оптимисты. Конечно, мы против тезиса, будто «все к лучшему в этом лучшем из миров». Мы — реалистически мыслящие оптимисты. Ведь если в прошлом, совсем недалеком прошлом, война была по сути нормой жизни человечества, никто не выступал против войны как таковой (а многие видные философы ее восхваляли и оправдывали), то ныне война встречает осуждение самых широких слоев общества.

Когда И. Кант выдвинул идею «вечного мира», он был в сущности одинок; это был глас вопиющего в пустыне. Теперь об этом говорят почти все. Когда Наполеон расстрелял без суда пленных и, более того, развязал агрессивную европейскую войну, никому в голову не пришло после его поражения потребовать суда над ним. После Второй мировой войны был создан Международный военный трибунал, который осудил фашистских военных преступников.

И еще один убеждающий пример: растущая созидательная активность женщин. Я уверен: выдвижение женщин на арену социально-политической жизни, их приход во власть принесет меньше рискованных решений, больше объединения, меньше агрессии, больше сочувствия, деликатности и терпения. Для мира, который с большой скоростью устремляется в будущее, это очень важно — в результате он несомненно станет более безопасным, а значит, и более гуманным.

Все это внушает надежду.

Примечательно и то, что многие ученые по-новому смотрят на свою деятельность, видят цель науки не только в том, чтобы ответить на вопрос «как?», но и размышляют — о ее социальной функции, о том, что несут ее достижения человечеству. Американские биологи Дж. Шапиро, Л. Эрон и Дж. Биквит, которым удалось впервые изолировать единичный ген, понимая, к каким опасным последствиям для воздействия на генетический материал живых организмов может привести это открытие, сразу же обратились с письмом к коллегам, в котором

316 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий
предостерегали о возможности злонамеренного использования их открытия.

В современных условиях создаются объективные ^предпосылки для смены стиля мышления человека, для его ориентации на целое, на перспективу.

Вполне возможно, что методологические принципы синергетики могут послужить ученым (да и всем другим людям) новыми ориентирами в поисках ответа на вопрос, куда «идет история», как прогнозировать пути развития сложных социопри-родных систем, как выходить из сложных катастрофических (бифуркационных) ситуаций. В конце концов, как выжить в современном неустойчивом, нестабильном мире. Академик Н. Н. Моисеев, опираясь на методологические принципы синергетики, проводя определенную параллель

между прошлым, когда неустойчивость Вселенной привела к появлению антропного принципа, и настоящим, высказал предположение: если с увеличением сложности организации вещества растет и ее структурная неустойчивость, то, может быть, должны существовать и некоторые тенденции — особенности мирового синергетического процесса, компенсирующие этот природный феномен? Может быть, в той «синергетической каше», какой представляется мировой процесс самоорганизации, существует некая тенденция формирования своеобразного автопилота, предохраняющего суперсистему и ее фрагменты от спонтанного разрушения?

Продолжая традицию В. И. Вернадского, П. Тейяра де Шардена, Н. Н. Моисеев приходит в сущности к выводу о том, что в результате эволюции возникает некий космический разум, который будет направлять и контролировать процесс дальнейшей эволюции нашего мира.

Но в любом случае человек должен осознать: лишь он сам дает себе шанс. Ф. Ницше полагал, что в человеке есть «некий фундаментальный промах». Это значит, что человек — существо с неопределенными и поэтому неограниченными возможностями. Этим он отличается от животных, каждое из которых не может выйти за пределы установленного для его вида.

Это значит также, что гуманизм не коренится в биологической природе человека. Он не присущ людям от рождения.

Каждому индивидууму приходится заново усваивать истины, которые тысячелетиями добывало общество труднейшими и

Заключение

317

опаснейшими путями, — ведь инстинкт не запрещает человеку, как большинству животных, умерщвлять своих собратьев по *m* роду. Тем более трудно и тяжело «вывести» гуманистические истины из современной ситуации. И все же... Я думаю, я верю, я надеюсь, что человек сможет решить стоящие перед ним задачи.

Но чтобы спастись, чтобы выжить, чтобы завтра прогресс нас не раздавил, мы должны сегодня, повторяю, органически соединить гуманизм, науку и мораль.

Как отмечал с присущей ему страстностью П. Фейерабенд, сегодня не существует «объективных причин для того, чтобы науку и западный рационализм предпочесть другим традициям... Западная цивилизация либо навязывалась силой... либо принималась из-за того, что она производила более лучшее оружие... и ее развитие, хотя и давало что-то полезное, в то же время наносило огромный ущерб... Она не только разрушила духовные ценности, которые дали смысл человеческому существованию, но также преподнесла урок умению человека разумно пользоваться окружающим его материальным миром, не дав взамен сравнимых по эффективности методов...» (*Feyerabend P. Farewell to Reason. N. Y., 1987. P. 297, 298*).

Сегодня нам нужны гуманизм, наука и мораль как единое культурное движение. Лишь в органическом единстве они помогут нам получить ответ на фундаментальные (в кантовском смысле) вопросы нашего бытия: что такое человек? Что он может знать? Что он должен делать? На что он может надеяться?

Гуманизм, наука и мораль должны стать ядром современной философии. Философия обязана указать людям на опасные тенденции современного общественного развития, на глобальные и локальные проблемы, на долгосрочные и краткосрочные задачи, акцентировать внимание людей на приоритете глобальных проблем* раскрыть эфемерность сиюминутного эффекта. Ей следует разрешить противоречие между свободой человека и научно-техническим прогрессом; научить человека управлять этим прогрессом; договориться относительно целей, путей и средств устойчивого развития мира, а также новых форм международного сотрудничества.

Задача философии — помочь людям окончательно отбросить принцип «человек человеку волк» (*homo homini lupus*); ему

318 Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий на смену должно прийти новое понятие «человек человеку друг» (*homo homini amicus*).

Ей следует указать на опасность забвения уникального характера каждой личности, показать вместе с тем, что ее внутренний рост и расцвет достигают апогея в тот момент, когда ее свобода органически сливается с ответственностью.

Философия должна воссоздать в сознании людей твердое ядро моральных ценностей, в основе которых лежит чувство справедливости. К таковым относятся равноправие, равенство шансов, ответственное отношение к свободе, уважение к другим, защита более слабых, солидарность и т. п. Через обретение этих высоких моральных ценностей и возникают такие психологические установки, которые предопределяют конкретные действия людей в духе гуманизма, упрочения их общности, обеспечения мира и развития в планетарном масштабе.

Предпосылкой, условием того, что это может быть достигнуто, является, как выше уже отмечалось, растущее выравнивание в методологических правах различных принципов освоения мира. Взаимозависимость современного мира, различных культур и цивилизаций позволяют людям и требуют от них учитывать научный анализ и интуицию, формальную логику и нелинейное мышление, свободомыслие и религиозность, веру в линейный прогресс и убеждение в колебательном движении истории (волна, спираль, зигзаг и т. п.).

Реализм, т. е. взвешенные оптимизм и пессимизм, — вот что необходимо для взгляда на будущее и для движения человека к этому будущему. И конечно же желание человека изменить мир, его доброта, любовь и ответственность.

Тот, кто возделывает свой сад, как завещал Вольтер. Кто благодарит эту землю за музыку. Тот, кто гладит спящую кошку. Кто искупает или пытается искупить причиненное зло. Кто благодарит эту землю за Стивенсона. Кто предпочтет правоту другого. Вот кто, каждый поодиночке, спасет мир (Х. Борхес «Праведники»).

Литература

Барт Р. Избранные работы. М., 1994.

Бергсон А. Два источника морали и религии. М., 1994.

Бубер М. Два образа веры. М., 1995.

Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века. М., 2004.

Виндельбанд В. Избранное. Дух и материя. М., 1995.

Камю А. Бунтующий человек. М., 1990.

Керни Р. Диалоги о Европе. М., 2002.

Культурология. XX век: Антология. М., 1995.

Кьеркегор С. Наслаждение и долг. Киев, 1994.

*Лоренц К.*оборотная сторона зеркала. М., 1998.

Марсель Г. Трагическая мудрость философии. М., 1995.

Мерло-Понти М. В защиту философии. М., 1996.

Моисеев И. Н. Универсум. Информация. Общество. М., 2001.

Мэй Р. Сила и ненависть: в поисках истоков насилия. М., 2001.

Ницше Ф. Сочинения: В 2 т. М., 1990.

Рассел Б. Человеческое познание. Киев, 1997.

Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995.

Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. М., 2000.

Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1995.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. М., 2003.

Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003.

Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.

Хантингтон Р. Столкновение цивилизаций. М., 2003.

Хейзинга Й. НОМО LUDENS. М., 1992.
Чоран Э. После конца истории. СПб., 2002.
Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.
Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991.

Борис Николаевич Бессонов

Социальные и духовные ценности на рубеже II и III тысячелетий
Учебное пособие

Издательство НОРМА

Лицензия № 03206 от 10 ноября 2000 г.

101990, Москва, Колпачный пер., 9а

Тел./факс (495) 621-62-95. E-mail: norma@norma-verlag.com

Internet: www.norma-verlag.com

Подписано в печать 27.04.06.

Формат 60 x 90/16. Бумага типографская. Гарнитура «Тайме».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,00. Уч.-изд. л. 19,20.

Тираж 2000 экз. Заказ № 6325.

Официальным дистрибьютором Издательства НОРМА
является «Издательский Дом ИНФРА* М»:

127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в

Опт, розница, книга — почтой, доставка:

Телефоны: (495) 363-42-60 (многоканальный);

(495) 363-42-60 доб. 215 (справки о наличии);

(495) 363-42-60 доб. 247 (книга - почтой);

(495) 363-42-60 доб. 251 (заключение договоров);

E-mail: books@infra-m.ru. Internet: www.infra-m.ru

Розничная продажа:

Книжный супермаркет «Библиосфера»

м. «Пролетарская», ул. Марксистская, д. 9

тел.: (495) 670-52-17, 670-52-18, 670-52-19

www.bibliosfera-ddk.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО ордена «Знак Почета»

«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».

214000, г. Смоленск, проспект им. Ю. Гагарина, 2.